

Археологический СБОРНИК

Труды Государственного Исторического музея
Выпуск 111

Археологический СБОРНИК

Памяти Марии Васильевны Фехнер

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
Н.Г. Недошивина

Москва
1999

Печатается по решению
Ученого совета ГИМ

Рецензенты:
доктор исторических наук *А.К.Зайцев*,
кандидат исторических наук *Т.Д.Панова*

**Археологический сборник. Памяти Марии Васильевны
Фехнер.** Труды ГИМ. М., 1999. Вып. 111. 208 с., с ил.

Предлагаемый читателю сборник составлен из работ сотрудников Государственного Исторического музея, а также исследователей, чьи научные интересы отвечают его содержанию. В книгу вошли статьи, посвященные проблемам средневековой археологии и истории, которые являются результатом как обработки музейных коллекций и архивных документов, хранящихся в ГИМ, так и собственных полевых и научных исследований авторов.

Публикуемый новый материал представляет, бесспорно, интерес для работников музеев, историков и археологов, интересующихся ранней историей Древнерусского государства.

Введение

Предлагаемый сборник подготовлен группой исследователей, чьи научные интересы объединяются общей проблематикой, центральное место в которой занимают вопросы этнокультурной истории и ремесла Древней Руси. Он посвящен памяти старейшего сотрудника Отдела археологии ГИМ М.В.Фехнер.

Настоящий сборник — дань глубочайшего уважения и памяти ученому со стороны его последователей, коллег и учеников.

Большая часть авторов сборника — сотрудники ГИМ, и практически все статьи, которые вводят в научный оборот новые материалы, основаны на фондах Отдела археологии, а также музея в целом.

Открывает сборник небольшая статья М.В.Фехнер “Ткани из Гнёздова”. Этот сюжет не был для нее случайным — в последние годы круг интересов М.В.Фехнер был связан с проблемами торговли Древней Руси, источником для решения которых служили шелковые ткани из раскопок древнерусских памятников.

Значительный период полевой и научной деятельности М.В.Фехнер был посвящен вопросам взаимодействия Руси со скандинавским миром. Именно поэтому большой интерес представляют статьи сборника, в которых анализируются вещи скандинавского происхождения (или связанные с ними), встреченные на территории Восточной Европы (статьи Т.А.Пушкиной, Е.Ю.Новиковой, В.Я.Петрухина, В.В.Мурашевой). К ним примыкает и обстоятельная работа И.В.Кураева, рассматривающая этапы в изучении Ярославских могильников, раскопки которых проводила также и М.В.Фехнер.

Значительная часть статей посвящена организации и технологии ювелирного дела Древней Руси (статьи Т.Г.Сарачевой, Н.В.Ениосовой и Р.А.Митояна, Н.В.Ениосовой и В.С.Нефедова).

Отдельная группа работ публикует материалы, связанные с древнерусскими городами и поселениями (статьи Н.И.Асташовой, Н.В.Сапожникова, С.В.Шполянского, М.И.Гоняного, Н.А.Кирьяновой).

Поистине титаническую работу проделал В.С.Нефедов, восстановив комплексы из раскопок В.И.Сизова и М.Ф.Кусцинского в Смоленской губернии, сопоставив различные письменные источники (в частности, хранящиеся в научно-ведомственном архиве ГИМ) с коллекциями, находящимися в Отделе археологии.

Блок статей сборника, посвященных русскому средневековью, как бы предваряет теоретическая статья В.Л.Егорова, поставившая актуальные для Древней Руси вопросы сложения полиэтнического государства.

И, наконец, ряд авторов публикует категории или отдельные предметы материальной культуры русского средневековья (И.А.Сумина, А.Е.Леонтьев, Н.Г.Недошивина) или сопредельных территорий (Г.Ф.Полякова, Н.В.Тухтина).

ПАМЯТИ М.В. ФЕХНЕР (1909–1996 гг.)

Мария Васильевна Фехнер

Мария Васильевна Фехнер — старейший сотрудник Государственного Исторического музея, с которым она была связана всю свою жизнь, проработав в нем более 50 лет.

Мария Васильевна родилась 25 июня 1909 г. В 1928 г., после школы она поступила на музейно-краеведческое отделение исторического факультета I МГУ, которое и окончила в 1931 г. Уже со следующего года М.В. Фехнер была зачислена в массовый отдел Исторического музея, в котором работала экскурсоводом до 1939 г. С 1940 г. она научный сотрудник, а с 1952 г. — заведующая одного из археологических отделов (так называемого III отдела).

М.В. Фехнер была подлинно музейным работником. Под ее руководством разрабатывались тематико-экспозиционные планы и обновлялись экспозиции VIII–XIII залов, создавались многочисленные выставки. В соавторстве с другими сотрудниками музея она участвовала в написании путеводителей по ГИМу.

За время работы в музее М.В. Фехнер провела огромное количество экскурсий, занятий со специалистами разных профилей, прочитала много лекций. Особенно сложной была эта работа в годы Великой Отечественной войны, когда М. В. Фехнер, оставшаяся в холодной и голодной Москве, читала для воинов Красной Армии лекции о героическом прошлом Руси.

В отделе всегда были посетители — студенты, аспиранты, музейные работники из разных городов и стран, журналисты, которым она постоянно оказывала помощь в их работе.

Свою кандидатскую диссертацию на тему “Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в.” М.В. Фехнер написала и защитила под руководством М.Н. Тихомирова. Работа была опубликована отдельной книгой в 1952 г. Однако затем исследовательница отошла от этой тематики, и основным направлением ее интересов стало изучение славянских памятников эпохи раннего средневековья, связей Руси со скандинавским миром, а также экономические отношения древнерусского государства со странами Востока и средиземноморья. В общей сложности по этим проблемам ею было опубликовано более 100 статей.

Немало сил затратила Мария Васильевна Фехнер на подготовку и проведение экспедиций, целью которых было изучение древнерусской деревни, а вслед за тем — могильников эпохи образования древнерусского государства: Тимеревского и Петровского, что позволило ей по-новому осмыслить общие для Руси и Скандинавии этнокультурные процессы.

М.В. Фехнер оставила о себе светлые воспоминания у тех, кто работал рядом с ней в стенах так любимого ею Исторического музея.

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ М.В. ФЕХНЕР

1. Путеводитель по залам ГИМ (в соавторстве с Б.А. Рыбаковым, Л.А. Голубевой, В.А. Мальм). М., 1947.
2. Глиняные игрушки московских гончаров (по материалам раскопок ГИМ 1948 г.) // МИА. 1949. 12.
3. Москва и ее ближайшие окрестности в XV и начале XVI в. // МИА. 1949. 12.
4. Исторический музей. Путеводитель по залу "Образование Русского государства в XIV—первой половине XVI в." М., 1951.
5. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1952.
6. Раскопки в Костроме (К вопросу о времени возникновения Костромы и ее первоначальном местоположении) // КСИИМК. 1952. 47.
7. Материалы к археологической карте Белозерского и Кирилловского районов Вологодской обл. Труды ГИМ. 1953. М., Вып. 22.
8. Химическое исследование русских стекол XI—XIII вв. (в соавторстве с М.А. Безбородовым) // ДАН СССР. 1954. Т. 95, № 5.
9. Исторический музей: Путеводитель (в соавторстве с Н.М. Узуновой). М., 1954.
10. Государственный Исторический музей. Русь IX—начала XVI в.: Путеводитель по залам VIII—XII. М., 1955.
11. Торговля Русского государства со странами Востока. 2-е изд., испр. и доп. Труды ГИМ. М., 1956. Вып. 31.
12. Поселения Древней Руси (в соавторстве с А.В. Успенской) // Очерки по истории русской деревни. Труды ГИМ. М., 1956. Вып. 32.
13. Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X—XIII вв. // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. М., 1956. Вып. 32. (карта и указатель к карте).
14. Раскопки стеклозавода близ деревни Большое Буньково (в соавторстве с В.А. Мальм) // КСИИМК. 1957. 68.
15. Селища Ярославского Поволжья XI—XIII вв.: Краеведческие записки (Ярославский областной краеведческий музей). Ярославль, 1957. Вып. 2.
16. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. М., 1956. Вып. 32.
17. Шихинская курганный группа // СА. 1959. 4.
18. Раскопки селища близ Грехова ручья // Археологический сборник. Труды ГИМ. М., 1960. Вып. 37.
19. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII в. // Международные связи России до XV в. М., 1961.
20. Глиняные лапы из Тимеревского могильника // СА. 1962. 3.
21. Образование русского централизованного государства (реэкспозиция зала) // Ежегодник ГИМ. 1961 г. М., 1962.
22. Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963; Петровский могильник // Там же; Изделия костерезного производства // Там же; Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников // Там же; Предметы языческого культа // Там же.
23. Государственный Исторический музей: Путеводитель по экспозиции (в соавторстве с А.Б. Закс, Э.С. Коган, Н.М. Узуновой). М., 1964.
24. О "скрамасаксе" из Гнёздова // Новое в советской археологии. М., 1965.
25. О происхождении и датировке железных гривен // Археологический сборник. Труды ГИМ. М., 1966. Вып. 40.
26. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. М., 1967. Вып. 43.
27. Привески-бубенчики (в соавторстве с В.А. Мальм). Труды ГИМ. М., 1967. Вып. 43.
28. Деревня Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X—XIII вв. по археологическим данным // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. М., 1967. Вып. 43.
29. Некоторые данные археологии по торговле Руси со странами северной Европы в X—XI вв. // Новое о прошлом нашей Родины. М., 1967.
30. Одна из маленьких загадок археологии // Древности Восточной Европы. М., 1968.
31. Раскопки в Калининской области // АО, 1967. М., 1968.
32. Крестовидные привески "скандинавского" типа // Славяне и Русь. М., 1968.

33. Исследования курганных могильников в Калининской области // АО, 1968. М., 1969.
34. Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во второй половине I тысячелетия н. э. (в соавторстве с В.А. Мальм) // Экспедиции ГИМ. М., 1969.
35. Исследования средневековых памятников в долине р. Прони (в соавторстве с А.Е. Леонтьевым, В.А. Мальм, Г.Ф. Поляковой, Н.Г. Недошивиной) // АО, 1969. М., 1970.
36. Раскопки в долине р. Прони (в соавторстве с В.А. Мальм, Г.Ф. Поляковой, Н.Г. Недошивиной) // АО, 1970. М., 1971.
37. Памятник дьяковского времени в верхнем Поволжье (в соавторстве с Н.В. Трубниковой) // СА. 1971. 1.
38. Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей Древней Руси // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.
39. Исследования средневековых памятников в долине р. Прони: Тез. докл., посвященных итогам полевых исследований в 1970 г. в СССР (Археологические секции). Тбилиси, 1971.
40. Работы Пронской экспедиции (в соавторстве с Г.Ф. Поляковой, Н.Г. Недошивиной) // АО, 1971. М., 1972.
41. Ткань с изображением львов и птиц из великокняжеской гробницы во Владимире // Новое в археологии. М., 1972.
42. Шелк в торговых связях Владимиро-Суздальской Руси со Средней Азией: Тез. докл. // Доклады на сессии полевых археологических исследований 1972 г. Ташкент, 1973.
43. Экономические связи Владимиро-Суздальской Руси со Средней Азией // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
44. Игра в мельницу в Древней Руси (в соавторстве с Г.Ф. Поляковой) // Славянская археология. Нитра, 1974. № 3.
45. Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневне (в соавторстве с В.А. Мальм) // Археология Рязанской земли. М., 1974.
46. Некоторые данные о внешних связях Киева в XII в. // Культура средневековой Руси. М., 1974.
47. Золотное шитье Владимиро-Суздальской Руси // Средневековая Русь. М., 1976.
48. Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси // СА. 1977. 3.
49. Древнерусские вышивки из собрания Государственного Исторического музея. Белград, 1977–1979.
50. Весы с арабской надписью из Тимерева (в соавторстве с С.А. Яниной) // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
51. Золотное шитье Древней Руси // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1978/1979.
52. Раскопки Тимеревского могильника близ Ярославля // АО, 1978. М., 1979.
53. Испано-русская торговля XII в. // История и культура Евразии по археологическим данным. Труды ГИМ. М., 1980. Вып. 51.
54. К истории торговых связей Руси со странами Востока в домонгольское время (по материалам шелковых тканей) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.
55. Древнерусское золотное шитье в коллекции ГИМ // Научные чтения 1980–1981 гг.: Тез. докл. и сообщ. ГИМ. М., 1981.
56. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // СА. 1982. 2.
57. Наконечник ножен меча из кургана близ Коростеня // СА. 1982. 4.
58. Погребальный обряд Тимеревского могильника (в соавторстве с Н.Г. Недошивиной) // СА. 1985. 2.
59. Изделия золотного шитья из курганов р. Оять в кн: *Кочкуркина С.И., Линевский А.М.* Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985.
60. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря (в соавторстве с Н.Г. Недошивиной) // СА. 1987. 2.
61. Мастерицы Древней Руси // Наука и жизнь. 1988. № 8.
62. Бобровый промысел в Волго-Окском междуречье // СА. 1989. 3.
63. Находки на Куликовом поле // Куликово поле: Материалы и исследования. Труды ГИМ. М., 1990. Вып. 73.
64. Более 80 мелких статей в БСЭ в 1950–1960-е годы.
65. Древнерусское золотное шитье X–XIII вв. в собрании Государственного Исторического музея // Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ. М., 1993. Вып. 82.

М.В. Фехнер

ТКАНИ ИЗ ГНЁЗДОВА

В Гнёздовском некрополе находки тканей из волокон шерстяных, льняных и шелковых немногочисленны. При кремации — господствующем погребальном обряде X в. — текстильные изделия почти полностью уничтожались огнем, при имеющей место ингумации они разрушались большей частью от длительного пребывания в земле.

Среди более 1000 исследованных к настоящему времени курганов в Гнёздове не менее 10 содержали остатки различных тканей. Незначительные кусочки тонкой ткани сохранились в одном из курганов, раскопанном М.Ф.Кусцинским (Кусцинский, 1883. С. 5; ГИМ, инв. № 80135). Обрывки шерстяных и холщовых тканей отмечены в коллекции из раскопок С.И.Сергеева (Спицын, 1905. С. 54; ГИМ, инв. № 42536). Имеются сведения и о находках различных, в основном, видимо, шерстяных, тканей в девяти камерных погребениях, исследованных Смоленской археологической экспедицией МГУ под руководством Д.А.Авдусина (Авдусин, 1970. С. 274; Авдусин, Пушкина, 1989; Каменецкая., 1991. С. 165—172)*.

Камерные захоронения, судя по погребальному инвентарю (овальным, кольцевидным, подковообразным фибулам, предметам вооружения) и деталям обряда являются скандинавскими и датируются серединой и второй половиной X в. (Жарнов, 1991. С. 211). В женских погребениях курганов Ц-198 и Ц-306 были найдены незначительные фрагменты тканей. В кургане Ц-198 это плетеная из шелковых и золотных нитей тесьма, обнаруженная на черепе погреб-

енной. Обрывок тесьмы размером 15,5×1,6 см, видимо, является частью головного убора**. В кургане Ц-306 под парными овальными фибулами сохранились кусочки шелка и петель-бретелей. Курган Дн-4 содержал мужское погребение с остатками верхней нагрудной части кафтана (?) в виде тесных рядов узкой плетеной шелковой тесьмы с золотными нитями.

Наиболее богаты находками текстиля оказались два других погребения: мужское в кургане Поль-62 и женское в кургане Ц-301.

В погребении Поль-62 обнаружено несколько маленьких кусков красного шелка полотняного переплетения (нити основы слабо крученые, тоньше уточных) с набивным рисунком зеленого цвета. Некоторые куски подрублены и соединены между собой, среди них сохранилась часть застежки с двумя бронзовыми круглыми пуговицами. Можно полагать, что это остатки мужского костюма, так как здесь найдены обломки фибулы с декоративным кольцевидным навершием и длинной иглой. Среди остатков шелка лежали 9 кусков узорной тесьмы, сплетенной на дощечках из шелковых ниток и тонкой серебряной позолоченной проволоки. Длина обрывков от 2,5 до 18 см, ширина 0,9 см. Эта тесьма чрезвычайно похожа на обнаруженную в кургане Дн-4. Подобная декоративная тесьма широко использовалась для украшения верхней запашной мужской одежды типа кафтана (Ginters, 1981. S. 15—16)***. В этом же погребении найден еще обрывок прозрачного тончайшего шелка и фрагмент грубой шерстяной ткани.

* Статья М.В.Фехнер, обнаруженная в архиве, не была в полной мере ею завершена. Эта работа была выполнена Т.А.Пушкиной; разделы, выделенные в статье курсивом, написаны ею. Все примечания к статье, а также список литературы выполнены также Т.А.Пушкиной. От имени редакции пишу ей мою искреннюю признательность (Редакция).

** Судя по краткой публикации, в этом же погребении на поверхности фибул прослежены следы шерстяной и шелковой тканей, которые, к сожалению, не сохранились (Авдусин, Белоцерковская, Пушкина, 1977. С. 41).

*** В публикации материалов этого могильника тесьма неверно названа остатками головного венчика (Каменецкая, 1991. С. 172).

Значительный интерес представляют находки из кургана Ц-301. *Костяк, к сожалению, не сохранился, и поэтому о расположении находок относительно тела погребенной можно говорить условно.* В ногах погребенной стояла круглая берестяная коробка, в которой лежал сверток с тканями и обломком овальной бронзовой фибулы. В результате реставрации содержимого коробки (промывки материала, его закрепления и пропитки смягчающим составом) выяснилось, что оно состояло из льняных и шелковых тканей и одного фрагмента шерсти саржевого переплетения из слабо крученых нитей темно-коричневого цвета. Вероятно, это остатки женской одежды, однако восстановить ее не представляется возможным из-за небольших размеров фрагментов, многие из которых к тому же оказались плохой сохранности*. Анализируя этот материал, можно лишь в общих чертах выяснить отдельные детали костюма.

Изделия из льна, лежавшие в коробке, представлены тканями различного качества. Один кусок холста из суровых толстых крученых нитей (7х8 на 1 см) выделяется неровным плетением. Большинство же тканей, заслуживающих особого внимания, хорошо отбелено и отличается ровным плетением (12–14х18–19 на 1 см) из тонких, не потерявших свой блеск, слегка крученых нитей. На фрагментах прослежены следы мелко заложённых складок глубиной 0,5–1 см. Насколько можно судить, это остатки женской рубашки, которую обычно носили под юбкой. Она состояла из одного длинного полотнища, согнутого на плечах пополам и снабженного отверстием для головы, с заложёнными по всей его поверхности мелкими складками, как на гофрированных рубашках из курганов Бирки. Такие плиссированные рубашки известны были в Бирке уже в IX в., а в погребениях X в. они встречаются так же часто, как гладкие рубашки без складок.

Происхождение техники плиссировки, прослеженной на изделиях IX–X вв., в настоящее время еще до конца не выяснено. Предполагают, что мелкие складки могли закладываться уже в процессе ткачества. У южных славян плиссированные изделия бытовали еще во II в., затем эта мода распространилась в Византию (греческие плиссированные хитоны), откуда подобный способ украшения

одежды проник в Скандинавию (Hägg, 1974. S. 107; 1986. S. 60–61).

Следует заметить, что обугленные фрагменты аналогичной плиссированной шелковой ткани были найдены в Гнёздове и при раскопках Центрального городища**.

Остальные образцы льняных тканей из камерного захоронения, среди которых имеются и крупные куски (24х25 см), являются, очевидно, остатками двойной юбки, состоявшей из двух различных материй — из некрашенной ткани ровного полотняного переплетения, вытканной суровыми, слегка кручеными нитями (15х16 на 1 см), и из материи такого же качества синего цвета. Подобная двойная юбка из льняной ткани двух цветов — белой и синей — найдена в Бирке, в кургане 563 (Hägg, 1974. S. 108). Как показали исследования А.Гейер, такого покроя юбки бытовали в Скандинавии в течение длительного времени. Они закрывали всю грудь и поддерживались перекинутыми через плечо бретелями, скрепленными овальными бронзовыми фибулами, аналогичными тем, которые были найдены вместе с обрывками бретелей в кургане Ц-306 (Geijer, 1938. S.139, 153–155).

Судя по материалам Бирки, создается впечатление, что в IX в. подобные женские юбки были преимущественно шерстяными, а юбки такого же покроя из льняных тканей стали входить в моду в X в. Шведская исследовательница Инга Хэг считает, что обработка льняного волокна в Скандинавии не достигла значительного развития до второй половины XI в. В связи с этим льняные ткани считались предметом роскоши и встречаются главным образом в тех курганах, которые выделяются своим богатым погребальным инвентарем (Hägg, 1986. S. 62–63).

Что касается шелкового текстиля, то в камерном погребении Ц-301 находятся ткани разного строения и качества, гладкие и с вытканым узором, которые, очевидно, использовались преимущественно для изготовления верхней одежды. На некоторых образцах сохранились швы, соединяющие иногда различные сорта тканей, что указывает на то, что одежды из дорогих шелков, импортируемых с Востока, кроились и сшивались на месте. Возможно, это остатки верхней одежды типа туники. Инга Хэг, изучая остатки одежды из курганов

* Большинство фрагментов было хорошей сохранности и имело значительные размеры, но для определения М.В.Фехнер были переданы в качестве их образцов в основном небольшие кусочки. В настоящее время все материалы из этого погребения хранятся в ГИМ.

** Раскопки Смоленской археологической экспедиции МГУ, 1979 г.

Бирки, пришла к заключению, что в X в. в Скандинавии женщины носили подобное платье, тесно облегающее фигуру (*Hägg*, 1974. S. 109). Для отделки такой туники, видимо, послужили два куска шелковой ленты-тесьмы шириной 3 см (длина 17 и 32,5 см, плотность 30x35 на 1 см). Лента относится к предметам византийского круга. Лицевая сторона украшена геометрическим узором и сработана саржевым переплетением, изнаночная — полотняным. По краям ленты обнаружены проколы иглой, свидетельствующие, что она была пришита к одежде.

Наряду с лентой-тесьмой найдены полоски красного шелка шириной 3–5 см, подрубленные с двух сторон. Лицевая сторона их так же исполнена саржевым переплетением, изнаночная — полотняным. Нити основы этих шелковых полосок слабо крученые и тоньше некрученых уточных. На одной из полосок зеленым утком выполнен узор геометрического характера, раскрыть который полностью не удалось. Трудно определить назначение полосок, их могли использовать для отделки рукавов или обрамления ворота.

Среди остатков шелковой одежды оказались два вида шелка хорошей сохранности. Один из них являлся плотной, безузорной, красного цвета материей ровного полотняного переплетения. На 1 кв. см приходилось 20–22 тонких крученых нитей основы и 26–30 нитей некрученых уточных, толще основных.

Особенно примечательна вторая узорная ткань полотняного строения, обогащенная введением золотных нитей. Она выткана одной

основой из тонкой крученой пряжи красного цвета и тремя утками — красным шелковым из некрученых нитей и двумя золотными, состоящими из шелковой нити, обвитой серозной оболочкой кишок животных с золотой амальгамой. Золотными утками выполнен орнамент, расположенный по всей ширине ткани горизонтальными рядами. На лицевой стороне узорные утки образуют настил, а на изнанке висят незакрепленными. Плотность ткани составляет по основе на 1 кв.см около 36–38 нитей, по утку она колеблется от 36 до 90, а на участках с золотным узором достигает 64 нитей на 1 кв.см.

Использование золотных нитей при выработке узора исключает из числа возможных центров производства этой материи шелкоткацкие мастерские Востока и Средиземноморья, не применявшие в ткачестве металлические нити. Испания в этом отношении представляет исключение. По сообщениям восточных авторов, она являлась в X в. страной развитого шелкоткачества, и шелковые нити, обвитые позолоченной оболочкой, начали там применяться уже в то время. Так, например, подобные золотные нити были использованы в Кордове при изготовлении шелковой ленты между 976 и 1013 г. (*Фехнер*, 1980. С. 124, 126).

Шелковые изделия являлись одной из основных статей испанского экспорта, который осуществлялся через города Средиземноморского побережья на рынки Византии и стран Европы. Вероятнее всего, через Византию описанная ткань была привезена в Гнёздово.

Авдусин Д.А., 1970. Отчет о раскопках в Гнёздове в 1957–1960 гг. // Материалы по изучению Смоленской области. М. Вып. VII.

Авдусин Д.А., Белоцерковская И.В., Пушкина Т.А., 1977. Раскопки в Гнёздове //АО, 1976. М.

Авдусин Д.А., Пушкина Т.А., 1989. Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города. М.

Жарнов Ю.Э., 1991. Женские скандинавские погребения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово. М.

Каменеца Е.В., 1991. Заольшанская курганная группа Гнёздова // Смоленск и Гнёздово. М.

Кусцинский М.Ф., 1883. Отчет М.Ф.Кусцинского о раскопках в Смоленской губернии в 1874 году // Древности. Труды МАО. Т. IX, вып. 1.

Спицын А.А. 1905. Гнёздовские курганы в раскопках С.И.Сергеева // Известия археологической комиссии. СПб. Вып. 15.

Фехнер М.В., 1980. Испано-русская торговля XII в. // История и культура Евразии по археологическим данным. Труды ГИМ. М. Вып. 51.

Geijer A., 1938. Die Textilfunde aus den Gräbern. Birka III. Stockholm.

Ginters V., 1981. Tracht und Schmuck in Birka und im ostbaltischen Raum // Antikvariskt arkiv. Stockholm. 70.

Hägg I., 1974. Kvinnodräkten i Birka. Uppsala.

Hägg I., 1986. Die Tracht. Birka II:2. Stockholm.

SUMMARY

M.V. Fekhner

FABRICS FROM GNIEZDOVO

The article gives a review of finds of silk and flax fabrics in the graves (Xth–XIth centuries) of Gniezdovo burial place near Smolensk. The author

notes that the silk fabrics were brought in the region from Byzantine and Spain.

И.В.Кураев

ИСТОРИОГРАФИЯ КУРГАНОВ ЯРОСЛАВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Материалы древнерусских курганных могильников Ярославского Поволжья (Тимеревский, Михайловский, Петровский) являются традиционными источниками при решении вопросов формирования древнерусской государственности на Верхней Волге в IX—XI вв., а уж тем более при обращении к проблеме сложения древнерусской народности. Но, несмотря на пристальное внимание и изучение этих памятников, в отечественной историографии, как правильно было подмечено А.Е. Леонтьевым (*Леонтьев*, 1991. С. 39), вопрос, поставленный уже почти сто лет назад И.А. Тихомировым, — “Кто насыпал Ярославские курганы?” (*Тихомиров*, 1906. С. 187), так и остается открытым и актуальным вплоть до сегодняшнего дня.

Отечественными археологами не был сформулирован единый взгляд на их характер, этническую принадлежность и состав населения, оставившего столь замечательные объекты археологических исследований. Сегодня в российской историографии существует множество гипотез и теорий, посвященных процессам, протекавшим в северо-восточном регионе в IX—X вв., но “концептуальная война” все еще продолжается. Возможно, есть смысл подвести некоторый итог длительному изучению курганов Ярославского Поволжья и попытаться систематизировать и охарактеризовать бытующие в историографии концепции, созданные в различные периоды развития отечественной археологии*.

В целом историография курганных некрополей Ярославского Поволжья может быть разделена на несколько хронологических перио-

дов. Основой для этого служат: во-первых, разновременные полевые исследования курганных могильников, характеризующиеся своеобразной методикой, что существенным образом сказалось на информативности самих источников; во-вторых, различные научные подходы при интерпретировании археологического материала, бытовавшие в историографические периоды; в-третьих, что представляется самым главным, доминирование определенных концепций, которые являются особенностью каждого этапа.

В настоящей статье рассмотрены лишь первые два историографических периода в изучении погребальной обрядности Ярославских курганных могильников. Хронологически они включают дореволюционные работы и исследования советских ученых довоенных лет. Именно в эти годы в научный оборот были введены материалы из Тимерева и Михайловского, и что самое важное, археологические данные были окончательно признаны в качестве самостоятельного источника**.

Итак, первый период изучения курганных групп приходится на конец XIX—начало XX в. (1890—1920 гг.). В это время были проведены первые систематические полевые исследования на территории некрополей и выпущены первые публикации полученных данных с их научными интерпретациями. Методика полевых исследований заключалась в раскопках курганов “колодцем или траншеей”.

** Данная статья является как бы первой частью историографического обзора дискуссии по погребальной обрядности Ярославских курганов. Обзор историографии последующих лет, когда на страницах научных изданий развернулась яркая дискуссия по этносоциальной проблематике, не включен по причине лимитированного объема текста. Автор надеется, что возможность публикации второй части обязательно появиться в дальнейшем.

* Предпринятая попытка не является первой, в 1978 г. свой взгляд на историографию Ярославского Поволжья представил И.В.Дубов, один из самых активных исследователей Ярославских могильников (*Дубов*, 1978).

Первооткрывателем, заставившим научную общественность обратить внимание на столь значимые (как выяснилось в дальнейшем) археологические памятники, безусловно, следует считать автора уже упомянутого риторического вопроса — И.А.Тихомирова. Он же был и полевым исследователем, сумевшим провести первые систематические раскопки на территории Тимеревского и Михайловского могильников в конце XIX в. Хотя необходимо заметить, что интерес к Тимеревским курганам пробудился еще в 70-е годы XIX в. На территории Тимеревского комплекса А. Кельсиевым и И.Аспелиным в 1878 г. были раскопаны два кургана, о чем в свое время докладывалось в отчете на Антропологической выставке 1879 г. (*Кельсиев*, 1878—1879. С. 306—308). Результаты своих работ на памятниках опубликовал и В.А. Городцов (*Городцов*, 1903. С. 85—87). Указанные публикации стали своеобразным прологом начала изучения памятников, они еще не были научными работами в полном смысле этого слова и по своему характеру больше относились к разряду изданий отчетов полевых исследований.

Поэтому можно считать, что именно доклады И.А.Тихомирова на II и III областных археологических съездах положили начало научному изучению указанной группы памятников (*Тихомиров*, 1906. С. 187—248; 1909. С. 1—98).

Несмотря на некоторое несовершенство раскопочной методики, дневники И.А.Тихомирова достаточно подробны и информативны, а предложенная концепция вполне традиционна для того периода археологических исследований. Основу научного подхода ученого составил, условно назовем, метод общего описания зафиксированных археологических явлений (в данном случае — погребальной обрядности) и выделения характерных черт археологических объектов (погребений) с последующей их интерпретацией на основании летописных сообщений. Из погребального инвентаря исследователь обратил внимание лишь на наиболее значимые, с его точки зрения, предметы и использовал их только для датировки курганов. В своих работах он использовал материалы из 55 раскопанных им курганов. Следуя бытующей концепции о славянских погребениях исключительно как о трупосожжениях (*Сизов*, 1902. С. 8), И.А.Тихомиров рассматривал только курганы с кремациями, хотя среди исследованных насыпей были и погребения с трупоположениями (*Тихомиров*, 1897). Исследователь датировал появление курганов в Ярославском Поволжье концом VIII—началом IX в., а прекращение существования могильников отнес

к началу XI в. Приведенные датировки были сделаны по скандинавским и финским украшениям, а также восточным монетам.

Курганы с трупосожжениями исследователь разделил на три группы, исходя из зафиксированного погребального обряда. В первую группу курганов были включены так называемые “пустые” курганы; во вторую — курганы с захоронениями по обряду трупосожжения на месте; в третью — насыпи с трупосожжениями на стороне. При этом исследователь подчеркнул некоторые ритуальные особенности кремаций, а именно: различия погребений по способу и уровню размещения останков умерших. Всего И.А.Тихомиров выделил пять ритуальных различий: помещение костей в урну, в материковую ямку, сгребание в кучу, оставление кострища в нетронutom виде или, когда “остатки сожжения слегка подгребались, образуя пологую кучу-пласт”. Зафиксированные ритуальные различия подчеркивают тот высокий уровень полевых исследований прошлого века при работе с погребальными памятниками, который целенаправленно занижался учеными в советский период (*Станкевич*, 1941. С. 59)*.

Все три группы курганов с различной погребальной обрядностью И.А.Тихомиров считал в основном славянскими погребениями с некоторыми финскими (мерянскими) чертами в погребальном инвентаре. Автор особенно подчеркнул преобладание в курганах X в. именно скандинавских и финских предметов, но, не находя никаких “специально русских” вещей, назвал их славянскими. Обряд погребения умерших под курганной насыпью, по мнению И.А.Тихомирова, следует признать заимствованным славянами у норманнов, появившихся в Ярославском Поволжье в VIII—IX вв. и захвативших ключевые позиции в формирующемся новом государстве. Им он приписал погребения с мечами и богатым погребальным инвентарем. Для славянских же погребений определяющим признаком, по мнению И.А.Тихомирова, следует считать их малоинвентарность. Кроме того, именно под влиянием скандинавов сформировался у славянского населения обряд сожжения тела умершего на месте сооружения насыпи. Исконно славянским и первоначальным исследователь признал обряд трупосожжения на стороне, ссылаясь на летопис-

* Возможно, сегодня пришло время отказаться от мифа советского периода в нашей историографии, когда всем дореволюционным исследованиям приписывался “несистематичный и случайный характер”, а старая методика раскопок курганов “гарантировала” плохо выясненный характер обряда погребения.

ные описания. Время появления славян на данной территории И.А.Тихомиров отнес к IV в. (в крайнем случае, не позднее VI в.). Основанием для подобного заключения послужили исключительно письменные источники. Отсутствие могильников славян на данной территории в более раннюю эпоху (если уж они появляются здесь в IV—VI вв.) объяснено И.А.Тихомировым опять же описанной в летописи обрядностью, когда остатки сожжения размещались “на столбах и на путях”, что, конечно же, не могло быть зафиксировано археологически (Тихомиров, 1906; 1909).

Мнение И.А.Тихомирова о датировке и славянской принадлежности большинства курганов совпало с точкой зрения В.А.Городцова, работавшего на территории Михайловского могильника в 1901—1902 гг. Он датировал могильник VIII—X вв., отметив его “чисто славянский характер” с некоторыми элементами финского присутствия (Городцов, 1903. С. 17—18).

Трактовка “пустых” курганов И.А.Тихомирова во многом перекликается с концепцией В.И.Сизова, издавшего материалы своих раскопок в Смоленской губ. (Сизов, 1902. С. 29). И.А.Тихомиров сослался на свидетельство Ибн Даста, согласно которому урна с прахом умершего размещалась не в насыпи или под нею, а непосредственно на насыпи, что как бы само собой предполагает невозможность ее сохранения до наших дней (Тихомиров, 1909. С. 36—39).

Изменение состава погребального инвентаря (сокращение его в захоронениях, увеличение малоинвентарных погребений, доминирующих в XI в.) автор объяснил динамикой политической ситуации в Древнерусском государстве. Изгнание варягов привело к тому, что они были или ассимилированы преобладающим на данной территории славянским населением, или были вынуждены вообще эмигрировать. Появление норманнов в Ярославском Поволжье И.А.Тихомиров считал связанным с необходимостью ведения торговли по Волжскому пути, с норманнами связаны также и находки арабских монет в погребениях (Тихомиров, 1909. С. 93).

Описывая погребальную обрядность Ярославских курганов, И.А.Тихомиров не мог обойти вниманием столь характерную для данного региона категорию погребального инвентаря, как глиняные лапы. По его мнению, находки глиняных лап в погребениях отражали бытовавший на данной территории среди славянского населения культ медведя и являлись имитацией медвежьих лап. Для аргументации этого суждения снова были использованы строки из Повести временных лет (Тихомиров, 1906. С. 204).

Отдельно была рассмотрена И.А.Тихомировым проблема племенной принадлежности славянских переселенцев. Уже упомянутое появление славян в IV—VI вв. произошло, по его мнению, с летописных территорий вятичей и кривичей, подтверждением чему служат погребальная обрядность (трупосожжения на стороне для кривичей) и присутствие “вятичских говоров” у современного И.А.Тихомирову населения. Здесь следует отметить, что исследователь практически поддержал гипотезу А.А. Спицына о заселении всего северо-восточного региона Древней Руси кривичами (Спицын, 1905. С. 84—172; 1906, С. 1—7). В дальнейшем в работе “Славянское заселение Ярославской губернии”, вышедшей значительно позже, И.А.Тихомиров радикальным образом изменил свою точку зрения и вслед за Е.В.Барсовым (Барсов, 1902) поддержал мнение о новгородской колонизации, отводя кривичам лишь второстепенную роль (Тихомиров, 1914. С. 75—76).

Исследователем была также сделана попытка проанализировать погребальный обряд, как проявление духовной жизни общества. Распространенный среди славян обряд трупосожжения И.А.Тихомиров считал проявлением культа умершего, чья “тень-душа отправляется с огнем и дымом в жилище божества на небо” (Тихомиров, 1909. С. 48).

Итак, уже в одной из первых научных работ, посвященной курганам Ярославского Поволжья, был очерчен тот круг проблем, которые стали предметом жестких дискуссий в археологической науке на протяжении всего XX столетия. В первую очередь речь идет о следующих темах:

- датировка курганов Ярославского Поволжья;
- этническая интерпретация курганных комплексов;
- роль и значение скандинавов для данной территории;
- Волжский путь, так или иначе связываемый с присутствием норманнов;
- племенная принадлежность славянских переселенцев и направление славянской колонизации;
- глиняные лапы как феномен погребальной обрядности Северо-Восточной Руси и Ярославского Поволжья; в последующие историографические периоды к этому вопросу добавилась еще проблема интерпретации глиняных колец, которые в значительном количестве случаев были обнаружены вместе с лапами;
- формирование древнерусской народности в условиях формирующейся государственности;

— погребальная обрядность как проявление духовной жизни общества, отражение мировоззренческих установок древних людей.

После выхода второй части доклада И.А.Тихомирова в 1909 г. в отечественной истории изучения курганов Ярославского Поволжья наступил длительный период “забвения”. На памятниках до конца 1930-х годов более не проводилось систематических раскопок отечественными археологами*.

Но материалы, опубликованные И.А.Тихомировым, заинтересовали зарубежных археологов, и в 1913 г. на территории Михайловского курганного некрополя были произведены раскопки 18 насыпей под руководством шведского археолога Т.Арне. Уже само название его публикации “Шведские погребения в Ярославской губернии” говорит само за себя. Приведя в своей статье краткие описания раскопанных комплексов и некоторых категорий погребального инвентаря, Т.Арне считал, что погребения в Михайловском оставлены шведскими переселенцами (подобное заключение было и в отношении Тимеревских погребений). Возникновение курганного могильника исследователь отнес к 900-м годам н.э. Сам факт появления скандинавов в Ярославском Поволжье, по мнению Т.Арне, можно было связывать с торговлей по Волжскому пути (Arne, 1918. S. 31—47). Методика проведения исследований и научные подходы при интерпретации полученного материала Т.Арне во многом были аналогичны работам И.А.Тихомирова.

Подводя итоги первому (дореволюционному) этапу изучения Ярославских могильников, следует отметить, что, несмотря на проводившиеся на памятниках работы и полученные результаты, данные археологии еще во многом являлись вспомогательными и большинство историков более опиралось на сообщения летописей и лингвистические материалы, отводя археологии второстепенную роль. Но основные “археологические” открытия по проблеме погребальной обрядности в IX—XI вв. в Ярославском Поволжье были сделаны именно в этот период. Немаловажным представляется и то, что к концу XIX началу XX в. в отечественной историографии сформировалось мнение — “норманское происхождение Древнерусского государства нужно считать доказанным”

* Речь не идет о “разовых работах”: в 1908 г. 2 кургана Тимеревского могильника и 9 курганов Петровского были раскопаны И.С.Абрамовым; на территории Михайловского раскопки проводились в 1910 г. кадетским корпусом — количество исследованных насыпей неизвестно; в 1921 г. небольшие раскопки (4 кургана) были осуществлены Д.Н.Эдингом.

(Шаскольский, 1978. С. 152—153) и все археологические материалы лишь подчеркивают их ключевые позиции в новом государстве. Эту точку зрения поддержал в своих работах и И.А.Тихомиров.

Научные подходы и методы работы с археологическим материалом, примененные И.А.Тихомировым, использовались и в последующие периоды, хотя, конечно же, были дополнены новой методикой. Несовершенство методики проведения тех полевых исследований особенно ощутимо из-за отсутствия в тот период четкой терминологии при фиксации археологических явлений, она сформировалась значительно позднее. Но во многом работа И.А.Тихомирова стала своеобразным фундаментом для выработки новых методов атрибуции археологических объектов и явлений.

Политические изменения в стране после 1917 г. заставили отечественных археологов “забыть” на некоторое время о существовании памятников под Ярославлем. Лишь в 1929 г. памятники Ярославского Поволжья привлекли внимание Ю.В.Готье. Историк отметил идентичность погребений Михайловского и Тимерева курганам из раскопок А.С.Уварова и курганам Смоленской губернии (Гнёздово). Именно это позволило Ю.В.Готье сделать вывод о кривичской колонизации Ярославского Поволжья и всего Северо-Восточного края. Помимо вещей в погребальном инвентаре, обе территории, по мнению ученого, похожи по динамике смены трупосожжений X в. трупоположениями XI в. Возникновение памятников исследователь связал с функционированием в X в. Волжского торгового пути. Кривичская колонизация, считал исследователь, проходила параллельно с норманнской, и в составе славянских поселений (в частности, Михайловского) могли существовать норманнские колонии или фактории, о чем свидетельствовали “сильные норманнские элементы” в погребальном инвентаре. По мнению Ю.В.Готье, археологический материал Ярославских могильников не давал основания считать присутствие новгородских словен аналогичным кривичскому (Готье, 1929. С. 140—142).

Характерная методика исследования Ю.В.Готье — общее описание ярких археологических явлений при опоре в исторических интерпретациях на письменные источники, а также следование в данном вопросе норманистской концепции старой школы историков, ярким представителем которой он являлся, позволяет отнести его работу (в содержательном, а не в хронологическом плане) к дореволюционному периоду изучения памятников.

В конце 1930-х годов начинается второй период в исследовании Ярославских курганных могильников. Отправной датой периода можно считать 1938—1939 гг., когда на территории памятников (Тимерево и Михайловское) были проведены очередные раскопки курганов под руководством Я.В.Станкевич. Оканчивается второй период в 1959 г. новыми раскопками, но произведенными уже сотрудниками Государственного Исторического музея и Института археологии АН СССР.

В этот период были существенно изменены полевая методика проведения раскопок и система составления полевой документации. Раскопки курганов проводились уже “на снос”, а полевые отчеты стали отличаться от прежних, прежде всего, разработанной терминологией описания археологических объектов, в частности — погребальных комплексов, полевыми планами с подробными описаниями стратиграфических разрезов (Станкевич, 1938—1939). Были значительно модернизированы и усовершенствованы научные подходы при интерпретации археологических данных. К используемому прежде методу описания была добавлена методика археологической атрибуции конкретных погребальных комплексов, что использовалось при формировании концепции исторического развития региона. Курганные погребения стало рассматриваться исследователями уже, как комплекс-система, с присущими ему взаимосвязанными элементами погребальной обрядности и инвентаря, которые изучались как по отдельности, так и в качестве общей совокупности признаков конкретного погребения. Археологические источники перестали восприниматься исследователями как второстепенные, а привлекались к аргументации наряду с письменными.

Отличительной чертой второго периода изучения курганов Ярославского Поволжья стала также разработанная Я.В.Станкевич и Н.Н.Ворониным “патриотическая концепция” раннесредневековой истории, согласно которой курганные могильники были признаны исключительно славянскими при практически полном отсутствии инородных элементов. Для этого двадцатилетия характерен и жесткий антинорманизм, отвергающий присутствие скандинавов среди населения, оставившего Ярославские погребения. Важным нововведением стало и привнесение в археологию “классового подхода”, на основании которого различия в погребальной обрядности объяснялись исключительно с позиций социального и имущественного положения погребенных (Станкевич, 1941. С. 56—88; Воронин, 1941. С. 150—189).

Для этого периода характерен и ряд негативных тенденций: во-первых, ошутимое идеологическое давление на исследователей со стороны государства, выразившееся в некоторой тенденциозности разработанных концепций; во-вторых, — негативное восприятие всего, что было сделано в дореволюционный период. Обе тенденции сохранялись, в более мягкой форме, и на протяжении всех последующих историографических периодов за исключением 1990-х годов.

Резкое возрождение в конце 1930-х годов интереса к “подзабытым” памятникам, вероятно, объясняется тем, что согласно новой теории исторического развития Ростово-Суздальские земли были признаны “одним из важнейших центров русского средневековья, особенно при разрешении вопросов этногонии русского народа” (Станкевич, 1941. С. 56).

Возможно, интерес к Ярославским памятникам был спровоцирован также статьей финского археолога Е.Кивикоски, вышедшей в 1934 г. (Kivikoski, 1934. S. 381—391) и посвященной проблеме глиняных лап, обнаруженных в Ярославском Поволжье и на Аландских островах. В ней финская исследовательница впервые отметила, что лапы имели исключительно ритуальное значение и предназначались лишь для погребений*. Ссылаясь на публикацию другой финской исследовательницы А.Хакман, нашедшей лапы на Аландах, Е.Кивикоски пришла к заключению, что они появились на Аландских островах из центральной России в результате активных контактов Скандинавии и Восточной Европы в эпоху Викингов. В своей работе Е.Кивикоски впервые применила естественнонаучный подход для определения зоологической классификации лап, которая базировалась на заключении экспертов. Из 10 глиняных муляжей 2 экземпляра были определены как бобровые лапы, 2 — как медвежьи, 1 — в качестве собачьей лапы и 1 экземпляр представлял собой имитацию человеческой руки** (Kivikoski, 1934. S. 381—391).

Результаты полевых исследований 1938—1939 гг. были опубликованы Я.В.Станкевич в концептуальной статье “К вопросу об этническом составе населения Ярославского По-

* На сегодняшний день это единственный постулат, который никто не оспаривает, обращаясь к проблеме глиняных звериных лап, обнаруженных в Ярославских курганах.

** К результатам зоологического определения, которые были получены Е.Кивикоски, постоянно обращались отечественные археологи, отстаивающие различные (противоречащие друг другу) гипотезы о культе, отражением которого признаются глиняные имитации в погребениях.

волжья в IX—X ст.” (*Станкевич*, 1941. С. 56—88). Следует также отметить, что в том же сборнике была опубликована работа Н.Н.Воронина “Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в.” (*Воронин*, 1941. С. 150—189). Обе работы полностью выдержаны в духе господствующей в историографии теории автохтонности и стабильности развития древних обществ.

Уже отмеченное вынужденное следование идеологическим установкам времени во многом предопределило систему подачи материала и аргументации. С первых же строк Я.В.Станкевич обрушилась с жесткой критикой теорий и концепций, которые были созданы историками и археологами “старой школы”. Первым вменялось в вину отсутствие конкретности и определенности, а также опора на сомнительные лингвистические и летописные данные; вторым — уже упомянутые несистематичность исследований и случайный характер проводимых раскопок, а также “плохо выясненный характер погребальной обрядности в связи со старой методикой раскопок” (*Станкевич*, 1941. С. 59). Но сегодня представляется необходимым реабилитировать работы ученых дореволюционного периода. Конечно же, методика раскопок “траншеей или колодцем” уступала методике советского времени и сегодняшних дней — “на снос”. Но как уже было отмечено, уровень полевой документации И.А.Тихомирова достаточно высок и уступает дневникам Я.В.Станкевич лишь в одном: в них отсутствует четкая терминология описания археологических объектов (в личных дневниках И.А.Тихомирова приведены даже схематичные зарисовки практически всех раскопанных курганов) (*Тихомиров*, 1897—1898). Здесь также стоит обратить внимание на тот факт, что Я.В.Станкевич в своей работе приводит данные по 85 комплексам из Михайловского и 45 комплексам из Тимерева, из которых за 1938—1939 гг. было раскопано 25 курганов в Михайловском и 26 в Тимерева. Аргументация статьи во многом построена на данных Михайловских курганов, большая часть которых к 1941 г. была раскопана И.А.Тихомировым. И “низкий” уровень его полевых дневников позволил Я.В.Станкевич сделать основные выводы в ее концепции.

Конечно же, высказанные Я.В.Станкевич критические замечания по вопросу оценки работ дореволюционного периода ничуть не умаляют ценность ее статьи. Все вышесказанное лишь указывает на отрицательные стороны в развитии отечественной археологии, особенно в те годы, когда научная ценность той или иной работы, а уж тем более возможность ее

публикации зависели от соответствия идей автора господствующей в обществе идеологии.

Помимо того, что в статье Я.В.Станкевич была изложена совершенно новая концепция истории Ярославского Поволжья в раннем средневековье, несомненной заслугой автора следует признать публикацию не только собственных полевых отчетов, но и дневников И.А.Тихомирова за 1897 и 1898 г. по Михайловскому могильнику. Статья Я.В.Станкевич стала своеобразным источником с новыми данными, полученными в результате полевых исследований, что, естественно, расширило круг ученых, которые могли к ним обратиться.

Во вступительной части статьи, где рассмотрены основные источники, Я.В.Станкевич впервые в историографии упомянула о раскопанных И.А.Тихомировым 25 насыпей за линией железной дороги рядом с Михайловским (в личных дневниках И.А.Тихомирова эти курганы названы “Лесными” (*Тихомиров*, 1897—1898)). Я.В.Станкевич интерпретировала их как могильник XI в. с трупоположениями и однородным, бедным инвентарем. Ее точка зрения на эти курганы, как на более поздний этап существования Михайловского, признается в историографии верной и до сих пор (*Дубов*, 1985. С. 81).

Основным же типом обряда, который зафиксирован в курганах Михайловского и Тимерева, Я.В.Станкевич, как и прежние авторы, считала обряд трупосожжения. Для обоих некрополей выделены наиболее ранние группы курганов с кремациями, образующие древние “ядра, вокруг которых нарастали курганы более позднего времени”. В Михайловском это северо-восточная часть курганной группы, в Тимерева “более древние курганы расположены на возвышенной гряде, тянущейся по центральной части могильника в направлении с СВ на ЮЗ”. Очевидным новшеством представляется тот факт, что Я.В.Станкевич обратила внимание на такую особенность курганов, как наличие ровиков различной глубины, которые, по ее мнению, “образовывались при выемке земли для сооружения насыпи...” (*Станкевич*, 1941. С. 60). Какого-либо ритуального значения ровикам автор не придавала.

Кремации Я.В.Станкевич разделила на трупосожжения на стороне и трупосожжения на месте сооружения насыпи. Причем, если ранее исследователи просто констатировали факт наличия двух групп курганов с различными видами кремаций (*Тихомиров*, 1906. С. 187—248), то в данном случае был предложен вполне конкретный признак, по которому произведено

разделение погребений (наличие или отсутствие под насыпью кострища). Обе группы курганов с сожжениями признаны славянскими. Для курганов с трупосожжениями на стороне аргументом в данном случае являются сообщения летописи и аналогии по ритуальным деталям (помещение остатков кремации на стороне в материковую ямку) в длинных курганах и сопках, которые априорно признаны славянскими памятниками. Указывая на наличие в Михайловском могильнике курганов, содержащих несколько захоронений, среди которых обнаружены кремации на стороне, исследовательница трактовала их как пережиток более “древнего обычая захоронения в общей родовой усыпальнице, наблюдаемого у всех северных славянских народов” (*Станкевич*, 1941. С. 64), и тем самым возводила погребальную традицию Михайловского к новгородским сопкам.

Курганы с кремациями на месте, выделенные во вторую группу, по мнению Я.В.Станкевич, составляют по сравнению с курганами с кремациями на стороне явное меньшинство от общего числа раскопанных курганов. Выделенные ритуальные особенности обращения с остатками сожжений в кургане полностью совпадают с теми, которые выделял И.А.Тихомиров (*Тихомиров*, 1906. С. 187—248): рассеивание кальцинированных костей по площади кострища, помещение в ямку, в урну, вынос в насыпь кургана, сгребание в кучу на кострище. Применение новой методики раскопок насыпей “на снос” сделало возможным для Я.В.Станкевич зафиксировать в курганах с трупосожжениями на месте обгоревшие деревянные конструкции — “срубы”, реконструировать назначение которых ей не удалось из-за сильного повреждения их огнем. Стоит заметить, что в дальнейшем эти “срубы” стали своеобразным краеугольным камнем, на котором выстраивались гипотезы об этнической принадлежности погребенных в Ярославских курганах (*Булкин, Дубов, Лебедев*, 1978. С. 120—123).

Здесь уместно вспомнить, что И.А.Тихомиров появление обряда кремации на месте связывал с появлением скандинавов (*Тихомиров*, 1909. С. 37). Но Я.В.Станкевич, сославшись на мнение А.А.Спицина о ненорманнском характере урновых кремаций на месте в Гнёздовских курганах (*Спицин*, 1905. С. 6), развила его предположение, сравнив ярославские курганы со шведскими погребениями в Бирке. С ее точки зрения, “по ряду признаков они (шведские погребения. — *И.К.*) отличны от наших погребений” (*Станкевич*, 1941. С. 64). О каких признаках идет речь, в статье не уточнено.

Обе группы курганов (кремации на стороне и на месте) признаны хронологически одновременными. Подтверждением этому, по мнению исследовательницы, служат: идентичный погребальный инвентарь и находки кремаций на месте и на стороне под одной насыпью. Как уже говорилось, именно подобные курганы признаются самыми древними. В составе насыпей исследовательница отметила неоднократные подсыпки и подзахоронения, что делает их похожими на сопки Новгородской области. Обнаруженные деревянные и каменные конструкции в “сопковидных” курганах Михайловского, с точки зрения Я.В.Станкевич, лишь подтверждают взаимосвязь памятников Ярославского Поволжья с древним славянским населением Новгородских земель (*Станкевич*, 1941. С. 66).

Что же касается “пустых” курганов и погребений по обряду трупоположения, то о них автор упоминает лишь мимоходом. Существование “пустых” объясняется, как и прежде: разрушенные или недоисследованные, а также “памятные” сооружения в честь погибшего (*Станкевич*, 1941. С. 66).

Трупоположения рассмотрены только в случаях их совместного обнаружения с трупосожжениями, на основании чего Я.В.Станкевич сделала вывод о возможном коротком сосуществовании этих двух обрядов. Исследовательница не высказала собственной точки зрения о характере и динамике изменения погребальной обрядности (смены кремаций ингумациями), а сослалась на мнение В.А.Городцова, считавшего подобные различия признаком социальной дифференциации, когда сожжение применялось лишь состоятельным слоем населения (*Станкевич*, 1941. С. 66).

Отличительной особенностью статьи Я.В.Станкевич (при сравнении с первой публикацией материалов могильника И.А.Тихомировым) следует признать подробный разбор погребального инвентаря.

Среди вещей исследовательница в первую очередь обратила внимание на глиняные лапы и кольца. Проанализировав погребения с подобными находками, она пришла к однозначному заключению “о существовании у некоторых славянских племен в VIII—X вв. культа медведя, что находило соответствующее отражение в обряде погребения” (*Станкевич*, 1941. С. 69).

Аргументация этого положения построена следующим образом. Во-первых, Я.В.Станкевич выделила два наиболее древних, с ее точки зрения (VIII в. — *И.К.*), комплексы с погребениями, содержащими глиняные лапы. Для инвентаря и обрядности выделенных курганов

приведены аналогии из захоронений в сопках, на основании чего сделано заключение о “словенской принадлежности” комплексов. Особо подчеркнуто отсутствие предметов скандинавского происхождения. Во-вторых, объясняя находки лап за пределами СССР, автор упомянула лишь один могильник на Аландах, что как бы само собой подразумевает первостепенность северо-восточного региона Древней Руси, на территории которого они обнаружены в большем количестве погребальных памятников. Кроме того, исследовательница привела заключение Е.Кивикоски о лапах как непременном атрибуте погребальных памятников в IX—X вв. на территории России (*Kivikoski*, 1934. S. 381—391). В-третьих, рассматривая инвентарь сопки Новгородской земли, Я.В. Станкевич выделила случаи обнаружения в погребениях фаланг медведя, что, с ее точки зрения, являлось проявлением того же медвежьего культа.

Большинство курганов Михайловского и Тимеревского могильников, в которых были обнаружены глиняные лапы и кольца, датированы Я.В. Станкевич IX—X вв. Наличие лап и на Аландских островах Я.В. Станкевич объяснила тем, что “медвежий культ представляет собой явление стадиального порядка, характерное для целого ряда народов Северной Европы и Азии” (*Станкевич*, 1941. С. 70). Именно поэтому все попытки увязать культ медведя (но не сами находки лап) с какой-либо одной народностью признаны неверными. Это замечание представляется косвенной критикой гипотезы Е.Кивикоски, предполагающей присутствие выходцев из северо-восточного региона Руси на Аландских островах (*Kivikoski*, 1934. S. 381—391). Такое мнение было неприемлемо для 1940-х годов в отечественной историографии. И не только потому, что точка зрения Е.Кивикоски отражала позиции теории “культурных миграций”, противоречащей “теории стадиальности”. Но, что представляется сегодня более важным, — присутствие выходцев из Руси на Аландах, аргументированное находками глиняных лап в погребальных комплексах, вынудило бы отечественных археологов согласиться со значительным присутствием варягов на Руси уже на основании находок скандинавских вещей в древнерусских курганных погребениях. В дополнение к собственной точке зрения Я.В. Станкевич привела ссылку на статью Н.Н. Воронина, опубликованную в этом же сборнике и отстаивающую сходную точку зрения (*Воронин*, 1941. С. 150—189).

В обзоре погребального инвентаря, сделанного Я.В. Станкевич, стоит также обратить вни-

мание на ее позиции по вопросу о скандинавских и мерянских вещах в погребениях (*Станкевич*, 1941. С. 71—75).

Из мерянских предметов наибольшее внимание уделено шумящим привескам. Я.В. Станкевич пришла к заключению, что мерянские вещи в Михайловском могильнике единичны и сосредоточены только в женских погребениях, а в Тимереве они вообще отсутствуют.

Среди вещей скандинавского происхождения, конечно же, в первую очередь Я.В. Станкевич рассмотрела скорлупообразные фибулы. И снова было сделано заключение о единичности находок и отсутствии в могильниках бесспорно скандинавских комплексов. В качестве аналогий Я.В. Станкевич привлекла лишь материалы, обнаруженные на памятниках, расположенных на территории Древней Руси, — Гнёздовские и Приладожские курганы, находки в Киеве и Новгороде. Подобная система аналогий, столь характерная для данного периода в отечественной историографии славяно-русской археологии (*Авдусин*, 1948), возможно, использовалась не только по причине ограниченной доступности для отечественных археологов работ их зарубежных коллег*. Более вероятным представляется иное объяснение сложившегося положения — целенаправленное формирование представления о характерности скандинавских вещей славянским погребениям и их “торговым” происхождением на территории Руси в IX—X вв. Эта теория о скандинавских импортах в славянских комплексах полностью соответствовала идеологии времени: все вокруг славяне — негласный “патриотизм”, хотя он официально и осуждался как великодержавный шовинизм; присутствие импортов — высокий уровень торговых связей, что предполагает достаточно высокий уровень экономического развития, — соответствующее формационное состояние общества (распад родо-племенных отношений, зарождение феодализма, формирующего государственность), что полностью соответствовало марксистско-ленинской теории об экономических формациях, взятой за основу научного подхода в исследованиях археологами советского времени.

И другие рассмотренные категории инвентаря: оружие, поясные наборы, костяные гребни, подвески, копоушки, височные кольца, бубенчики и пр. — были причислены Я.В. Стан-

* На ограниченный доступ к результатам зарубежных исследований в период 1940–1950-х годов указывают и исследователи, занимающиеся историей археологии как науки (*Мерперт*, 1995. С. 14).

кевич к славянской культуре этого периода (Станкевич, 1941. С. 82).

В общем виде созданная Я.В. Станкевич концепция заключалась в следующем: Михайловская и Тимеревская курганные группы — некрополи рядового земледельческого поселения, в которых изредка встречаются погребения знати, купцов и воинов. Гипотезы о “торговых факториях” и “норманнской” верхушке древнерусского общества (Тихомиров, 1909. С. 93; *Arne*, 1918. S. 31—45; *Готье*, 1929. С. 140—142) были полностью отвергнуты. По мнению Я.В. Станкевич, курганы были оставлены пришлым славянским населением, появившимся в Ярославском Поволжье, вероятнее всего, во второй половине VIII в. Наличие в составе Михайловского могильника больших “сопковидных” насыпей (Я.В. Станкевич называла их сопками и датировала по монетам второй половиной VIII в.), которые были признаны самыми древними и идентичными сопкам Новгородских земель, позволило сделать предположение о северо-западном направлении славянской колонизации. Более поздние погребения IX—X вв. были разделены на две группы. Первую из них составили комплексы с бедным инвентарем, глиняными лапами, редкими украшениями, славянской керамикой древних форм. Эта группа объединяла большинство погребений. Вторая группа была представлена комплексами с более разнообразным инвентарем, среди которого “наряду с местными изделиями встречаются привозные вещи среднешведского и восточного стилей” (Станкевич, 1941. С. 83). Различие двух групп объяснялось Я.В. Станкевич социальным и имущественным неравенством погребенных. Опираясь на обнаруженные в комплексах восточные монеты с ранними датами, Я.В. Станкевич сделала вывод о налаживании торговых связей с Востоком ранее, чем с Западом.

Исследовательница допускала возможность существования скандинавских погребений среди неисследованных курганов, но среди раскопанных насыпей она не выделила ни одного бесспорно скандинавского захоронения. Обнаруженные женские мерянские украшения в единичных курганах целыми наборами, по мнению Я.В. Станкевич, указывали на факт “некоторого смешения славянского населения и мерянского, а именно наличия отдельных женщин-мерянок у пришельцев-славян” (Станкевич, 1941. С. 83).

Поздние захоронения (трупоположения), с точки зрения исследовательницы, лишний раз подтверждают славянский характер погребений — в них не обнаружено ни скандинав-

ских, ни мерянских предметов (Станкевич, 1941. С. 83).

Подводя итоги анализа работы Я.В. Станкевич, следует отметить в первую очередь, что структура статьи была подчинена необходимости публикации новых данных, полученных в результате полевых исследований 1938—1939 гг. И с этой задачей она справилась блестяще. Я.В. Станкевич не только опубликовала археологические материалы своих изысканий, но и систематизировала результаты работ И.А. Тихомирова, сделав их более доступными. Этим работа Я.В. Станкевич ощутимо отличается от всех предыдущих публикаций, как сугубо археологическое исследование. Теория ранней истории Ярославского Поволжья, созданная исследовательницей, опирается исключительно на археологические источники; летописные сообщения использованы Я.В. Станкевич в качестве вспомогательных данных. Аналогичная структура и методика публикации археологических данных использовались и в последующие периоды изучения погребальной обрядности Ярославских курганов (Ярославское Поволжье, 1963).

Что касается научного подхода к интерпретации археологических данных, то к методике простого описания археологических объектов Я.В. Станкевич добавила метод археологической атрибуции конкретного погребения-комплекса с анализом элементов погребальной обрядности и инвентаря в общей совокупности. В отдельные разделы статьи были вынесены обзоры категорий погребального инвентаря, который не только привлекался для датировок погребения, но и рассматривался с точки зрения определения и выделения соответствующих погребальных наборов, характерных для различных типов погребений, дифференцированных в соответствующие половозрастные, социальные и этнические группы населения.

Введение методических новшеств в научную обработку данных во многом было предопределено изменениями в методике проведения полевых исследований. Я.В. Станкевич раскапывала курганы “на снос”, составляя подробные описания и планы-чертежи исследованных погребений. Это в свою очередь увеличило информативность курганного погребения, как объекта научного исследования. Исследовательница также обратила внимание на ряд вопросов, которым ранее не придавалось значение: это — внешний вид и размеры курганных насыпей, наличие кольцевых ровиков, микропография курганного могильника как отдельно взятого археологического памятника. Рас-

смаатривая микротопографию могильников и выделяя их древние ядра, состоящие из самых ранних погребений, Я.В. Станкевич предложила свою гипотезу “разрастания” некрополей, чего не делалось ранее.

Сформулированная Я.В. Станкевич концепция о курганных могильниках Ярославского Поволжья стала доминирующей в отечественной науке на долгие годы (почти на двадцать лет). В статье были рассмотрены практически все проблемы, упомянутые в начале очерка, и по каждой из них заявлена аргументированная позиция.

Безусловным новшеством можно считать введение Я.В. Станкевич в археологию Ярославского Поволжья “классового подхода”, когда различия в погребальных наборах инвентаря объясняются социальной и имущественной дифференциацией общества, — в погребальном обряде “находит свое выражение процесс распада родового общества и выделения наиболее обеспеченного слоя населения” (Станкевич, 1941. С. 83).

Заметной особенностью публикации является резкий антинорманистский подход исследовательницы при этнической атрибуции погребений. Однако в данном случае Я.В. Станкевич, создавая собственную теорию расселения славян в Ярославском Поволжье, была ограничена рамками господствующей концепции, сформулированной под давлением государственной идеологии.

Столь тщательный разбор статьи Я.В. Станкевич обусловлен тем обстоятельством, что выход ее публикации относится к периоду в отечественной историографии русско-славянской археологии, когда были разработаны основные методы полевых исследований и научных подходов при обработке полученных данных, сформулированы главные позиции и взгляды на историю Древней Руси, предопределившие дальнейшее развитие археологической науки в последующие периоды. Многие из того, что было сформулировано Я.В. Станкевич, прозвучало в последующих работах, а именно: “торговая” теория проникновения скандинавских предметов (Фехнер, 1963б. С. 75—86; Дубов, 1982. С. 57); конвергентное развитие медвежьего культа в Северо-Восточной Руси и на Аландских островах (Дубов, 1982. С. 27); трактовка памятников как земледельческих поселений (Недошивина, 1963. С. 24—31); топографические наблюдения (Дубов, 1985. С. 80—100); объяснения различий в погребальной обрядности на основании социальной и имущественной дифференциации (Фехнер, 1963а. С. 5—19) и многое другое.

Вышедшая одновременно со статьей Я.В. Станкевич работа Н.Н. Воронина отличается и методикой исследования, и структурой публикации. Проблемный характер публикации позволил Н.Н. Воронину привлечь более широкий круг источников, а именно: письменные свидетельства, археологические материалы и даже данные геральдики (Воронин, 1941. С. 150—189). Также автор освобожден от необходимости публикации археологических данных. Исследование Н.Н. Воронина представляет собой публикацию заранее сформулированной теории с подбором аргументов, базирующихся на различных видах источников.

С работой Я.В. Станкевич публикацию Н.Н. Воронина объединяет “автохтонная и стадильная теория Марра”, положенная в основу создаваемой концепции истории данного региона (Воронин, 1941. С. 150—189). Выдвинутые положения и их аргументация также во многом повторяют тезисы Я.В. Станкевич.

Уже с первых строк автор постулировал “факт наличия в Ярославском Поволжье в XI в. явно выраженного медвежьего культа”, что в свою очередь явилось аргументом в пользу теории о славянской колонизации данного региона из Новгородских земель, ведь именно у словен, с точки зрения Н.Н. Воронина, был распространен культ медведя (Воронин, 1941. С. 150). В теории Н.Н. Воронина глиняные лапы были представлены, как отражение тотемного культа медведя — праотца большой семьи. В рамках созданной концепции исследователь трактовал глиняные кольца как подношение медведю-покровителю (Воронин, 1941. С. 166). Следует отметить, что Я.В. Станкевич в своей работе лишь мимоходом упомянула о случаях обнаружения глиняных колец отдельно и совместно с лапами, никак не объяснив их присутствие в погребениях (Станкевич, 1941. С. 69).*

Развивая теорию стадильности, Н.Н. Воронин указывал на возможность существования медвежьего культа и у финно-угорских племен, и у скандинавов. В частности, им были отмечены проявления культа у финно-угорских племен Восточной Европы — грунтовые погребения с фалангами медведя в Подболотьевском могильнике, у скандинавов — упоминания медведя как сакрального животного в сагах. Обнаруженные муляжи лап на Аланд-

* Что особенно интересно, единственное конкретное указание о совместной находке глиняной лапы и кольца относится к погребению из Петровского могильника — единственному упоминанию могильника в статье Я.В. Станкевич и первому в историографии.

ских островах, с точки зрения Н.Н. Воронина, лишь служат аргументами его теории конвергентного развития культа, согласно которой “медвежий культ не является принадлежностью исключительно финских племен, но характерен для древнейших религиозных представлений ряда народов лесной полосы Евразии, в том числе и славян Севера” (Воронин, 1941. С. 168).

Обращение к работе Н.Н. Воронина, затрагивающей проблемы археологической интерпретации погребальных комплексов Ярославского Поволжья лишь косвенным образом, представляется необходимым в виду того, что его статья стала существенным дополнением к теории Я.В. Станкевич. В дальнейшем практически все археологи, работавшие с материалами Ярославских курганов, были вынуждены рассматривать работу Я.В. Станкевич в совокупности с публикацией Н.Н. Воронина. Кроме того, именно теория Н.Н. Воронина о конвергентном развитии медвежьего культа у населения Восточной Европы и Фенноскандии (правда, уже финно-угорского населения) получила свое “второе рождение” в 1970—1980 гг. в работах И.В. Дубова (Дубов, 1982. С. 27).

Долгое время теория Я.В. Станкевич оставалась доминирующей. Лишь в 1948 г. она была несколько подкорректирована Д.А. Авдусиным (Авдусин, 1948). Он пересмотрел предложенные Я.В. Станкевич датировки Михайловских курганов. Передатировке, прежде всего, подверглись “ранние” комплексы VIII в., ввиду того что исследовательница не обратила внимание на наличие в них вещей более позднего времени. Д.А. Авдусин отнес большинство курганов к X в. и только три комплекса Михайловского признал возможным считать погребениями IX в. Рассуждая о характере курганных некрополей, Д.А. Авдусин выдвинул гипотезу, что это были могильники Ярославля.* В плане научного подхода к археологическим данным Д.А. Авдусин использовал те же методы археологической атрибуции погребений, которые применялись Я.В. Станкевич (Авдусин, 1948).

В заключение статьи имеет смысл перечислить все этапы изучения Ярославских курганов и их отличительные черты и особенности несмотря на то, что работы послевоенных лет, как уже отмечалось, не были включены в обзор.

На первом этапе (1890—1920 гг.) были проведены первые систематические полевые ис-

следования на территории Михайловского и Тимеревского могильников. Полевые работы базировались на методике раскопки курганов траншеей или колодцем. Для полевых отчетов было характерно отсутствие должной терминологии при описании археологических объектов (курганов) и планов. Научный анализ полученных данных основывался на методе общего описания зафиксированных археологических явлений (погребальной обрядности и инвентаря) и выделения наиболее ярких и характерных черт археологических объектов (погребений) с последующей их интерпретацией с привлечением письменных источников. С источниковедческой точки зрения, археологические материалы еще не признаются в качестве самостоятельного исторического источника. Исследователи постоянно ищут подтверждение им в письменных сообщениях. В концептуальном плане для первого историографического периода было характерно признание господствующего положения норманнов в древнерусском обществе. Для могильников была разработана первая “длинная хронология” VIII—XI вв. Большинство погребений признавались славянскими, были определены также основные погребальные традиции населения Ярославского Поволжья.

К первому периоду относятся работы И.А. Тихомирова, Т. Арне, Ю.В. Готье.

Второй период, начало которому положено в 1938—1939 гг., ознаменовался новыми полевыми работами на тех же памятниках. Методика раскопок курганов была существенно усовершенствована. Раскопки проводились теперь “на снос” с составлением подробной полевой документации и планов погребений. Полевые отчеты второго периода выгодно отличаются от прежних разработанной терминологией описания исследуемого археологического объекта (кургана). Высокий уровень полевых исследований позволил советским археологам добавить к методу общего описания зафиксированных археологических явлений, который использовался в прежние годы, методику археологической атрибуции конкретного объекта, рассматривая каждое погребение как комплекс-систему с присущими ему взаимосвязанными элементами погребальной обрядности и инвентаря. В опубликованных научных работах археологические данные выступают уже как самостоятельный исторический источник, тогда как письменные сообщения в археологических исследованиях отходят на второй план. Структура публикации полученных материалов, предложенная Я.В. Станкевич, стала примером для подражания в последующие годы.

* Аналогичное заключение было сделано и в отношении гнёздовских курганов, которые были названы курганным некрополем Смоленска.

Этот период приходится на годы жесткого идеологического контроля со стороны Советского государства всех теорий по общественно-историческим наукам. Именно поэтому в историографии Ярославского Поволжья происходит формирование “патриотической концепции”, в контексте которой население, оставившее курганы, рассматривается исключительно как славянское. В этот же период были заложены основы антинорманизма в отечественной археологии, который существовал на всех последующих историографических этапах советского времени. Нововведением в это время стало привлечение археологических данных для изучения социально-экономического развития общества.

В историографию второго периода включены работы Я.В. Станкевич, Н.Н. Воронина, Д.А. Авдусина, Е. Кивикоски.

В 1960-е годы, на которые приходится третий историографический период, на памятниках вновь были проведены полевые исследования. Методика полевых исследований осталась традиционной. Дополнением стало лишь исследование кольцевых курганных ровиков. Полевые исследования значительно расширили круг археологических источников. В состав могильников Ярославского Поволжья включен еще один — Петровский. Научный подход изучения погребальной обрядности базировался на методе “археологической атрибуции” каждого конкретного погребального комплекса, который возведен в абсолют. За основу публикации археологических материалов взяты структура и схема, предложенные Я.В. Станкевич. Монография “Ярославское Поволжье X—XI вв.” стала “классическим” изданием археологических памятников подобного рода.

В теоретическом плане в эти годы была значительно сокращена хронология бытования могильников: IX—начало XI в. для Тимеревского и Петровского; X—начало XI в. для Михайловского. Большинство заключений было сделано на материалах Тимеревских курганов. М.В. Фехнер сформулировала гипотезу о преобладании среди населения Ярославского Поволжья финно-угров, скорее всего, весской племенной группировки. Теоретические позиции, изложенные исследователями, во многом продолжили традиции второго периода.

К третьему периоду отнесены работы М.В. Фехнер, Н.Г. Недошивиной, Е. Кивикоски, Е.И. Горюновой, П.Н. Третьякова.

Четвертый период — двадцатилетие 1970—1980 гг. — выделен ввиду начала полевых исследований на Тимеревском поселении, что расширило круг привлекаемых источников. Методика

исследования поселения была традиционной для тех лет — раскопки малыми площадями.

На этот период приходится время формирования И.В. Дубовым теории “динамики погребальной обрядности Ярославских могильников”, базирующейся на методе выделения “культурно-хронологических пластов в составе погребальных памятников”. Новшеством был примененный И.В. Дубовым метод комплексного анализа с привлечением данных не только погребений, но и поселенческого комплекса. В этот же период в историографии вспыхнула “концептуальная война” между “московской и ленинградской археологическими школами”.

Прежние исследователи Ярославских могильников (М.В. Фехнер, Н.Г. Недошивина) продолжили изучение памятников. Сохраняя свой научный подход и методы работы, исследователи практически полностью повторили основные положения теории, выдвинутой в 1960-е годы.

В последние годы историографического периода были опубликованы статьи, ставящие под сомнение правомерность всех бытующих концепций этнического определения погребенных, что продемонстрировало некоторую кризисность и тупиковость сложившейся ситуации в отечественной археологии при работе с данными из древнерусских погребальных комплексов IX—X вв.

К четвертому историографическому этапу отнесены работы И.В. Дубова, М.В. Фехнер, Н.Г. Недошивиной, С. Мейландера, М. Дреджера, Л.И. Смирновой, А.Е. Леонтьева.

Последний, современный историографический период (1990-е годы) выделен на основании возрождения идей “норманизма”. Данное явление может быть названо “неонорманизмом 90-х”. Отличительной особенностью современного этапа следует признать тот факт, что именно зарубежные археологи (шведские) были “застрельщиками” новой дискуссии о характере Ярославских памятников при выдвижении на первый план в исследованиях вопроса об этнической принадлежности погребенных. С методологической точки зрения, исследователи пошли по пути выделения из общей совокупности погребений Ярославских могильников исключительно скандинавских захоронений. Основанием для этого послужили сходные со шведскими погребениями признаки погребального ритуала и соответствующие категории инвентаря. И отечественные, и зарубежные археологи заговорили о возможности признания факта широкой миграции населения Фенноскандии в IX—X вв. на территорию Северо-Восточной Руси, по материалам Ярославских мо-

гильников и Тимеревского поселения. Характерной чертой современного этапа является также кабинетный стиль работы, когда полевое изучение памятников более не проводится.

В историографии современного периода рассмотрены работы И. Янссона, И. Каллмера, И.В. Дубова, В.Н. Седых, В.В. Мурашевой.

Заканчивая историографический обзор изучения Ярославских могильников, можно сделать прогноз о возможной в ближайшее время смене господствующей парадигмы. Тезисы о присутствии на памятниках выходцев с Анандских островов вынуждают пересмотреть, и даже изменить все существующие этнические построения, основанные на материалах из по-

гребений. Возможно также, что новые гипотезы будут основываться на ином методологическом подходе — комплексном анализе материалов погребений и поселений. Но обращаясь к уже сформированным теориям и концепциям, стоит отметить, что многое из их положений является характерным для славяно-русской археологии и в историографии других погребальных памятников Древней Руси в IX—X вв. В данном контексте историография Ярославского Поволжья отражает все тенденции развития отечественной археологии в концептуальном и методологическом смысле, которые определяли характер изучения погребальной обрядности в последнее столетие.

Авдусин Д.А., 1948. Дружинные курганы кривичей. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.

Барсов Е.В., 1902. Из истории колонизации и культуры Ростовского края // Труды Ярославского съезда исследователей древностей Ростово-Суздальской области. М.

Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С., 1978. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л.

Воронин Н.Н., 1941. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // МИА. № 6.

Городцов В.А., 1903. Археологическая учебная экскурсия воспитанников Ярославского кадетского корпуса // ИАК. Вып. 6.

Готье Ю.В., 1929. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края // ТСА РАНИОН. М. Т. 4.

Дубов И.В., 1978. Ярославское Поволжье в IX—XI столетиях (Итоги историографии) // Проблемы археологии. Л. Вып. 2.

Дубов И.В., 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.

Дубов И.В., 1985. Города, величеством сияющие. Л.
Кельсиев А.И., 1878—1879. Отчет по раскопкам в Ярославской и Тверской губерниях, проведенным в 1878 году // Антропологическая выставка 1879 года. М. Т. 2.

Леонтьев А.Е., 1991. Так кто же насыпал Ярославские курганы? // Краеведческие записки. Ярославль. Вып. VIII.

Мерперт Н.Я., 1995. Введение // Антология советской археологии. М.

Недошивина Н.Г., 1963. Михайловский могильник // Ярославское Поволжье X—XI вв. М.

Сизов В.И., 1902. Курганы Смоленской губернии // МАР. Вып. 28.

Спицын А.А., 1905. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15.

Спицын А.А., 1906. К истории заселения Верхнего Поволжья русскими // Труды II Областного Тверского историко-археологического съезда. Тверь.

Станкевич Я.В., 1938—1939. Отчет о раскопках. — Архив сектора славяно-русской археологии ЛОИА.

Станкевич Я.В., 1941. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. // МИА. № 6.

Тихомиров И.А., 1897—1898. Отчет о раскопках Михайловских курганов. — Архив ГИМ. Ф. 99. Ед. хр. 42.

Тихомиров И.А., 1906. Кто насыпал Ярославские курганы? Ч. 1. // Труды II Областного Тверского историко-археологического съезда. Тверь.

Тихомиров И.А., 1909. Кто насыпал Ярославские курганы? Ч. 2. // Труды III Областного историко-археологического съезда. Владимир.

Тихомиров И.А., 1914. Славянское заселение Ярославской губернии // Труды IV Областного историко-археологического съезда в г. Костроме в июне 1909 г. Кострома.

Фехнер М.В., 1963а. Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X—XI вв. М.

Фехнер М.В., 1963б. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников // Ярославское Поволжье X—XI вв. М.

Шаскольский И.П., 1978. Норманнская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси. Л.

Ярославское Поволжье X—XI вв., 1963. М.

Arne T.I., 1918. Ett svenskt grawjalt i guvernementet Iaroslav Ryssland. Fornvannen.

Kivikoski E., 1934. Eisenzeitliche Tontatzen aus Aland // Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki. IX.

SUMMARY

I.V. Kuraev

HISTORIOGRAPHY OF THE BURIAL MOUND CEMETERIES IN YAROSLAVL VOLGA REGION

This paper is a review of historiography related to Old Russian mound cemeteries dated to the

Xth—XIth centuries in Yaroslavl Volga region (Michailovskoe, Timerevo and Petrovskoe). As a

whole the historiography of burial necropolises has been divided into five chronological stages. This classification is based on the following principles: the investigation of field reports about burial mounds excavations conducted at different time; various scientific approaches use the interpretation of archaeological data common in different historiographical periods, and, which is the most important consideration, the predominance concepts are typical for each stages.

At the end of the paper we present a conclusion in accordance to which a change of the system is likely to take place in the near future. Data on the presence people that came from the Aland Iselands make us to revise and even to change all

existing ethnical reconstructions based on the artifacts found in the grave.

A new hypothesis likely uses different methodological approaches: a complex analysis of artifacts from burials and settlements. Going back to established theories and concepts, it's worth noting that many of statement are typical for Slavic-Russian archaeology and historiography of the burial sites of Old Russia dated to the IXth—Xth centuries. Within this context the historiography of Yaroslavl Volga region reflects all tendencies of development of Russian archaeology in terms of its concepts which determined the investigation of burial ritual through the past century.

В.В.Мурашева

КУРГАН 1 ИЗ МИХАЙЛОВСКОГО *(Опыт атрибуции и датировки)*

Михайловский могильник, расположенный в 10 км от Ярославля, на левом берегу Волги, относится к кругу памятников, которые обычно называют “дружинными”; они датируются концом IX—началом XI в. и характеризуются наличием оружия в погребениях, смешанным в этническом отношении материалом, причем среди находок обязательно присутствуют предметы скандинавского происхождения.

Предметом рассмотрения настоящей работы стал материал из кургана 1 Михайловского могильника, раскопанного В.А.Городцовым в 1902 г. (Ярославское Поволжье, 1963. С.137). Курган содержит парное погребение по обряду трупосожжения. К мужскому инвентарю относятся согнутый и сломанный меч (тип D по классификации Я.Петерсена), который лежал на урне с костями, стрела-срезень, поясная бляшка и набор железных оковок от щита (отнесен к комплексу предположительно). Среди женского инвентаря — низка каменных бус, подвеска, сделанная из ременной бляшки, три бубенчика. Кроме того, в состав находок входит “усатый” перстень (мог принадлежать как женщине, так и мужчине), льячка, две литейные формы, ременной (уздечный ?) набор, железный ледоходный шип и фрагменты оплавленных предметов. Этническая принадлежность погребенного в кургане мужчины не вызывает сомнений. Обряд порчи оружия является очевидным индикатором принадлежности погребения выходцу из Скандинавии. Подтверждением служит великолепный ременной набор, выполненный в традициях скандинавского декоративно-прикладного искусства.

Комплекс представляет интерес по нескольким причинам. Во-первых, в составе богатого погребального инвентаря встречены предметы, имеющие разные хронологические рамки бытования. Наиболее ранним является

меч, на территории Скандинавии подобные мечи датируются VIII—IX вв. Однако данный комплекс датировался исследователями концом X в. на основании присутствия “усатого” перстня (Ярославское Поволжье, 1963. С. 55). Во-вторых, на примере ременного набора из кургана мы можем наблюдать уникальный случай взаимовстречаемости предметов, украшенных в двух разновременных орнаментальных стилях — Усеберг (вторая половина VIII—IX в.) и Борре (вторая половина IX—X в.). Вследствие вышесказанного интересным представляется еще раз поставить вопрос о датировке комплекса. Особой темой являются наблюдения, связанные с технологией изготовления ременных накладок из кургана 1, именно с этого сюжета начнем рассмотрение инвентаря.

Наборные пояса и сбруя, как известно, получили широкое распространение в эпоху раннего средневековья на всей обширной территории Евразии. Особенно популярны они были у тюркских народов. Большинство исследователей наборные пояса и сбруя трактуются как социально значимый элемент культуры. В X в., особенно во второй его половине, наборные украшения приобретают широкую популярность в дружинной среде. Большинство древнерусских ременных накладок по своему происхождению связано с востоком, прежде всего с Волжской Болгарией. Однако среди огромного массива находок ременных украшений IX—XI вв. с территории Древней Руси встречаются накладки, которые можно атрибутировать, как предметы скандинавского происхождения (Мурашева, 1998. С.154—164). Наиболее ярким признаком северного происхождения является характерный орнамент. Среди древнерусских находок абсолютно преобладают предметы, украшенные в стиле Борре, но изредка встречаются и детали ременной гар-

нитуры, орнаментированные в стиле Усеберг. Необходимо отметить, что на самой территории Скандинавии наборные украшения не получили того широкого распространения, какое они имели в Восточной Европе.

Кроме орнаментального стиля, важной отличительной чертой является специфическая технология изготовления, основанная на том, что первоначальная модель для отливки изделия изготавливалась путем резьбы по воску. Последующие реплики мастер получал чаще всего способом отливки по оттиску готового изделия. Такая схема изготовления позволяла получить большие серии изделий, и это же приводило к тому, что иногда в качестве моделей использовались вещи, уже вышедшие из употребления (Jansson, 1985. S. 221). Это создает для исследователей большие затруднения в вопросах датировки.

Наборные украшения являются исключительно богатным источником для исследования технологии их изготовления. Поскольку накладки представляют собой чаще всего серии, то это помогает выявить те мелкие детали, которые и позволяют сделать предположения о технологии изготовления.

Набор ремennых украшений из кургана 1 включает три ремennые наконечники в стиле Борре, пять бантовидных бляшек и две ажурные обоймы в стиле Усеберг. Принадлежность наборных украшений поясу или сбруе в курганах с трупосожжением, как правило, определить невозможно, однако в данном случае аналогии бантовидным накладкам из Бирки, где они украшали уздечку (Arbman, 1940. Taf. 28, 5; Arbman, 1943. S. 2), говорят в пользу атрибуции рассматриваемого набора как сбруйного. Объемные, богато орнаментированные обоймы также являлись принадлежностью уздечки (Les Vikings..., 1992. P. 273).

Поскольку обряд погребения рассматриваемого кургана — кремация, ремennые наконечники дошли до нас, к сожалению, в различной степени сохранности. Два из них представлены фрагментами, зато третий сохранился полностью. Он смонтирован из трех частей: литой бронзовой ажурной накладки, подкладной пластины из серебряной фольги и дублирующей бронзовой пластины для укрепления ремня. На поверхности хорошо сохранилась позолота. Наконечники имеют вытянутую прямоугольную форму, резко сужающуюся в нижней части. Основу декора составляет ленточное плетение, в состав которого входят три стилизованные маски животного (вверху, в центре и внизу).

Как отмечают авторы статьи, посвященной историографии средневекового ювелирного ре-

месла, наиболее спорным моментом всех реконструкций, связанных с литейной техникой, является вопрос о способе получения первоначальной модели и о материале, из которого она могла быть сделана (Ениосова, Сарачева, 1997. С. 298). Исследование верхних ажурных пластин наконечников с помощью бинокулярной лупы позволило сделать вывод о том, что эти предметы изготовлены при помощи литья по резной восковой модели. Б.А. Рыбаков (Рыбаков, 1948. С. 153–154), Н.В. Рындина (Рындина, 1963. С. 202) и другие исследователи в качестве признаков модели, вырезанной из воска, указывают прерывистые линии, жесткие неровные границы орнамента и специфические следы срезания мягкого материала. В рассматриваемом случае мы можем наблюдать весь набор предлагаемых признаков. Однако мы имеем не единичный предмет, отлитый по восковой модели с потерей формы, а целую серию предметов.

При рассмотрении всей серии ремennых наконечников удастся выявить отчетливую разницу в мелких деталях при полном совпадении общей, довольно сложной орнаментальной схемы. Так, например, левое овальное поле под верхней личиной наконечника в одном случае разделено на пять штрихов, в другом — на четыре, различается конфигурация полосок в составе бордюра из крупных перлов, венчающего наконечники и т.д. (рис. 1). Такие детали очень важны для реконструкции всего про-

Рис. 1. Ремennые наконечники, лицевая сторона (1–2). Михайловское

изводственного процесса, они заставляют предположить, с одной стороны, использование шаблона (в качестве которого мог выступать и первый отлитый по восковой модели с потерей формы наконечник), а с другой стороны, применение промежуточных восковых моделей, позволявшее внести некоторые корректировки орнамента. В данном случае промежуточная модель должна была изготавливаться путем отливки воска в углубленную матрицу (промежуточную форму), полученную в результате оттиска шаблона в пластичный материал.

Некоторую информацию можно получить и при изучении углубленной изнаночной стороны наконечников (сечение верхней пластины — выпукло-вогнутое). По-видимому, после изготовления достаточно массивной промежуточной восковой отливки воск с оборотной стороны частично выбирался для получения заданной толщины пластины. Следы этой операции можно рассмотреть в виде продольных полос с мягкими контурами (рис.2). На этой же стадии формировались штифты из воска, которые расположены не совсем одинаково у разных накладок.

Таким образом, можно предложить следующую схему, описывающую последовательность операций мастера-литейщика:

I Создание первоначальной резной восковой модели.

II Отливка в одноразовой глиняной форме.

III. Получение пластичной формы для изготовления восковых моделей (промежуточных) с помощью оттиска первой отливки.

IV. Отливка серии восковых моделей и корректировка их (включая выборку оборотной стороны и формирование штифтов).

V. Получение одноразовых глиняных форм для литья.

VI. Отливка серии изделий.

Подобная многоступенчатая и довольно сложная схема позволяла получить исключительно качественные серии отливок. Она близка последовательности операций, применяе-

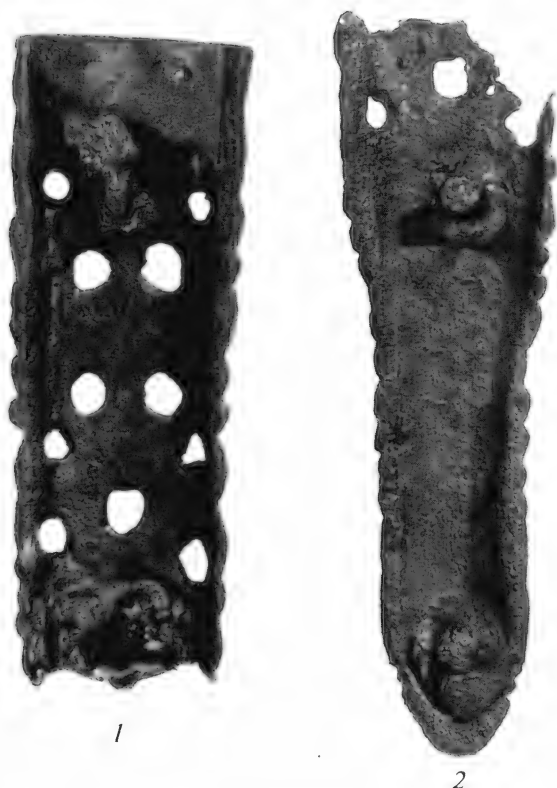

Рис. 2. Ременные наконечники, оборотная сторона (1–2) (увел. в 1,8). Михайловское

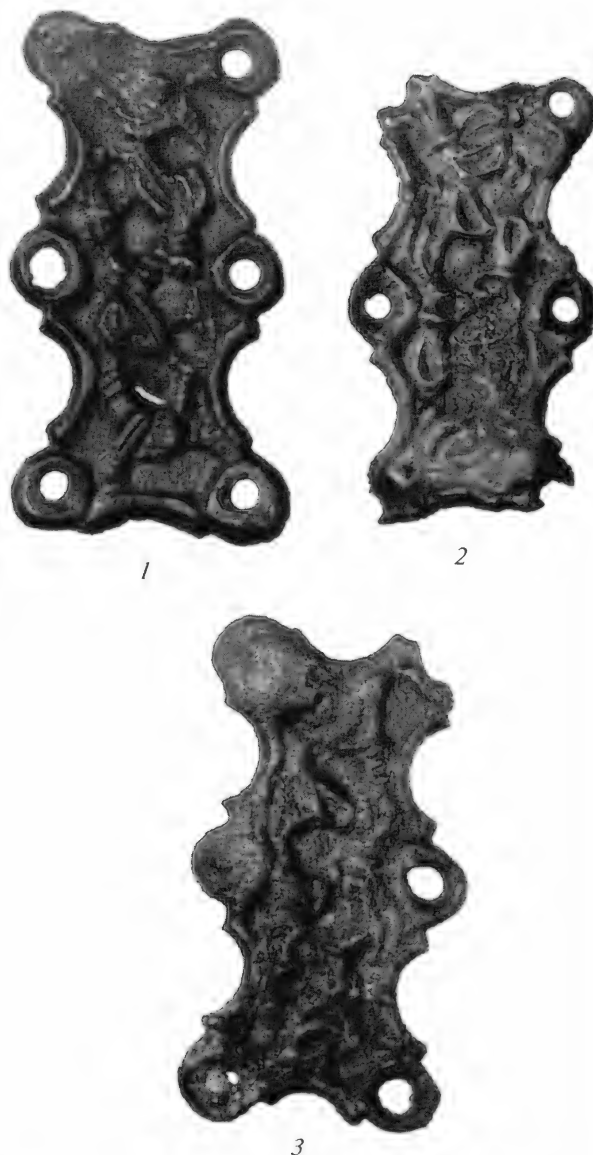

Рис. 3. Бантовидные накладки, лицевая сторона (1–3) (увел. в 2). Михайловское

мых при изготовлении скандинавских овальных фибул (Les Vikings..., 1992. Р. 198–199).

Особую серию представляют собой бантовидные накладки (рис. 3, 4). Из пяти бляшек лишь три имеют удовлетворительную сохранность (от одной из бляшек сохранился лишь фрагмент, другая совершенно оплавлена). Одна из хорошо сохранившихся накладок украшена орнаментальной композицией в стиле Усеберг (стилизованное животное с развевающейся на ветру гривкой). Некоторые детали орнамента разделаны едва заметной насечкой (рис. 3, 3).

Аналогии данной накладке выявлены среди инвентаря погребений острова Готланд. Бантовидные накладки встречены там в двух комплексах: в погребении из Баршалдер (рис. 5, 1–2) и в погребении из Броа/Хегбро (рис. 5, 3) (Thunmark-Nylen, 1995. Abb. 39a, 130). Накладки с Готланда отличаются от рассматриваемых прежде всего конструкцией: они состоят из двух деталей – ажурной бронзовой накладки и подкладной серебряной пластины. Бляшка из Михайловского ближе к украшениям из Броа по орнаментальной схеме, однако разделка декора поперечными насечками сближает ее с накладками из Баршалдер. Подобная разделка безусловно говорит о попытке имитации скандинавских изделий, сделанных с использованием проволоки с поперечными насечками. Очевидно, что одна из бляшек, подобных готландским ажурным, двусоставным, и послужила моделью для бляшки из Михайловского.

Оборотная сторона бляшки из Михайловского бугристая, со следами заглаживания воска (рис. 4, 3), что позволяет предположить, что в промежуточную форму вдавливался тонкий пластик воска и за счет этого образовались неровности и следы заглаживания воска на изнаночной стороне. Возможен и другой вариант реконструкции данного этапа технологической схемы: горячий воск быстро заливался в открытую форму, затем излишки его сливались, в результате и получалась неровная поверхность.

При внимательном рассмотрении всей серии бантовидных бляшек выяснилось, что лишь одна из них украшена в стиле Усеберг, остальные же являются грубым подражанием с геометрическим орнаментом, лишь повторяющим общую схему первой бляшки (рис. 3, 1–2). Очевидно, что в данном конкретном случае бляшку в стиле Усеберг можно рассматривать в качестве первоначальной модели для создания всей серии. Детали формы бляшек с геометрическим орнаментом повторяют все особенности и размер бляшки-шаблона (общий контур, дугообразные ободки между выступами с отвер-

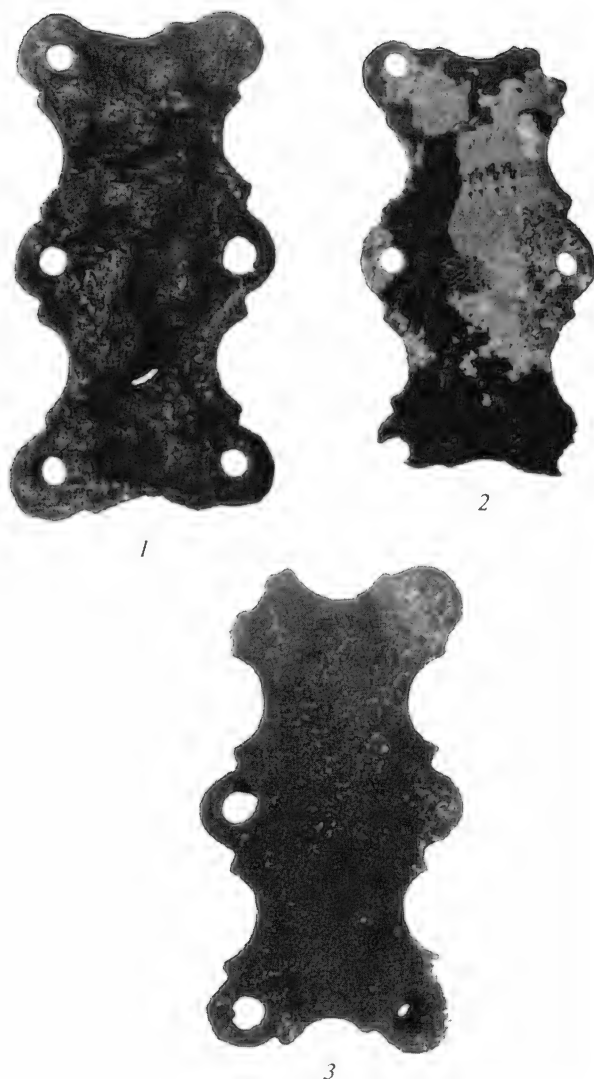

Рис. 4. Бантовидные накладки, оборотная сторона (1–3) (увел. в 1,8). Михайловское

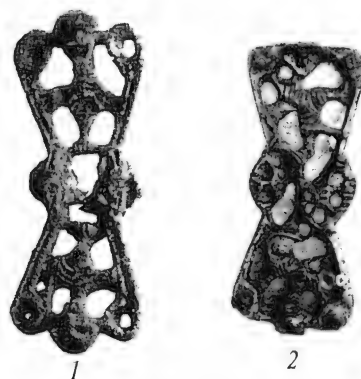

Рис. 5. Накладки. Швеция, о-в Готланд
1–2 – Баршалдер, 3 – Броа (Thunmark-Nylen)

стиями). Однако мастеру оказался непонятен орнамент, и при работе с полученной восковой моделью он не смог его откорректировать. Сохранив общую орнаментальную схему, он

превратил сложную зооморфную композицию в геометрический орнамент, лишь весьма приблизительно напоминающий образец. В дальнейшем в качестве шаблона для получения промежуточной глиняной формы мастер использовал полученную бляшку с геометрическим орнаментом, так как все бляшки этой серии идентичны.

Оборотная сторона бляшек с геометрическим орнаментом совершенно гладкая (рис. 4, 2—3), что позволяет утверждать, что литье промежуточной модели производилось в закрытую форму. Поскольку все бляшки геометрической серии совершенно идентичны, у нас нет оснований предполагать, что после изготовления бляшки-образца, была необходима промежуточная восковая модель, которая подвергалась доработке. Мастер вполне мог получить литейную форму, оттискивая в пластичный материал (глину) бляшку-модель и используя гладкую пластину для второй створки при отливке металла. Такой вариант реконструкции технологической схемы невозможен при изготовлении рассмотренных выше ременных наконечников, так как их оборотная сторона не гладкая и имеет штифты для крепления, формирование которых обязательно требовало использования промежуточной восковой модели.

Итак, на примере бантовидных бляшек можно наблюдать эволюцию предметов, направленную в сторону упрощения как технологии изготовления, так и орнамента. В области технологии мы наблюдаем две стадии: изготовление двусоставной биметаллической вещи сменяется отливкой накладки из медного сплава. Все бляшки из Михайловского относятся ко второй стадии, последовательность операций мастера-литейщика повторяет схему отливки ременных наконечников. Орнамент также претерпел две стадии развития: осознанное создание зооморфной композиции (бляшки с Готланда и бляшка в стиле Усеберг из Михайловского) и трансформацию орнамента в геометрический (серия накладок из Михайловского).

Кроме накладок, в состав ременного набора входят две обоймы с ажурным верхом, украшенные в стиле Усеберг (рис.6). Вопрос о реконструкции технологии их изготовления вызывает затруднения. Во-первых, очевидно, что ажурный верх выполнен с использованием первичной восковой модели и промежуточной модели, так как в наличии все признаки данной технологии — при полном совпадении орнаментальной схемы отчетливо прослеживается небольшая разница в деталях. Скоба отлита вместе с ажурным верхом, причем полностью от-

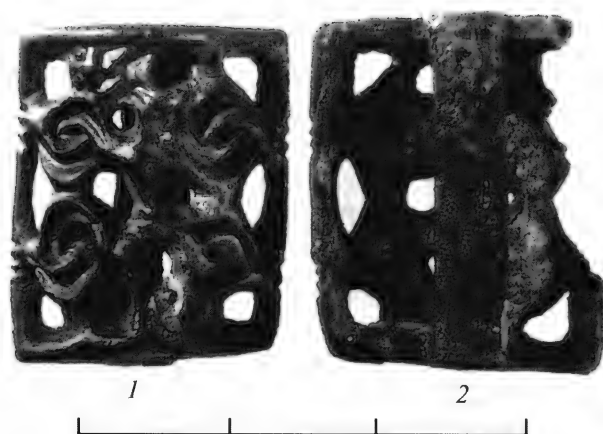

Рис. 6. Ажурная обойма. Лицевая (1) и оборотная (2) сторона. Михайловское

Рис. 7. Перстень. Михайловское

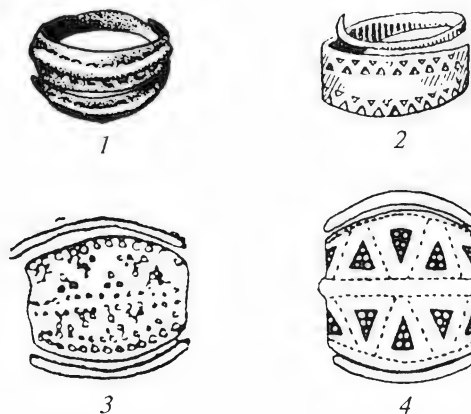

Рис. 8. Перстни

1 — Швеция, о-в Оланд (*Beskow Sioberg*, 1987), 2 — поселение Крутик (*Голубева, Кочкуркина*, 1991), 3 — Дубовский могильник (*Архинов*, 1994), 4 — Финляндия, могильник Луистари (*Leontosalo-Hilander*, 1995)

сутствуют какие-либо следы литейных швов или свидетельств монтирования деталей восковой модели. Можно предположить, что изготовление данного изделия проходило с использова-

нием стержня из специальной массы для формирования полости обоймы. Видимо, сначала создавался сплошной восковой покров для стержня, а затем боковые грани восковой модели вырезались для получения полосы, образующей скобу, следы срезания воска видны на изделии при изучении его с помощью бинокулярной лупы. После отливки стержень выкрашивался.

Как уже отмечалось, комплекс датировался концом X в. на основании наличия в его составе “усатого” перстня с пластинчатым щитком и чеканным орнаментом в виде зигзага и “волчьего зуба” (рис. 7) (Ярославское Поволжье, 1963. С. 55). Поскольку, по сути дела, именно перстень и явился основным аргументом для датировки комплекса, хотелось бы подробнее остановиться на этом вопросе.

“Усатые” перстни имеют широкую датировку. Они появляются на территории, например, Скандинавии еще в V в. (рис. 8, 1) (*Beskow Sjöberg*, 1987. Р. 379; и др.). Экземпляры, наиболее морфологически близкие перстню из Михайловского, также с чеканным орнаментом типа

“волчий зуб” были найдены на городище Крутик на Шексне (рис. 8, 2) (*Голубева, Кочуркина*, 1991. С. 75. Рис. 37, 6) и среди марийских древностей, в погребении 52 Дубовского могильника (рис. 8, 3) (*Архинов*, 1984. С. 146. Рис. 12, 9). Городище Крутик Н.А. Макаров датирует концом IX — третьей четвертью X в. (*Макаров*, 1988. С. 79). Датировка погребений Дубовского могильника не разработана, однако в погребении 52 были найдены две монеты, одна из них, Саманидская — Наср ибн Ахмеда (933–941 гг.), вторая происходит из Волжской Болгарии и выпущена при Микаиле ибн Джафаре (точное время его правления неизве-

Рис. 9. Меч. Михайловское

Рис. 10. Бусы

1 — низка бус, Михайловское, 2 — бусина в виде восьмигранной призмы с пирамидальными концами (*Callmer*, 1977)

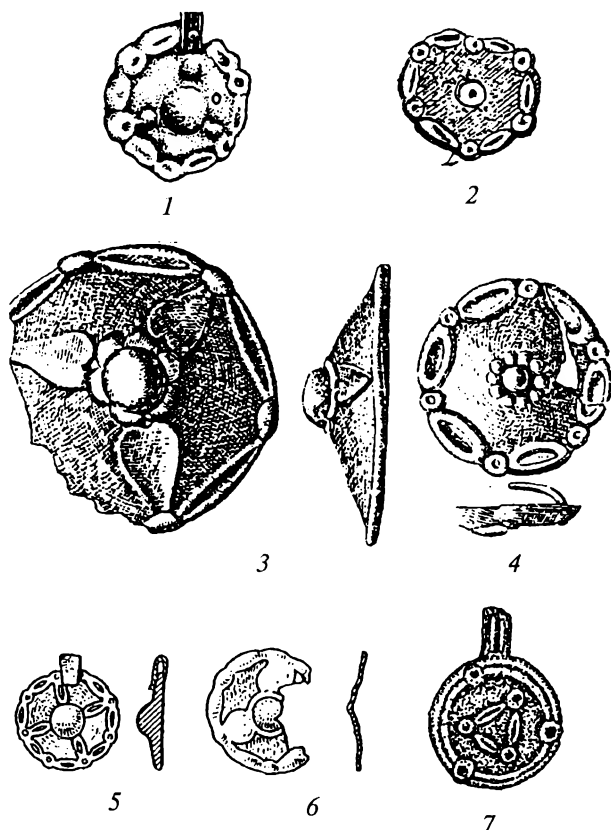

Рис. 11. Бляшки и бляшки-подвески

1–2 – Михайловское, 3–4 – Бальмеры (Казаков, 1986), 5–6 – Танкеевский могильник (Казаков, 1972), 7 – Швеция, Бирка

стны; видимо, его монеты относятся ко времени не ранее 920-х годов и не позднее 950-х годов) (Федоров-Давыдов, 1984. С. 160, 162). Таким образом, возможная дата рассматриваемого погребения из Дубовского могильника – середина X в.

Необходимо отметить, что типологически близкие перстни встречаются в Финляндии. В составе инвентаря хорошо изученного могильника Луистари перстни интересующего нас типа (II:2b – рис. 8, 4) встречены 7 раз, из них два в погребениях периода с 880 по 950-е годы, остальные относятся к промежутку времени от 1000 до 1130 г. (Lehtosalo-Hilander, 1982. Р. 124, 126, 185–187). Таким образом, обзор аналогий говорит о том, что “усатые” перстни бытовали, по крайней мере, с конца IX в. и датировка погребения в кургане 1 Михайловского концом X в. по перстню не имеет оснований.

Обратимся к другим датирующим предметам. Одним из них является меч типа D (Кирпичников, 1966. Табл. IV, 1). Мечи этого типа отличаются массивным округлым навершием, навершие и перекрестье украшены литыми бронзовыми орнаментированными накладками. Рукоять (верхняя часть утрачена) и пере-

крестье меча из Михайловского отлиты из бронзы и оформлены V-образным и циркульным орнаментом (рис.9). Мечи этого типа встречаются в Скандинавии (Petersen, 1919. S. 70–75), в Ирландии (Les Vikings... Р. 292) и в позднеаварских древностях (памятник Блатница.–Benda, 1963. S. 200–206), и нигде их бытование не выходит за пределы IX в. Дата же меча из Михайловского омолаживалась до второй половины X в., исходя из датировки всего комплекса по перстню, что значительно расширяло хронологические рамки бытования этого типа оружия (Кирпичников, 1966. С. 26).

Информацию для датировок представляют также бусы. Среди женского инвентаря комплекса встречена низка сердоликовых и хрустальных бус. В состав ожерелья входят 6 призматических сердоликовых бусин, 2 шаровидные, 1 шаровидная гранчатая и 2 четырнадцатигранных. Среди хрустальных бус – 2 призматические и две в виде восьмигранной призмы с пирамидальными концами (рис. 10, 2). Все представленные типы бус имеют широкую датировку на территории Восточной и Северной Европы. В Скандинавии интересные нас типы бус имеют бытование с 860 по 1000 г., круглые сердоликовые появляются раньше – с 820 г. Единственный тип бус, которые имеют более узкую дату, – это бусы в виде восьмигранной призмы с пирамидальными концами (рис. 10, 2) – они не встречаются после 950 г. (Callmer, 1977. Р. 225). М.В. Фехнер отмечает, что на территории Древней Руси подобные бусы являются редкостью, они встречаются лишь в “дружинных” памятниках IX–X вв. (Фехнер, 1959. С. 156). В Старой Ладого они не встречены (Рябинин, 1995. С. 56–61), среди мест находок можно упомянуть курган 348 Тимерева, который исследователи датируют первой половиной X в. (Фехнер, Недошивина, 1987. С. 81) и городище Супруты в Тульской области (ГИМ. Оп. 2728), которое погибло предположительно в 960-е годы (Исюмова, 1983. С. 90). Таким образом, ожерелье в целом можно датировать первой половиной X в.

Важной деталью является также наличие в данном комплексе двух бляшек “восточного” облика, одна из которых превращена в подвеску (рис. 1–2). Бляшки имеют круглую форму, по краю – ободок, в составе которого чередуются круги и овалы. В центре бляшки-подвески – полусферический выступ, в центре ременной бляшки – кольцевидный выступ. Подобные бляшки встречены в Танкеевском могильнике (рис.11, 5–6). Одна из них также превращена в подвеску и происходит из детского погребения 476, которое Е.П.Казаков да-

тирует второй половиной IX в. Вторая бляшка найдена вне комплекса, однако на том участке могильника, где погребения датируются рубежом IX–X вв. Подобные бляшки входили в состав комплекса одного из Бальмерских курганов с мечом типа Е (рис. 11, 3–4) (Казаков, 1986. С. 78–79). Более далекие аналогии встречаются в Венгрии среди материалов X в. (Казаков, 1972. С. 162–163). Достаточно близкая аналогия зафиксирована в погребении 306 А Бирки (рис. 11, 7) (Arbman, 1940. Taf. 96, 12), где бляшки-подвески “восточного” происхождения встречаются в женских погребениях, самое позднее из которых датируется по монете 925 г. (Jansson, 1986. S. 89).

Таким образом, учитывая совместное нахождение предметов, украшенных в двух разновременных орнаментальных стилях (причем более ранний из них подвергся частичному переосмыслению), а также датировки других предметов, представляется возможным предложить первую половину X в. как наиболее вероятную дату комплекса.

Нет никаких сомнений в том, что мужчина, похороненный в рассматриваемом кургане, — выходец из Скандинавии, иммигрант. Обряд порчи оружия, уздечный набор северного происхождения со всей очевидностью свидетельствуют об этом. Более точно адрес указать невозможно, хотя поиск аналогий ремennому набору указывает на остров Готланд. Вполне возможно, что и мастер, изготовивший данный набор был скандинавом, так как даже бантовидные накладки с геометрическим орнаментом отлиты в рамках традиционной для этого вида украшений технологической схемы. Однако мастер (и, очевидно, заказчик тоже) не понял истинный смысл устаревшего уже орнаментального стиля. Видимо образец (бантовидная накладка в стиле Усеберг) хранился в семье хозяина вещи достаточно ощутимый отрезок времени для того, чтобы смысл его оказался утраченным. Может быть хозяин был иммигрантом во втором поколении и бережно хранил старые вещи с родины: например, меч такого вида, мода на который прошла уже полвека тому назад.

Можно ли что-нибудь сказать о женщине, похороненной вместе с этим выходцем из Скандинавии? В работах некоторых исследователей обсуждался вопрос об этносе и социальном статусе женщин, погребенных в одновременных парных погребениях. А.Стальсберг полагает, что это могли быть наложницы скандинавов из местной среды и в этом случае скандинавские украшения могли быть подарком и не являться этническим индикатором (Стальс-

сберг, 1987. С. 78). Ю.Э.Жарнов считает, что наложница могла быть из любой этнической среды, определить которую сложно, так как ее костюм был обусловлен, по-видимому, вкусами среды из которой происходил хозяин (Жарнов, 1991. С. 215). В.Я.Петрухин полагает, что женщина, погребенная с воином, относилась к категории “девушек” (из челяди — домашних рабов). Она как “валькирия” должна была сопровождать павшего в воинский рай — Вальхаллу (Петрухин, 1993. С. 84).

К вещам, сопровождавшим женщину из погребения, очевидно, относятся ожерелье, бляшка-подвеска и, возможно, бубенчики. Представляется, что к женскому инвентарю можно отнести также две литейные формы, выполненные из мягкого камня, и льячку (рис. 12, 1).

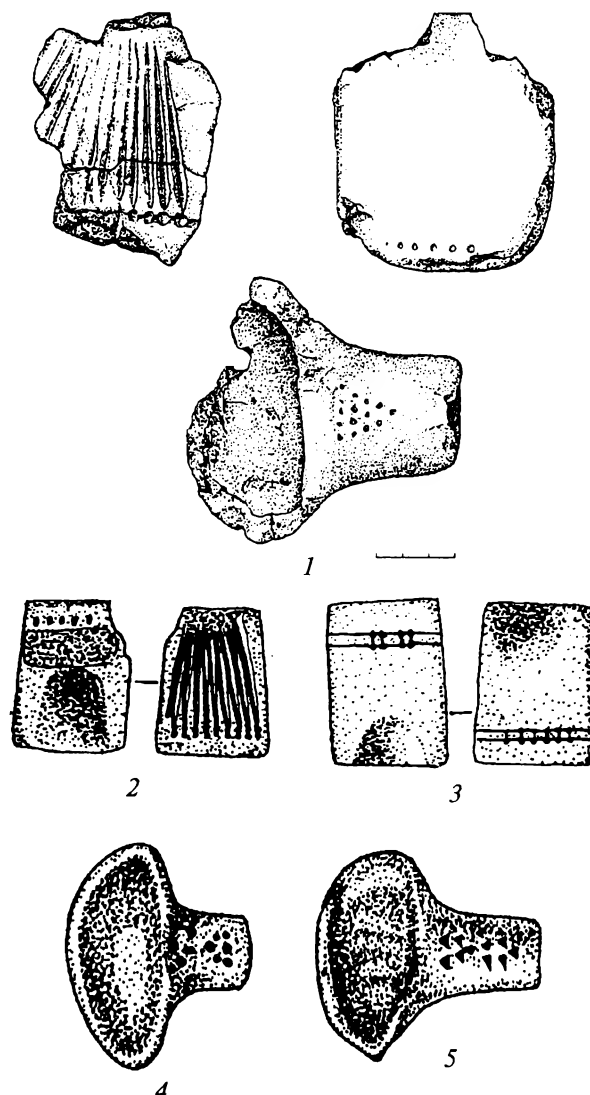

Рис. 12. Литейные формы и льячка
1 — Михайловское, 2–5 — Сарское городище

Исследование Л.А. Голубевой убедительно показало, что у многих финно-угорских племен, орудия, связанные с отливкой (лячки, литейные формы) найдены в женских погребениях (Голубева, 1984. С. 75–89) и свидетельствуют о наличии женского ювелирного ремесла. В трех погребениях могильников Ярославского Поволжья также зафиксированы находки литейных инструментов в женских погребениях (Ярославское Поволжье, 1963. С. 33).

На одной из литейных форм из кургана 1 хорошо читается система узких, расходящихся веером литников, завершающихся маленькими округлыми углублениями. Подобные литейные формы довольно широко распространены в районах, где проживало финно-угорское население. Так, например, близкие аналогии литейным формам из Михайловского происходят из могильника Сарского городища (рис. 12, 2, 3) (Леонтьев, 1996. С. 128. Рис. 50, 2, 5, 6), из слоя городища Супруты (ГИМ. Оп. 2727). Наиболее близкая аналогия лячке, ручка которой украшена точечными вдавлениями, образующими треугольник, также происходит из Сарского городища (рис. 12, 4, 5) (Леонтьев, 1996. С. 128. Рис. 50, 14).

Поскольку орудия, характеризующие женское литейное дело, связаны преимущественно с финно-угорским миром и совершенно не

встречаются ни в славянских, ни в скандинавских древностях, можно утверждать, что женщина, погребенная со скандинавом, происходила из местного аборигенного населения. Низку импортных каменных бус, которые явно характерны для дружинного славяно-скандинавского мира, видимо, можно считать подарком хозяина своей рабыне. Скандинавским же украшением можно предположительно считать и бляшку-подвеску. Именно такой способ использования непонятных в контексте собственной культуры “восточных” ременных бляшек свойствен для скандинавов в эпоху викингов. Подобные украшения в изобилии найдены в Бирке (в 20 погребениях – Jansson J., 1986. S. 81), они встречены также в Гнёздове (Путь из варяг..., 1996. С. 53), в Седневе (ГИМ. Оп. 794/2), в Тимереве (Фехнер, Недошивина, 1987. С. 80), – т. е. в тех памятниках, в которых присутствуют скандинавские древности. Таким образом, инвентарь погребения предоставляет уникальную возможность определить этническую принадлежность “валькирии” и выделить подарки, которые она получила от воина.

Подводя итоги, можно сказать, что в кургане 1 Михайловского погребен мужчина-скандинав вместе со своей наложницей, происходившей из местных жителей. Погребение было совершено в первой половине X в.

Архипов Г.А., 1984. Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола.

Голубева Л.А., 1984. Женщины-литейщицы (К истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА. 4.

Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991. Белозерская Весь (По материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.

Енисова Н.В., Сарачева Т.Г., 1997. Средневековое ювелирное ремесло Европы: основные аспекты в истории изучения // Древности Евразии. М.

Жарнов Ю.Э., 1991. Женские скандинавские погребения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово. М.

Изюмова С.А., 1983. Древности Тульской земли // Путешествия в древность. М.

Казаков Е.П., 1972. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. М.

Казаков Е.П., 1986. О ранних контактах волжских булгар со славянами и поволжскими финнами по археологическим материалам // Волжская Булгария и Русь. Казань.

Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. М.; Л. Т. I.

Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.

Макаров Н.А., 1988. Средневековые памятники Белозерской округи (Археологическая карта и комментарий) // Проблемы изучения древнерусской культуры (Расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М.

Мурашева В.В., 1998. Скандинавские наборные ременные накладки с территории Древней Руси // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.

Петрухин В.Я., 1993. Скандинавская женщина на востоке: жена, рабыня или “валькирия”? // XII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М.

Путь из варяг в греки и из греков..., 1996. Каталог выставки. М.

Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.

Рындина Н.В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. М. 117.

Рябинин Е.А., 1995. Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы (Новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналогии) // Ладога и Северная Русь. СПб.

Стальсберг А., 1987. Женские вещи скандинавского происхождения на территории Древней Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М. Т. III, вып. 16. Секция V.

Федоров-Давыдов Г.А., 1984. Монеты из Дубовского могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола.

Фехнер М.В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. М. Вып. 33.

Фехнер М.В., Недошивина Н.Г., 1987. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 2.

Ярославское Поволжье X–XI вв., 1963. М.

Arbman H., 1940. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm; Uppsala.

Arbman H., 1943. Birka I. Die Gräber. Text. Stockholm; Uppsala.

Benda K., 1963. Karolinská složka blatnického nálezu // Slovenská archeológia. XI, 1.

Beskov Sjöberg M. (red.), 1987. Ölands järnåldersgravfält. Kalmar. Vol.I.

Callmer J., 1977. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A.D., Lund.

Jansson J., 1985. Ovala spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fyndet. Uppsala.

Jansson J., 1986. Gürtel und Gürtelzubehör. Birka II:2. Stockholm.

Lehtosalo-Hilander P.L., 1982. Luitsari. Helsinki. Vol. II.

Petersen J., 1919. De Norske vikingesverd. Kristiania.

Thunmark-Nulén L., 1995. Die Wikingerzeit Gotlands. Stockholm.

Les Vikings... Les scandinaves et l'Europe 800–1200: Catalogue de l'exposition. 1992. Uddevalla.

SUMMARY

V.V. Murasheva

MOUND 1 FROM MIKHAILOVSKOYE

(Attempt of attribution and dating)

The article is dealing with grave goods from one of mound near village Mikhailovskoye (Yaroslavl' district).

The analysis of grave goods allows to suggest the first half of the Xth century as a most probable date of this complex (formerly it was dated back to the end of the Xth century). The Scandinavian incomer was buried in this mound. Supposedly he

belonged to the second generation of immigrants who kept the old fashion things (sword, bridle) taken from their native land. The warrior was followed by a concubine on his way to the Next World. A woman could have been a representative of Finno-Ugrian tribe as a number of casting moulds found in the studied mound (peculiar to the Finno-Ugrian World).

Т.А.Пушкина

ТРИЛИСТНЫЕ СКАНДИНАВСКИЕ ФИБУЛЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Среди разнообразных украшений и деталей костюма разноэтничного населения Восточной Европы IX—XI вв. отдельную группу составляют фибулы особых форм, не имеющие прототипов в местном материале и, за редким исключением, не получившие здесь дальнейшего развития. Более 300 застежек оригинальных форм находят ближайшие аналогии в материалах Северной Европы, где их история прослеживается достаточно отчетливо. Часть этих фибул, будучи элементом особого покроя скандинавской женской одежды, видимо, попала в Восточную Европу вместе со своими владельцами, часть была изготовлена уже на новом месте обитания (Пушкина, 1972; Ениосова, 1998. С. 74—77).

Самыми многочисленными находками как на территории Скандинавии, так и Восточной Европы являются овальные фибулы, обычно употреблявшиеся парами и служившие для скрепления бретелей верхней одежды (Geijer, 1938. S. 139, 153—155). Более скромное место по количеству находок занимают так называемые трилистные фибулы. Лепестки фибул имеют, как правило, округлые концы (прямоугольные очертания отмечены у наиболее ранних находок). Предполагают, что подобная форма заимствована и возникла в Северной Европе в результате модификации каролингской трилистной ременной бляхи (Petersen., 1928. S. 93—96). В норвежских памятниках эти фибулы известны уже к концу IX в., но основная часть находок датируется X в. — такая же картина наблюдается и на материалах Швеции (Petersen, 1928. S. 114; Hårdh, 1984. S. 92—93). Находки бронзовых фибул связаны преимущественно с могильниками, где, как правило, они найдены вместе с овальными и очень редко — отдельно. Несколько (не более 10) серебряных экземпляров оказались в составе кладов Западной Норвегии и Южной Швеции (Hårdh, 1976. S. 68—69).

Поверхность фибул обычно украшена геометрическим или зооморфным орнаментом, растительный орнамент встречается лишь изредка. С внешней стороны центральная часть фибулы слегка выпуклая, с обратной — ровная или иногда вогнутая. На оборотной стороне в горизонтальном положении располагается короткая железная игла, крепление которой находится на одном лепестке, а приемник — на другом. В некоторых случаях игла оказывается расположенной между лепестками — тогда крепление иглы и приемник находятся на осевой линии одного из лепестков, т.е. вертикально (рис.1, 1, 2). Крепление и приемник отливались одновременно с самим телом фибулы, так же, как и петля для цепочек на третьем лепестке. Однако среди скандинавских находок не все фибулы имеют такую петлю. Обычно она отмечена у фибул с горизонтальным расположением иглы. Размер фибул варьирует довольно широко и, например, у находок из Бирки он колеблется от 29,8 до 69,5 мм (определяется по расстоянию между вершинами пары лепестков. — Hårdh, 1984. S. 86—88).

Если число найденных на территории Европы и Исландии овальных фибул достигает примерно 3000 (Jansson, 1985. S.12), то, судя по литературе, трилистные представлены не менее чем 120 экземплярами. В единственной давно вышедшей сводке скандинавских фибул, обнаруженных на территории Древней Руси, значатся всего восемь находок. Они соответствуют 155 фибулам овальной формы (Дедюхина, 1967). В целом, как мне кажется, соотношения примерно одинаковы.

Объем археологического материала по интересующей нас теме за годы после выхода работы В.С.Дедюхиной значительно вырос. В настоящее время можно указать еще семь застежек трилистной формы, три из которых открыты в результате археологических исследо-

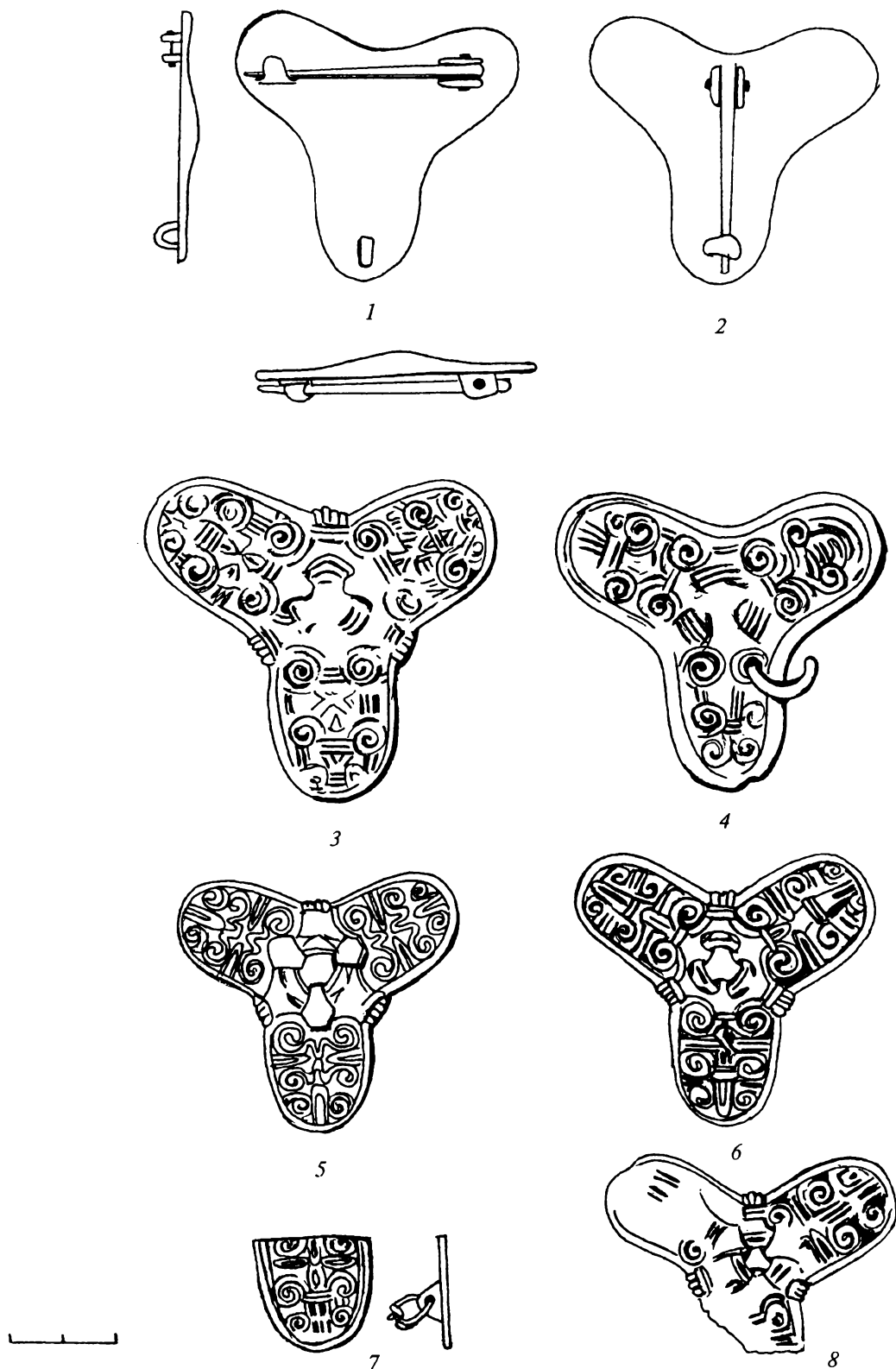

Рис.1. Трилистные фибулы

1-2 — схема конструкции трилистной фибулы; 3-8 — находки фибул типа 90 ЯП (3 — Нюбиничи, курган 1, раскопки А.М. Линевского; 4 — Валданица, курган 1, раскопки Д. Европеуса; 5 — Владимирские курганы; 6 — Дрендери, погребение 324, раскопки М.Атгазиса; 7 — Гнёздово, курган 53, раскопки С.И. Сергеева; 8 — место находки неизвестно)

ваний последних лет. Таким образом, имеются сведения всего о 15 трилистных фибулах, разбросанных по огромной территории от южного побережья Балтики до Волго-Окского междуречья и от юго-восточного Приладожья до Среднего Поднепровья (рис.2). Из 15 восточ-

ноевропейских находок 12 происходят из погребений, одна найдена при раскопках поселения и у двух обстоятельства и место обнаружения неизвестны*.

Общая типология скандинавских трилистных фибул, предложенная Я.Петерсеном, была

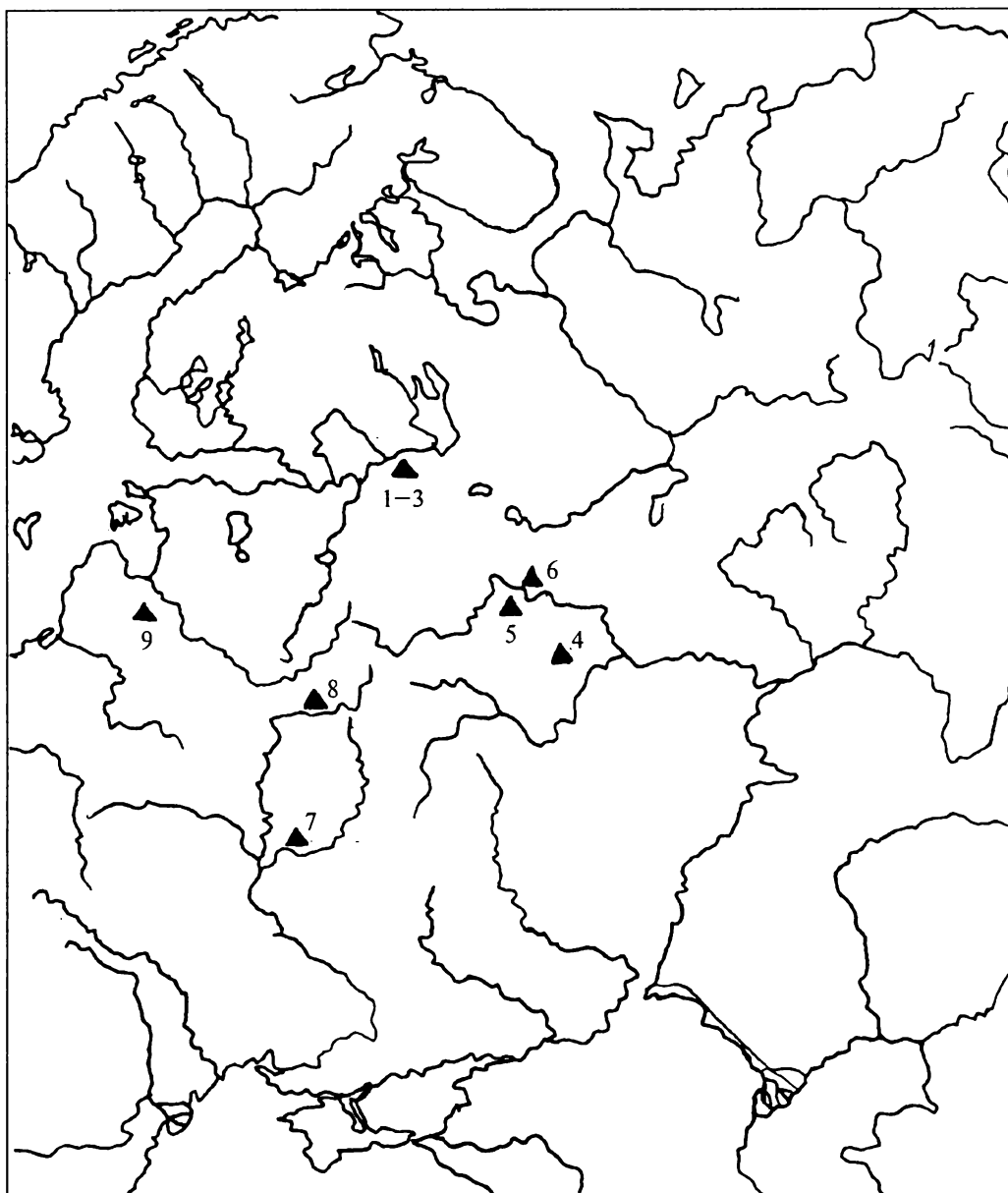

Рис.2. Находки трилистных скандинавских фибул на территории Восточной Европы

1 — Нюбиничи, 2 — Валданица, 3 — Вахрушево, 4 — Владимирские курганы, 5 — Тимерево, 6 — Михайловское, 7 — Шестовица, 8 — Гнёздово, 9 — Дрендери

* Вполне вероятно, что на самом деле число находок трилистных фибул окажется большим, поскольку мною использованы данные, содержащиеся только в публикациях, архивах ИА РАН и ИИМК РАН, и коллекции ГИМ. Однако это не изменит общее соотношение находок скандинавских украшений. К сожалению, не сохранилась до настоящего времени фибула, найденная при раскопках Владимирских курганов. Мне была недоступна фибула из раскопок Д.Европеуса в Приладожье и хранящаяся ныне в Национальном музее в Хельсинки, поэтому определение этих предметов сделано на основе опубликованных в свое время изображений.

авторски использована Б. Хорд при исследовании находок Бирки, в результате чего привычные для многих археологов типы норвежского исследователя оказались объединены в несколько групп на основе наиболее общих характеристик орнаментации (*Hårdh*, 1984. С. 88 — 92). Такая система кажется более правильной, поэтому восточноевропейские находки рассмотрены мною с учетом этой работы.

Все наши фибулы за исключением одной выполнены из бронзы* и на основе орнаментации распределяются по четырем группам Б. Хорд — 1, 2, 3 и 5.

Первая группа характеризуется спиральным орнаментом и включает в себя фибулы типа 90 по Яну Петерсену (далее — ЯП). Плетеный орнамент таких фибул составляют парные спирали и петли по обе стороны осевой линии каждого из лепестков и треугольная композиция на выпуклой центральной части, в основании выемок между лепестками помещены слабовыраженные выступы. Эта группа наиболее многочисленна среди восточноевропейских находок и насчитывает 8 экземпляров (рис. 1, 3 — 8). Три экземпляра происходят из курганов юго-восточного Приладожья (рис. 1, 3, 4), один найден во Владимирских курганах (рис. 1, 5), один — в Гнёздовских (рис. 1, 7), два найдены в земгальском могильнике на территории Латвии (рис. 1, 6) и место находки последнего точно неизвестно (рис. 1, 8). Три находки с древнерусской территории имели горизонтально расположенные иглы, кроме того у них сохранились петли для прикрепления колечек или цепочек, а к фибуле из Вахрушева на проволоочном колечке подвешены два крестопрорезных бубенчика (*Кочуркина*, 1989. С. 181). У фибулы из Валданицы проволоочное колечко продето в отверстие, пробитое у основании одного из лепестков. В этом случае можно предполагать вертикальное расположение иглы. У обеих латвийских фибул иглы расположены вертикально и соответственно петли для цепочек или привесок отсутствуют. Две фибулы из Приладожья имеют следы позолоты на лицевой стороне; обе находки из Латвии оказались лужеными. Несмотря на то, что все названные фибулы относятся к одному и тому же типу, они имеют незначительные различия в декоре и размерах, которые колеблются от 52 до 65 мм.

Аналогичные трилистные бронзовые позолоченные фибулы с плетеным спиральным орнаментом хорошо известны по раскопкам

нескольких шведских могильников (*Arbman*, 1940. Taf. 74, 1, 4; *Arne*, 1934. Taf. XII, 1; *Jansson*, 1985. S. 210; *Strömberg*, 1961. Taf. 70, 3). Петерсен считал, что фибулы этого типа более характерны для территории Швеции и датировал норвежские находки второй половиной IX в. (*Petersen*, 1928. S. 101—104). Однако, по мнению Б. Хорд, шведский материал скорее указывает на более позднее время. Исследовательница относит эту группу находок к концу IX—X в. и считает ее типично восточношведской, вероятно, возникшей в Бирке (*Hårdh*, 1984. С. 88—89).

Вторая группа характеризуется четко построенным плетеным ленточным орнаментом, иногда содержащим изображение звериных лапок или треугольного узла в центре. К этой группе условно может быть отнесена крупная позолоченная фибула из Тимерева (рис. 3, 1). Поверхность ее покрыта изображением несколько беспорядочного плетения двойной или тройной ленты, бортик лепестков гладкий. В центре расположен двойной круглый выступ, так же украшенный упрощенной плетенкой. Сзади сохранилась железная горизонтально расположенная игла, а на поверхности третьего лепестка прослеживается слабый след припоя на месте утраченной петли. Размер фибулы необычайно велик — около 80 мм. Точные аналогии этой фибуле найти не удалось. В целом по характеру орнаментации она скорее близка крупным односкорлупным круглым фибулам типа 120 ЯП. Ни у одного из типов скандинавских трилистных фибул не отмечен двойной круглый выступ в центре, отличающий тимревскую находку.

Третья группа характеризуется U-образной схемой расположения ленточного или горошчатого орнамента, повторяющего контур лепестков фибул, и включает в себя фибулы типов 92, 94 ЯП, выпуклая центральная часть которых украшена геометрическим или стилизованным плетеным орнаментом. Вероятно, прототипом фибул данной группы являются застёжки с растительным орнаментом западноевропейского происхождения (*Hårdh*, 1984. С. 89). К этой группе относятся две находки, декор которых соответствует типу 94 ЯП (рис. 3, 2, 3). Гнёздовская находка представляет собой обломок трилистной фибулы, отлитой из низкопробного серебра, с остатками крепления и железной иглы на оборотной стороне. В данном случае игла должна была располагаться вертикально и фибула не могла иметь петлю для цепочки или подвески. По краю лепестка расположен орнамент в виде ленты с уступами. Середину его занимает изображение пле-

* Под бронзой в данном случае понимается сплав на медной основе.

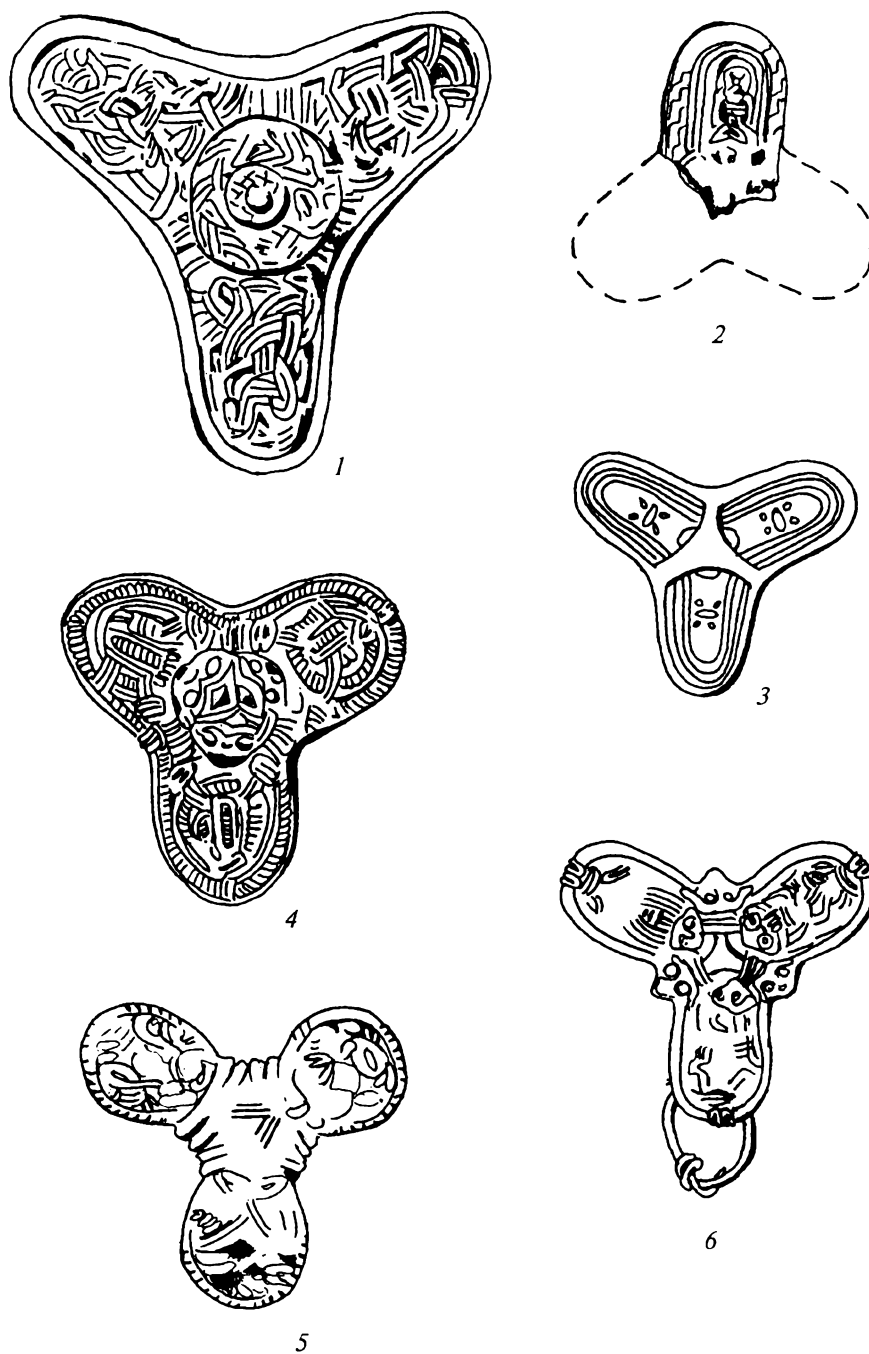

Рис.3. Находки фибул типов 94 ЯП, 97 ЯП, 113 ЯП и неизвестного типа

1 – Тимерево, курган 394, раскопки М.В. Фехнер; 2 – Гнёздово, Центральное городище, раскопки Т.А. Пушкиной; 3 – место находки неизвестно (Рюриково городище ?); 4 – Гнёздово – случайная находка; 5 – Шестовица, курган 59, раскопки Д.И. Блительда; 6 – Гнёздово, курган 9, раскопки В.И. Сизова

теного треугольника с перехватом и узлом из четырех отрезков лент. Реконструируемый размер фибулы около 55 мм (рис. 3, 2). Вторая фибула (место находки неизвестно, предположительно — Рюриково Городище) изготовлена из бронзы. Лицевая сторона украшена трехконечной звездой из узкой ленты, расположенной в центре, и гладкой рамкой; середину каждого лепестка занимает стилизованный растительный (?) орнамент. Сохранились крепление и приемник иглы, указывающие на ее горизонтальное расположение, и петля для цепочки или проволочного кольца. Размер фибулы 42 мм (рис. 3, 3).

Несмотря на довольно большое количество находок фибул этой группы, найти близкую аналогию оказалось не просто. Наиболее близки нашим находкам обломок фибулы из Эрикстейна в южной Норвегии (*Petersen*, 1928. Fig. 94) и целая застежка из одного из погребений Бирки (*Arbman*, 1940. Taf. 73, 2).

Пятая группа трилистных фибул характеризуется плетеным зооморфным орнаментом в сочетании с помещенными в анфас звериными масками в стиле Борре. Ее представляют три восточноевропейские находки, каждая из которых соответствует отдельному типу по Яну Петерсену. Все три фибулы имеют горизонтальное расположение иглы (рис. 3, 4–6).

К типу 97, несомненно, относится бронзовая позолоченная фибула из Гнездова, центр которой украшают обращенные затылками друг к другу три типичные маски в стиле Борре, а каждый лепесток покрывает тугое ленточное плетение с поперечной штриховкой и небольшими лапками (рис. 3, 4). Этот тип Ян Петерсен называет характерным “норвежским” (*Petersen*, 1928. Fig. 97. S. 104 — 105). Однако подобные фибулы известны по находкам и на территории Швеции и Аландских островов (*Strömberg*, 1961. Taf. 71, 5; *Kivikoski*, 1973. S. 92. Abb. 672).

К этому же типу можно отнести и фибулу из Шестовицы, хотя она заметно отличается некоторыми деталями (рис. 3, 5). Самое главное отличие — это резко выраженная форма трилистника фибулы, лепестки которой имеют округлую форму. Это должно было бы сблизить украинскую находку с типом 107 ЯП — единственным обладателем такой формы лепестков*. Однако стилизованные звериные маски анфас в основании лепестков, подтреугольная фигура на центральном выступе и тугое ленточное зооморфное плетение, покрывающее каждый лепесток, позволяют отнести эту

находку скорее к типу 97 ЯП. Бронзовая фибула позолочена, на одном из лепестков сзади находится отлитая вместе с фибулой петля, в которую продето проволочное завязанное колечко. Размер фибулы 55 мм. Самые близкие аналогии происходят из погребения Бирки и Аске в Сёдерманланде (*Arbman*, 1940. Taf. 75, 4; *Arne*, 1932. S. 73 — 74. Abb. 17).

К этой же группе, но к типу 113 ЯП относится бронзовая позолоченная с лицевой стороны фибула из Гнёздова (рис. 3, 6). Ее средняя часть украшена тремя масками, расположенными у основания лепестков и повернутыми к центру, три другие маски, находящиеся у основания лепестков, как бы смотрят наружу. Поверхность лепестков фибулы покрыта плотным ленточным плетением, соединенным с гладким бортиком маленькими лапками. На оборотной стороне хорошо сохранились расположенная горизонтально железная игла с креплением и приемником и петля с продетым в нее бронзовым проволочным завязанным колечком. Размер фибулы 51 мм. Аналогичные фибулы найдены на поселении и в одном из погребений Бирки (*Arbman*, 1940. Taf. 75, 3; *Selling*, 1945. Fig. 15. S. 38—39).

По мнению Б.Хорд, большинство находок трилистных фибул в Бирке относится к позднему периоду существования этого центра, т.е. к X в. (*Hårdh*, 1984. S. 93). Наши находки не противоречат этому наблюдению, хотя, к сожалению не все комплексы содержат достаточно яркие датирующие вещи. Тем не менее, 5 погребений позволяют определить время бытования рассмотренных здесь трилистных фибул. Так, в Приладожье в Нюбиничах фибула типа 90 ЯП была найдена вместе с саманидским дирхемом 916/917 гг. н.э., превращенным в привеску; в Вахрушево фибулу сопровождали две карельские фибулы и три западноевропейские монеты-подвески 995 — 1002 гг. (*Кочкуркина, Линевский*, 1985. С. 131—132, 180—181). В Шестовице фибула типа 97 ЯП входила в набор с двумя овальными двускорлупными фибулами типа 52 ЯП, дата которых не ранее середины X в. (*Блифельд*, 1977. С. 148—149; *Jansson*, 1985). Тимеревская фибула найдена вместе с овальной двускорлупной фибулой типа 51В ЯП, что указывает на X в. Находка в Земгалии датирована автором концом X—началом XI в. (*Atgazis*, 1992. P. 26).

Таким образом, из 15 восточноевропейских находок трилистных фибул, выявленных по материалам архивов и публикациям, практически все удалось определить. Исключение составляет лишь одна находка из раскопок Я.В.Станкевич Михайловского могильника в

* Благодарю коллегу В.П.Зоценко (Институт археологии Украинской АН) за присланную фотографию этой находки.

1939 г., изображение которой не сохранилось, но известен состав комплекса.

Примечательно, что в Бирке все трилистные фибулы происходят из ингумаций (*Hårdh*, 1984. Tab.10, I), хотя в других могильниках Норвегии и Швеции эта форма фибул встречается и в кремациях, но, вероятно, реже (*Jansson*, 1985. S. 210, 213 и др.). Как отмечено многими исследователями, на территории Скандинавии трилистные фибулы в погребениях обычно выступают в сочетаниях с овальными и гораздо реже сопровождаются находками небольших круглых, подковообразных или дугообразных. Из 20 погребений Бирки, содержащих трилистные фибулы, в 16 были найдены женские застёжки и иных форм. Только в 4 случаях трилистные фибулы не имели иных сопровождающих застёжек. Расположение трилистных фибул на груди погребенной, аналогично расположению большой круглой, и обычно отсутствие совместных находок с равноплечими или теми же круглыми, по мнению И. Хэг, указывают на то, что трилистные фибулы служили для скрепления особого вида плаща или накидки (*Hägg*, 1986. S. 63).

Как уже говорилось, 12 восточноевропейских находок происходят из погребений: в четырех случаях это были кремации, в четырех — ингумации и в двух случаях ингумация предположительна, поскольку на вещах отсутствуют следы огня, в двух случаях обряд остается неизвестным (таблица). За исключением погребения в Латвии (*Aigazis*, 1990. Lp. 42. Att. 8, 4),

все остальные трилистные фибулы найдены по одной или в сочетании с другими формами фибул. Так, в 117 кургане Вахрушева в Приладжье трилистная фибула входила в набор с двумя карельскими, малой подковообразной и колесовидной фибулами (*Кочкуркина*, 1989. С. 180—181), а в погребении Валданицы кроме трилистной оказались овальная и три подковообразных фибулы (*Кочкуркина, Линеvский*, 1985. С. 110—111). В кургане 394 Тимеревского могильника трилистная фибула сопровождала две овальные двускорлупные фибулы с плетеной цепочкой (Ярославское Поволжье, 1963. С.123). Во всех этих ингумациях трилистная фибула находилась в области груди, между другими фибулами или чуть ниже. В трупосожжении Шестовицы трилистная фибула составила обычный набор с двумя овальными двускорлупными позолоченными фибулами (*Блифельд*, 1977. С.148—149). В Гнёздове среди остатков кремации вместе с обломком трилистной фибулы найдена железная игла от овальной фибулы (*Спицын*, 1905. С. 41). Таким образом, использование трилистных фибул в Приладжье, Гнёздове, Шестовице и Тимереве, в материалах которых имеются и другие признаки скандинавской культуры, не отличается от наблюдаемого в Скандинавии и, видимо, может указывать и на сходство вариантов самого погребального женского костюма. Использование в костюме сразу двух трилистных фибул в Скандинавии неизвестно и представляется очень необычным.

Таблица

Находки трилистных скандинавских фибул

Группа	Тип (экз.)	Материал			Условия находки				Место находки
		Бронза	Серебро	?	тс	тп	кс	?	
1	90ЯП (8)	1	—	—	1	—	—	—	Нюбиничи Валданица Вахрушево Кустерь? Гнёздово Дрендери Неизвестно
		1	—	—	—	1	—	—	
		1	—	—	—	1	—	—	
		1	—	—	—	—	—	1	
		1	—	—	1	—	—	—	
		2	—	—	—	2	—	—	
		1	—	—	—	—	—	1	
2	?	1	—	—	—	1	—	—	Тимереве
	(2)	—	—	1	1	—	—	—	Михайловское
3	94 ЯП	—	1	—	—	—	1	—	Гнёздово
	(2)	1	—	—	—	—	?	—	Неизвестно
5	97 ЯП	1	—	—	—	?	—	—	Гнёздово
	(2)	1	—	—	1	—	—	—	Шестовица
	113 ЯП	1	—	—	—	?	—	—	Гнёздово
Всего 15 экз.		13	1	1	4	5+?	1+?	2	

Автор латвийской находки не считает, что трилистные фибулы в детском погребении Дрендери-Чункани являются импортом или могут быть связаны с пребыванием скандинавских женщин на этой территории, как это было в других отмеченных случаях. Несмотря на близость орнамента между скандинавскими и латвийскими находками, а в основном на различие в расположении иглы, предполагается, что данные фибулы были изготовлены где-то на Готланде по заказу некоего выходца из Земгалии (*Atgāzis*, 1992. Р. 29—30). Однако рядом исследователей отмечалось, что вертикальное расположение иглы у трилистных фибул встречается и в Скандинавии, в частности — чаще всего среди датских материалов (*Hårdh*, 1984. S. 86). Известны находки глиняных форм для отливки фибул 1 и 3 групп (со спиральным и U-образным расположением орнамента) в Хе-

дебю (*Capelle*, 1970. S.18. Abb. 2, 2, 7, 4). Показательна концентрация находок трилистных фибул 5 группы (с зооморфным орнаментом) в пределах Средней Швеции — в качестве возможного центра их изготовления предполагается Бирка (*Hårdh*, 1984. S. 91, 94).

Место производства фибул, найденных на восточноевропейской территории, как, впрочем, и подавляющего большинства скандинавских находок, определить невозможно. Однако представляет определенный интерес обнаружение среди литейных форм для изготовления различных украшений, найденных в Гнёздове, обломков глиняных формочек для скандинавских фибул — овальных, круглых и, видимо, трилистных (*Ениосова*, 1998. С. 74—77). Во всяком случае это пока единственное древнерусское поселение, на котором найдены следы местного производства трилистных фибул.

Бліфельд Д.І., 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ.

Дедюхина В.С., 1967. Фибулы скандинавского типа. Труды ГИМ. М. Вып. 43.

Ениосова Н.В., 1998. Литейные формы Гнёздова // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.

Кочкуркина С.И., 1989. Памятники Юго-Восточного Приладжья и Прионежья X—XII вв. Петрозаводск.

Кочкуркина С.И., Линевский А.М., 1985. Курганы летописной веси. Петрозаводск.

Пушкина Т.А., 1972. О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси // Вестн. Моск. ун-та. История. 1972. № 1.

Спицын А.А., 1905. Гнёздовские курганы в раскопках С.И.Сергеева // ИАК. СПб. Вып. 15.

Ярославское Поволжье X—XI вв. 1963. М.

Arbman H., 1940. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm; Uppsala.

Arbman H., 1943. Birka I. Die Gräber. Text. Stockholm; Uppsala.

Arne T., 1932. Ein bemerkenswerter Fund in Östergötland // Acta Archaeologica. København. VIII, fasc. 2.

Atgāzis M., 1990. P—tġjumi Čunk...nu-Dreġheru kapulauk... un aizsadzġbas izraukumi plmōiu II

apmetn— // Zin...tnisk...s atskaites sesijas materi...li par arheologu un etnogr...fu 1988. un 1989. gada p—tġjumu rezult...tiem. Arheoloģija. Rġga.

Atgāzis M., 1992. First finds of three-armed (Trefoil) brooches in Latvia // Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Studia Baltica Stockholmiensia. Stockholm.

Capelle T., 1970. Metallschmuck und Gussformen aus Haihabu (Ausgrabung 1963—1964) // Berichte über die Ausgrabungen in Haihabu. Bericht 4. Neumünster.

Geijer A., 1938. Die Textilfunde aus den Gräbern. Birka III. Stockholm.

Hägg I., 1986. Die Tracht. Birka II:2. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm.

Hårdh B., 1976. Wikingerzeitliche Depotfunde aus Sudschweden. Probleme und Analysen // Acta Archaeologica Lundensia. Series in 8 minore. N 6.

Hårdh B., 1984. Kleeblattfibeln // Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm.

Jansson I., 1985. Ovals spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fyndet. Uppsala.

Kivikoski E., 1973. Eisenzeit Finnlands. Helsinki.

Petersen J., 1928. Vikingetidens smykker. Stavanger.

Selling D., 1945. Alexander Seton (1768—1828). Stockholm.

Strömberg M., 1961. Untersuchungen zur jüngeren Eisenzeit in Schonen. Lund. II: Katalog und Tafeln.

SUMMARY

T.A. Pushkina

THE TREFOIL SCANDINAVIAN BROOCHES ON THE TERRITORY OF THE EAST EUROPE

The article is dedicated to a small group of the Scandinavian ornaments of the Viking Period found in the different sites of the Eastern Europe. There are 15 specimens of the trefoil brooches of different types the main part of which was found in the graves. Some circumstances of the discovery are

unknown. All East-European finds have a good analogy of the shapes, ornamentations, construction and their using in Scandinavia. All these brooches belong to the Xth century. The author admits that the production of some trefoil brooches could exist in Gniezdovo.

В.Я. Петрухин

“САГА О ВОЛСУНГАХ” НА “ВОСТОЧНОМ ПУТИ”

Речь пойдет об уникальных, но давно известных, так называемых фигурках викинга — рельефных бронзовых отливках, сделанных, видимо, в одной литейной форме: одна из них была обнаружена в правобережье Днепра, у г. Новый Быхов Могилевской обл., другая —

Рис. 1. Фигурка “викинга” из Даугмале (Петренко, 1970)

на Даугмальском городище в устье Даугавы — Западной Двины, реках “Восточного пути” (как именовалась Русь и Восточная Европа в сагах). Фигуркам посвящена специальная публикация В.П. Петренко (Петренко, 1970). Они передают образ шагающего бородатого воина с мечом на поясе, с левой рукой, вытянутой вперед, правой — оттянутой назад: в ней воин держит витое кольцо (рис. 1).

Точных аналогий бронзовым фигуркам в Скандинавии (и в других регионах) нет, но мотив воинов, несущих в руке кольцо, характерен для скандинавского искусства, особенно для готландских памятных камней, на которые и ссылается большинство исследователей (см. работы, цитированные в публикации Петренко). Культовые сюжеты композиций на готландских памятных камнях (их дата — ок. 800–1000 гг.), передающие сцену триумфального вступления павшего героя с кольцом в языческий воинский рай Вальхаллу, восходят, как считают (Lindqvist, 1941. Bd.2. S. 92), к римским образцам — изображениям триумфаторов с венками. В собственно скандинавской традиции, однако, кольца — сак-

ральный предмет, символ нерушимой клятвенной связи (“обручения”) с вождем в сценах вступления в Вальхаллу — с владыкой этого воинского рая Одинем: он собирает в своем загробном чертоге дружину павших в бою героев. Этот религиозно-правовой мотив известен и Древней Руси — в договоре с греками 944 г. “некрещеная Русь полагают щиты своя и мече свое наге, *обруче* (курсив мой. — В.П.) свое и прочаа оружия, да кленутся о всемь” (ПВЛ. С. 26).

Вместе с тем восточноевропейские “фигурки викинга”, помимо готландских аналогий, имеют в древнескандинавском искусстве более точные параллели и в стилистическом, и в хронологическом отношении. В.П. Петренко усмотрел аналогии мечу (близкого типу Z) на поясе “викингов” в изображениях на рунических камнях первой половины XI в. в Рамсунде и Гёке (Сёдерманланд, Швеция). В одну группу изобразительных сюжетов с ними входит рунический камень из Древлэ (Уппланд, Швеция) — их объединяет мотив Сигурда, пронзающего мечом Грамом змея Фафнира (U 1163; см.: Wessen, Jansson, 1958. S. 621–631; Jansson, 1987. P. 147). В центре композиции (рис. 2) — процветший крест, над которым и совершает свой подвиг Сигурд, а по сторонам верхнего отростка — бегущий человек с протянутой левой рукой и кольцом в правой и женщина с питьевым рогом.

В скандинавской литературе издавна (начиная с первых исследователей рунического камня — см.: Wessen, Jansson, 1958. S. 628 og f.) считалось, что персонаж с кольцом — это карлик Андвари, первый владелец золота Нифлунгов: коварный бог Локи вынудил его отдать все богатство, спрятанное карликом в скале, включая и волшебное кольцо, которым Андвари особенно дорожил, — оно, как и коль-

цо Одина Драупнир, могло возратить карлику богатство. Андвари заклил свое богатство — “кольцо будет стоять жизни всякому, кто им завладеет” (Младшая Эдда, 1970. С. 73–74). Э. Оксеншерн (*Oxenstierna*, 1959. S. 200 u. folg.), указавший аналогию “викингу” из Даугмале в композиции на руническом камне из Древле, а также сравнил его с Андвари. Однако композиция на упомянутом руническом камне явно связана с самим Сигурдом — новым владельцем кольца и клада, которые он получил, пронзив мечом стерегущего их змея, а не с Андвари. “Викинг” также, помимо кольца, имеет на поясе атрибут Сигурда — меч.

Сцена встречи героя с кольцом и женщиной с ритонем на руническом камне связана и с последующими деяниями Сигурда: он дважды овладевает валькирией Брюнхильд, второй раз — приняв облик сватающегося к ней жениха, Гуннара. “Наутро [...] он дал Брюнхильд свадебный дар — то золотое кольцо, что Локи отнял у Андвари, а у нее взял на память другое кольцо” (Младшая Эдда, 1970. С. 76). В “Старшей Эдде” валькирия зовется не Брюнхильд, а Сигрдрива, и она подносит Сигурду рог, полный меда — напитка памяти (Речи Сигрдривы. — Старшая Эдда, 1963. С. 109; ср.: *Wessen, Jansson*, 1958. S. 630). В более поздней “Саре о Волсунгах” (гл. XXI), где кольцо Андвари оканчивается уже не браслетом, а обручальным перстнем, Брюнхильд и Сигурд обмениваются кольцами и выпивают вместе кубок, чтобы герой запомнил этот день и познал тайные руны (*Ярхо*, 1934. С. 161 и след.), — очевидно, эта сцена и изображена на руническом камне из Древле.

Мотив женщины, встречающей с ритонем героя, известен не только скандинавскому изобразительному искусству — тем же готландским камням, но и эддической поэзии (и поэзии скальдов): “вином валькирии вождя встречают” (“Речи Эйрика” — Старшая Эдда, 1963, ср.: Младшая Эдда, 1970. С. 61) — сцена, также относящаяся к явлению героя в Вальхаллу. Протянутые руки персонажа на руническом камне из Древле и “викингов” с Днепра и Даугавы как бы готовы принять кубок. Неслучайно фигурка из Нового Быхова обнаружена в погребении, возможно, в специальном ларце у левой руки погребенного (*Петренко*, 1970. С. 257–258), — предполагалось, что амулет должен был служить “пропуском” в загробный рай.

С этой точки зрения, ближайшим соответствием фигуркам “викингов” должны служить несколько более ранние (X в.) фигурки “валькирий”, одна из которых обнаружена на Рюриковом городище под Новгородом (*Носов*, 1990. С. 122. Рис. 44, 2) и имеет вполне определенные аналогии среди амулетов Скандинавии (ср.: *Петренко*, 1970. С. 258. Рис. 55, 6; из последних публикаций — *Capelle*, 1986; *Fuglesang*, 1989). Фигурка с городища — литая (рис. 3), выполнена в манере, близкой фигуркам “викингов”, и, хотя в отличие от некоторых скандинавских аналогов не несет в руке питьевой рог, явно напоминает “валькирий” на готландских камнях в сцене встречи героя, равно как на руническом камне из Древле.

Композиция встречи героя на руническом камне из Уппланда и готландских камнях имеет аналогии и в скандинавском прикладном искусстве VI–IX вв.: это — вотивные золотые пластинки с тисненым изображением встречающихся и обнимающихся пар (ср. из последних публикаций: *Magnus*, 1997. Р. 205 а. ф.), среди которых наиболее близки нашему сюжету сцены, где женщина держит в руке ветвь (но не

Рис. 3. Фигурка валькирии из Новгородского Городища (*Носов*, 1990)

Рис. 2. Композиция на руническом камне из Древле (*Wessen, Jansson*, 1958)

Рис. 4. Брактеат из Викина (Норвегия) (Hauck, 1976)

ритон); обращает на себя внимание и то, что на протянутой к партнерше руке мужского персонажа отчетливо изображен браслет (Петренко, 1970. С. 256. Табл. II, 1 — Рогаланд, Норвегия).

Норвежская исследовательница Г. Штейнсланд (Steinsland, 1990) с полным основанием считает, что эти сцены передают сюжет сакрального брака (*hieros gamos*), один из универсальных мифо-ритуальных сюжетов, эпическим вариантом которого можно считать и брак героя (в том числе Сигурда) с валькирией. Ранним (не считая рисунка на крышке урны бронзового века *) вариантом такой композиции оказывается сцена на золотом брактеате V в. из Викина (Норвегия), где держащая ветвь (или деревце) женщина стоит лицом к мужчине, держащему сзади кольцо (рис. 4). Поскольку герой на другой стороне брактеата изображен едущим на коне, с копьем (?) и щитом, то ведущий специалист по иконографии брактеатов К. Гаук (Hauck, 1976; ср.: Magnus, 1997.

* На крышке урны из песчаника, обнаруженной в Мальтегордене (Дания), женский (?) персонаж, помещенный рядом с деревом, раскрывает объятия мужскому персонажу (ср.: Steinsland, 1992. S. 329). Близкую и раннюю стилистическую аналогию брактеату представляет накладка на ножны меча из пшеворского могильника в Гриневе (Украина, I в.: Козак, Орлов, 1980): ее центральный мотив — два соприкасающиеся лицами персонажа, различающиеся прическами (у одного из них — коса), внизу — всадник со щитом и копьем; авторы публикации усматривают в центральной сцене мотив сакрального брака, однако различие в прическах в варварском искусстве Евразии необязательно является признаком различия пола: в парных композициях (начиная с пекторали из Толстой могилы) разные прически имеют мужские персонажи, в том числе в сценах поединка героев (ср.: Петрухин, 1995).

Р. 196 и след.) предположил, что всадник — это Один, а владелец кольца — его сын Бальдр с Драупниром, волшебным кольцом, которое Один положил на погребальный костер убитого бога. Тогда женщина, встречающая Бальдра, — это богиня преисподней Хель, дерево между ними — мировое “дерево предела”, разделяющее мир живых и мир мертвых и т.д.

Приведенные выше параллели не дают, однако, оснований для столь мрачной трактовки сюжета; кроме того, конь Одина, действительно задействованный в мифе о сошествии Бальдра в Хель, — восьминогий Слейпнир, а на брактеате изображен обычный конь. Присутствие ветви или деревца напоминает более о традиционном для многих народов Европы свадебном деревце, чем о корнях мирового ясеня Иггдрасиль, уходящих в преисподнюю. Правда, это деревце также воплощает мировую ось, как и процветший крест на камне из Древлe, но мировое дерево оказывается центром большинства мифологических или эпических сюжетов в архаическую эпоху. Между тем женский персонаж на брактеате держит в руке предмет, который должен был восприниматься как символ не менее значимый, чем кольцо в руке мужского партнера: можно предположить, что это — веретено, характерный атрибут божеств (духов) судьбы, скандинавских норн, дис и валькирий, каковой была Сигрдрива (Брюнхильд) в эпическом сюжете о Волсунгах — Нифлунгах. Парная композиция на норвежском брактеате настолько напоминает сцену из “Саги о Волсунгах” на руническом камне, что представляется соблазнительным сопоставить датировку брактеата (V в.) с событиями саги, завершившимися при дворе Аттилы в том же столетии (о том, что эпос “суммирует” в героической истории события в жизни нескольких поколений и даже столетий, см.: Ярхо, 1934).

Еще одна проблема, которая объединяет рунический камень из Древлe и амулеты с “Восточного пути”, связана с бытованием сюжетов и даже культовых предметов языческой эпохи в христианизированной Северной и Восточной Европе (христианские импульсы впитывала и синкретическая культура Даугмале). Эта проблема не сводится к механистически толкуемому феномену “двоеверия”: мотивы “Саги о Волсунгах”, в первую очередь — подвиги Сигурда были популярны в христианском искусстве Скандинавии, в том числе в декоре норвежских церквей (ср.: Blindheim, 1973; Margeson, 1980; Düwel, 1986). Рунический камень из Древлe, поставленный сыновьями в честь отца (как гласит надпись), также был христианским памятником, о чем свидетель-

ствуется его центральное изображение — крест. Очевидно, подвиги языческого героя Сигурда не считались однозначно противоречащими новой этике у раннесредневековых христиан *, как и подвиги Зигфрида из рыцарской и вполне христианской “Песни о Нибелунгах”. Существенно при этом, что и новобыховский амулет, и сцены на руническом камне были связаны с погребальным культом, судьбой умершего. Сигурд не мог быть проводником в

рай Вальхаллу — сам главный герой скандинавского эпоса должен был отправиться в преисподнюю Хель, так как он не пал в битве, а был предательски убит на ложе. Но Сигурд достиг того, что более всего ценили скандинавы эпохи викингов, — посмертной славы (ср.: Гуревич, 1972. С. 63 и след.), и его фигура (в том числе “фигурки викинга”) стала символической для того времени крушения традиционных норм.

Гуревич А.Я., 1972. История и сага. М.

Гуревич А.Я., 1979. Эдда и сага. М.

Козак Д.Н., Орлов Р.С., 1980. Пам’ятка страданої міфології // Народна творчість та етнографія. Київ. Вип. 1.

Младшая Эдда / Изд. подг. О.А.Смирницкая, М.И.Стеблин-Каменский, 1970. Л.

Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) Городище. Л.

Петренко В.П., 1970. О бронзовых “фигурках викинга” // Исторические связи Скандинавии и России. Л. С. 253–262.

Петрухин В.Я., 1995. К начальной истории русского искусства. Ритон из Черной могилы и тюрко-иранская традиция // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М. С. 201–230.

Старшая Эдда, 1963. М.; Л.

Повесть временных лет, 1996. СПб.

Ярхо Б.И., 1934. Сага о Волсунгах / Пер., предисл. и примеч. Б.И. Ярхо. М.; Л.

Blindheim M., 1973. Fra hednisk sagnfigur til kristent forbilder. Sigurddiktningen i middelalderens billedkunst // Den ikonographiske post, Kobenhavn. 3.

Capelle T., 1986. Einzelbilder in der wikingischen Kleinkunst // Zum Problem der Deutung frömmittelalterlicher Bildinhalte. Sigmaringen. S. 175–182.

Düwel K., 1986. Zur Ikonographie und Ikonologie der Sigurddarstellungen // Zum Problem der Deutung frömmittelalterlicher Bildinhalte. Sigmaringen. S. 221–272.

Fuglesang S.H., 1989. Viking and Medieval amulets in Scandinavia // Fornvännen. 1–2.

Hauck K., 1976. Bilddenkmäler zur religion // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 2. С. 577–598.

Jansson B.F., 1987. Runes in Sweden. Stockholm.

Lindqvist S., 1941. Gotlands Bildsteine. Stockholm. Bd. 1–2.

Magnus B., 1997. The Firebed of the Serpent: myth and religion in the Migration period mirrored through some gold objects // The transformation of the Roman world. AD 400–900. L. P. 194–207.

Margeson S., 1980. The Volsung legend in medieval art // Medieval Iconography and Narrative. A Symposium. Odense.

Oxenstierna E., 1959. Die Wikinger. Stuttgart.

Steinsland G., 1990. De nordiske gullblekk med parmotiv og norrøn fyrsteideologi // Collegium Mediaevale. 1. Vol.3. S. 73–94.

Wessen E., Jansson B.F., 1958. Upplands runinskrifter. 4 d., 3 h., v. 1. Stockholm.

SUMMARY

V.Y. Petrukhin

“SAGA ABOUT VOLSUNG” IN THE “EASTERN WAY”

The article deals with the significance of the so-called figurines of the Vikings (the XIth century) found in Daugmale site on Daugava river and Novy Bychov cemetery on the Dniepr. The attributes of “the Vikings” (the arm-ring and the sword) are clearly connected with the symbols of Sigurd the Volsung, the hero of the Scandinavian epic tradition. The close parallel for the figurines is known in

Sweden: it is the scene of the meeting of Sigurd holding his arm-ring with the Valkyrie on the runic stone from Drevle. The archetype of this composition is known on the bracteate from Viken (Norway), the Vth century: this date is close to the time of the formation of the Volsung (Nibelung) epic tradition.

* Древнеисландская “Пряда о Торстейне-Мороз-по-коже” помещает Сигурда и других языческих героев в ад, но суть сюжета не в их осуждении, а в прославлении чудес новой религии: звон колокола спасает героя от глупого черта, который увлекся изображением адских мук (ср.: Гуревич, 1979. С. 144–145).

Е. Ю. Новикова

ПОДВЕСКИ-МАСКИ ИЗ КЛАДОВ ШВЕЦИИ, ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ И ДРЕВНЕЙ РУСИ

В данном сообщении рассматривается один из типов украшений, входивших в состав зерненого убора X — XI вв. и на протяжении многих десятилетий вызывавших интерес исследователей, которые занимались проблемами скандинаво-русских и скандинаво-балтийских контактов. Это — серебряные подвески-амулеты в форме человеческого лица, так называемые “маски викингов”. С одной стороны, это довольно редко встречающийся тип подвесок, но в то же время они хорошо вписываются в общий стилевой контекст зерненных украшений рассматриваемого периода. Находки их, весьма немногочисленные, охватывают, тем не менее, достаточно широкую территорию (от Готланд и Восточной Балтии до Москвы) и хронологически также разбросанны: от конца X в. до конца XI—начала XII в.

По поводу подвесок-масок в литературе с самого начала их исследования существовали две разные точки зрения. Б. Нерман, опубликовавший в 1929 г. находки из кладов в Фельхагене на Готланде и в Паравере (Эстония) в рамках исследования связей между Скандинавией и Восточной Прибалтикой, считал эстонскую находку импортом с Готланд, приводя в качестве параллелей два варианта фельхагенских подвесок (Nerman, 1929. S. 155). Современные исследователи в Эстонии придерживаются той же точки зрения на маски из кладов Восточной Прибалтики (Ülle Tamla, 1995). М. Стенбергер, издавая готландские клады, уделит много внимания как самому кладу в Фельхагене, так и подвескам-маскам, считая их, напротив, восточным импортом в Скандинавию (Stenberger, 1958. S. 197—199). Большинство современных исследователей считает этот тип амулетов скандинавским по происхождению, отмечая их гибридный характер¹ (Янссон, 1996. С. 54; Duczko, 1992. P. 201, 264), причем, как и

во всех случаях, когда мы имеем дело с гибридными вещами, не вполне ясен вопрос о месте их производства. Здесь не помогает сравнение их в рамках регионов, так как существование разных вариантов подвесок в регионах может быть вызвано как разными местами производства, так и изменениями вещей во времени.

Мы рассмотрим здесь всю совокупность находок этого типа подвесок и, несмотря на их малочисленность, попытаемся затронуть вопрос “проживания” данного типа на разных территориях и во времени. В число рассматриваемых предметов вошли: 12 экземпляров из клада в Фельхагене (Бьерке, Готланд), 3 экземпляра из кладов Эстонии (Паравере, Олюствере, Косе), 2 подвески из клада в д.Забельская (Гдовский у. Петроградской губ. — восточная сторона Чудского оз.) и, наконец, 10 подвесок из Большого кремлевского клада 1988 г. (Москва), представляющих собой, вероятно, позднюю реплику подобных украшений. Близкой аналогией данным подвескам, как по технике изготовления, так и по стилю и технике орнаментации, но несущей иное изображение, является подвеска с Рюрикова городища (вместо человеческого лица здесь — морда зверя), она также включена в наше исследование (см. таблицу)².

Самые ранние по времени производства экземпляры происходят, похоже, из клада в Фельхагене на о. Готланд (рис. 1, а, б). Клад датируется по наиболее поздней монете временем около 1000 г. (Stenberger, 1958. S. 196; Янссон, 1996. С. 52). Подвески-маски могли быть изготовлены в конце X в. Они представлены здесь в двух вариантах, различающихся по деталям орнамента (вариант 1 — S-образная петля или вариант 2 — двойные волюты — см. таблицу). В остальном все 12 подвесок данного типа

сделаны одинаково и декорированы в одном стиле. Его отличительной чертой является декор геометрическими фигурами из упорядоченной зерни в сочетании с такими элементами, как двойные волюты и S-образная петля, выполненными рубчатой проволокой (черта, характерная для скандинавской орнаментации подобных изделий), и глаза в виде полых цилиндров.

Далее, видимо, следуют подвески из эстонских кладов (рис. 1, 2) (*Ülle Tamla*, 1995). Клад в Паравере Б. Нерман датировал первой половиной XI в. (*Nerman*, 1929). Все три изображения на них имеют весьма характерные особенности (см. таблицу), отличающие их от подвесок данного типа в Скандинавии и на Руси. Их можно отнести к отдельному варианту этого типа подвесок-масок. С готландскими экземплярами их сближают трактовка глаз в виде полых цилиндров и двойные ряды зерни, которыми образован узор на тринадцатой, однопластинчатой, подвеске из Фельхагена, а также употребление элементов геометрического зернового орнамента: треугольников и ромбов. В целом эти подвески производят впечатление не слишком аккуратного и умелого копирования, возможно, виденных мастером изделий. При этом надо отметить, что с техникой мастер был знаком.

Клад близ д. Забельская датирован М. Стенбергером временем около 1080 г. (*Stenberger*, 1958. S. 197), так что с большой вероятностью можно предположить изготовление забельских подвесок в середине — второй половине XI в. Уже М. Стенбергер обратил внимание на то, что их вид несколько отличается от зерненных украшений второй половины — конца X в. Он отмечает, что зернь в них “совершенно замещена филигранью”, полагая причиной более позднее их изготовление, но не отказываясь от своего взгляда на эти и подобные изделия как на восточные, а точнее — древнерусские

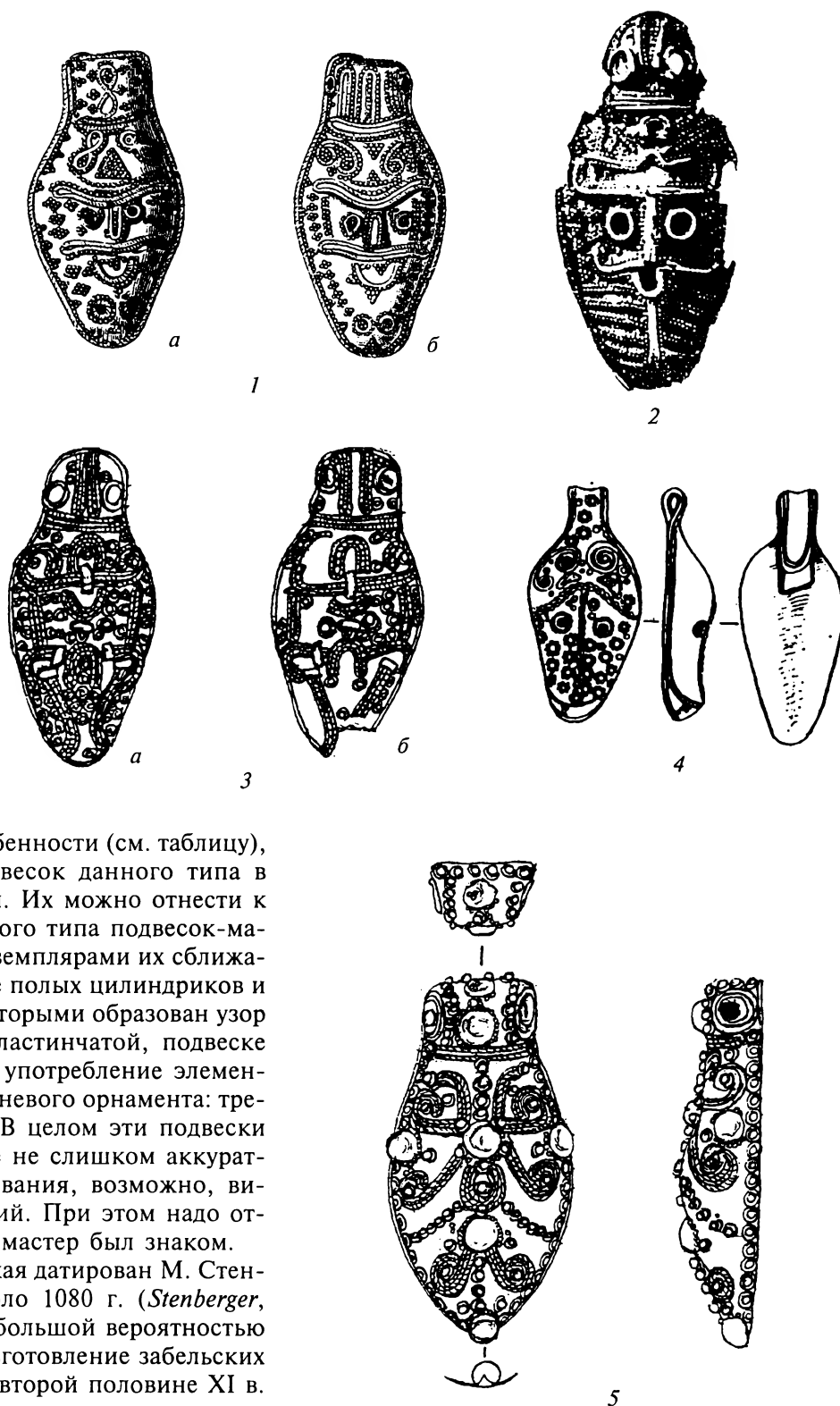

Рис. 1. Подвески-маски

1, а, б — Фельхаген, о. Готланд. Клад. Ок. 1000 г.; 2 — Паравере, Эстония. Клад. Первая половина XI в.; 3, а, б — д. Забельская, Петроградская губ. Клад. Ок. 1080 г.; 4 — городище под Новгородом. Подъемный материал; 5 — Москва, Кремль. Клад. 1988 г. Конец XI—начало XII в.

Описание подвесок-масок

№	Признаки	Глаза		Щеки		Лоб				Прическа		Борода			Общая схема черт лица	
		цилиндрики	зерно на ко- лечке	Δ / ϕ из зерни	О из про- волоки	ω / S из скани	зернь в гори- зонт. рядах	Δ, ϕ и ∇ из зерни	∩ из скани	зернь враз- брос / в ряд	UUU из скани	зернь в вер- тик. рядах	зернь в ря- дах в/г	другие вари- анты	горизонт. деление на 3—4 зоны	другие варианты
1	Подвески															
1	1-й вариант объемный (Фельхаген)	+		+		+		+	Δ					ϕ, Δ, OO	4 зоны	
2	2-й вариант объемный (Фельхаген)	+		+		+		+	∇ и Δ			+		ϕ, Δ, OO	4 зоны	
3	Объемные (Эстония)	+		+				+	+			+	+		4 зоны	
4	Овальная однопла- стинчатая (Фельхаген)	+						+	+				+		3 зоны	
5	Голова зверя объемная (Городище под Новгородом)	+				+		+	+					Зубы Δ		2 горизон- тальные, 2 вертикаль- ные зоны
6	Объемные (д. Забель- ская)		+		+				+				+	OO	4 зоны	
7	Объемные (Москва)		+		+				+			+	+	зернь на ко- лечках		2 зоны: ушко и оваль- ная часть
8	Овальная однопла- стинчатая (Бирка)		+		+								+		3 зоны	

Символами в таблице передана форма элементов зернового и сканого орнамента на подвесках-масках, сокращение в/г означает вертикальное или горизонтальное расположение элементов орнамента.

При заполнении 7-й строки таблицы имеются в виду условные зоны (прическа, лоб и т.д.) — то, что от них осталось, учитывая деградацию формы и потерю смысла изображения.

В рубрику “другие варианты” раздела “Общая схема черт лица” закономерно попали: подвеска с Рюрикова городища, так как это — морда зверя с иной, чем у человеческой маски, схемой членения декора, и подвески из Московскогоклада, так как на них изображение приобрело орнаментальный характер (хотя деление на зоны сохранилось).

(*Stenberger*, 1958. S. 197). Действительно, поле подвесок из д. Забельской заполнено вместо зерновых треугольников и ромбов, как на Готланде и в Эстонии, проволочными колечками, щеки разделены вертикальными линиями из двойной рубчатой проволочки. Все это, нужно заметить, сближает их с упоминавшейся нами подвеской из Бирки и вообще с северной, скандинавской традицией декора. Об этом же говорит способ, которым выполнены глаза: и у забельских подвесок, и у подвески из Бирки (как и у многих других скандинавских изображений) глаза сделаны из крупных шариков зерни, обведенных колечками из рубчатой проволочки.

Подвески из Большого кремлевского клада в Москве (рис.1, 5) в количестве 10 штук, видимо, относятся к гораздо более позднему времени, чем все рассмотренные нами экземпляры. Дата зарытия самого клада определена исследователями, как начало XIII в. (*Панова*, 1996. С. 109), большинство входивших в него украшений сделано, как полагают, в XII—начале XIII в. Подвески-маски гораздо крупнее ранних, характернейшей деталью на них являются полусферические колпачки, расположенные на местах основных смысловых узлов орнамента ранних подвесок. На московских экземплярах полностью переработан мотив, утрачен смысл изображения (человеческое лицо), хотя общая схема читается: сохранено деление на горизонтальные зоны (частично), концы завитков, изображавших когда-то брови, по-прежнему закручены вверх, сохранены две линии в нижней половине подвески, в более ранних вариантах изображавшие усы и бороду. Детали человеческого лица, однако, исчезли, вытесненные комбинациями выпуклых колпачков, рядов зерни на колечках и сканых завитков, которые выглядят теперь скорее, как растительные узоры, так что уже невозможно, не видя прототипа, восстановить первоначальный смысл изображения.

Подвеска с мордой зверя с Рюрикова городища происходит из подъемного материала и не может быть точно датирована. Полных аналогий ей мы не знаем³, хотя по стилю она вполне вписывается в круг рассматриваемых нами украшений. От других объемных подвесок она отличается тем, что ее ушко образовано языковидным выступом лицевой пластины, загнутым назад и припаянным к обороту подвески. Таким же образом оформлено ушко у однопластинчатой подвески-маски из клада в Фельхагене, у известного распятия из Бирки (сделанного в той же технике, что и объемные маски), а также у круглых плоских

подвесок, нередких в кладах как Скандинавии, так и Руси. В декоре преобладают скандинавские черты: рубчатая проволочка, из которой сделаны колечки, покрывающие морду зверя, а также обводки вокруг глаз-цилиндриков, уши, линия бровей и носа. К скандинавским элементам декора относятся и двойные волюты, украшающие голову зверя за ушами. Видимо, для мастера, изготовившего подвеску, некоторые элементы, в частности — волюты, имели важное значение. В связи с изменением образа (морда зверя вместо человеческого лица) появились новые элементы изображения — уши, которые разместились над бровями вместо волют, но последние не исчезли, они сдвинулись вверх, к ушку. В результате волюты расположены несимметрично друг другу и сами завитки у них разных размеров; кроме того, в оставшееся незаполненным пространство возле одной из волют мастер поместил еще один дополнительный завиток. Здесь налицо, как нам кажется, попытка сохранить традиционный набор необходимых элементов, даже в ущерб стройности композиции. Выложенные рубчатой проволочкой линии и колечки роднят эту подвеску с забельскими. Но в то же время на ней присутствуют черты готландских изделий: глаза в виде цилиндриков (а не зерен на колечках), двойные волюты, как на готландских подвесках (вариант 2). Есть и характерное для готландских подвесок смешение орнаментации: зерновыми треугольниками показаны зубы зверя. Т.А. Пушкина, опубликовавшая подвеску, относит ее к скандинавским изделиям (*Пушкина*, 1988). В целом подвеска с мордой зверя, как нам представляется, имеет все характерные черты готландских изделий с зернью конца X — рубежа X—XI вв. Ее находка на Рюриковом городище также не противоречит этому предположению.

Итак, все рассматриваемые здесь объемные подвески-маски сделаны в одной и той же технике. Они состоят из двух пластин: оборотной, плоской, и лицевой, объемной, с тисненым рельефом под зерновой и сканый рисунок. Лицевая пластина создает форму вещи, в ней же по бокам пробиты два отверстия для подвешивания. Таким образом, ушко у этих подвесок также объемное и является частью изображения — находится в зоне прически. Некоторое исключение из этой схемы представляет подвеска с мордой зверя с Рюрикова городища.

Техника, в которой сделаны подвески интересующего нас типа, имеет, на наш взгляд, для территории Древней Руси и Прибалтики

скандинавское происхождение, этот вопрос подробно рассматривался автором данной статьи (Новикова, 1993). Шведские археологи также считают эту технику характерной для скандинавского ювелирного искусства (см., например: Янссон, 1996). Нужно отметить, что в Скандинавии были распространены подвески-маски в форме лица различных типов, где изображение выполнялось с помощью зерни и скани, кроме того, они встречаются как деталь декора на других украшениях⁴, и везде присутствует довольно единообразная иконография. Лицо изображается по определенной схеме, отличаясь лишь в некоторых деталях (см. таблицу). Везде сохраняется горизонтальное деление на зоны (прическа, лоб и т.д.). Изображение волос (иногда и бороды) выполнено с помощью согнутой в петли и уложенной вертикальными рядами сканной проволоочки, иногда перемежающейся рядами зерни⁵. Горизонтальной линией с мягким изгибом и закрученными концами, также выполненной сканой проволочкой, изображаются брови и усы. Такой же проволочкой показан нос и открытый О-образный рот. Щеки украшены в зависимости от стиля декора либо зерновыми треугольниками и ромбами, либо колечками из тонкой рубчатой проволоочки. Глаза показаны либо шариками зерни, обведенными колечками из рубчатой проволоочки, либо цилиндриками из тонкой пластины, припаянными к основе и обведенными мелкой зернью в один ряд⁶. Все они имеют характерные черты, позволяющие определить их как гибриды славянского и скандинавского ювелирного искусства.

Говоря о гибридах, мы имеем ввиду типы предметов, встречающихся как в Скандинавии, так и на Руси (и некоторые — в Прибалтийском регионе, как области, затрагиваемой русско-скандинавскими контактами⁷), с орнаментом или изображением, носящим черты двойственности (обеих культурных и ремесленных традиций — славянской и скандинавской). Изначальное происхождение каждого типа может быть скандинавским или древнерусским, но никогда — прибалтийским, именно по этой причине Прибалтика включается сюда постольку поскольку.

Что касается генезиса образов, мотивов изображения, там, где речь идет о центральных образах, на так называемых гибридных вещах наблюдается преобладание скандинавской традиции (как в содержании образов, так и в технике исполнения) (Новикова, 1993. С. 48–49), тогда как в некоторых второстепенных мотивах ясно виден славянский способ декорирования⁸.

Вопрос, где могли быть произведены украшения, встречающиеся в своеобразных вариантах как на Готланде, так и на Руси (и, как мы видим на примере подвесок-масок, также в Прибалтике), являющиеся как бы гибридами русско-скандинавского ювелирного искусства, остается от-

крытым с тех пор, как исследователями вообще было признано существование гибридных форм, сложившихся в рамках так называемой дружинной культуры на территории Древней Руси, Скандинавии и Прибалтики. Являются ли они местными (древнерусскими) репликациями скандинавских (а может быть, и точнее — готландских) традиционных изделий или это, напротив, продукция скандинавских ювелиров, воспринявших некоторые пришедшие от славян мотивы декора?⁹ Выше уже отмечалось, что более всего примеров такого “сращивания” северной и восточной ювелирных традиций в Скандинавии дает нам о. Готланд так же, как и дружинные центры на Руси — перекресток путей международной торговли, имевший с конца X в. налаженные торговые связи с Восточной Прибалтикой и с Русью и воспринявший многие влияния, переработав их на почве скандинавской ювелирной традиции. Думается, что связи по основным значимым признакам, которые демонстрируют рассмотренные нами подвески-маски (см. таблицу) дают возможность включить их в число целой серии предметов, находимых как на территории Руси, так и на о. Готланд, свидетельствующих об особой роли, которую Готланд играл в скандинаво-русских контактах с конца X в.

Общая схема “проживания” рассмотренного здесь типа подвесок-масок представляется нам следующим образом (рис. 3). Амулеты в виде подвесок, изображавших человеческое лицо и бытовавших в Скандинавии в эпоху викингов, на о. Готланд были переработаны в известный нам тип полых подвесок на основе уже употреблявшейся в Скандинавии техники изготовления полых серебряных украшений с тиснением рельефного изображения и его последующим украшением зернью и сканью. Одновременно с этим подвески, как и некоторые другие ювелирные изделия, получили ор-

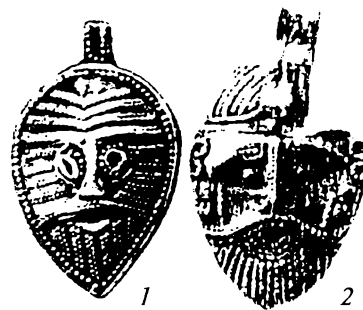

Рис. 2. Подвески-маски из одной пластины

1 — клад Фельхаген, о. Готланд, 2 — погр. 865, Бирка, Швеция.

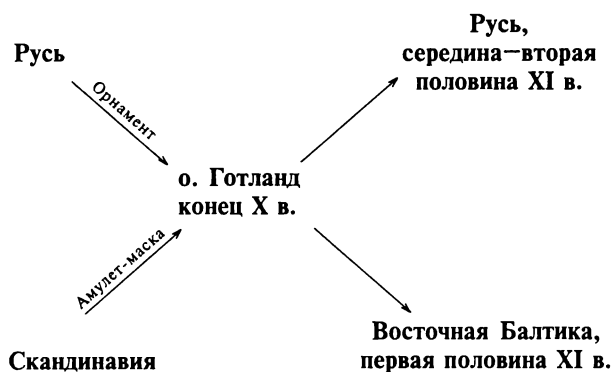

Рис. 3. Схема “проживания” типа полых объемных подвесок-масок на разных территориях и во времени

намент, заимствованный скандинавскими (судя по всему, готландскими) ювелирами со славянских украшений (так называемую “русскую” зернь), и состоящий из геометрических фигур и правильных рядов, выложенных мелкой зернью. В процессе контактов Готланда с Русью и Прибалтикой эти изделия готландских ювелиров проникали в оба региона, причем на Руси они, видимо, вписывались в местный серебряный зерненный убор благодаря своеобразному орнаменту. Была ли каждая конкретная вещь, найденная на территории

Руси или Прибалтики, изготовлена на Готланде или могли существовать древнерусские реплики подобных изделий, нам не представляется возможным выяснить. Мы знаем, что на Руси также умели изготавливать полые тисненые украшения с зернью, но это были вещи местных, славянских типов (Корзухина, 1946), в то время как подвески-маски представляли собой скандинавские амулеты, имевшие значение, вероятно, лишь в скандинавской среде. Что касается подвесок из московского клада, они, несомненно, уже утратили семантическую связь с языческими скандинавскими амулетами, но, на наш взгляд, не следует торопиться причислять их к местным, русским, изделиям. Их форма явно навеяна подвесками-масками более раннего периода, к тому же в составе московского клада есть еще одна вещь, свидетельствующая о связях с Готландом — браслет со звериными головками (Янссон, 1996. С. 68; Панова, 1996. С. 117), а в Скандинавии в конце XI—начале XII в. присутствуют украшения, возможно, делавшиеся в подражание славянским, где зернь частично замещена такими же полыми полусферическими колпачками, как на подвесках московского клада¹⁰.

¹ М. Стенбергер, несмотря на то, что считает маски из Фельхагена славянским импортом, отмечает совмещение на них скандинавского и славянского элементов декора (Stenberger, 1958. S. 198).

² В таблицу включены для сравнения еще два экземпляра подвесок-масок, также декорированных зернью и сканью, с тисненым рельефом, но не объемные, а сделанные из одной пластины. Это тринадцатая подвеска из Фельхагена и подвеска из Бирки (погр. 865) (рис. 2, а, б).

³ И. Янссон упоминает находку подобной подвески с головой зверя из Седерманланда, но нам, к сожалению, неизвестен этот экземпляр (Янссон, 1996).

⁴ См., например, подвеску из Бирки (Arbman, 1940. Taf. 92, 4), тринадцатую подвеску-маску из Фельхагена (Stenberger, 1948. Abb. 170, 1; Arbman, 1940. Taf. 92, 4) (рис. 2, 1, 2), из Бирки же происходят фрагменты круглой фибулы с тиснеными деталями-масками (Arbman, 1940. Taf. 70, 11).

⁵ Кроме одной из фельхагенских, представляющей в единственном экземпляре вариант 1 этих подвесок.

⁶ М. Стенбергер в описании подвесок из Фельхагена говорит о наличии в цилиндриках частично сохранившихся вставок голубого стекла (Stenberger, 1958. S. 197). Может

быть, цилиндрики на других масках также были гнездами для вставок, в таком случае этот признак приобретает важное значение не только как стиливой, но и как технический.

⁷ В Прибалтийском регионе имеются также своего рода гибридные вещи, но уже на основе взаимовлияний скандинавских и местных орнаментов и форм украшений (Ülle Tamla, 1995. P. 94–96), которые здесь не рассматриваются как не имеющие отношения к данной теме.

⁸ См., кроме подвесок-масок, еще две категории вещей в Скандинавии и несколько более — на Руси (Новикова, 1993. С. 54). Обратим внимание на то, что смешанная скандинавско-славянская орнаментация на зерненных изделиях в Скандинавии встречается только на Готланде.

⁹ В. Дучко придерживается именно этой точки зрения, называя о. Готланд основным центром в Скандинавии, где местные ювелиры “использовали русскую зернь для производства сугубо северных украшений” (Дучко, 1987. С. 82).

¹⁰ См., например, клад в Аллменнинге (Естрикланд), зарытый около 1100 г., часть украшений которого В. Дучко интерпретирует как готландские подражания славянским изделиям (Дучко, 1987. С. 82).

Дучко В., 1987. Славянские ювелирные изделия с зернью и филигранью в Скандинавии эпохи викингов. Труды V международного конгресса славянской археологии. М. Т. III.

Корзухина Г.Ф., 1946. О технике тиснения и перерегородчатой эмали в Древней Руси X—XIII вв. // КСИИМК. Вып. XIII.

Новикова Е.Ю., 1993. Подвеска с птицей из Владимирских курганов. Опыт атрибуции // Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ. М. Вып. 82.

Панова Т.Д., 1996. Большой кремлевский клад // Наследие варягов. Диалог культур. Boras.

Пушкина Т.А., 1988. Скандинавские находки из Городища под Новгородом // Скандинавский сборник. Тарту. Вып. XXXI.

Янссон И., 1996. Сокровища эпохи викингов. Сокровища темного века // Наследие варягов. Диалог культур. Boras.

Arbman H., 1940. Birka I: Die Gräber. Tafeln. Stockholm; Uppsala.

Duczko W., 1992. Gold- and silver-smithing. The Föhlhagen hoard // From Viking to Crusader. Uppsala.

Nerman B., 1929. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren

Eisenzeit // Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar. Stockholm. Del. 40, I.

Stenberger M., 1958, 1948. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Lund. Bd. I, II.

Ülle Tamlä, 1995. Scandinavian influences on the Estonian silver ornaments of the 9th–13th centuries // Archaeology East and West of the Baltic. Stockholm.

SUMMARY

E.Y. Novikova

THE FACE-SHAPED PENDANTS FROM HOARDS OF SWEDEN, BALTIC REGION AND ANCIENT RUSSIA

The paper is devoted to the research of one type of the pendant amulets, so-called “masks of Vikings”. These Scandinavian amulets are known in different variants on Gotland in Scandinavia, in the East Baltic region (Estonia) and in Russia. They are dating from the late Xth to XIIth centuries. As the author imagines, the general scheme of living of the considering pendant type is the following. The face-shaped pendant amulets existed in Scandinavia in the Viking Age were remade on Gotland to the known type of hollow pendants on the ground of the Scandinavian technique of the hollow silver objects with a flat back and a stamped front sheet decorated with filigree and granulation. In this time the pendants, like some other jewellery objects, got the ornamental motifs borrowed by Scandinavian, most probably Gotlandic, goldsmiths from Russia. They consisted of the geometrical figures and regular double lines which were formed from the small granules. During the Gotland’s contacts with Russia and Estonia these Gotlandic goldsmith’s products

occurred in the both regions. In Russia they could come into the native silver granulated attire thanks to their ornament. Every concrete pendant was found in Russia and Estonia produced on Gotland or there were local Russian reproductions of the similar pendants, we can not evidently ascertain. As it is known, there were produced the hollow stamped ornaments decorated with granulation in Russia, but there were native Slav types of jewellery, while the face-shaped pendants represented a Scandinavian type of amulet, which had importance only in the Scandinavian environment. The pendants from the Moscow hoard evidently lost their semantic connection with the Scandinavian pagan amulets. But, in our opinion, we ought not to hurry to attribute them to the Russian products because in the same hoard and among the other artefacts on Gotland there are objects, judging about the connections between Russia and Gotland in XIIth c. We also know, that there was manufacture of the imitations of the Russian models of earlier period on Gotland.

Н.В.Ениосова, Р.А.Митоян

ТИГЛИ ГНЁЗДОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Тигли — основные инструменты литейщиков, обнаруженные при раскопках Гнёздовского поселения. Они представлены 11 целыми и 385 фрагментами. Такое же преобладание обломков тиглей характерно для многих средневековых памятников Восточной и Западной Европы.

Тигли представляют особый интерес для исследования ювелирного производства не только потому, что они являются его индикаторами. Форма и размеры этих керамических сосудов, состав и свойства теста, характер остекловывания зависят от условий плавки определенных металлов и сплавов, конструкции очага или печи и от способности литейщиков контролировать металлургические процессы, происходящие в тиглях. Очевидно, что корреляция между типом плавильного сосуда, составом металла и температурным режимом свидетельствует о высоком уровне развития литейного ремесла.

В публикациях, посвященных средневековым литейным мастерским, как правило, приводятся самые общие сведения о формах и размерах обнаруженных тиглей (Рыбаков, 1948. С.143–145; Рындина, 1963. С.213–214; Давидан, 1980. С. 63–64; Колчин, 1985. С.262; Горюнова, 1994. С.60–73; Hołowińska, 1959. S.63–65; Daiga, 1964. S.7–22; Klanica, 1974. S.36–42, 73–79). В этом ряду особое место занимает работа Н.В.Рындиной о новгородских ювелирах. Помимо детального описания целых форм и идентификации множества обломков, в ней содержится анализ керамического теста, определяется объем металла, выплавляемого в разных сосудах, прослеживается связь между конструкцией тиглей и их функцией.

Химический и минералогический анализ глиняного теста сопровождает многие западноевропейские работы, посвященные керами-

ческому комплексу бронзолитейщиков. Исследования формовочной массы позволили определить минеральный состав глин и содержащиеся в ней микроэлементы; процентное содержание отощающих примесей; температурный режим и длительность обжига плавильных сосудов (Brinch Madsen, 1984. P.25–28; Bayley, 1992. P.3–10; Craddock, 1995. P.13; Söderberg, 1997. S.2–4).

Тигли как емкости для плавки металла характеризуются определенными качествами. Они должны быть достаточно прочными, чтобы выдержать вес горячего расплава. Чем больше объем сосуда, тем толще его стенки, тем грубее и, следовательно, прочнее формовочная масса. Кроме того, большая часть тиглей обладает огнеупорными свойствами, то есть слабой чувствительностью к высоким температурам*. Понятно, что эти свойства зависят как от кристаллического состава глины, так и от добавленных в тесто неорганических и органических примесей. Считается, что формовочная масса способна выдерживать высокие температуры, если в ней содержится значительное количество кремнезема**. Растительные отощители и угольки, добавленные в тесто, также повышают его огнеупорность. Примеси железа и щелочей, которые при нагревании действуют как флюсы, напротив, должны быть минимально низкими (Bayley, 1992. P.3).

На поверхности тиглей часто встречаются стекловидные шлаки: они могут покрывать сосуд тонкой пленкой, но иногда образование

* Максимально необходимая температура — 1100°C для чистой меди, минимальная — 200–300°C для свинца, олова и их сплавов.

** Т° плавления песка составляет 1700°C, в то время как чистая глина плавится при 900°C, полностью расплавляясь при 1250°C (Craddock, 1995. P. 16).

силикатов изменяет структуру глиняного теста до губчатого состояния. Степень остекловывания стенок зависит от огнеупорных свойств формовочной массы, а также служит индикатором длительности процесса нагревания (Craddock, 1995. P.17). Наружное ошлаковывание является результатом реакции между кремнеземом, содержащимся в формовочной массе, древесной золой в очаге или печи и металлом при его утечке из емкости. Красные пятна стекловидной поверхности — силикат меди, черные — силикат железа (Tylecote, 1992. P.137). Внутреннее остекловывание вызвано реакцией между оксидами металла, формовочной массой и золой, добавленной в качестве флюса, предохраняющего содержимое тиглей от окисления (Bayley, 1992a. P.3).

Расплавление кремнистых составляющих глины вызывало разрушение тиглей уже после нескольких (немногих) плавов металла. Они служили недолго и потому производились в больших количествах. Находки целых форм являются исключительно редкими для большинства средневековых памятников Европы.

На донцах и стенках множества целых и фрагментированных тиглей часто сохраняются остатки металла в виде маленьких капель или тигельных шлаков, образованных металлом и глиняным тестом сосудов в результате процесса плавки. Металл в виде капель пригоден для проведения количественного эмиссионного спектрального анализа, а шлаки из контактной зоны содержат достаточное количество металла для качественного определения его состава с помощью энерго-дисперсного рентгено-флуоресцентного анализа (далее — РФА) (Tylecote, 1992. P. 36; Craddock, 1995. P.13; Bayley, 1988. P.197). С помощью последнего метода определен состав тигельных шлаков таких средневековых памятников, как Микульчице в Чехии (Frana, Mastalka, 1992. S. 794), Хельге и Бирка в Швеции (Lamm, 1980. S. 99–101; Söderberg, 1997. S. 7–10); Риббе в Дании (Brinch Madsen, 1984. P. 25), а также многочисленных поселений Англии и Ирландии (Bayley, 1992b. P. 91–96; 1996. P. 13).

Очевидно, что исследования такого рода открывают новые возможности в решении вопросов, связанных с оценкой сырьевой базы ювелиров определенных регионов. Они дают надежные критерии, благодаря которым можно говорить об умении ремесленников использовать металлы и составлять сплавы. Сочетание морфологического изучения глиняных литейных форм и тиглей с анализом формовочной массы и остатков металла представляется наиболее целесообразным.

Методы исследования

Наиболее простой и эффективный метод исследования тиглей и глиняных литейных форм — визуальный осмотр под биноклем с увеличением от 3 до 140. Он позволяет определить состав примесей, произвести их гранулометрическое обследование, т.е. измерить величину некоторых включений, выявить фрагменты с остатками металла в виде капель или шлаков. В каждом случае производились замеры толщины стенок, а также оценивались плотность теста и степень остекловывания наружной и внутренней поверхностей у тиглей. Микроскопическому изучению были подвергнуты все экземпляры, хранящиеся в ГИМ и Археологическом музее МГУ (примерно 360 тиглей и 7 литейных форм), материал, хранящийся в Государственном Эрмитаже и Смоленском государственном объединенном историческом и архитектурно-художественном музее-заповеднике обследован с помощью лупы с десятикратным увеличением (около 40 объектов)*.

Микроскопический и химический анализы трех фрагментов тиглей и семи литейных форм были проведены в Отделе произведений прикладного искусства Института реставрации**. Это позволило выявить виды глины, характер отошающих добавок и, в некоторых случаях, их процентное содержание. Таким образом, появились объективные критерии для сравнения формовочных масс, употребляемых для литейных форм и тиглей.

Для проведения РФА мы выбрали 58 фрагментов тиглей и два обломка литейных форм. Обследованию преимущественно подвергались тигли, содержащие шлаки и капли металла (51 экз.), 6 экземпляров тиглей и литейные формы не имели видимых следов металла на поверхности. Качественное исследование проб показало, что металл сохранился на стенках большинства тиглей (57 экз.). Литейные формы металла не содержали.

Известно, что некоторые металлы (Cu, Fe, Sn, Zn) в виде микропримесей входят в состав глинистых и неглинистых минералов, образующих формовочные смеси (Грим, 1967. С. 73–171). Не принимаем ли мы за остатки сплава элементы, содержащиеся в глиняном тесте? Возможности определения элементов с помощью РФА убеждают нас в обратном. Порог чувствительности метода — сотые доли про-

* Пользуемся случаем выразить признательность Т.А. Пушкиной и Р.С. Минасяну за возможность использовать неопубликованные материалы из раскопок Гнёздовского поселения.

** Анализы выполнены Л.Г. Дружининой, которой выражаю искреннюю благодарность.

цента, а для некоторых элементов, таких, как Cu, Zn, Sn, Pb, Ag, Au, пределы обнаружения составляют 0,1–0,2% (Frana, Mastalka, 1992. S. 781). Низкая концентрация элементов-металлов в глине просто не позволяет фиксировать их с помощью РФА.

Измерения, проведенные как с внутренней, так и с наружной стороны стенок также свидетельствуют в пользу применимости метода для определения природы металла, заполнявшего тигли. Внутренняя поверхность характеризуется высокой концентрацией Cu, Sn, Pb, Zn, Ag, в то время как на внешней они вообще не обнаружены. На донцах и стенках некоторых гнездовских тиглей сохранились большие капли металла и крупные куски тигельных шлаков. Пять проб оказались пригодными для проведения количественных анализов — РФА (2 пробы) и ОЭСА (3 пробы)*.

Формы тиглей из Гнёздова

Несмотря на то, что значительное количество гнёздовских тиглей сохранилось в небольших обломках, достаточно точному определению поддаются 312 экземпляров из 385. Для восстановления их формы, размеров и объема использовались измерения 11 полностью сохранившихся сосудов из Гнёздова, а также аналогичные объекты из Новгорода, Пскова, Старой Ладogi, Городка на Ловати и других древнерусских городов, а также из Бирки, Рибе, Хедебю, Микульнице и раннесредневековых памятников Англии, Шотландии и Ирландии.

Круглодонные цилиндрические и полусферические тигли представлены в гнёздовской коллекции 236 экземплярами. Они сформованы из красной глины вручную, внутренняя полость образована посредством вращения круглой палочки: иногда на обломках днищ хорошо заметны следы этой операции. По размерам, толщине стенок и оформлению устья они разделяются на три большие группы:

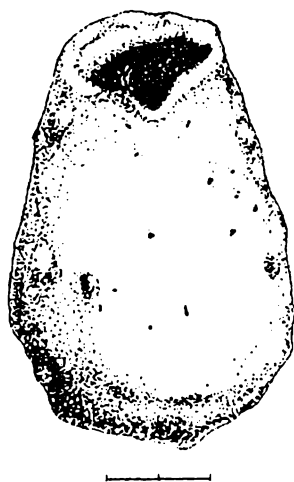

Рис.1. Большой цилиндрический тигель (Гн-70, Гс-3, раскопки Д.А. Авдусина и Т.А. Пушкиной, ГИМ.105291.Оп. 2538/1114)

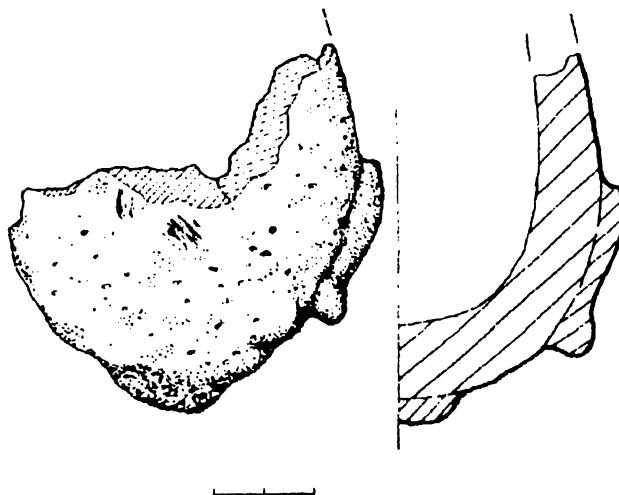

Рис.2. Фрагмент большого цилиндрического тигля с ножкой для захвата (Гн-92, ВС-10/173, раскопки Т.А.Пушкиной)

1. Крупные цилиндрические тигли-стаканы (80 обломков, 3 целых экземпляра) (рис. 1). Высота этих сосудов варьирует в пределах 80–95 мм. Устье диаметром 25–36 мм имеет округлую форму с маленьким треугольным сливом. Толщина стенок в верхней части — 7–10 мм, в нижней — 11–17 мм. В придонной части из того же куска глины иногда вытягивалась маленькая ножка для более удобного захвата с помощью клещей (рис. 2). Часто тесто больших тиглей состоит из двух слоев — внутреннего из огнеупорной глины (толщина 10–12 мм) с примесями крупного кварца и полевого шпата (0,5–1 мм) и внешнего — из менее огнеупорного материала с добавками шамота и органических веществ (толщина 3–5 мм). Наружный слой является дополнительной обмазкой. Он наносился на поверхность тиглей либо до процесса плавки, либо во время ремонта уже использованных, поврежденных сосудов. Внешний слой глины всегда сильно ошлакован и имеет губчатую структуру. В его придонной части хорошо заметны отпечатки угольков и следы орудий захвата: обмазка сильно размягчалась под воздействием огня. Двухслойная структура обеспечивала прочность плавильных сосудов, уменьшала термический шок в момент их извлечения из огня, а также позволяла дольше сохранять металл в разогретом состоянии (Bayley, 1992. P. 4).

Для определения состава металла в больших тиглях исследовано 10 проб. Восемь тиглей сохранили остатки сплавов на основе меди. Для трех из них с помощью ОЭСА установлен процентный состав элементов. В одном сосуде плавил высокоцинковую латунь (Zn-27%) с до-

* Навеска в этом случае должна составлять 10 мг.

бавкой олова (2%); в другом — многокомпонентную латунь (Zn—9%, Sn—5%, Pb—9%), в третьем — бронзу с низким содержанием олова (Sn—2%). Два больших тигля содержали сплавы на основе серебра с примесями меди, свинца, олова и цинка. Объем больших тиглей составляет 25–30 см³. В такой емкости помещается 200–210 г бронзы или 250–270 г серебра*. Металла, расплавленного в большом тигле, достаточно для отливки одного крупного украшения, например, подковообразной (80 г) или овальной фибулы (100 г), или нескольких мелких изделий (вес литой круглой подвески — 4–6 г, равноплечей фибулы — 12 г, поясных накладок — 1–9 г).

2. **Круглодонные цилиндрические тигли средних размеров** (80 обломков, 2 целых экземпляра) имеют высоту 50–60 мм. Устье округлое диаметром 23–25 мм с маленьким треугольным сливом. Толщина стенок в верхней части составляет 5–7 мм, в придонной — 9–10 мм (рис.3, а, б). У двух экземпляров сохранилась ножка. Тигли среднего размера никогда не бывают ошлакованы так же сильно, как большие экземпляры. Толщина стекловидной пленки не превышает 1 мм. Вероятно, они в отличие от крупных сосудов не подвер-

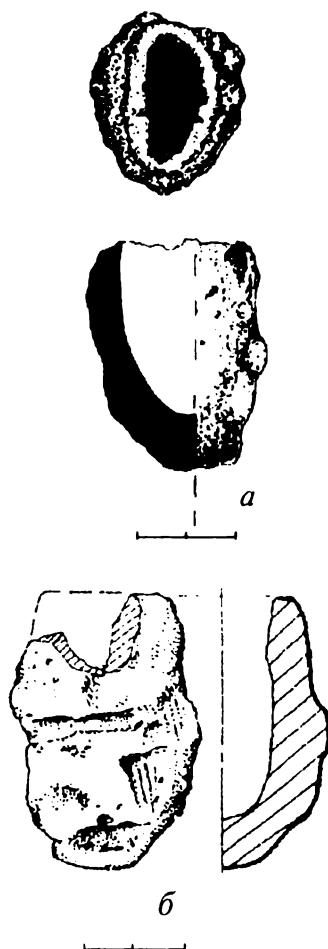

Рис.3. Средние цилиндрические тигли
а — Гн-72, ЦГ-V/877, раскопки Т.А.Пушкиной; б — Гн-71, ГС-IV/261, раскопки Д.А. Авдусина и Т.А. Пушкиной

гались многократному термическому воздействию.

Химический и микроскопический анализ одного из тиглей показал, что основу плотного и очень прочного теста составляет красная глина (50–60% от общего количества пробы). В состав глинистых минералов входят глинозем и магнезит. Содержание щелочей незначительно. В качестве отошающей добавки использован кварцевый песок, содержащий большое количество полевого шпата и окислов железа. Размеры зерен кварца и полевого шпата составляют 0,1–0,5 мм.

Исследован качественный состав металла 8 тиглей этого типа. Анализ показал, что в 6 сосудах плавил низкопробное серебро с добавками меди, олова, свинца и цинка. Лишь в одном из тиглей обнаружилось относительно чистое серебро с небольшой примесью свинца. Сплав на основе меди с большим содержанием цинка, свинца и примесью олова также зафиксирован только в одном случае. Объем средних цилиндрических тиглей составляет приблизительно 8–11 см³, что соответствует 75 г бронзы или 85–90 г серебра.

3. Высота **маленьких полусферических тиглей** (76 фрагментов, 3 целых) варьирует от 20–25 до 35–40 мм, диаметр — от 22 до 43 мм. У сосудов этого вида никогда не бывает носика-слива. Толщина стенок — от 3,5 до 6 мм (рис.4). Их поверхность часто сильно ошлакована, но встречаются экземпляры, не испытывавшие видимого воздействия высоких температур.

В составе теста одного из маленьких тиглей основную массу составляет красная глина, доля кремнезема и шамота не превышает 30–40%. Такое количество отошающих добавок не позволило получить прочную формовочную массу: образец легко разламывается в руках.

Двенадцать тиглей этого типа были исследованы с помощью РФА. Он показал, что в девяти сосудах плавилось низкопробное серебро, легированное медью, оловом и свин-

Рис.4. Маленький полусферический тигель (Гн-86, ЦГ-XIX/253, раскопки Т.А.Пушкиной)

Рис.5. Миниатюрный полусферический тигель с каплями золота на стенках (Гн-68, ЗС/2735, раскопки И.И. Ляпушкина, ОИПК ГЭ)

* Вычисления веса металла исходя из емкости тиглей были произведены Н.В. Рындиной при подготовке работы "Технология производства ювелиров Новгорода". К сожалению, они не вошли в окончательный вариант текста, но сохранились на карточках. Пользуюсь случаем выразить особую благодарность за возможность пользоваться огромной картотекой, составленной Натальей Вадимовной для публикации новгородского материала.

цом. В одном случае оказался медно-цинковый сплав, содержащий свинец. Благодаря ОЭСА удалось выяснить, что в маленьких тиглях плавил многокомпонентную бронзу (Sn — 12%, Pb — 2%, Zn — 1,8%). Объем маленьких тиглей варьирует от 2 до 8 см³, что соответствует 20–80 г серебра или 16–70 г бронзы.

Маленькие капли золота обнаружены на стенках двух миниатюрных тиглей. Экземпляр из раскопок И.И.

Ляпушкина — самый маленький сосуд в Гнёздовской коллекции: его высота — 20 мм, диаметр — 21 мм, объем составляет 0,5 см³, что соответствует приблизительно 8 г золота (рис.5). Анализ обломка тигля из слоя городища с такими же капельками металла показал, что в нем действительно плавилось золото, содержащее небольшое количество серебра. Учитывая приблизительные размеры этого сосуда (высота 35 мм, диаметр 30 мм), можно установить, что его емкость — 5 см³ соответствует 80 г золота.

К тиглям-купелям относятся *плоские тигли-тарелочки* высотой 20–25 мм, диаметром 55–65 мм. В культурном слое Центрального городища обломки купелей встречены трижды (рис.6). Они вылеплены из огнеупорной глины с небольшими добавками в виде шамота и кремнезема. Малое количество отошителей в формовочной массе и воздействие высокой температуры привели к тому, что пористые стенки легко разламываются в руках. Все обломки купелей внутри покрыты стекловидной массой характерного грязно-зеленого цвета с остатками окисленного металла. По мнению П.Крэдока, это означает, что содержимое тигля нагревалось сверху с помощью паяльника и трубки-февки для нагнетания воздуха (Craddock, 1995. Р. 185). Заполнение двух сосудов, изученных с помощью РФА, составляют серебро и свинец в приблизительно равных пропорциях, а также медь, цинк и олово в незначительных концентрациях.

Форма сосудов, а также состав металла, обнаруженного на их стенках, позволяют утверж-

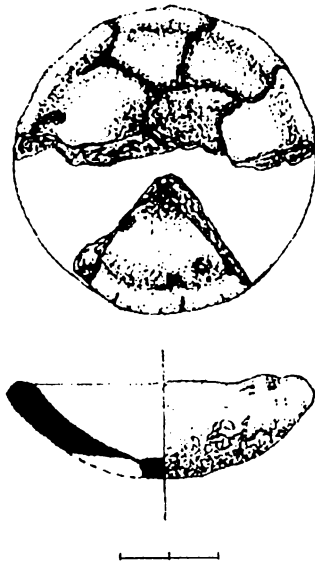

Рис.6. Тигель-купель (Гн-87, ЦГ-ХІХ/57, раскопки Т.А. Пушкиной)

дать, что они использовались в процессе купеляции (отделения драгоценных металлов от примесей) или при определении чистоты серебра или золота. Известно, что сосуд в форме мелкого блюда — купель заполнялся измельченными и обожженными костями. В этот слой помещали серебряный лом, завернутый в свинцовую оболочку, и нагревали до высокой температуры. Свинец и флюсы абсорбировали примеси, содержащиеся в драгоценных металлах, образуя особый вид шлака — свинцовый гнет (Craddock, 1989. Р. 181–185; Bayley, 1992a. Р. 6–10). Капля очищенного металла в результате попадала в центральную углубленную часть сосуда. При взвешивании серебра или золота до и после выжигания вычисляли пробу металла. Это был сложный процесс, требующий определенных математических знаний. Находки свинцового гнета и сосудов для купеляции среди других остатков цветной металлообработки свидетельствуют об умении очищать благородные металлы и, следовательно, о высоком уровне мастерства ювелиров (Bayley, 1988. Р. 193–208).

Закрытые тигли с ручкой — низкие, сильно вытянутые сосуды овальной формы с четко обозначенной ручкой и закрытым верхом. Следует подчеркнуть, что в российской археологической литературе для этого типа тиглей единого названия нет. Одни исследователи относили их к закрытым льячкам (Рындина, 1963. С. 214), другие называли их “тиглями кринovidной формы” (Каргер, 1958. С. 401) или “тиглями новотроицкого типа” (Ляпушкин, 1958. С. 324). В западноевропейских работах они получили название “закрытые тигли”, поскольку снабжались специальной крышкой или запечатывались с помощью дополнительной глиняной обмазки. Считается, что металл помещался в емкость до установки крышки, в которой оставляли маленькое отверстие для слива. Конструкция закрытых тиглей, а также их слабая ошлакованность рассматриваются как свидетельства их

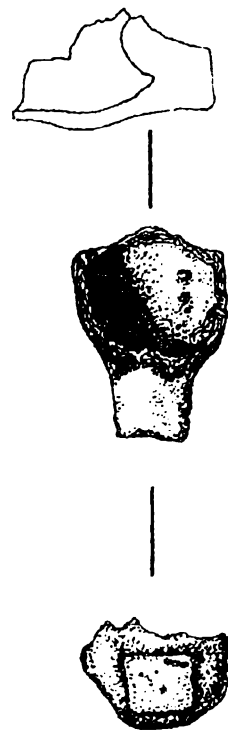

Рис.7. Закрытый тигель ложковидной формы (Гн-81, ЦГ-ХV/877, раскопки Т.А.Пушкиной)

разового использования (Craddock, 1989. P. 184; Tylecote, 1992. P. 24–25; Bayley, 1992. P. 4).

В гнёздовской коллекции насчитывается 76 фрагментов, относящихся к этой группе. Среди них нет ни одного целого экземпляра, тем не менее сравнение крупных фрагментов с аналогичными сосудами других памятников позволило реконструировать некоторые формы закрытых тиглей из Гнёздова. Они делятся на три типа. К первому типу относятся плоскодонные ложковидные сосуды с ручкой, квадратной в

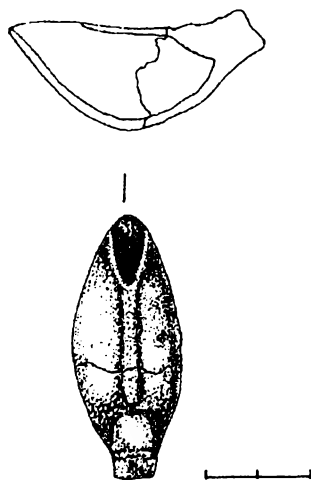

Рис. 8. Закрытый ложковидный тигель с гребешком (реконструкция) (Гн-81, ЦГ-XV/877, раскопки Т.А. Пушкиной)

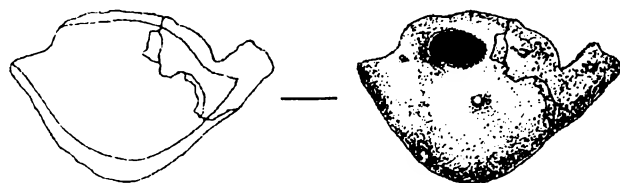

Рис. 9. Закрытый тигель с ручками и двумя отверстиями (реконструкция) (Гн-81, ЦГ-XV/873, раскопки Т.А. Пушкиной)

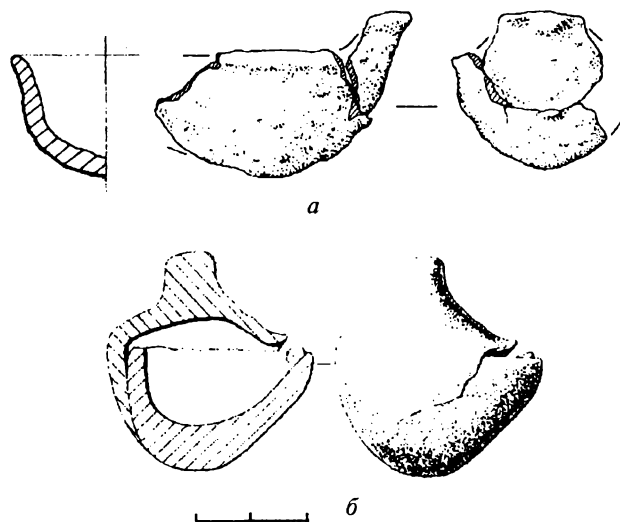

Рис. 10. Обломок закрытого тигля из Гнёздова
а — Гн-81, ЦГ-XV/619, раскопки Т.А. Пушкиной;
б — реконструкция похожего сосуда из Ирландии (Dinas Powys. — Craddock, 1989. P. 172. Fig. 4a)

сечении, длина которой составляет 14 мм (рис. 7). Толщина стенок 4 мм. Размеры сохранившегося фрагмента не позволяют восстановить устройство крышки.

Второй тип — так называемые тигли с гребешком, т.е. более глубокие круглодонные ложки, которые запечатывали с помощью зашпывания двух краев сосуда при его формовке. Они представлены двумя вариантами: 1) небольшой сосуд длиной 75 мм, высотой 30 мм, толщина стенок 4–7 мм; на целых экземплярах из Новгорода хорошо видны треугольный носик-слив и щелевидное отверстие между носиком и ручкой (рис. 8); 2) более глубокий и крупный сосуд длиной 80 и высотой 55 мм, толщина стенок 4–7 мм с круглыми носиком-сливом и отверстием (рис. 9). Н.В.Рындина полагает, что центральное отверстие служило для заполнения тигля металлической стружкой перед плавкой (Рындина, 1963. С. 214).

Третий тип — тигли, нижняя емкость которых имеет форму овальной чаши (50–60х30–35 мм, с толщиной стенок 4–5 мм), которая запечатывалась крышкой с ручкой для щипцов и отверстием для слива (рис. 10). Трудно разделить обломки закрытых тиглей по типам, поскольку чаще всего сохраняются ручка и придонная часть. Тем не менее очевидно, что преобладают круглодонные сосуды с гребешком или крышкой.

Все закрытые тигли сделаны из хорошо отмученной светло-серой глины с примесью крупного песка и шамота. Примечательно, что в трактате Теофила помещены два рецепта формовочной массы для изготовления тиглей. Для сплавов меди он предлагает использовать глину, смешанную с навозом. Для плавки благородных металлов требовались специальные сосуды. Теофил подчеркивает, что они формировались из хорошо растертой белой глины с добавками речного песка и измельченных фрагментов старых тиглей (Hawthorne, Smith, 1963. P. 96, 143).

Исследование качественного состава металла на стенках закрытых тиглей хорошо согласуется с рецептом Теофила. Двадцать обследованных фрагментов сохранили остатки серебра, легированного в разных пропорциях медью, оловом, цинком и свинцом. Количественный анализ одного из образцов показал, что в закрытом сосуде плавил серебро высокой пробы (Ag-96%; Cu-2%; Sn-0,042%; Pb-0,2%; Zn-1%). В этом случае мы можем говорить о безусловной корреляции между формой тигля и типом сплава. Такие же результаты получены при изучении закрытых тиглей из Шотландии (Dunadd) (Bayley, 1992. P. 93). Объем этих со-

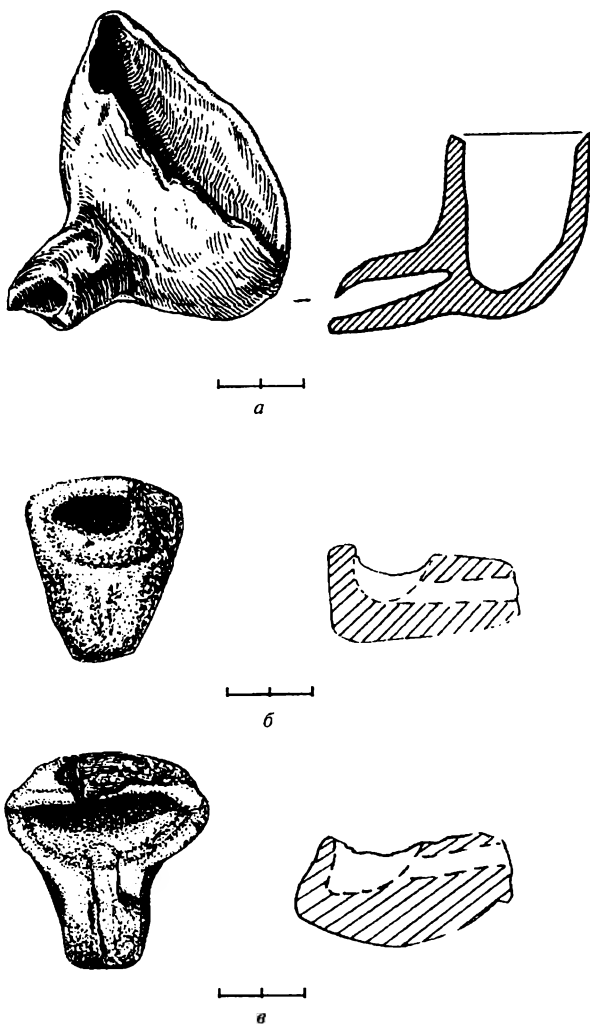

Рис. 11. Ложковидные тигли с втульчатой ручкой (лячки)

a — Гн-68, ЗС/3859, раскопки И.И. Ляпушкина, ОИПК ГЭ; *б* — Гн-72, ЦГ-VI/1, раскопки Д.А. Авдусина и Т.А. Пушкиной; *в* — Гн-88, ВС-10/84, раскопки Т.А. Пушкиной

судов составляет приблизительно 8–12 см³, что соответствует 126 г серебра. Закрытая форма тиглей давала много преимуществ при расплавлении серебра: тонкие стенки сосуда позволяли быстро нагревать сплав и гораздо дольше сохранять его в разогретом состоянии. Кроме того, крышка помогала избежать попадания примесей в драгоценный металл и уменьшала его окисление.

Открытые сосуды в форме *маленькой ложки с втульчатой ручкой* без носика для слива представлены в Гнёздове тремя целыми экземплярами и одним крупным обломком (рис.11, *a–в*). Все они сделаны из красной глины с примесью мелкого песка и шамота. Длина лячек варьирует от 45 до 60 мм; высота — от 24 до 43 мм; диаметр устья — от 30 до 75 мм.; диаметр втулки ручки 5–7 мм; толщина стенок 5–9 мм.

В зависимости от размеров объем ложковидных открытых тиглей составляет 1–10 см³.

В российской литературе сосуды такой формы получили название “лячки”. Считается, что лячки служили для разлива расплавленного металла из тиглей в литейные формы (Рыбаков, 1948. С. 145). Внимательное изучение этой категории находок позволяет высказать некоторые сомнения по поводу функции лячек в литейном производстве. В отличие от тиглей или литейных форм они не имеют видимых следов соприкосновения с расплавленным металлом. Кроме того, трудно представить, какого размера должен быть тигель, чтобы в него поместилась даже самая маленькая лячка. Наконец, нужно учитывать, что металл в тигле начинал застывать спустя несколько секунд после извлечения его из огня. Переливание металла из одного сосуда в другой увеличило бы промежуток времени между плавкой и заливкой металла в форму.

Внутренние полости двух гнездовских лячек были изучены с помощью РФА. Он показал, что в этих сосудах плавился свинец. Этот факт хорошо объясняет отсутствие следов обжига на их поверхности, поскольку температура плавления свинца составляет 327°C. Втульчатая ручка позволяла удерживать лячки в огне очага или костра с помощью деревянного прута.

В результате исследования тиглей удалось установить, что литейщики Гнёздовского поселения использовали не менее семи видов сосудов для плавки и очистки металла, среди которых доминируют круглодонные открытые цилиндрические или полусферические, а также закрытые тигли с ручкой. Некоторые из них имели универсальное применение: круглодонные цилиндрические и полусферические тигли разных размеров служили для плавки латуни, бронзы, сплавов на основе серебра и золота. Однако для благородных металлов предпочтительнее были маленькие емкости, позволявшие избежать потерь ценного сырья. Очевидно, что закрытые тигли с ручкой и тарелочки-купели использовались исключительно при работе с серебром. Для легкоплавких сплавов применяли лячки с втульчатой ручкой. В целом разнообразие форм тиглей отражает разнообразие типов сплавов, употребляемых в местных мастерских. Анализ содержимого сосудов документирует использование простых и многокомпонентных бронз; двойных и многокомпонентных латуней с высоким и низким содержанием цинка; серебра высокой и низкой пробы; золота и свинца. Все это

указывает на развитую традицию ювелирного производства. Для нее характерны специализированные функции сосудов, входящих в керамический комплекс литейщиков, и контроль качества сплавов. Объем металла, расплавленного в самом большом тигле, не превышал 30 см³, но этого было достаточно для производства нескольких типичных украшений. По-видимому, такое количество металла было оптимальным для плавки в открытом очаге. Увеличение размеров и емкости тиглей произошло в Западной Европе не ранее XIII в. (Bayley, 1992a. P. 5–6). В древнерусских городах появление больших плоскодонных тиглей зафиксировано в XIV–XV вв. (Рындина, 1963. С. 214). Эти изменения были вызваны резким увеличением количества металла, поступавшего на европейские рынки, и появлением плавильных печей со сводом (Forshell, 1992. P. 31–48; Bayley, 1996. P. 68).

Аналогии гнёздовским тиглям обнаруживаются в памятниках VI–XIII вв. на очень широкой территории от Ирландии до Передней Азии (Tylecote, 1992. P. 24, 84). Если ограничить их круг хронологически и территориально, становится очевидным, что цилиндрические и полусферические сосуды с округлым дном и устьем встречаются наиболее часто. Они известны в скандинавских памятниках викингского времени и предшествующей эпохи: в Хельге, Рибе, Бирке, Хедебю, Сигтуне, Тронхейме и др. (Söderberg, 1995. S. 5). Кроме того, во второй половине I тысячелетия эти формы тиглей являются доминирующими в Прибалтике: Эстонии (городища Унипи́ха, Ры́уге и др.) и Латвии (городища Кентескалнс, Асоте, Олинкалнс, Локстене) (Аун, 1992. С. 55. Табл. XVIII, 5; Шмидехельм, 1959. С. 179. Табл. V, 4; Daiga, 1964. S. 7–22; Mugurevics, 1977. Tabl. XXVI, 5, 9–11). На северо-западе Восточной Европы цилиндрические сосуды входят в состав комплексов VIII–X столетий – в Старой Ладоге, на поселении Крутик, Рюриковом городище, Городке на Ловати, а также в Новогрудке, Лукомле и других памятниках Белоруссии (Давидан, 1980. С. 61–63; Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 64–66; Горюнова, 1994. С. 62–65; Гуревич, 1981. С. 32; Штыхов, 1978. С. 49). Они известны по материалам Херсонеса, Белой Вежи, Гданьска, городищ Старое Място, Поганьско и Микульчице в Моравии (Якобсон, 1959. С. 330–331; Артамонов, 1958. Рис. 47; Hołowińska, 1959. S. 63; Klanica, 1974. С. 38, 74). В Смоленском Поднепровье открытые цилиндрические и полусферические тигли известны в памятниках культуры смоленско-полоцких длинных курганов – Новые Батеки и Акатово (Шмидт, 1992. С. 14, 15. Табл. 32).

Огромный ареал и широкие хронологические рамки бытования круглодонных цилиндрических и полусферических тиглей не позволяют связывать их происхождение и распространение с определенной территорией или этносом. Сходство форм плавильных сосудов объясняется функциональными требованиями, уровнем развития литейной техники и доступностью цветных металлов (Рындина, 1963. С. 214).

Распространение закрытых тиглей с ручкой ограничено более узкими хронологическими и территориальными рамками. В Западной Европе они известны с римского времени. В V–VI вв. закрытые тигли широко представлены в памятниках Англии, Шотландии, Ирландии, а также в Скандинавии на поселении Хельге, где являются доминирующим типом. На Британских островах и в Скандинавии бытование закрытых тиглей заканчивается в X в. Примечательно, что в эпоху викингов они встречаются преимущественно в Рибе и Хедебю, и лишь единичные экземпляры – в Норвегии. В Бирке этот тип тигля не обнаружен.

В Восточной Европе наиболее ранние экземпляры известны в Моравии, на городище Микульчице. Они появляются в слоях, относящихся к VI в. (до возникновения Великоморавского государства) и бытуют до конца IX в., составляя большую часть коллекции тиглей (Klanica, 1974. С. 56–78).

В Днепровском Левобережье на городище Новотроицкое закрытые тигли датируются VIII–IX вв. (Ляпушкин, 1958. С. 324). Они встречаются в Саркеле, в слоях IX–X вв. (Артамонов, 1958. Рис. 47). На древнерусской территории этот тип тигля существует до XIV в.: в Киеве (XII–XIII вв.), Вышгороде (XII в.), Плесненске (XII–XIII вв.), Гродно, Суздале (XI–XII вв.), Пскове и Новгороде (Неревский раскоп – XI–XIV вв.; раскоп на улице Кирова – XIV в.; усадьба А Троицкого раскопа – XII в.) (Каргер, 1958. С. 401. Рис. 92; Голубева, 1968. Рис. 1; Кучера, 1962. С. 32; Седова, 1997. Рис. 19, 11–14; рис. 40, 21; Рындина, 1963. С. 213–214; Колчин, Рыбина, 1982. С. 221; Колчин, Хорошев, Янин, 1981. С. 121–123).

В X в. на северо-западе Восточной Европы закрытые тигли встречены только в Гнездове. Традиция использования закрытых тиглей для плавки серебра могла быть принесена в Гнездово из двух регионов – Скандинавии или западнославянского мира.

Купели обнаружены лишь на некоторых памятниках Западной Европы. Это не означает, однако, что процесс очистки драгоценных металлов не был знаком ювелирам Восточной Европы. Отсутствие специальных сосудов объяс-

няется, вероятнее всего, недостаточной изученностью керамического комплекса ювелиров. Так, например, при тотальном обследовании обломков тиглей из Гнездова и проведении РФА обнаружили три фрагмента тарелочек-купелей. Аналогичные сосуды известны в эпоху викингов в Англии и Ирландии (Bayley, 1992a. P. 91–94). В Скандинавии купели встречены в Рибе, Фюркате и Бирке (Brinch Madsen, 1984. P. 27; Roesdahl, 1977. S. 96; Söderberg, 1997. S. 6). С некоторой долей осторожности можно предположить, что купеляцию драгоценных металлов в Гнездове осуществляли выходцы из Скандинавии. Они принесли с собой специфические знания об этом процессе, а также умение изготавливать необходимые для него сосуды-купели.

Гнездовские льячки имеют очень широкий круг аналогий в славянских и финских памят-

никах второй половины I тысячелетия и более позднего времени. Они встречаются практически на всех поселениях, где обнаружены следы ювелирного производства (Давидан, 1980. С. 63; Голубева, Кочкуркина, 1991. S. 152–154; Рындина, 1963. S. 214 и др.).

На основании изложенных данных можно заключить, что набор плавильных сосудов Гнездовского поселения представлен достаточно большим количеством типов, различных по своему происхождению. Специфическое сочетание форм тиглей – характерная черта литейного ремесла этого памятника. Здесь встречены экземпляры, имеющие очевидные параллели в Скандинавии и Великой Моравии, в роменских, славянских и салтовских памятниках на юге. Близкие аналогии обнаруживаются также на северо-западе Восточной Европы.

Артамонов М.И., 1958. Саркел – Белая Вежа // МИА СССР. М.; Л. Вып. 68.

Аун М.А., 1992. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин.

Голубева Л.А., 1968. “Квартал металлургов” в Вышгороде // Славяне и Русь. М.

Голубева Л.А., 1991. Литейное дело на поселении Крутик в Белозерье // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.

Горюнова В.М., 1994. Некоторые аспекты ювелирного дела раннегородских центров Северной Руси (тигли) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.

Грим Р., 1967. Минералогия и практическое использование глин. М.

Гуревич Ф.Д., 1981. Древний Новогрудок. Л.

Давидан О.И., 1980. Бронзолитейное дело в Ладоге // АСГЭ. Л. Вып. 21.

Каргер М.К., 1958. Древний Киев. М.; Л. Т. I

Колчин Б.А., 1985. Обработка цветных металлов // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М.

Колчин Б.А., Рыбина Е.А., 1982. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. М.

Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л., 1985. Усадьба новгородского художника XII в. М.

Кучера М.П., 1962. Древний Пліснеськ // АП УРСР. Київ. Т. XII.

Ляпушкин И.И., 1958. Городище Новотроицкое // МИА. М.; Л. Вып. 74.

Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.

Рындина Н.В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА СССР. Вып. 117. Новые методы в археологии. Труды Новгородской Археологической экспедиции. М. Т. III..

Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV вв. М.

Шмидехельм М.Х., 1959. Городище Рыуге в Юго-Восточной Эстонии // Вопросы этнической исто-

рии Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии. М.

Шмидт Е.А., 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. М.

Штыхов Г.В., 1978. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск.

Якобсон А.Л., 1959. Раннесредневековый Херсонес // МИА. Л. Вып. 63.

Bayley J., 1988. Non-ferrous metalworking: continuity and change // Salter K. and Tite M.(eds). Science and archaeology. 1987, Glasgow (BAR. Brit.Ser. 196).

Bayley J., 1992a. Metalworking ceramics // Medieval Ceramics. L. 16.

Bayley J., 1992b. Viking Age metalworking – the British Isles and Scandinavia compared // A Conference on Medieval archaeology in Europe. York. Vol. 3: Technology and innovation.

Bayley J., 1996. Innovation in later medieval urban metalwork // The Journal of the Historical Metallurgy Society. L. Vol. 30, N 2.

Brinch Madsen H., 1984. Metalcasting // Bencard M.(ed.). Ribe Excavations 1970–76. Esbjerg. Vol.2.

Craddock P.T., 1989. Metalworking techniques // S.Youngs (ed.). “The work of Angels”. Masterpieces of Celtic Metalwork, 6th–9th centuries AD. L.

Craddock P.T., 1995. Early mining and metal production. Edinburgh.

Daiga I., Grosvalds I., 1964. Sen...kie tīģeli Latvij... 6–13 gs. // Arheoloģija un Etnogrāfija. Rīg.... T.4.

Forshell H., 1992. The inception of copper mining in Falun // Arkeologiska Forskningslaboratoriet. Stockholm.

Frana J., Mastalka A., 1992. Röntgenfluoreszenzanalyse von frühmittelalterlichen Bronzen aus Böhmen und Mähren // AWARENFORSCHUNGEN. WIEN. Bd. 2.

Hawthorne J.G., Smith C.S., 1963. Theophilus. On Divers Arts // University of Chicago Press.

Hałowińska Z., 1959. Wczesnoredniowieczne rzemiosło złotnicze w Gdańsku // Gdańsk wczesnośredniowieczny. Gdańsk. T. I.

Klanica Z., 1974. Prace klenotniku na slovanskich hradištich // Studie Archeologického Ústavu. Praha. Rocnik II, 6.

Lamm K., 1980. Early Medieval metalworking on Helgö in Central Sweden // A.Oddy (ed.). British Museum Occasional paper. L. N.17.

Mugurevičs E., 1977. Oliikaln... un Lokstenes pilsnovaldi. Rīg....

Söderberg A., 1996. Smelzkugeln: identifikation av en hantverkprocess. Fyndmaterial från Birka and Sigtuna // CD-uppsatser I Laborativ arkeologi 95/96. Arkeologiska Forskninglaboratoriet. Stockholm.P.2.

Tylecote R.F., 1992. A History of metallurgy. L.

SUMMARY

N.V. Eniosova, R.A.Mitoyan

METAL MELTING CRUCIBLES FROM GNIEZDOVO

Crucibles are ceramic containers used to hold metals being melted. Their fabrics are refractory and are almost invariably reduced fire. 385 fragments from Gniezdovo represented at least 7 different forms. 11 vessels are nearly complete.

Crucibles from Gniezdovo take a variety of sizes and shapes:

1. Open thimble-shaped crucibles with a round base (a few vessels had knob-like lugs). Three sizes of this form were in use. They varied in height from 20 mm to 95 mm.

2. The crucibles with lids or the rims were pinched together to produce an enclosed form. This type of crucibles is always provided with a handle.

3. Cupels or shallow dishes with diameters of 30–50 mm for precious metal refining.

4. Open flat-bottom spoons with lug handles for lead, tin and pewter melting.

Chemical analysis of the slug layer or the metal droplets can indicate the composition of the metal being melted. The identification of the nature of the metals and alloys being worked was aided by X-ray fluorescence (58 samples). It shows that silver, gold, bronze, brass and lead have been cast. The majority of crucibles was large enough for up to 200 – 210 g of bronze or 250 – 270 g of silver. In general, precious metals were melted in small quantities in smaller crucibles. It was more than enough for contemporary ornaments that were made in Gniezdovo.

Open thimble-shaped types are widespread in early medieval contexts in Eastern and Western Europe. Lidded crucibles and cupels are common on Scandinavia sites of early medieval period. They have also been found in Great Moravia. Probably, they came to Gniezdovo from Northern Europe or Danube region.

Н.В. Ениосова, В.С. Нефедов

ПОГРЕБЕНИЕ СТРАНСТВУЮЩЕГО ЮВЕЛИРА X в. БЛИЗ д. ЛОПИНО ПОД СМОЛЕНСКОМ

Раскопки В.И. Сизова в северо-западных уездах Смоленской губ. в 1881 г. стали подлинным началом планомерного археологического изучения курганных древностей Смоленского Поднепровья и Подвинья. Материалы этих широкомасштабных работ, выполненных на довольно высоком для своего времени научном уровне, долго оставались практически вне поля зрения исследователей или привлекались ими фрагментарно. Публикация раскопок 1881 г. фактически отсутствовала, дневник считался утраченным, коллекция найденных В.И. Сизовым предметов, хранящаяся в фондах ГИМ, частично не сохранилась, частично оказалась депаспортизированной. Только в последние годы, после того, как полевой дневник 1881 г. был обнаружен С.С. Ширинским в архиве ГИМ, появилась возможность максималь-

но полно привлечь результаты этих раскопок при изучении средневековых археологических памятников на территории Смоленщины.

Одним из наиболее интересных памятников, исследованных В.И. Сизовым в 1881 г., был курганный могильник у д. Лопино, и в особенности, входивший в его состав курган 1, комплекс которого необычен для синхронных древностей Смоленского Поднепровья и сопредельных территорий. Настоящая работа посвящена публикации и анализу материалов, полученных при раскопках этого кургана.

Курганная группа располагалась в 2 км к юго-востоку от д. Лопино (Кардымовский р-н Смоленской обл.), на правом берегу Днепра, при впадении в него ручья Дубровка. Сейчас на этом месте находится д. Шutowка, возникшая не ранее 1930-х годов. По данным В.И.

Сизова, могильник состоял из нескольких длинных курганов (их количество неизвестно) и расположенной на некотором расстоянии от них высокой округлой в плане насыпи (Сизов, 1881. Л. 99об.; Императорский Российский Исторический музей, 1893. С. 111). Этому последнему кургану при раскопках был присвоен номер 1¹.

Остатки кургана 1 со следами колодца и траншеи В.И. Сизова сохранились до настоящего времени. Насыпь находится в верхней части склона первой надпойменной террасы Днепра, на расстоянии около 150 м от русла, на высоте около 16 м от уреза воды в реке (рис. 1). Остальные курганы уничтожены. Их местонахождение можно определить

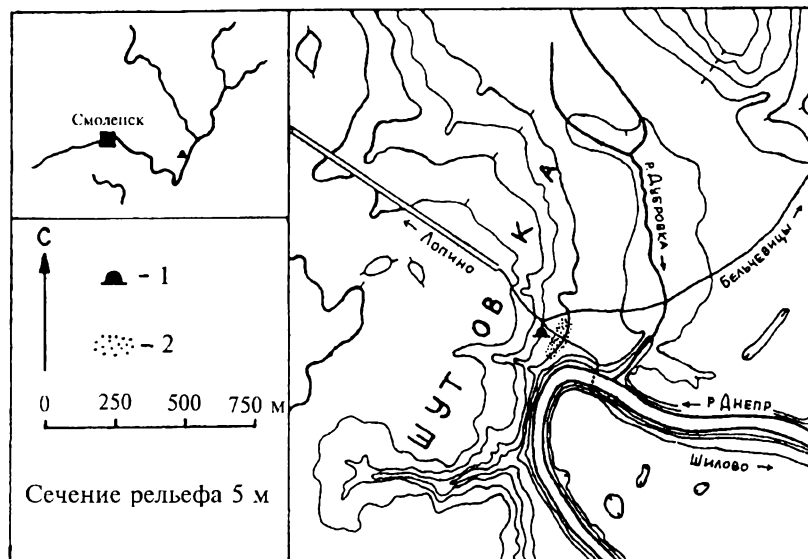

Рис. 1. План расположения археологических памятников у д. Лопино (Шutowка)

1 — курган, 2 — селище

лишь предположительно, исходя из косвенных данных, содержащихся в дневнике В.И. Сизова. Видимо, они располагались на расстоянии не более 100 м от кургана 1, на том же склоне первой террасы Днепра². В нижней части склона террасы, непосредственно под курганом 1 нами в 1998 г. выявлен культурный слой поселения, существовавшего в эпоху неолита и в середине — третьей четверти I тысячелетия н.э.³

До начала раскопок курган имел высоту около 3,5 м, диаметр около 17 м. Ровик вокруг него визуально не прослеживается. Насыпь сооружена из песка, местами прокрашенного гумусом, под ее основанием также залегает песок⁴. Сведения о структуре погребального комплекса содержатся как в дневнике раскопок 1881 г., расшифровка соответствующего отрывка из которого публикуется в Приложении, так и в описании модели кургана, находившейся в экспозиции ГИМ (Императорский Российский Исторический музей, 1893. С. 112) и представлявшей собой интерпретацию, сделанную В.И. Сизовым не позднее 1883 г.

В насыпи кургана, особенно в ее верхней части, было найдено большое количество колотых обожженных камней, осколки кремня,

мелкие обломки керамики, железный шлак, а также несколько некальцинированных костей. Весь этот материал, видимо, связан с более древним поселением, культурный слой которого использовался при возведении кургана. Отмеченные В.И. Сизовым в насыпи пятна и прослойки “густой черной золы” отчасти могли представлять собой включения насыщенного гумусом и углем переотложенного культурного слоя. Вероятно, грунт для сооружения насыпи частично или полностью брали ниже по склону террасы, с территории поселения, а не вокруг самого кургана, в непосредственной близости от которого культурный слой нами не зафиксирован.

На середине высоты насыпи (на глубине более 1,5 м, но менее 2 м от вершины), в самом ее центре выявлена прослойка “желтой глины” (суглинка?), на которой находилась груда камней. Четыре самых крупных из них, видимо, были уложены по кругу (рис. 2, 2). Вблизи камней найдены обломки керамики. В.И. Сизов интерпретировал скопление камней, керамику и нежженные кости животных из насыпи как части единого ритуального комплекса, связанного с совершением тризны (Императорский Российский Исторический музей, 1893. С. 112). Однако внимательное изучение полевого дневника 1881 г. позволяет прийти к выводу, что, во-первых, многие (если не все) находки костей ни топографически, ни стратиграфически не связаны с упомянутой каменной конструкцией, и, во-вторых, обнаружение рядом с камнями керамики могло быть случайным, поскольку мелкие черепки попадались в насыпи повсеместно и, как отмечалось выше, скорее всего не имеют отношения к погребальному комплексу. Представляется более вероятным, что каменно-глиняная конструкция в центре насыпи служила для укрепления основания столба, возвышавшегося когда-то над вершиной кургана. Аналогичные конструкции того же назначения неоднократно фиксировались в новгородских сопках (Конечный, 1993. С. 9).

Погребение было совершено по обряду трупосожжения на месте, на глубине около 3 м от вершины кургана, т.е. на уровне дневной поверхности или на небольшой песчаной подсыпке высотой не более полуметра⁵. На поверхность кострища, содержавшего остатки трупосожжения, был помещен большой “обколотый” камень. Возле камня, к югу от центра кургана находился разбитый горшок, который, судя по концентрации вокруг него кальцинированных костей, служил погребальной урной⁶. Под горшком лежали нежженные кости жертвенных животных или птиц. К сожалению, они не со-

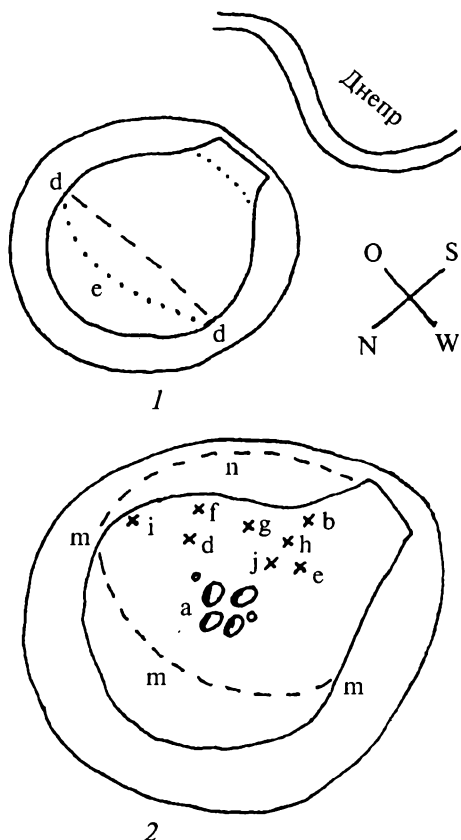

Рис. 2. Иллюстрации В.И. Сизова к дневнику раскопок кургана 1 у д. Лопино (НВА ГИМ. Оп. 2. Д. 1. Л. 99об.)

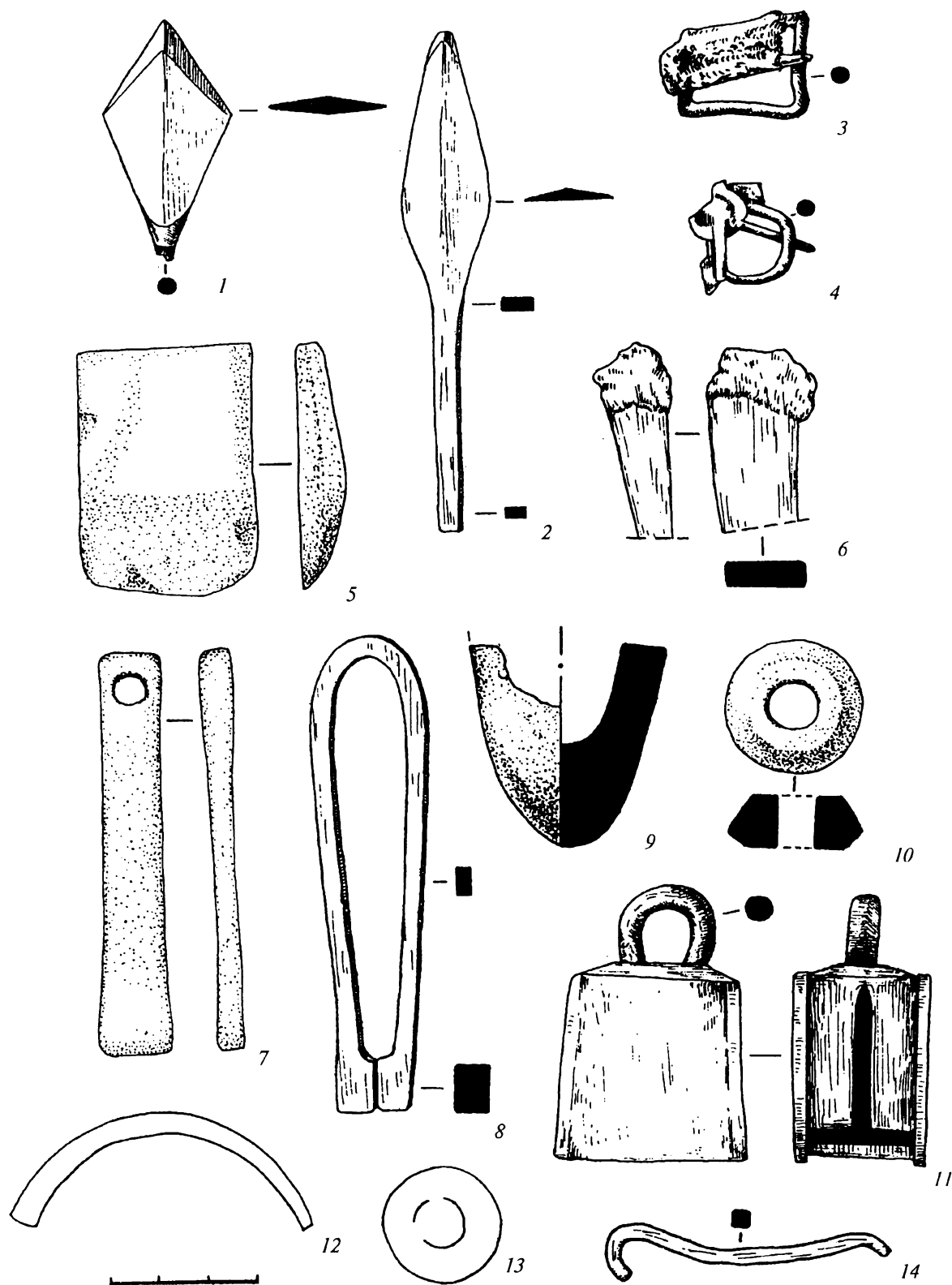

Рис. 3. Находки из кургана 1 у д. Лопино (1-14)

хранились, однако, как показало изучение фаунистического комплекса из курганов с трупосожжением Тимерева и Гнездова, практически во всех случаях некальцинированные кости в погребениях принадлежали птице — курице или петуху (Жарнов, 1991. С. 77—78). Такова же принадлежность нежженных костей, помещенных в горшок в кургане 13 у пос. Новоселки близ Смоленска (Шмидт, 1963. С. 118).

Непосредственно в слое кострища были найдены следующие вещи: железный кубический замок (рис. 3, 11), железная бочковидная гирька с бронзовым покрытием (рис. 3, 13) весом около 39 г (Императорский Российский Исторический музей, 1893. С. 112), обломок бронзового браслета (тип неизвестен) (рис. 3, 12)⁷, призматический сланцевый оселок с отверстием для подвешивания (рис. 3, 7), две плохо сохранившиеся железные пряжки (рис. 3, 3, 4), одна из которых подпрямоугольная, с вогнутыми боками, а также два сильно корродированных железных предмета. Один из них, очевидно, представляет собой зубило с обломанным лезвием (рис. 3, 6); скол на нем “свежий”, получен скорее всего во время раскопок.

Часть предметов, несомненно относящихся к погребальному комплексу, была вынесена в насыпь кургана, выше слоя кострища. Вещи находились на глубине 2—2,5 м от вершины кургана, в юго-восточной части насыпи. Это — железные тиски (рис. 3, 8), глиняный тигель с обломанным устьем (рис. 3, 9), два железных наконечника стрел (рис. 3, 1, 2), битрапецоидное пряслице из розового шифера (рис. 3, 10), железный язычок от третьей по счету пряжки (рис. 3, 14)⁸. Не сохранившаяся рамка пряжки, вероятно, была подпрямоугольной, ее длина составляла около 5 см. Кроме того, непосредственно над кострищем, на глубине не менее 2,5 м были найдены две “каменные плитки”, одна из которых, сохранившаяся в коллекции ГИМ, является обломком шлифованного тесла из опоки (рис. 3, 5). Все эти предметы, судя по рисунку из дневника В.И. Сизова, не составляли компактной группы, а были рассыпаны на значительном пространстве (рис. 2, 2).

В целом инвентарь из кургана 1 характерен для мужского погребения. Тем не менее присутствие в его составе браслета и пряслица указывает на вероятность парного трупосожжения (мужчина + женщина).

Данных для датировки кургана немного, поскольку большинство сохранившихся предметов из погребения имеют широкие хронологические рамки бытования. Особенности по-

гребального обряда не позволяют поднять верхнюю дату комплекса выше конца X — начала XI в. Наконечники стрел, принадлежащие к типам 46 и 48 по классификации А.Ф. Медведева, датируются соответственно VIII—XIII и IX—XIV вв., хотя тип 46 характерен в первую очередь для IX—XI вв. (Медведев, 1966. С. 67—68). Кубические навесные замки (тип А по классификации Б.А. Колчина) и шиферные пряслица в большом количестве найдены уже в самых ранних отложениях культурного слоя Новгорода (Рыбина, 1978. Рис. 2; Лесман, 1984. Табл. 1; Хорошев, 1994. Рис. 4, 6, 11), что, возможно, свидетельствует об их распространении в Восточной Европе до середины X в. В то же время их находки в достоверных комплексах IX в. нам неизвестны за исключением единственного замка типа А из могильника Мыдлань-Шай в Верхнем Прикамье (Генинг, 1962. Табл. VIII, 12). В культурном слое Старой Ладogi ключи от навесных замков появляются только в горизонте Д (около 925—1000 гг.) (Богуславский, 1991. Рис. 3). Для хронологии бочковидных гирек в Восточной Европе первостепенное значение имеют материалы со старолadoжского Земляного городища, где 20 из 21 хорошо документированной находки происходят из горизонта Д или более поздних отложений, а одна гирька — из горизонта Е₁ (около 865—925 гг.) (Давидан, 1987. Табл.). Аналогичные гирьки из других пунктов на территории Древней Руси также встречаются исключительно в комплексах X—XI вв., как правило, не ранее второй четверти X в.

На основании изложенного время сооружения кургана 1 следует ограничить рамками X в., хотя начало этого столетия наименее вероятно.

Самой яркой особенностью погребального инвентаря кургана 1 является наличие в нем предметов, связанных с ювелирным делом. В первую очередь это — тисочки, зубило и тигель.

Ручные тиски длиной 9,8 см сделаны из согнутой пополам узкой железной пластины, по пропорциям близкой дроту. На ее концах при проковке были оставлены прямоугольные Г-образные губы, служившие для захвата изделия. Зажим производился за счет пружинящих свойств металла. Единственный известный нам аналогичный инструмент происходит из погребения эпохи Меровингов в Шателе (Шампань, Франция) (Ohlaver, 1939. Taf. 42, 5). Однако конструктивно и функционально близкие тискам пинцеты, а также кузнечные клещи многократно встречены на поселениях, в погребениях и кладах конца I тысячелетия в

Восточной Европе и за ее пределами, в том числе вместе с другими инструментами (Рябинин, 1994. С. 28—30; Давидан, 1980. С. 66; Блѣфельд, 1977. С. 129; Рыбаков, 1948. С. 94—95; Ohlhaber, 1939. Taf. 19—23, 25, 29 u.f.; Gabriel, 1991. S. 235; Müller-Wille, 1977. S. 173—193; Sjøvold, 1974. P. 138; Arvidsson, Berg, 1983. P. 14).

Зубило отковано из прямоугольного в сечении железного стержня, ширина лезвия составляла приблизительно 1,2—1,4 см, размер ударной площадки — 1,2 x 1,9 см. По своим параметрам оно относится к зубилам для холодной рубки металла, употреблявшимся как в кузнечном, так и в ювелирном деле (Колчин, 1985. С. 250). С помощью зубил разрубались слитки, проволока, пластины и т.д., отрубались литники и литейные швы на отливках. Эти инструменты найдены в большинстве комплексов VIII—X вв. Восточной Европы и Скандинавии, связанных с кузнечным ремеслом (Рябинин, 1994. С. 31. Рис. 15, 13, 14; Рыбаков, 1948. С. 94—95. Рис. 13; Ohlhaber, 1939. Taf. 20, 39, 6; Müller-Wille, 1977. S. 185. Fig. 23, 15; Arvidsson, Berg, 1983. P. 17. Pl. 27, 105; Arbman, 1943. S. 271; Arrhenius, 1979. Abb. 4, u; Blindheim, 1963. Fig. 23).

Тигель принадлежит к типу конических остродонных (вариант Г по классификации В.М. Горюновой). Его не сохранившееся устье могло быть округлым или подтреугольным; первоначальная высота, вероятно, составляла 5—5,5 см при диаметре устья около 6 см. Тигель почти не был в употреблении, поскольку практически не ошлакован. На его внутренней поверхности осталась застывшая капля свинцовой латуни (сплав Cu+Zn+Pb)⁹. В конце I тысячелетия конические остродонные тигли представлены в материалах некоторых поселений севера Восточной Европы: Старой Ладogi (Давидан, 1980. Рис 3, 8; Горюнова, 1994. С. 63, 65), Рюрикова (Горюнова, 1994. С. 63) и Сарского (Леонтьев, 1996. С. 150. Рис. 50, 19, 22) городищ, поселения Крутик (Голубева, 1991. С. 162. Рис. 3, 4, 5, 10). Вместе с тем они совершенно отсутствуют в Гнёздове и Городке на Ловати — ближайших к Лопину крупных древнерусских памятниках X в., а также в Центральной и Северной Европе. Других погребений с тиглями в Восточной Европе нет, однако тигли дважды встречены в захоронениях ювелиров эпохи викингов в Норвегии (Müller-Wille, 1977. S. 181, 183. Fig. 22).

К ювелирному комплексу из кургана 1 необходимо отнести также гирьку и сланцевый оселок. Приспособления для взвешивания металла (весы, безмен, гирьки) — характерный атрибут профессионального ювелира X в. Ком-

плектами или по отдельности они входили в состав набора кузнечных и ювелирных инструментов в погребениях второй половины X в. кургана 29 в Пересопнице на Волини (Мельник, 1901. С. 541. Табл. VIII, 5, 10a, 15) и кургана 36 в Шестовице под Черниговом (Блѣфельд, 1977. С.129), в погребении 750 второй — третьей четверти X в. могильника Бирки (Швеция) (Arbman, 1940. Taf. 131; 1943. S. 271), а также вкладах того же столетия из Тьеле (Дания) (Müller-Wille, 1977. S. 184. Fig. 23, 21—23, 30, 31) и Местермюра (о. Готланд) (Arvidsson, Berg, 1983. P. 9. Pl. 16, 1). Оселок тоже был неотъемлемой частью инструментария средневековых ювелиров, являясь фактически единственным абразивом, находившимся в их распоряжении. Оселки широко применялись для стачивания литейных швов, предварительной полировки изделий и заточки инструментов. Помимо уже упомянутых комплексов (за исключением Пересопницы), они были найдены в целом ряде погребений кузнецов эпохи викингов на территории Скандинавии (Ohlhaber, 1939. Taf. 29, 32; Müller-Wille, 1977. Fig. 18—20).

Более сложен вопрос о месте в комплексе кургана обломка шлифованного опокового тесла. Это орудие относится к эпохе неолита и имеет множество аналогий на территории лесной зоны Восточной Европы. Особенно многочисленны подобные тесла на стоянках среднего неолита (вторая половина IV — первая половина III тысячелетия до н.э.) Волго-Окского междуречья (Неолит Северной Евразии, 1996. Рис. 56, 51—54, 58, 16, 59, 15, 16, 24, 26, 27 и др.). Из этого можно сделать вывод, что рассматриваемый экземпляр попал в курган вместе с культурным слоем более древнего поселения, который, как отмечалось выше, содержит и неолитический материал. С другой стороны, не исключено, что тесло находилось во вторичном использовании в качестве инструмента типа полировника (приспособление для ручной полировки ювелирных изделий). Его материал, форма и характер поверхности полностью соответствуют требованиям, предъявляемым к такого рода инструментам в современных руководствах по ювелирному делу (Новиков, Павлов, 1993. С. 64. Рис. 2, 71). Тот факт, что на неолитических памятниках Смоленского Поднепровья и Подвинья находки тесел из опоки отсутствуют¹⁰, также свидетельствует в пользу второго предположения.

Таким образом, погребальный инвентарь кургана 1 содержит определенный набор кузнечно-ювелирных инструментов (5+1? из 13+1? идентифицируемых предметов, не считая урны). Остальная часть инвентаря не очень вырази-

тельна и в целом типична для культуры древнерусского города X—XI вв. В соответствии с критериями, предложенными для Скандинавии эпохи викингов Я. Петерсеном (*Petersen*, 1951. S. 113—114) и в дальнейшем скорректированными другими исследователями (*Sjovold*, 1974. P. 111; *Wallander*, 1979. S. 48), мы относим этот комплекс к погребениям кузнецов-ювелиров. Однако если наборы инструментов из ряда скандинавских кладов и погребений, а также из ладожского клада несомненно принадлежали мастерам-универсалам, зачастую сочетавшим работу с черными и цветными металлами и обработку дерева (*Blindheim*, 1963. S. 62; *Sjovold*, 1974. P. 307; *Vierk*, 1983. S. 19), то состав находок из кургана 1, по нашему мнению, свидетельствует о сравнительно узкой специализации их владельца. Вероятно, погребенный работал в основном с цветными металлами, т.е. был прежде всего ювелиром.

На территории Древней Руси можно назвать еще два погребальных комплекса с наборами ювелирных инструментов, которые в хронологическом и социокультурном отношении близки лопинскому. Это уже упоминавшиеся курганы 29 в Пересопнице и 36 в Шестовице (погребения совершены по обряду ингумации в камере)¹¹. В обоих случаях инструменты были определенным образом сгруппированы: в Шестовице они находились возле правой ступни мужского скелета (*Блифельд*, 1977. С. 129. Рис. 13), в Пересопнице были уложены в деревянный ларец, закрытый на навесной замок (*Мельник*, 1901. С. 541. Табл. VIII, 4в). Такая же картина наблюдалась в некоторых скандинавских погребениях. Например, в камерном погребении в Утре Эльгснес (Норвегия) кузнечные инструменты были помещены в деревянный сундук (*Sjovold*, 1974. P. 108). Присутствие в кургане 1 крупного запертого навесного замка указывает на то, что и там мог находиться сундук или большой ящик, хотя никаких металлических деталей от него В.И. Сизов не обнаружил.

Несмотря на слабую социальную и этнокультурную выразительность инвентаря, курган 1 следует отнести к кругу элитарных погребений эпохи образования Древнерусского государства. На высокий социальный статус погребенного указывают как размеры кургана, так и некоторые специфические элементы погребального обряда. К ним в первую очередь относятся перенос части предметов с кострища в насыпь, имеющий определенные параллели в “больших курганах” Чернигова (*Рыбаков*, 1949. С. 24), и вероятная установка на кургане деревянного столба, подобного упомянутому у Ибн-Фад-

лана в описании похорон знатного руса (*Ковалевский*, 1956. С. 146). Помимо уже отмеченных аналогий этому ритуалу, остатки мемориальных столбов были зафиксированы в кургане Л-13, содержавшем одно из самых богатых погребений “раннего Гнёздова” (*Авдусин*, 1952. С. 338—339), а также в двух курганах с погребениями воинов-скандинавов второй половины IX — первой половины X в. в Баллатире и Балладоуле (о. Мен) (*Bersu, Wilson*, 1966. P. 90). К социально значимым признакам принадлежит и вероятная парность погребения в кургане 1. Тем не менее необходимо отметить, что признаки, присущие богатым погребениям, представлены в этом комплексе главным образом в несколько “размытом” виде.

На территории Скандинавии комплекты кузнечных и ювелирных инструментов нередко сочетаются в погребениях с наборами оружия, снаряжения коня и всадника и иными дорогими предметами, а также с социально престижными погребальными обрядами. Несмотря на то, что не все подобные комплексы однозначно трактуются как погребения профессиональных специалистов по металлообработке (*Sjovold*, 1974. P. 111; *Wallander*, 1979. S. 48; *Arrhenius*, 1993. P. 195—196), не вызывает сомнений, что в эпоху викингов социальный статус таких мастеров (при условии их полноправия) был, как правило, довольно высоким (*Straume*, 1986. S. 46). В “Саге об оркнейцах” ювелирное дело упоминается в числе “искусств”, которыми надлежало обладать мужчине, особенно если он имел знатное происхождение (*Глазырина*, 1996. С. 94. Комментарий. 27), что подтверждает высокое положение этого ремесла в системе ценностей скандинавского общества конца I — начала II тысячелетия. В связи с этим примечательно, что древнерусские погребения ювелиров в Шестовице и Пересопнице также принадлежат к числу элитарных как по инвентарю, так и по характеру обряда. Таким образом, курган 1 полностью вписывается в социокультурный контекст своей эпохи, во многом единый для Северной и Восточной Европы. В то же время следует подчеркнуть, что погребенный в кургане человек вряд ли был воином высокого ранга (как и ювелир из Пересопницы), хотя и имел при себе оружие. По нашему мнению, его статус определялся в первую очередь профессиональной принадлежностью.

Особого внимания заслуживает своеобразная позиция, занимаемая курганом 1 в системе синхронных археологических памятников микрорегиона. Как отмечалось выше, эта насыпь, по наблюдениям В.И. Сизова, была то-

пографически четко обособлена от расположенных рядом длинных курганов, несомненно представлявших собой общинный некрополь КСДК. При раскопках 1881 г. в них были, в частности, найдены “лимоновидные” бусы, изготовленные из светло-зеленого, бирюзового и фиолетового стекла¹². В культурном слое Старой Ладоги такие бусы характерны для горизонта Д (Львова, 1968. С. 88). Й. Кальмер датирует период бытования большинства из них в Скандинавии второй половиной X в. (Callmer, 1977. Р. 88—89, 224). Отсюда следует вывод о синхронности кургана 1 и по меньшей мере части длинных насыпей у д. Лопино. Однако тот факт, что ни инвентарь, ни погребальный обряд кургана не имеет параллелей в КСДК, делает невозможным предположение не только о принадлежности погребенного к общине носителей этой археологической культуры, но и об активном участии последних в его похоронах. Связь кургана 1 с местным древнерусским населением проследить также не удается, поскольку в окрестностях курганной группы достоверные древнерусские памятники X в. неизвестны¹³.

Прояснить ситуацию помогает учет того обстоятельства, что через “лопинское” течение Днепра проходил один из маршрутов пути “из варяг в греки”, связывавший, в частности, Смоленское Поднепровье через реки Вопь и Царевич с бассейном Западной Двины. Его существование в X в. подтверждается археологическими данными (Нефедов, 1997. С. 202—203).

¹ Всего В.И. Сизов раскопал у д. Лопино в 1881 г. 5 курганов, 4 из которых были длинными (Сизов, 1881. Л. 99об.—101). Коллекция найденных в них предметов хранится в фондах ГИМ (Инв. № 78607. Оп. В 1020/1-13 (курган 1), 14—68 (курганы 3—5)). Позднее В.И. Сизов совместно с М.К. Тенишевой продолжал исследования курганов у д. Лопино (годы раскопок неизвестны, документация не сохранилась). Вещи, найденные при раскопках, хранились в коллекции М.К. Тенишевой (Историко-этнографический музей..., 1909. С. 170—171. № 3295-3317), затем были переданы в фонды Смоленского городского историко-археологического музея (ныне — Смоленский государственный объединенный музей-заповедник), где полностью погибли во время Великой Отечественной войны. Часть этих находок (бронзовые спиральные пронизки и трапециевидные подвески), а также глиняные сосуды, опубликованные А.Н. Лявданским (Лявданскі, 1930. С. 281. Табл. III), относятся к КСДК. Некоторые предметы (наконечники стрел, элементы поясного набора) более характерны для курганов “гнездовского типа”. Сейчас уже невозможно определить, в каком именно месте В.И. Сизов проводил раскопки после 1881 г.: в могильнике на месте д. Шутовка или в другой курганной группе, располагавшейся в 0,5 км к северо-востоку от д. Лопино, на водоразделе р. Большой Вопец и ручья Дубровка (Лявданскі, 1930. Карта), где до настоящего времени сохранились остатки трех сильно распаханных курганов. Тем не менее следует отметить, что топография второго могильника абсолютно нетипична для смоленско-полоцких длинных курганов.

По всей видимости, сооружение кургана 1 связано с деятельностью мобильных военно-торговых отрядов типа дружин, передвигавшихся по транзитным коммуникациям Восточной Европы. Похороненный в кургане ювелир мог находиться в составе одного из таких отрядов и умереть “в пути”. Предложенную гипотезу подкрепляет как характер погребального комплекса, так и его археологический контекст.

В связи с изложенным мы считаем, что лопинское погребение является важным источником по проблеме организации ремесленной деятельности в раннем средневековье. По мнению ряда исследователей древностей Центральной и Северной Европы второй половины I тысячелетия, в этот период, помимо мастеров, постоянно находившихся на одном месте и обслуживавших общину или заказчика высокого ранга, большую роль играли так называемые странствующие ремесленники. На существование последних указывают широкое распространение некоторых типов украшений и других изделий, единство их стиля и технологии изготовления на огромной территории, а также находки, подобные кладу из Местермюра (Werner, 1961. S. 8—9; Capelle, 1968. S. 91—94). Очевидно, курган 1 у д. Лопино представляет собой редчайший (с точки зрения возможности интерпретации) пример погребения странствующего ювелира, подтверждающий наличие такой формы организации ремесла в Восточной Европе конца I тысячелетия н.э.

² Все курганы находились на пашне, “на возвышенности, покатою к Днепру” (Сизов, 1881. Л. 99об.), что может соответствовать только склону первой надпойменной террасы (высокая пойма Днепра почти не имеет наклона и не распаивалась). В.И. Сизов также отметил, что длинные курганы у д. Лопино своей длинной осью были ориентированы с севера на юг или с северо-запада на юго-восток, примерно перпендикулярно руслу Днепра (Сизов, 1881. Л. 100—101). С точки зрения топографии местности и общих закономерностей расположения курганов КСДК, такая ориентировка была возможна только в том случае, если насыпи находились где-то неподалеку от кургана 1, скорее всего ниже по склону террасы. Это подтверждает и схема расположения длинного кургана 3, помещенная в дневнике раскопок 1881 г. (Сизов, 1881. Л. 100).

³ Возможно, длинные курганы находились на месте этого поселения. Курганы КСДК, как правило, возводились на территории более ранних селищ тушемлинской культуры (Шмидт, 1967. С. 53).

⁴ В настоящее время курган сохранился на высоту до 2,5 м (вершина срезана при раскопках В.И. Сизова), диаметр остался прежним. Данные о ровике, а также о составе насыпи и материка получены нами при осмотре кургана в 1998 г.

⁵ Подсыпка могла быть применена для выравнивания естественной поверхности подкурганной площадки, которая имеет заметный наклон в сторону Днепра.

⁶ Горшок из погребения, как и вся керамика из кургана 1, был оставлен В.И. Сизовым на месте раскопок.

⁷ Гирька и обломок браслета, хранившиеся в фондах ГИМ, к настоящему времени утрачены. Их прорисовки выполнены по увеличенной фотографии планшета с вещами из кургана 1, находящейся в картотеке Отдела археологических памятников ГИМ (группа В). Видимо, фотография была сделана в течение двух — трех лет начиная с 1912 г. (Карточные каталоги..., 1914. С. 74).

⁸ Этот предмет, хранящийся в коллекции ГИМ (Инв. № 78607. Оп. В 1711/43), еще в начале 1880-х годов был ошибочно отнесен к комплексу кургана 5 (1) у д. Арефино (раскопки В.И. Сизова, 1881 г.).

⁹ Рентгено-спектральная лаборатория геологического факультета МГУ, анализ № 406.

Авдусин Д.А., 1952. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 году // МИСО. Смоленск. Вып. 1.

Бліфельд Д.І., 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ.

Богуславский О.И., 1991. К хронологии Юго-Восточного Приладожья IX—XII веков // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л.

Генинг В.Ф., 1962. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай // ВАУ. Свердловск. Вып. 3.

Глазырина Г.В., 1996. Исландские викингские саги о Северной Руси. М.

Голубева Л.А., 1991. Литейное дело на поселении Крутик в Белозерье // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.

Горюнова В.М., 1994. Некоторые аспекты ювелирного дела раннегородских центров Северной Руси (тигли) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.

Давидан О.И., 1980. Бронзолитейное дело в Ладозе // АСГЭ. Л. Вып. 21.

Давидан О.И., 1987. Весовые гирьки Старой Ладозы // АСГЭ. Л. Вып. 28.

Жарнов Ю.Э., 1991. Животные в погребальном обряде курганов периода становления Древнерусского государства // СА. 2.

Императорский Российский Исторический музей: Указатель памятников, 1893. М.

Историко-этнографический музей княгини М.К.Тенишевой в Смоленске: Общий каталог, 1909. Смоленск.

Карточные каталоги Императорского Российского Исторического музея имени императора Александра III, 1914 // Отчет Императорского Российского Исторического музея в Москве за 1913 г. М.

Ковалевский А.П., 1956. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков.

Колчин Б.А., 1985. Ремесло // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М.

Конечный В.Я., 1993. Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов конца I — начала II тысячелетия н.э. // Новгородский исторический сборник. СПб. Вып. 4(14).

Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери // Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. М. Вып. 4.

Лесман Ю.М., 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (Проблема син-

¹⁰ Благодарим за консультацию сотрудника ИА РАН А.С. Смирнова и сотрудника Государственного Эрмитажа А.Н. Мазуркевича.

¹¹ Погребения "женщин-литейщиц" в могильниках второй половины I тысячелетия н. э. финно-угорских народов Поволжья принадлежат к совершенно иному кругу древностей и в качестве аналогий нами не рассматриваются.

¹² ГИМ. Инв. № 78607. Оп. В 1020/19-23. Бусы происходят из курганов 3(2) и 4(3) (Сизов, 1881. Л. 100об., 101). Более точно разделить их по погребальным комплексам, к сожалению, невозможно.

¹³ Ближайший из них — курганный группа 2 у д. Верхние Немыкари — находится в 6 км к юго-западу, на противоположном берегу Днепра (Шмидт, 1982. С. 144).

хронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.

Львова З.А., 1968. Стекланные бусы Старой Ладозы // АСГЭ. Л. Вып. 10.

Ляўданскі А.Н., 1930. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажы, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губ. // Запіскі аддзела гуманітарных навук АН БССР. Менск. Кн. 11: Працы археолёгічнай камісіі. Т. 2.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII—XIV вв. // САИ. М. Вып. Е1-36.

Мельник Е.Н., 1901. Раскопки в земле лучан, произведенные в 1897 и 1898 гг. // Труды XI АС. М. Т. 1. Неолит Северной Евразии, 1996 // Археология. М.

Нефедов В.С., 1997. Смоленское Поднепровье и путь "из варяг в греки" в IX—X вв. // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М.; Петрозаводск.

Новиков В.П., Павлов С.П., 1993. Изготовление ювелирных изделий. СПб.

Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.; Л. Рыбаков Б.А., 1949. Древности Чернигова // МИА. М.; Л. № 11.

Рыбина Е.А., 1978. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М.

Рябинин Е.А., 1994. У истоков ремесленного производства в Ладозе // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.

Сизов В.И., 1881. Дневник раскопок в Смоленской губ. в 1881 г. — НВА ГИМ. Оп. 2. Д. 1.

Хорошев А.С., 1994. Топография, стратиграфия, хронология и усадебная застройка Троицкого раскопа (усадьба А) // Новгородские археологические чтения. Новгород.

Шмидт Е.А., 1963. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. на территории Смоленской области // МИСО. Смоленск. Вып. 5.

Шмидт Е.А., 1967. Археологические памятники периода возникновения города Смоленска // Смоленск: К 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск.

Шмидт Е.А., 1982. Древнерусские археологические памятники Смоленской области. М. Ч. 1.

Arbman H., 1940. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm; Uppsala.

Arbman H., 1943. Birka I. Die Gräber. Text. Stockholm; Uppsala.

Arrhenius B., 1979. Ein Goldschmiedegrab von Hovgardsberg // Frühmittelalterliche Studien. Berlin. Bd. 13.

Arrhenius B., 1993. The Drocksjö find. Goldsmith's tools found in a grave in Northern Sweden // Outils et ateliers d'orfèvres des temps anciens. Paris.

Arvidsson G., Berg G., 1983. The Mästermyr find. A Viking Age tool chest from Gotland. Stockholm.

Bersu G., Wilson D., 1966. Three Viking graves in the Isle of Men // The Society for medieval archaeology. Monograph series. London. N 1.

Blindheim Ch., 1963. Smedgraven fra Bygland i Møgedal // Viking. Oslo. Bd. XXVI.

Callmer J., 1977. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca 800—1000 AD // Acta archaeologica lundensia. Lund. № 11.

Capelle T., 1968. Der Metallschmuck von Haithabu. Studien zur wikingischen Metallkunst // Die Ausgrabungen in Haithabu. Neumünster. Vol. 5.

Gabriel I., 1991. Hofkultur, Heerwesen, Burghandwerk, Hauswirtschaft // Starigrad / Oldenburg. Ein slawischen Herrschersitz des frühen Mittelalters in Ostholstein. Neumünster.

Müller-Wille M., 1977. Der frühmittelalterliche Schmied im Spiegel skandinavischer Grabfunde // Frühmittelalterliche Studien. Berlin. Bd. 11.

Ohlhauser H., 1939. Der germanische Schmied und sein Werkzeug // Bamberger Schriften zur Dorgeschichte und Germanischen Frühgeschichte. Leipzig. Bd. 2.

Petersen J., 1951. Vikingetidens redskaper. Oslo.

Sjøvold Th., 1974. The Iron Age settlement of Arctic Norway (II) // Trømsø Museums skrifter. Oslo. Bd. X, 2.

Straume E., 1986. Smeden i jernalderen, bofast — ikke bofast, høy eller lav status // Universitetets Oldsaksamling. Oslo. Årbok 1984/1985.

Vierk H., 1983. Ein Schmiedeplatz aus Alt-Ladoga und der präurbane Handel zur Ostsee vor der Wikingerzeit: Zur frühmittelalterlichen Betriebsweise von Produktion und Absatz im Metallhandwerk // Munstersche Beiträge zur antiken Handelsgeschichte. Münster. Bd. II, 2.

Wallander A., 1979. Smedegrav eller gravar med smeds- och snickarverktyg? // Uppsats för C/20 P. Arkeologi, särskilt Nordeuropeisk. Uppsala.

Werner I., 1961. Die Fibeln der Sammlung Diegardt. Berlin.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ДНЕВНИКА РАСКОПОК В.И. СИЗОВА
В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1881 г.
(НВА ГИМ. Оп. 2. Д. 1. Л. 96—110, 112—122)

Л. 99об.

Лопино (берег Днепра), 8-е августа

По случаю дождя работа началась только около двух часов пополудни. Курганы находятся верстах в двух от Лопина, у Лопинского перевоза, на возвышенности, покатой к Днепру. Многие распаханы. Для начала выбран был курган большой близ дороги, над Днепром.

Курган № 1. Число рабочих — 8

Одновременно начаты были широкий колодец и траншея со стороны Днепра (юг).

Окружность основания — 108¹ м.

Высота — 7 м.

Колодец и траншея велись одновременно и так, что работа в траншее шла быстрее и позволяла видеть наслоения в разрезе.

Колодец. На высоте одного метра оказались пятна густой черной золы. В траншее слои были также сильны и широки в разрезе.

Высота кол[одца] 2 м. Попадались валуны (небольшого размера), но отколотые и обожженные, иногда в виде плиток. Найден обломок желтой нежженной кости.

3 метра глубины (диаметр колодца 9 м, dd²). Для удобства работы решено оставить спуск ded². Попадалось много камней (валуны) — б[ольшей] ч[астью] отколотые, со следами огня. Шлак с железом.

1) Большая желтая (нежженная) кость.

2) Острый осколок кремня (ножа?).

Посреди [колодца] на желтой глине — груда камней (четыре крупных) на одном уровне (а)³; возле — черепки. Черепки попадались повсюду, но мелкие.

б. Бол[ьшая] желтая кость. Бол[ьшие] зубы (взято).

На 4 метрах:

1) Железные шипцы⁴ и куски черепков — d

2) Острые копья или стрелы⁵ — e

3) Язычок от пряжки (железный) — f

4) Каменное кольцо⁶ — h

5) Железное острие (нож?)⁷ — g

6) Каменный конус⁸ — i

7) Осколок кремня (ножа?) — j

Решено на завтра прибавить колодец — мпм — так как сюда направляются слои золы и вещи.

Л. 100

9 августа

5 м глубины:

8) Каменная плитка⁹. Пошли слои угля, обожженного песка и глины — пятнами посреди колодца. 9) Каменная плитка [... ...].

Открылся слой угля непрерывный посреди [колодца]. [...] большой обколотый булыжник [...] над слоем [...] косточек[?].

После угля — пошел посреди, под направлением б[ольших] камней (а) внизу¹⁰. 2 кремня (10 и 11). Возле этого места среди костей найден брусок¹¹ (12) (в костях).

Несколько на юг, возле костей оказалось

дно горшка, лежавшего на особых (желтых) костях. Лопатка взята (13). Возле горшка, вблизи, найден испорченный железный куб[ической] формы кусок (замок?).

Круглый металлический шарик¹².

Часть эфеса от кинжала или меча¹³. Медь и железо.

Несколько железных испорч[енных] кусков.

¹ В дневнике все величины в метрах больше реальных в два раза.

² Латинскими буквами обозначены объекты на рис. 2, 1.

³ Здесь и далее латинские буквы обозначают объекты на рис. 2, 2.

⁴ Тиски.

⁵ Наконечник стрелы.

⁶ Шиферное пряслице.

⁷ Наконечник стрелы.

⁸ Тигель.

⁹ Обломок тесла из опоки.

¹⁰ Смысл предложения неясен. Видимо, какие-то слова В. И. Сизовым пропущены.

¹¹ Оселок.

¹² Бочковидная гирька.

¹³ Обломок браслета.

SUMMARY

N. V. Eniosova, V. S. Nefedov

THE GRAVE OF AN ITINERANT JEWELLER OF THE Xth CENTURY CLOSE TO LOPINO VILLAGE NEAR SMOLENSK

The authors publish and analyse the materials of the mound-1 in the cemetery near Lopino village excavated by V. I. Sizov in 1881. The mound is situated on the riverside of Dniepr, contained the cremation grave which is dated by the Xth century AD and regards to the early period of Old-Russian culture. Tools and other implements connected with jewellery (clamp, chisel, crucible,

probably burnisher, wet stone, weight) compose the essential part of the gravegoods. Peculiarities of the burial custom, topographical apartness and cultural difference of this complex from other archaeological objects of the microregion allow to suppose that it is a grave of an itinerant jeweller who went on the "Way from Varangians into Greeks" in a body of a military-trade detachment.

Т.Г. Сарачева

ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ НАНЕСЕНИЯ ДЕКОРА НА ВЯТИЧСКИЕ УКРАШЕНИЯ*

Средневековые ювелиры обладали сложным набором рабочих инструментов. Об этом свидетельствуют специальные трактаты средневековых ювелиров—практиков (Теофила, Агриколы, Бирингуччо), изобразительные материалы (например, знаменитые гравюры, изображающие мастерскую французского придворного ювелира Этьена Делона) и материалы археологических раскопок (Ениосова, Сарачева, 1997. С. 291—292, 294—298). Орудия и приспособления ювелиров Древней Руси определил Б.А. Рыбаков (Рыбаков, 1948), детальному описанию подвергнуты инструменты из раскопок Новгорода и Старой Ладogi (Рындина, 1963. С. 221—225; Рябинин, 1994. С. 28—37).

О наборе инструментов, которые использовали вятичские ювелиры, мы можем судить по материалам археологических раскопок Старой Рязани, Переяславля Рязанского, Пронска, Серенска, Слободки и других городских поселений Земли вятичей (Монгайт, 1955. С. 133, 136, 140; 1961. С. 214, 300, 302; Никольская, 1968. С. 122—132; 1971. С. 79; 1974а. С. 40—46; 1974б. С. 237—240; 1981. С. 220; 1987. С. 93, 95; Даркевич, 1974. С. 46; Даркевич, Борисевич, 1995. С. 153, 157, 159, 165, 190, 192, 237, 281; Сарачева, Судаков, 1994. С. 142; Подземная охранная зона..., 1995. С. 27—29). К редким находкам инструментов в погребениях относятся пять двустворчатых литейных форм и их фрагментов, обнаруженные А.В. Арциховским при раскопках кургана I у д. Митяево Московской обл. (Арциховский, 1930. С. 121—125; Рыбаков, 1948. С. 145—147). Обнаруженные инструменты имеют многочисленные аналогии среди находок из других древнерусских городов.

Дополнительным источником информации выступает продукция ювелиров — украшения,

несущие на себе следы использования многих орудий труда. Метод реконструкции инструментов по их следам на изделиях удачно применяют многие исследователи (Рыбаков, 1948. С. 160—161, 282—283; Макарова, 1986. С. 7—11; Рындина, 1963; Минасян, 1994. С. 86; 1995а. С. 84—87; 1995б. С. 119—127; Жилина, 1995. С. 175—186).

В результате трассологического и микроструктурного** анализ ювелирных изделий из раскопок погребальных памятников Волго-Окского бассейна (Калужской, Смоленской, Московской, Рязанской, Тульской областей) второй половины XI—первой половины XIII в.*** был расширен список реальных инструментов с территории вятичей и определен набор орудий, необходимых для исполнения украшений (Сарачева, 1997. С. 64—66). Орудия для нанесения декора оказались наиболее разнообразными. Эта группа инструментов и стала предметом настоящей работы.

Трудно назвать какую-либо другую категорию археологических предметов эпохи средневековья, орнаментированных так богато, как украшения. Основная смысловая функция этих изделий эстетическая, они призваны украшать тело и одежду человека. Это предопределило то изобилие самых разнообразных элементов декора, которые мы встречаем на украшениях. Необходимо отметить, что среди инструментария, обнаруженного во время археологических раскопок древнерус-

** Микроструктурный анализ выполнен в лаборатории структурного анализа кафедры археологии Исторического факультета МГУ. Приношу благодарность Н.В. Рындиной за оказанную помощь в изучении украшений.

*** Выражаю глубокую признательность Л.Р. Кызласову, Н.Г. Недошивиной, Н.Л. Подвигиной, В.В. Судакову, Е.В. Финогеновой, М.В. Цыбину и Ю.Л. Шаповой за предоставленный для исследования материал и оказанную помощь в работе.

* Работа подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (№ 99-06-80173).

ских поселений, орудия для нанесения декора редки. Это — резцы и ударные инструменты с округлым притупленным рабочим краем (канфарники), которые могли использовать для выполнения различных операций, в том числе и для нанесения декора. Таким

образом, основной источник информации для нас — отпечатки инструментов на самих украшениях.

Приблизительно половина изученных изделий украшена разнообразными декоративными элементами*. Мастера наносили орнамент

Таблица 1

Распределение украшений по производственным стадиям исполнения декора

Категории украшений	I Выполнение декора одновременно с приданием формы изделию	II Выполнение декора после придания формы изделию	III Выполнение декора на обоих производственных стадиях	Итого
Височные кольца	259	1	9	269
Гривны	—	13	—	13
Привески	195	—	—	195
Цепи	3	—	—	3
Бусы, пронизки	16	1	—	17
Браслеты	39	37	2	78
Перстни	269	44	5	318
Пряжки	6	—	—	6
Поясные кольца	13	—	—	13
Накладки	43	—	—	43
Итого	845	97	16	956

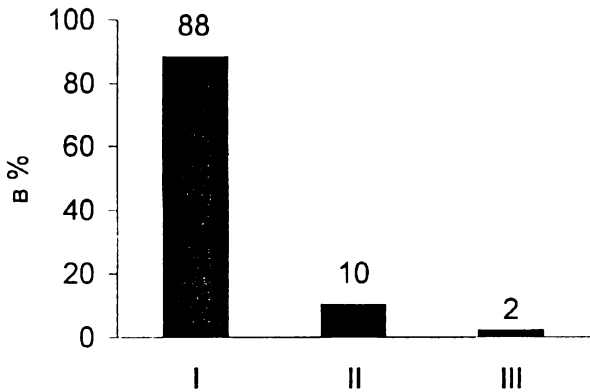

Рис. 1. Производственные стадии исполнения декора

на разных производственных стадиях изготовления украшений (табл. 1, рис. 1).

Его могли получать одновременно с приданием формы изделию, в процессе отливки или штамповки. Кроме того, декор могли наносить после придания формы изделию. В нашей выборке преобладают предметы, на которых декор был получен одновременно с приданием формы в процессе литья или штамповки изделия (88 %). Литой орнамент отличается самым большим разнообразием: ажурный и рельефный (выпуклый и углубленный). Он присутствует и на плоских, и на объемных украшениях. Элементы декора могли быть вырезаны на матрице для штамповки, в литейной форме или на модели, по которой производили литье.

* Трассологическому анализу подвергнуто 1878 украшений, из них 956 — декорированы.

Декор, выполненный после оформления предмета, встречен на плоских украшениях (пластинчатых перстнях, браслетах, гривнах — 10 %) и представлен лишь рельефными углубленными элементами. К этой группе относятся

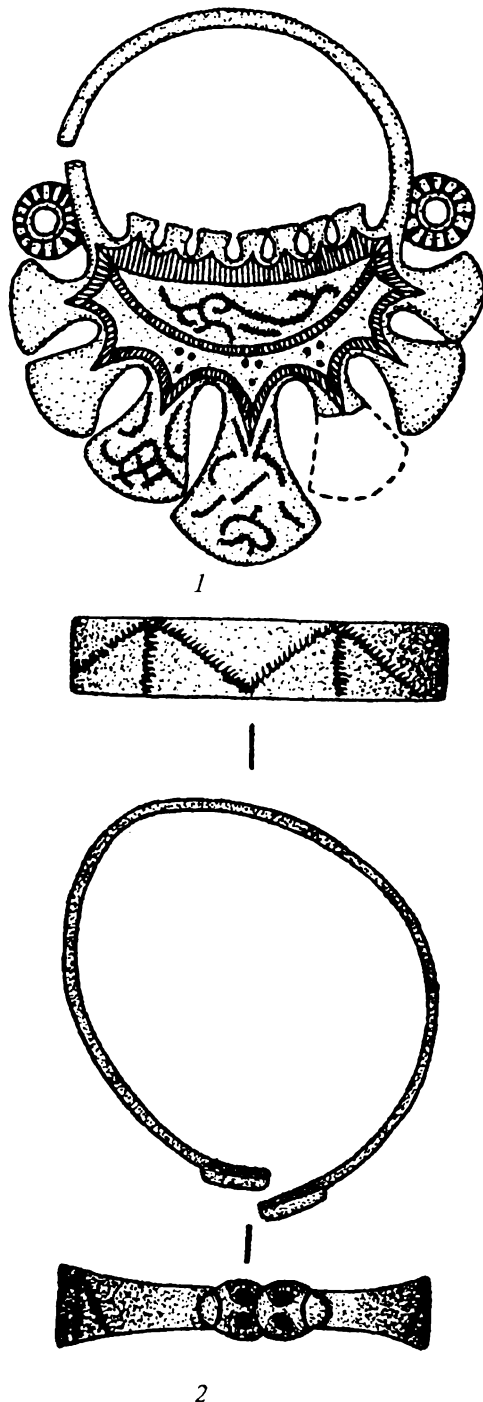

Рис. 2. Украшения с литым и гравированным декором
1 — височное лопастное кольцо, Кривишино Рязанской обл.; 2 — пластинчатый браслет, Доброселье Калужской обл.

украшения, изготовленные ковкой или тиснением.

Особый интерес представляет немногочисленная группа украшений (2 %), на которых одни декоративные элементы были получены в процессе отливки, а другие нанесены впоследствии. К ним относятся лопастные височные кольца, пластинчатые перстни и браслеты (рис. 2').

Таким образом, становится очевидным, что вид и исполнение декора прежде всего зависели от техники изготовления самого предмета. Выбор инструментов также частично зависел от этого.

Вятские ювелиры использовали следующие виды декорирующих инструментов: чеканы, резцы-штихели, зубчатые колесики. Ими украшали и металлические изделия, и восковые модели, по которым впоследствии производили литье. Знаки декора, выполненные на восковой модели, отличаются от аналогичных знаков, нанесенных на металлические предметы. В процессе литья они приобретают большие размеры, оплывшие края и часто имеют неодинаковую глубину на одном предмете. Характерное слияние отпечатков, оставленных зубчатым колесиком, указывает на нанесение декора на восковую модель. Отсутствие отдельных элементов или их частей в общей композиции украшения также свидетельствует о получении декора в процессе литья.

Чеканы. Для декорирования украшений ювелиры использовали особый вид чеканов — пуансоны, рабочая часть которых имела определенный рисунок. Они относятся к ударным инструментам и при ударе оставляют рельефный след, соответствующий рисунку рабочей части. С помощью чеканов выполнены различные единичные элементы, бордюры и розетки. В нашей выборке нет ни одного предмета, украшенного только чеканом. Чеканный декор сочетается с орнаментом, выполненным резцом или зубчатым колесиком.

На украшениях встречены отпечатки 12 чеканов (табл. 2). Чаше других вятские ювелиры использовали кольцевые чеканы. Их рабочая часть имеет форму пустотелого цилиндра или цилиндра с выемками, которые оставляют следы в виде окружности или окружности с вписанной точкой. На многих украшениях встречены разомкнутые окружности. Такой брак мог возникнуть в результате появления выщерблинки на рабочей части инструмента.

Во время археологических раскопок культурного слоя IX в. болгарского города Плиска

* Рисунки выполнены И.Г. Сарачевым.

обнаружен уникальный костяной инструмент для нанесения декоративных элементов в виде окружности с точкой внутри. Автор публикации справедливо полагает, что орнаментир

могли использовать для работы по мягкому материалу: глине, воску (Димитров, 1993. С. 265). Экспериментальные отпечатки, приводимые в публикации, сходны с теми, которые мы на-

Таблица 2

Реконструкция рабочей части чеканов

Реконструкция рабочей части чекана	Элемент декора	Височные лопастные кольца	Пластинчатые перстни	Пластинчатые браслеты	Пластинчатые гривны и концы витых гривен
		+	-	+	-
		+	+	+	+
		-	+	+	-
		-	-	+	-
		-	-	+	-
		-	-	-	+
		-	-	-	+
		-	-	-	+
		-	+	+	-
		-	-	-	+
		-	-	+	-
		-	-	-	+
Итого	12	2	3	7	6

блюдали на чеканных вятичских украшениях, отлитых по восковой модели.

Другой, часто встречающийся вид чеканных элементов — треугольник с вписанными тремя точками — так называемый “волчий зуб”. Удалось выявить две его модификации: треугольник с одной вписанной точкой и треугольник с пятью точками.

Декор в виде точки выполнен с помощью чекана, который в современном ювелирном деле носит название канфарника. Рабочая часть его округлая и оставляет следы в виде углублений различного диаметра. Канфарник использовали для украшения пластинчатых браслетов, височных лопастных колец и щитковых перстней. Точечные углубления на некоторых височных кольцах оплывчаты, неотчетливы, плохо или совсем не пролиты. Это говорит о том, что их наносили на восковую модель, по которой отливали изделие.

Другие отпечатки чеканов встречаются редко.

Нанесение чеканного орнамента было трудоемким процессом, особенно на пластинчатые гривны, так как длина украшенных обручей составляет 70 — 80 см. Так, для выполнения бордюра, состоящего из треугольников, на гривну, обнаруженную при раскопках курганов у д. Волково (*Авдусина*, 1962. С. 280. Рис. 3) мастеру нужно было сделать около 820 ударов.

Анализ украшений с помощью увеличительных приборов, а также применение макросъемки позволили определить размеры рабочей части чеканов. Так, отпечатки в форме окружностей как правило имеют диаметр 1—2 мм. Высота треугольных отпечатков (“волчий зуб”) равна 1—3 мм. Диаметр рабочей части канфарника составляет 0,5 мм.

Резцы-штихели относятся к режущим, гравировальным инструментам. Это наиболее универсальные инструменты, с помощью которых на плоских или объемных украшениях или их моделях для отливки выполняли различный по характеру (углубленный, ажурный) декор, состоящий из разнообразных элементов: прямых, кривых, зигзагообразных линий, углублений и др. Гравированный декор украшает пластинчатые перстни, браслеты, но отсутствует на гривнах. На одних украшениях он является единственным видом орнамента, на других его дополняет чеканный или декор, нанесенный зубчатым колесиком. Выявлено несколько видов резцов-штихелей применявшихся для украшения вятичских ювелирных изделий (рис. 3, а).

Прием вырезания углубленного линейного декора на восковых моделях особенно харак-

терен при изготовлении лопастных височных колец и пластинчатых решетчатых перстней. Рабочая часть резца, судя по орнаментальным линиям на этих украшениях, имела клинообразный профиль. Такой резец носит название мессерштихеля и предназначен для прорезывания очень тонких, резких, четких линий (*Новиков, Павлов*, 1993. С. 59—60). Более широкие линии выполняли с помощью шпицштихеля, который имеет выпуклые боковые грани рабочей части.

Другой вид гравированного декора, часто встречающийся на вятичских украшениях — зигзаг. Составные части зигзага различные: простые прямые линии, одинарные или двойные треугольные зубцы. Зигзаг, состоящий из прямых простых линий, выполняют резцом с прямоугольным рабочим окончанием, современное название которого — флахштихель. Такой декор украшает пластинчатые широкосрединные перстни и лопастные височные кольца. Длина бойка флахштихеля была различной: около 0, 8 — 1 мм.

Зигзаг, состоящий из одинарных или двойных зубцов, оставлен мессерштихелем на пластинчатых широкосрединных перстнях и щитках лопастных колец.

На некоторых предметах линии, оставленные резцом, имеют разрывы, повторяющиеся при каждом повороте резца. Этот производственный брак замечен лишь при микроскопическом изучении предметов и не нарушает общего вида декора. Его сопоставление с видами брака, возникающими при современном гравировании, позволило определить, что он возникает в результате выкрашивания рабочей поверхности из-за перекалки при изготовлении штихеля (*Улановский*, 1990. С. 10). Однако в качестве предположения можно сказать, что мастера преднамеренно выполняли декор таким инструментом (рис. 3, а), потому что с его помощью можно было получить две параллельные зигзагообразные линии одновременно.

Зубчатые штампы-колесики. Усовершенствование способов декорирования выразилось в применении специальных штампов, названных Б.А. Рыбаковым зубчатыми колесиками. С их помощью выполнены бордюры и розетки. След, оставляемый этим инструментом, представляет собой полосу, состоящую из ритмично повторяющихся миниатюрных прямоугольников или квадратов. Края зубцов могли быть заостренными и оставлять след в виде конического углубления или притупленными и оставлять плоские углубления. Вятичские ювелиры использовали штампы-колесики с одним или двумя

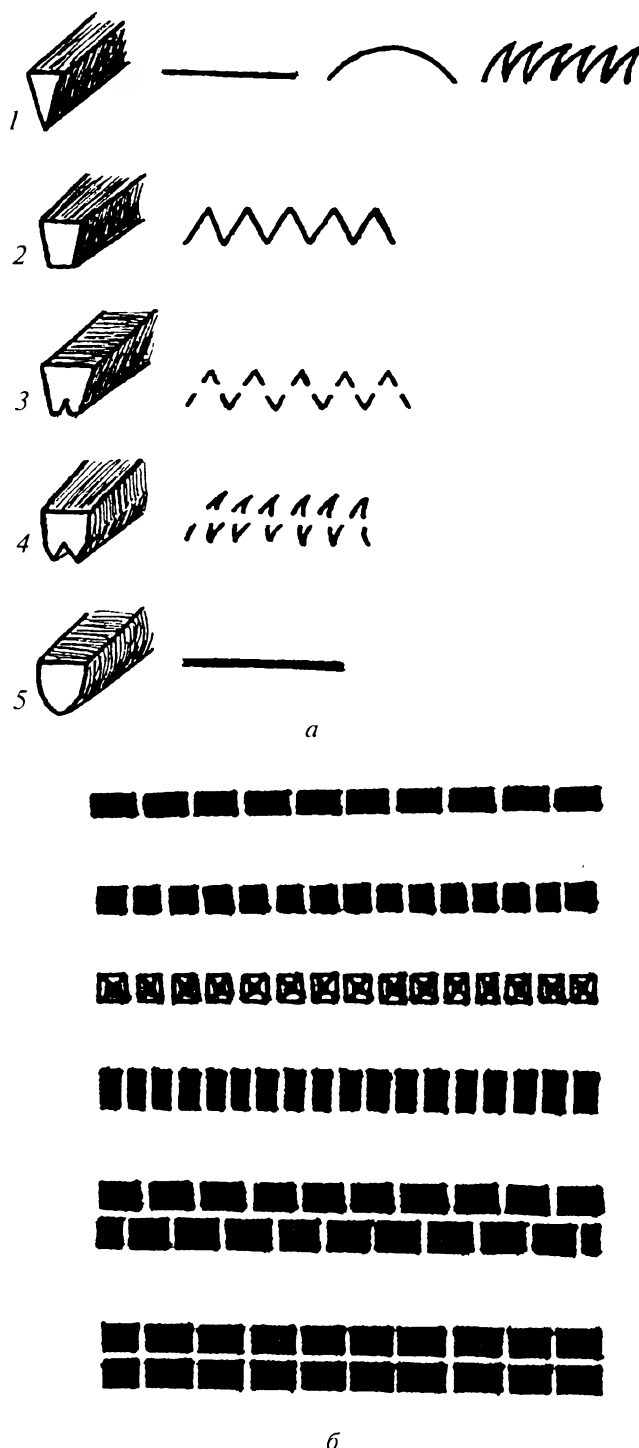

Рис. 3. Примеры декора, исполняемого режущими инструментами

a — линии, выполненные резцами-штихелями и реконструкция их рабочей части: 1 — мессерштихель; 2—3 — флахштихели; 4 — пунктирштихель; 5 — шпиштихель; *б* — отпечатки, оставленные зубчатым штампом-колесиком

рядами зубцов, которые оставляли одинарную или двойную декоративную полосу (рис. 3, б). Параллельность двойной полосы бордюров убеждает нас в применении двойного штампа-колесика. Микроскопическое изучение позволило определить длину зубцов штампа: 0,2—0,6 мм.

Б.А. Рыбаков реконструировал зубчатое колесико с 24 зубцами и детально описал его работу (Рыбаков, 1948. С. 160—161). Исследователь отметил, что процесс декорирования этим инструментом нельзя назвать чеканкой. Действительно, штампы-колесики не относятся к ударным инструментам, хотя фигурная форма рабочей части сближает их с чеканами. По характеру работы они сходны с режущими инструментами (резцами-штихелями). Колесики занимают промежуточное положение между этими двумя видами инструментов.

В арсенале современных ювелиров нет подобного инструмента, как и примеров декора, который мы наблюдаем на древнерусских изделиях. Однако микроскопическое изучение украшений подтверждает правильность реконструкции Б.А. Рыбакова. Конструкция этого инструмента, возможно, была иной, чем та, которую приводит исследователь, но рабочая часть имела форму колесика. О его наличии говорят следующие факты: расстояние между отпечатками инструмента приблизительно равное, чего трудно достичь при использовании простого чекана; полосы имеют разную длину, что исключает использование фигурного чекана с определенным числом зубцов; ровные полосы, состоящие из множества отдельных отпечатков, невозможно нанести с помощью чекана ни разу не сбившись.

На некоторых предметах штамп-колесико использовали еще на стадии изготовления восковой модели. Отпечатки такого декора менее отчетливы и несут на себе следы резьбы по мягкому материалу. Они имеют большую ширину и глубину по сравнению с отпечатками, оставленными на металле. При поворотах колесика на мягком материале линия бордюра всегда нарушена, а расстояние между зубцами разное.

Изучение бордюров, выполненных колесиком, выявление ритмично повторяющихся особенностей отпечатков (их необычный размер или форма) позволили определить число зубцов на этих инструментах: 12, 16, 20, 24. Интересно отметить, что число зубцов реконструированных колесиков всегда кратно 4. Число отпечатков, оставляемых за одну прокатку, позволило определить приблизительный диаметр колесиков: 4—8 мм. Нанесение орна-

мента часто прерывали и затем возобновляли. Вероятно, мастер вынужден был очищать инструмент от металлической стружки, забившейся между зубчиками.

Преимущества зубчатого штампа-колесика очевидны. Ровный, ритмичный декор, состоящий из миниатюрных элементов, трудно получить с помощью другого инструмента. Использование подобного инструмента значительно ускоряло процесс орнаментации украшений. Так, на пластинчатых перстнях число отпечатков зубцов колесика приближается к 300. Работая простым чеканом, мастер вынужден был бы нанести столько же ударов чеканом, причем с очень высокой точностью, а для декорирования браслетов или гривен — в несколько раз больше.

Сравнительный анализ элементов декора позволил выявить украшения, декорированные одними и теми же инструментами, а следовательно, изготовленные одним мастером. Это два браслета из Ивановского Смоленской обл. (ГИМ. Оп. 1714. № 7, 8), украшенные мессерштихелем и чеканом с рабочей поверхностью в виде окружности. Другие два браслета из Кохан Смоленской обл. (ГИМ. Оп. 219. № 70, 94) украшены зубчатым колесиком и чеканом, который оставляет отпечаток в виде окружности с выпуклой серединой. Несмотря на использование одних инструментов, композиции декоративных элементов на браслетах не повторяются. Это свидетельствует о стремлении мастеров к разнообразию орнаментов на изготовленных ими украшениях, и об особенном внимании к исполнению декора.

Показательно также использование одного инструмента для декорирования разных украшений, например браслета и гривны из Смедова (РИАМЗ. Оп. А 210. № 129, 135), или для работы по металлическому изделию и восковой модели, например браслеты из Ивановского (Оп. 244. № 23, 28). Эти примеры показывают, что один мастер мог владеть несколькими технологическими приемами и изготавливать разные виды украшений, применяя для их орнаментации одни и те же инструменты.

Набор выявленных инструментов невелик, но комбинации отпечатков, которые они оставляют, неисчислимы и повторяются редко. На одном предмете часто можно встретить отпечатки разных инструментов. Так, для укра-

шения пластинчатых широкосрединных перстней мастера использовали резцы-штихели или чеканы совместно с зубчатым штампом-колесиком, а для декорирования пластинчатых браслетов иногда применяли все три разновидности инструментов: резец, чекан и зубчатое колесико. На некоторых украшениях встречены следы работы двух или трех разных чеканов.

Многие отпечатки декорирующих инструментов показывают, что их рабочая часть была изношена. Вероятно, ювелирный инструментарий представлял особую ценность для мастеров и его замена была нелегкой.

Анализ инструментов вятичских ювелиров показывает, что они предназначались прежде всего для выпуска массовой продукции по несложной технологии. Обеспечение серийными украшениями, иногда невысокого качества, постоянно возрастающего рынка сбыта было основным в ювелирном деле Древней Руси XII — XIII вв. При такой производственной организации мастера стремились использовать наиболее рациональные и эффективные технологии, простые инструменты.

Это подтверждает и анализ декорирующих инструментов вятичских ювелиров. Среди их продукции преобладают украшения, на которых декор выполнен одновременно с приданием общей формы, преимущественно в процессе литья. Использование декорирующих инструментов еще на стадии изготовления моделей делало производственный процесс менее трудоемким и более рациональным. Выполнение декора на восковой модели имело ряд преимуществ. Работа по мягкому материалу, безусловно, была более простой, чем по металлу: ударная операция чеканки превращалась в простое оттискивание рабочего края чекана; резание декора с помощью штихелей также было более легким, чем на металле.

Применение зубчатого колесика приводило к упрощению технологического процесса изготовления изделий. Декор, нанесенный этим инструментом, был менее разнообразным по сравнению с чеканным или гравированным и приводил к определенной стандартизации облика украшений. Но его применение резко повышало производительность мастера, что было особенно важно в условиях серийного производства.

Авдусина Г.А., 1962. Три курганные группы у Звенигорода // Историко—археологический сборник. М.

Арциховский А.В., 1930. Митяевские литейные формы // Техника обработки камня и металла. М.

Даркевич В.П., 1974. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966—1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.

Димитров Я., 1993. Интересен костен инструмент от Плиска // Преслав. София. Т. 4.

Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г., 1997. Средневековое ювелирное ремесло Европы: основные аспекты в истории изучения // Древности Евразии. М.

Жилина Н.В., 1995. Пластина из Старой Рязани (“Оправа для креста”). Методы изучения технологии древнерусской скани и зерни // РА. 1.

Макарова Т.И., 1986. Черное дело Древней Руси. М.

Минасян Р.С., 1994. О роли изучения археологических предметов из меди, серебра, золота трасологическим методом // Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии. Тез. докл. СПб.

Минасян Р.С., 1995а. К вопросу о существовании способа металлического литья “навыплеск” в древнерусское время // Древности Северо-Западной России. СПб.

Минасян Р.С., 1995б. Техника литья “чудских образков” // АСГЭ. СПб. 32.

Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань // МИА СССР. М.; Л. № 49.

Монгайт А.Л., 1961. Рязанская земля. М.

Никольская Т.Н., 1968. Кузнецы железу, меди, серебру от вятич // Славяне и Русь. М.

Никольская Т.Н., 1971. Древнерусский Серенск — город вятических ремесленников // КСИА. Вып. 125.

Никольская Т.Н., 1974а. Литейные формочки древнерусского Серенска // Культура средневековой Руси. М.

Никольская Т.Н., 1974б. Литейные формочки с надписями из древнерусского города Серенска // СА. 1.

Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. М.

Никольская Т.Н., 1987. Городище Слободка XII—XIII вв. М.

Новиков В.П., Павлов В.С., 1993. Изготовление ювелирных изделий. СПб

Подземная охранная зона исторической территории Рязанского кремля, 1995. Рязань.

Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.

Рындина Н.В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X — XV вв. // МИА СССР. М. №117: Новые методы в археологии. Труды Новгородской Археологической экспедиции. Т. III.

Рябинин Е.А., 1994. У истоков ремесленного производства в Ладге // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.

Сарачева Т.Г., 1997. Инструментарий вятических ювелиров // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб.

Сарачева Т.Г., Судаков В.В., 1994. Цветная металлообработка Переяславля-Рязанского (XII — начало XVI в.) // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. Рязань.

Улановский О.О., 1990. Ручное и машинное гравирование. Л.

SUMMARY

T.G. Saracheva

TOOLS FOR DECORATION OF VYATICH ORNAMENTS

This article is based on the technological analysis of 1890 ornaments (XIth — XIIIth centuries AD) from barrows of Volga — Oka basin region. Traces of tools on the surface of jewelry production indicate the employment of various figured mints,

chisels and stamps. Craftsmen used the same tools for decoration both the metal objects and the wax models for casting. The investigation of ornaments with magnifying lenses has allowed to reveal the size of the tool's working surface.

В.Л.Егоров

СЛОЖЕНИЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Одна из традиционных и ключевых проблем российской исторической науки состоит в изучении процесса политической консолидации и территориального сложения Российского государства на всем протяжении его более чем 1000-летнего периода существования. Хронологически этот процесс можно разделить на три больших отрезка, соответствующих устоявшимся понятиям: Древняя Русь, Россия и Российская империя. На протяжении каждого из этих периодов существовала особенная доминанта русской государственности, поэтапно возвышавшая ее на новую качественную ступень. Самый ранний период можно характеризовать как полиэтническое государство, следующий — как многонациональное, логически завершившее длительный процесс, с самого начала ведущий к третьему периоду — образованию обширной империи.

К настоящему времени наиболее детально исследован процесс образования русского централизованного государства в XIV—XV вв. Итог изучению подведен в известной монографии Л.В.Черепнина (*Черепнин*, 1960). Естественным продолжением этой темы является исследование целого комплекса проблем, раскрывающих становление Российского многонационального государства. Обобщающей работы на эту тему до настоящего времени не создано, но существуют многочисленные монографические исследования и статьи, освещающие вхождение в состав России самых различных народов от средневековья до нового времени. Пожалуй, ни одно из явлений российской истории не имеет столь длительной амплитуды, начинаясь в феодальную эпоху и заканчиваясь уже при капитализме. Но хронологическая растянутость исторического процесса — отнюдь не самая сложная проблема при его изучении. Куда более серьезным камнем преткновения является

подчас выявление комплекса причин и побуждений, в результате которых тот или иной народ становился частью Российского государства.

Определенное отражение это находит в принятой и традиционно утвердившейся терминологии. Основные понятия, которыми оперируют авторы, сводятся к следующим: воссоединение, добровольное присоединение, присоединение, вхождение, завоевание. Каждый из этих терминов имеет полное право на существование, но лишь в приложении к конкретной исторической ситуации. Термин же «сложение» в смысловом отношении объединяет все другие понятия, подчеркивая разнообразие путей самого процесса, его длительность и зависимость от различных сопутствующих внешних и внутренних обстоятельств. В этой связи можно напомнить, что Л.В.Черепнин в одной из своих методических работ отмечал, что для Руси характерен «процесс постепенного созревания условий сложения единой государственности» (*Черепнин*, 1981. С. 81). В данном случае постепенность сложения многонационального государства является фактом самым бесспорным и наиболее бросающимся в глаза.

Советская историография выработала определенный, устоявшийся стереотип мышления, прочно связанный с созданием Русского многонационального государства. При рассмотрении вопроса о присоединении какого-либо народа к России этот процесс обычно трактуется как «вхождение» и сразу же вслед за этим в обязательном порядке следует и «его прогрессивное значение». Между тем, как правило, почти не знающее исключений, сам процесс «вхождения» был достаточно болезненным, сложным, далеко не гладким и вызывал неадекватную реакцию у разных слоев населения. Что же касается его прогрессивного зна-

чения, то сказывалось оно в полную меру не немедленно и даже не через годы после вхождения. Осмыслить и постигнуть все его плюсы и минусы можно, только рассмотрев очень протяженный период пребывания какого-либо народа в составе России. Именно поэтому необходимо проводить разграничение между двумя последовательными, но вполне самостоятельными темами: процессом вхождения и постепенно насаждавшимися последствиями этого в экономической, политической, духовной и прочих сторонах жизни определенного народа. Попытки разобрать оба эти процесса в одном исследовании трудно признать методологически правильным приемом в первую очередь по формальному признаку — хронологического несовпадения. Именно поэтому значение самого присоединения очень часто сводится к общим формулировкам, кочующим из одной работы в другую. Такой подход к решению проблемы создает некую усредненную картину протекавшего присоединения и его последствий. И при этом нередко забывается, что обе стороны действовали средствами, узаконенными в их среде, в их время, и руководствуясь сложившимися в феодальном обществе моральными принципами, освященными монотеистическими религиями или языческими верованиями.

Изучение историографии показывает, что при решении данной проблемы выделяются две основные концепции — военная и мирная. Попытки изображать процесс складывания многонационального Российского государства исключительно с помощью завоеваний не соответствуют действительности. Представителем этой концепции был П.Н.Милюков, изображавший Москву «главным штабом армии», опирающейся на Русский Север и действующей на три фланга — на юг, на восток и на запад (*Милюков*, 1898. С.117). Точно так же не соответствует действительности и нарочитое приглашение этого процесса, сведение к добровольному присоединению, чем грешили большинство авторов советского времени. При этом нередко отсутствуют конкретные мотивы таких важных шагов. Ведь принятие решения о добровольном присоединении предполагает серьезные внешнеполитические причины или кризисные явления во внутренней жизни. Оно предполагает также достаточно высокую степень общественно-политического и экономического развития. Это — акт, обоснованный и подготовленный объективно создавшейся ситуацией, причем далеко не всегда предполагающей единогласное мнение всех социальных групп.

Добровольное присоединение предполагает со стороны народа, принявшего такое решение, прежде всего — ожидание обязательных положительных результатов от этого акта — защиты от возможной агрессии или ассимиляции, экономической поддержки, культурного и духовного единства и т.п. Оказание ощутимой помощи по всем этим пунктам осуществимо лишь со стороны государства с сильной центральной властью. Только тогда возникает заинтересованность определенного народа в покровительстве со стороны сильной державы и только в этом случае военные силы, не распыляемые на внутренние распри, могут быть использованы для защиты новых территорий и охраны расширяющихся границ. Любые междоусобицы не только подрывали мощь государства, сокращали его внешнеполитическую активность, но и понижали его авторитет на международной арене. Все это замедляло процесс сложения многонационального государства, что хорошо видно на примере феодальной войны в России 1425—1453 гг.

Вполне естественно, что при исследовании вопроса о первоначальном периоде сложения Российского государства необходимо отказаться от каких-либо иллюзий относительно целей, преследовавшихся русскими князьями, присоединявшими к своим владениям новые территории. С одной стороны, это был закономерный исторический процесс, с другой стороны, он имел чисто практический характер, вытекающий из насущных политических реалий. Например, постепенное включение в состав Русского государства части мордовских племен, проживавших в бассейнах Оки и Суры, среди прочих причин диктовалось и стремлением обеспечения безопасности нижегородских земель. Подобные меры явились в XIV в. ответом на неоднократные разорительные набеги с захватом самого центра княжества, поощряемые и поддерживаемые Золотой Ордой. Именно такие факты, причем далеко не единичные, позволяют говорить о том, что в XIV—XV вв. шли два параллельных процесса: 1) объединение русских земель в централизованное государство и 2) присоединение и освоение окружающих их территорий, населенных нерусскими народами. Летописные свидетельства подтверждают их тесную увязанность, поскольку рождавшееся централизованное государство нуждалось не просто в расширении своих владений, но в первую очередь — в обеспечении их безопасности.

Естественно, что централизация базировалась на уже заложенном фундаменте, который можно определить как полиэтническое Древ-

нерусское государство. Вопрос о времени его возникновения и продолжительности этого процесса приобретает особый смысл в изучении российской государственности. Принять за точку отсчета дату какого-либо конкретного события не представляется возможным из-за тесного переплетения политических, экономических, культурных, религиозных и военных отношений Руси с соседями. Трудно представить, чтобы русские князья ставили себе целью создание полиэтнического государства и сознательно стремились к этому. Оно начинало вырисовываться очень постепенно из многочисленных слагаемых внутренних и внешнеполитических аспектов. Именно такая размытость процесса породила различные мнения о его начальной точке отсчета.

На своеобразие этнического состава населения Древнерусского государства в период формирования территории до монгольского нашествия обратил внимание В.Т.Пашуто, выдвинув обоснованный тезис о его полиэтничности (*Пашуто*, 1969; *Пашуто, Флоря, Хорошкевич*, 1982; *Котляр*, 1998). Развивая свою мысль, В.Т.Пашуто отметил, что собственно русская территория этого времени была значительно меньше той, которую занимали зависимые от Руси народы (*Пашуто*, 1969. С.160). По его подсчетам, в Древнерусское государство входило 22 разноразличных народа. И хотя в этом списке есть некоторые спорные пункты (например, буртасы, половцы, ханты-манси), все же в количественном отношении он несомненно близок к истине. На основании летописных материалов можно выявить следующий ряд народов не просто соприкасавшихся с Древнерусским государством, но действительно территориально входивших в его состав. К ним относятся: 1) берендеи, 2) вепсы, 3) весь, 4) водь, 5) вядь, 6) голядь, 7) ижора, 8) зыряне, 9) корелы, 10) литовцы, 11) лопари, 12) меря, 13) мешера, 14) мордва, 15) мурома, 16) пермь, 17) печенеги, 18) печера, 19) торки, 20) черемисы, 21) чудь заволоцкая, 22) эсты.

Территориально они размещались от Оки и Руси на юге до побережья Белого моря на севере и от Чудского озера на западе до реки Вятки на востоке. Естественно, что процесс освоения русским населением такой огромной территории проходил постепенно, поэтапно и несколькими потоками. Если письменные источники не раскрывают деталей продвижения русской колонизации от Днепра на восток и север, то археологические материалы обрисовывают этот процесс более подробно. В том, что это была именно колонизация — хозяй-

ственное освоение новых земель без применения военной силы и без участия феодальной администрации, — убеждают также данные раскопок. Естественно, что такая мирная колонизация имела свои хронологические рамки, охватывая IX—XI вв. Территориально она проходила двумя потоками: южный имел своей метрополией киевские земли, а северный — новгородские.

Первый поток охватывал значительную по площади территорию будущей Северо-Восточной Руси, заселенную в IX—XI вв. племенами мери, муромы, мешеры. Славянское население продвигалось вглубь чуждой ему по языку угро-финской среды не только медленно, но и поэтапно. Одним из ранних древнерусских поселений в центре собственно мерянских земель стал Ростов с жизненно необходимой минимальной сельскохозяйственной округой. Естественно, что феодальная администрация, стоявшая во главе города, всемерно стремилась к расширению пределов своей власти и политического давления на аборигенов, считая их потенциальными плательщиками дани. Наряду с этим не просто шел, а расширялся процесс хозяйственной колонизации окружающих земель славянским крестьянством. Аборигенные народы, жившие в районе Верхнего Поволжья, имели достаточно высокоразвитую оригинальную культуру и хозяйство, о чем однозначно свидетельствуют археологические материалы. Однако население здесь было малочисленным, неравномерно распределялось на значительных пространствах, причем между целыми районами и даже отдельными пунктами отсутствовали постоянно налаженные связи. Уровень общественного развития сказывался на разобщенности мерянских племен и невозможности сплочения и организации серьезного отпора значительными по численности силами. В результате славянскому колонизационному проникновению противостояли отдельные общины или небольшие сельские поселения.

Все это предопределило своеобразие вхождения земель летописной мери в состав Древнерусского государства. На конкретных археологических памятниках это убедительно показано А.Е.Леонтьевым и Е.А.Рябиным (*Леонтьев, Рябинин*, 1980). В качестве надежного исторического источника в их анализах фигурируют курганные погребения русского и мерянского населения в районе Ростовской земли. Наблюдения за количественным показателем ранней волны славянской колонизации позволили прийти к следующему, принципиально важному выводу. Славянские переселенцы появились

на землях мери не большими массами (племенами) и не отдельными хозяйственными единицами (семьями), а общинами (Леонтьев, Рябинин, 1980. С.71). Такая форма, во-первых, не требовала слишком обширных угодий, поскольку на новых местах наиболее удобные из них уже были заняты и обработаны аборигенами. Во-вторых, община была достаточно мощной и мобильной хозяйственной единицей, способной в кратчайший срок освоить новую территорию. Последнее имело немаловажное значение, поскольку переселенцы могли надеяться только на собственные силы и самообеспечение всеми жизненно необходимыми продуктами и орудиями труда.

Первые контакты славянского и мерянского населения А.Е.Леонтьев и Е.А.Рябинин относят ко второй половине IX—середина X в. (Леонтьев, Рябинин, 1980). Основанием для такой датировки служит отсутствие мерянских черт в обрядности и инвентаре ранних древнерусских погребений при сохранении по соседству с ними в этот же период собственно мерянских поселений. Сравнительный анализ и сопоставление археологических материалов славянского и местного мерянского населения позволяют аргументированно выделить три основных этапа в развитии их контактов, сближения и дальнейшего сосуществования.

На первом этапе контакты двух этносов отличались естественной осторожностью, а скорее всего этносы длительное время сосуществовали как бы параллельно, соприкасаясь лишь спорадически, хотя славянское население этого района в X в. было уже значительным по численности. Несомненным свидетельством тому является основание Ростова (первое упоминание в летописи — 862 г.) в самом сердце мерянской земли. Однако при этом в 15 км от начавшего набирать силу Ростова и параллельно с ним существовал мерянский окружной центр, известный в археологии как Сарское городище (Леонтьев, 1975; 1985). Показательно, что это поселение не было захвачено и разорено пришедшими сюда славянами. Более того, на протяжении X в. оно успешно развивалось, сохраняя все признаки значительного ремесленного и торгового населенного пункта (Дубов, 1988; 1990). Археологические материалы Сарского городища свидетельствуют о том, что славянская колонизация края дала мощный толчок развитию не только его хозяйства, но и внутривосточных отношений, разрушив патриархальную родовую структуру.

Этот факт подтверждается и замедленностью славянской колонизации, нежеланием форси-

ровать ее принудительными средствами. Первый этап, наиболее длительный и трудный, — когда взаимная осторожность, недоверие, психологическая несовместимость, а порой и открытая вражда значительно замедляли контакты. В IX—X вв. установлению контактов между мерянским и славянским населением скорее всего способствовала и их приверженность к языческой религии, что в определенной степени сближало их в культурном отношении. По крайней мере в этот период не могло быть резких конфликтов на миссионерской почве. Это был не просто ознакомительный период, а время прощупывания каждой из сторон реакции соседей на те или иные действия.

На втором этапе (вторая половина X—начало XI в.) (Леонтьев, Рябинин, 1980. С.71) происходит не просто сближение, а взаимопроникновение двух культур. У мери появляются технически более совершенные и продуктивные по результатам работы орудия и другие предметы древнерусского облика (топоры, ножи, стрелы, ножницы, костяные гребни). Некоторые орудия труда, сохраняя мерянскую привычную форму, усовершенствуются под влиянием русских образцов, а кузнецы явно стараются перенять новую технологию. Это—период медленной хозяйственной ассимиляции, когда происходит постепенное замещение мерянской материальной культуры более продуктивными, простыми по технологии, дешевыми и массовыми орудиями. При этом в обиходе остается какая-то часть привычных вещей, керамики, и особенно женских украшений, а также продолжают существовать элементы древней духовной мерянской культуры, о чем свидетельствуют погребальные обряды и традиции.

Третий этап, хронологически укладывающийся в рамки XI в., характеризуется значительными по числу захоронений могильниками. Подавляющее большинство их совершено по славянскому обряду и в сопровождении обычных для русского населения вещей. Только отдельные погребения среди общей массы выделяются мерянскими традициями и содержат соответствующий инвентарь (Леонтьев, Рябинин, 1980. С.74). Ассимиляционный процесс продолжался около 300 лет и закончился тем, что к XII в. меря перестает существовать в качестве четко выделяемого этноса в среде русского населения (Леонтьев, Рябинин, 1980. С.79). Точно такая же картина наблюдается при исследовании археологических памятников костромского Заволжья, заселенного в раннем средневековье финно-угорскими народами (Леонтьев, 1989. С.95—98).

Скупые летописные сообщения позволяют говорить о большой сложности вживания мерянского народа в иноязычную и инокультурную среду. Они же свидетельствуют об определенной терпимости и внимании, проявлявшихся в этом вопросе даже церковью, чаще всего обращавшейся с язычниками без особых церемоний. В данном случае ростовскому епископу Леонтию специально пришлось изучить мерянский язык, поскольку он являлся представителем христианского меньшинства в иноэтническом окружении. Это — не просто исторический факт, а свидетельство мирной стратегической линии, составлявшей основу славянских контактов с соседями. Один из районов Ростова занимал «чудский конец», где стоял языческий идол Велеса (Горюнова, 1961. С.201), созерцание которого не могли спокойно сносить все православные иерархи, о чем говорит случай, когда преподобный Авраамий побил языческую статую палкой. Однако терпимость духовных и светских властей к традициям и верованиям аборигенов все же не могла полностью снять возникавшую время от времени напряженность отношений. Свидетельством тому служат восстания 1024 г. в Суздале и 1071 г. в Ростовской земле, в которых принимали участие и волхвы из мери (ПСРЛ, 1926. Стб.146; Горюнова, 1961. С.201; Третьяков, 1970. С.139—142; Корсаков, 1872. С.88). Эти факты показывают, что шедшая широким фронтом, но очень медленными темпами крестьянская колонизация приносила более ощутимые плоды по сравнению с резким административным нажимом светских и духовных феодалов (Горюнова, 1961. С.203). После растворения мерянского населения в славянской среде на значительной территории сохранились следы его пребывания в виде различных топонимов — в Переславской округе еще в XVI в. сохранялось название «Мерский стан» (Горюнова, 1961. С.248).

Общую закономерность и единство происходивших процессов при сложении полиэтнического Древнерусского государства подтверждает и история заселения бассейна Оки, где проживали племена муромы, мешеры и мордвы. Археологические исследования этого района дают полную аналогию той картине, что наблюдалась в Ростовской земле. Постепенное продвижение славян вдоль левого берега Оки на восток приводило к смешению с местным населением, а затем к ассимиляции его на протяжении X—XI вв. Причем здесь точно так же аборигены проживали не только в сельской местности, но и в городах. В качестве примера можно привести Старую Рязань, где в слоях

XI—XII вв. обнаружены финно-угорские женские украшения (Монгайт, 1953. С.177—185). Из трех народов окского бассейна в славянской среде полностью растворились мурома и мешера, сохранив названия лишь в летописях и топонимике (Попов, 1974). Среди прочих причин этому способствовали в первую очередь вхождение территории их расселения в состав Древнерусского государства, меньшая численность аборигенного населения и монгольское нашествие, во время которого значительная часть горожан была истреблена, а сельские жители не просто перемешались, но покинули обжитые места, лишившись традиционных хозяйственных и культурных корней.

Несколько иная тенденция увеличения полиэтничности Древнерусского государства наблюдалась вдоль его южной границы со степями в районе Поросья. Здесь была своя специфика, вызванная конкретными требованиями, связанными с организацией защиты от половецких нападений. Три тюркских народа — берендеи, торки и печенеги, расселившиеся в причерноморских степях в середине XI в., испытали довольно жесткий военный натиск со стороны быстро осваивавших это район половецких племен. В результате все они примерно в 60-е годы XI в. решились искать покровительственной защиты у Руси, с которой в прошлом у них отношения были далеко не всегда безоблачными (Плетнева, 1958. С.212—226). Киевские князья предоставляли им земли для проживания вдоль правого притока Днепра — реки Рось, оговорив в качестве условия охрану южной границы от половецких орд. Однако по каким-то причинам, возможно, — из-за нехватки земли для привычных к просторам кочевников, союзные тюркские народы были расселены также в Переславской, Черниговской и Владимиро-Суздальской землях (Плетнева, 1973. С.24—25). Об этом свидетельствуют и сохранившиеся в этих районах до настоящего времени названия населенных пунктов — Караш, Половецкое, множество Берендеевых, а также погребение кочевника XII в. под Юрьевом-Польским (Спицын, 1905). Примерно в середине XII в. все три тюркских народа создали единый союз, получивший в русских летописях название Черные Клобуки. Они продолжали оставаться вассалами русских князей и соблюдали договор об охране границ от половецких нападений. На образ жизни Черноклобуцкого союза, несомненно, оказало влияние славянское население, что выражалось не просто в повседневном переходе к оседлости, но даже в основании собственного административного центра — города Торческа. Естествен-

ным было и то, что среди черноклобуцкого населения проживало и древнерусское, отчетливо прослеживаемое по археологическим памятникам (*Плетнева*, 1973. С.28). При этом наблюдается явное обоюдное заимствование не только предметов материальной культуры, но и воздействие духовной. В отношении полиэтничности населения пограничные области Древнерусского государства представляют несомненный интерес, а Поросье в особенности. Скорее всего это было вызвано особым военным напряжением, создававшимся постоянной угрозой нападения степняков. Именно сюда еще в 988 г. для создания пограничных укреплений были собраны «мужи лутши от словен, и от кривич, и от чудин, и от вятич. И от сих насели и грады бе борать от печенег и бе воюя с ними и одоляя им» (ПСРЛ, 1908. Стб.106).

Подобная практика привлечения разнотнического населения для проведения в жизнь крупномасштабных замыслов была достаточно распространенной и не вызывала у княжеской администрации каких-либо опасений возникновения конфликтов на национальной или религиозной почве. В.Н.Татищев приводит подобный факт, но уже относящийся к XII в., когда Юрий Долгорукий развил бурную градостроительную деятельность: «И начал те грады населять, созывая людей отовсюду, которым немалую ссуду давал и в строениях и другими подаяниями помогал. В которые приходя множество из болгар, мордвы и венгров, кроме русских селились и пределы его многими тысячами людей наполняли» (*Татищев*, 1964. С.44). Столь широкий демографический протекционизм, осуществлявшийся без всяких этнических предрассудков, несомненно, способствовал тому, что славянское крестьянство не отрывалось от своего первостепенного занятия по освоению и окультуриванию новых земель, а градостроительство вбирало в себя опыт и навыки ремесленников самых различных национальностей. Подобная полиэтническая политика древнерусских князей уже не представляла механического нового территориального приращения государства, а носила качественно иные черты, не только органично впитывавшееся древнерусской культурой, но и оказывавшее определенное влияние на формирование антропологического типа населения и его психического склада.

Еще один огромный по площади регион, заселенный иноязычными народами и постепенно осваивавшийся славянским населением на протяжении IX—XIII вв., составляли северные земли от Приладожья до Печоры. На этом хронологическом отрезке они входили в тра-

диционную сферу влияния Новгорода Великого. Кроме разнообразных летописных сообщений, зафиксировавших как мирные отношения с северо-восточными соседями, так и их военные столкновения с Новгородом, существует еще обширный археологический материал, позволяющий во многом детализировать проходившие здесь процессы. Сохранившиеся источники свидетельствуют об определенной неравномерности в общественном развитии проживающих на этой чрезвычайно обширной территории племен: веси, води, ижоры, корелы и чуди зоволочской. Они составляли основные этнические группы (*Седов*, 1953; *Голубева*, 1973; *Кочкуркина*, 1973; 1982; *Кирпичников*, *Рябинин*, 1980), располагавшиеся к северо-востоку от Новгорода, и отношение к ним древнерусской администрации было далеко неодинаковым. Что же касается выявления стратегической линии славянской колонизации в этом районе, то она в основном соответствовала вышеописанной схеме. Начальный этап освоения белоозерских земель, по наблюдениям Л.А.Голубевой, носил «народный, крестьянский характер» (*Голубева*, 1973. С. 56) постепенного сближения и вживания в иноязычную среду. Аналогичная ситуация складывалась и у побережья Ладожского озера, о чем свидетельствует постепенное и достаточно медленное увеличение различных элементов русской материальной и даже духовной культуры (*Кочкуркина*, 1973. С. 78). О растянутости сроков ассимиляционного периода чудских племен свидетельствуют материалы исследований их захоронений, охватывающие период с IX по XII в. (*Кирпичников*, *Рябинин*, 1980. С. 48). Вслед за этим последовал этап, когда северные народы довольно активно принимали участие в различных политических, и особенно военных кампаниях Древнерусского государства. Причем подобное участие зиждилось на добровольной основе, без какого-либо нажима, о чем свидетельствует и отсутствие новгородских военных гарнизонов и администрации на территории проживания угро-финских народов (*Кирпичников*, *Рябинин*, 1980. С. 48—49).

Процесс освоения славянским населением северных земель хотя и протекал замедленно, но общая поступательная тенденция его была несомненна, и к началу XII в. обширные районы юго-восточного Приладожья уже входили в состав Древнерусского государства. Интересной особенностью региона было положение компактно проживающего народа ижора. А.Н.Кирпичников и Е.А.Рябинин отмечают, что по чисто природным условиям — чрезвычайной заболоченности района расселения —

ижорская территория оказалась вне сферы новгородской колонизации, для которой особое притяжение составляло наличие удобных для распашки земель (*Кирпичников, Рябинин*, 1980. С.54, 57—58). В результате такой своеобразной ситуации археологические материалы свидетельствуют, что даже в XVI в. ижора не подвергалась ассимиляции в отличие от окружающих ее соседей. Этот выразительный факт еще раз подтверждает, что главную роль в освоении новых земель играла во многом стихийная крестьянская колонизация, а не военно-административные мероприятия государственной власти. С точки зрения политической, такие народы, как ижора, довольно длительное время имели статус новгородских союзников, чаще всего привлекавшихся для проведения военных акций. Отношения между союзниками в таких случаях регулировались договорами, о чем можно судить по упоминанию в летописи ижорского старейшины Пелгусия, которому была поручена «стража морская» (ПСРЛ, 1949. С.132). Однако нужно отметить, что такие союзники, жившие компактными этническими группами, сохранялись лишь в определенных регионах с особыми климатическими и природными условиями. Удобные для хозяйственной деятельности земли, занимавшие пространство Волго-Окского междуречья и заселенные угро-финскими народами, на протяжении 300 лет постепенно осваивались славянским населением. Этот процесс можно назвать ассимиляцией, можно этническим поглощением — суть не меняется. Но главное заключалось в том, что на всем его протяжении отсутствовало физическое вытеснение аборигенов с занимаемых ими территорий, не говоря уже о целенаправленном истреблении. Археологические материалы однозначно свидетельствуют, что характернейшей чертой Северо-Восточной Руси в IX—XI вв. была этническая разнородность населения (*Леонтьев*, 1989. С.85). В результате угро-финские народы составили органичную часть Древнерусского государства и их ассимиляция была вызвана в первую очередь количественным соотношением этносов. Соревновательность культур и более высокая социальная организация представляются при этом ускоряющими факторами.

С полным основанием можно утверждать, что одним из крупных шагов, повлекшим за собой заметное увеличение полиэтничности Древнерусского государства, было основание нового организующего центра, более молодого по сравнению с Киевом и Новгородом. Им стали быстро развивающиеся Суздаль и Владимир. Этому способствовали географические

условия, поскольку сами города и окружающие их земли были надежно укрыты и удалены от степных кочевых орд и от воинственного западного рыцарства. Появление Владимира органично подготавливалось длительным крестьянским освоением этого района. Превращение города в крупный политический центр с княжеской резиденцией и всеми сопровождающими институтами верховной власти принесло с собой заметные изменения в приемах освоения соседних земель и в отношениях с коренным населением. Мирному, но длительному процессу князя предпочли военные походы и насильственный захват земель, что особенно отчетливо видно на примере отраженных в летописях взаимоотношениях с мордвой (ПСРЛ, 1926. Стб. 448—451).

Нужно отметить и тот факт, что Владимир и Суздаль были основаны на месте существовавших более древних поселений аборигенов, жители которых органично влились в число обитателей новых русских городов (*Горюнова*, 1961. С. 57—62). Однако местное население не всегда однозначно миролюбиво относилось к русским феодалам, пытавшимся подчинить его своей власти. Известен случай, когда мурома не допустили строительства княжеских хором в черте своего поселения, потребовав их обособления (*Горюнова*, 1961. С. 203). Вторжение княжеской администрации в процесс освоения новых земель, с одной стороны, вносило известную дисгармонию в неторопливое течение крестьянской колонизации. С другой стороны, в этом проявлялись уровень социальной организации древнерусского феодализма и определенная историческая закономерность. Практически это свидетельствовало о смене одного этапа — стихийного — другим — организованным и целеустремленным. Целью становились не просто приобретение новых территорий и увеличение населения, облагаемого данью. Первейшей необходимостью становилось получение ключевых позиций военно-оборонительного и торгового характера.

Северо-Восточная Русь нащупывала собственные, независимые от юго- и северо-запада внешнеэкономические связи, которые довольно скоро восстановились по крупнейшей транспортной и торговой артерии — Волге. Одновременно выяснилось значение реки как военной магистрали стратегической важности. Конкретные шаги, вытекающие из этих очевидных реальностей, не заставили себя ждать. На левом берегу Волги появилась крепость Городец, которая впервые упоминается в летописи под 1171 г. (*Кучкин*, 1974. С.234—235). По сути дела это был анклав в иноязыч-

ной мари́йской среде. Меньше чем через 50 лет на том же берегу Волги возникает новый русский населенный пункт — город Унжа (*Кучкин*, 1974. С.235), впервые упоминаемый летописью в 1219 г. Это было дочернее поселение Городца, само появление которого может свидетельствовать об установлении мирных связей с местным населением. В это же самое время далеко на севере, в пограничье с пермью вычегодской (прямые предки зырян-коми) появляется небольшое укрепление Глядень, основание которого относится к 1178 г. Назначение нового населенного пункта состояло в организации торговли пушниной, имевшейся в изобилии у местных племен. Очевидные выгоды завязавшихся отношений привели к строительству здесь в 1212 г. уже целого города — Устюга (*Жеребцов*, 1982. С.50). О темпах и успехах русского освоения земель в районе Устюга можно судить по сведениям Зигмунда фон Герберштейна, относящимся к первой половине XVI в. Он сообщает, что местное население имеет свой язык, но большей частью говорит по-русски (*Герберштейн*, 1988. С.155). Это замечание наглядно рисует течение ассимиляционного процесса.

Но наиболее заметным событием перед монгольским нашествием, несомненно, повлиявшим на дальнейшее развитие полиэтничности Древнерусского государства, явилось основание Нижнего Новгорода в 1221 г. (*Кучкин*, 1974. С.236). Нежгородские земли стали русским форпостом, расположившимся на стыке проживания нескольких угро-финских народов (мордвы, муромы, черемисов-мари). При этом одна часть аборигенного населения осталась жить в границах новых русских владений, другая ушла за Волгу и в мордовские заокские леса. Кроме того, в этом же регионе заметно усилились не только контакты, но и трения с находившейся южнее Камы Волжской Болгарией, интересы которой простирались довольно далеко вверх по Волге еще в то время, когда здесь не было русского присутствия. Появление Нижнего Новгорода в устье Оки уже не сравнимо со стихийным крестьянским освоением новых земель. Это — обдуманый и рассчитанный на длительную перспективу шаг, подготовленный и проведенный княжеской администрацией. Нижний Новгород с самого начала рассматривался как колонизационный центр в мордовской среде, что подтверждается и учреждением рядом с ним Благовещенского монастыря, нацеленного на миссионерскую деятельность в языческой среде (*Кучкин*, 1971. С.237). Уже в самом появлении русской крепости в устье Оки была заложена не только ос-

нова для длительного противостояния местным народам, но и новая линия княжеской политики по отношению к соседям. Обе стороны должны были отчетливо сознавать, что сложившееся положение не может оставаться стабильным. В результате последовал обмен военными ударами, которые были направлены, с одной стороны, на укрепление позиций в устье Оки, а с другой, мордовской — на полную их ликвидацию. Судя по летописным рассказам, противостояние зашло очень далеко и ни одна сторона не желала добровольно уступать (ПСРЛ, 1926. Стб. 448—451, 459).

Имеющиеся исторические факты позволяют сделать вывод о том, что в первой трети XII в. русские князья начали самое активное освоение пограничных с их владениями территорий, заселенных другими народами. Основание Нижнего Новгорода, продвижение на север и строительство Устюга, попытка Ярослава Всеволодовича в 1227 г. крестить корел «мало не все люди» (ПСРЛ, 1926. Стб.449) — все это можно рассматривать в качестве звеньев единой цепи. Не исключено, что подобная активность в освоении новых земель явилась реакцией на феодальную раздробленность и безрезультатность междоусобных столкновений, не приносящих вожакам территориальных приобретений. Во всех этих событиях явно прослеживается начало качественно нового этапа расширения владений отдельных княжеств путем ужесточения давления на соседей. Однако процесс был прерван монгольским нашествием, правда, как показало время, не навсегда.

Незадолго до вторжения на Русь орд хана Бату было создано произведение, известное под названием «Слово о погибели Русской земли» (*Тихомиров*, 1968. С.80—89; *Изборник*, 1969. С.326; *Горский*, 1999). Его содержание можно рассматривать как концентрированное отражение длительного процесса развития полиэтничности государства. По сути дела это итог трехсотлетнего формирования территории Руси. Автор очерчивает границы Древнерусского государства на первую четверть XIII в. Делается это оригинальным, выразительным и наиболее наглядным способом — перечислением всех народов, проживавших по периметру Русской земли. В результате оконтуривается огромная территория, простирающаяся «отсели до угор, и до ляхов, до чахов, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немец, от немец до корелы, от корелы до Устюга, где тамо бяху тоймичи погани, и за Дышучим морем, от моря до болгар, от болгар до буртас, от буртас до чермис, от чермис до мордвы, — то все поко-

рено было Богом крестьянскому языку поганьскыя страны» (Изборник, 1969. С.326). И что характерно, на самом этом пространстве не назван ни один народ, т.е. здесь подразумевается проживание только русского населения. Лишь заключительная фраза вышеприведенного перечисления полностью раскрывает заложенную в тексте мысль — «то все покорено было Богом крестьянскому языку поганьскыя страны». То есть автор показывает свою осведомленность в том, что на современной ему русской территории жили многочисленные народы, которые к описываемому времени были ассимилированы «крестьянским языком». Здесь же приводятся важные сведения о буртасах, черемисах, вяде и мордве, которые в начале XIII в. не входили в состав Древнерусского государства. Однако автор располагал конкретными сведениями, что они «бортничали на князя великого Владимира». Скорее всего подобная форма дани могла возникнуть после удачного военного похода русских войск и просуществовала ограниченное время.

Естественно, что возникает вопрос о том, какие же конкретные причины вызвали и несколько столетий подряд питали мощное движение по освоению новых территорий, начавшееся еще в IX в. Ответить на него однозначно и кратко невозможно; необходимо проделать серьезные и многоцелевые исследования политических, экономических, социальных, демографических и множества других слагаемых. Но с несомненностью можно утверждать, что каждый исторический период выдвигал собственные приоритеты, способствовавшие этому процессу, его направлению, замедлению или ускорению. Без такой разработки можно лишь назвать стимулы и более или менее обоснованные мотивы хода первоначальной стихийной крестьянской колонизации. Можно дискутировать об ее уникальности, хотя по размаху, в сочетании с мирными средствами проведения, вряд ли ей отыщется полная аналогия. Но бесспорными являются его историчность, объективная закономерность и отсутствие какой-либо нарочитой заданности.

Данные «Слова о погибели Русской земли» с несомненностью свидетельствуют, что ко времени монгольского нашествия процесс ко-

лонизации и ассимиляции продвинулся далеко. Однако монгольский погром не только прервал его естественное течение, но и даже уничтожил самую память о таких народах, как меря, мурома, мешера на территории Северо-Восточной Руси. Монгольское нашествие стало рубежом, разделившим и прервавшим единый исторический процесс сложения Российского государства на две четко определяемые эпохи. Суть первой из них заключалась в сложении территориального ядра расселения русского народа, на что потребовалось более 300 лет. Возникшее при этом единое по языку и культуре, но раздробленное политически государство представляло собой полиэтническое образование. Полиэтнизм в первую очередь выражался в национальной пестроте и перемешанности разноплеменного населения на огромном пространстве. Суть второй эпохи состояла в размывании территориальной обособленности и компактности расселения многих народов в количественно возмужавшей русской среде. Все это приводило к заключительному этапу полиэтнического развития государства, выражавшемуся не только в сплаве различных культур, но и в чисто физической, антропологической контаминации.

Если полиэтничность составляла характерную черту древнерусской государственности, то основной ее слагаемый элемент — русский народ — издревле обладал уникальным этно-созидательным потенциалом, катализатором которого всегда выступали конкретные политические ситуации. Наиболее яркий пример этого — формирование украинцев и белорусов, возникших на древнерусской культурной, этнической и государственной основах. Постоянное присутствие этносозидательного потенциала в русском народе подтверждает и своеобразнейшее явление российской истории — казачество. По сути дела казаки — зародышевая форма этноса, остановившего свое развитие на стадии обособившейся социальной организации вследствие разбросанности по протяженному пограничью и отсутствия благоприятных политических условий для углубления процесса. К тому же казачество не составляло основы российской государственности, а лишь являлось имперским инструментом.

Герберштейн, 1988. Записка о Московии. М.

Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М.

Горский А.А., 1999. К вопросу о датировке «Слова о погибели Русская земля» // ТОДРЛ. СПб. Т. LI.

Горюнова Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья. М.

Дубов И.В., 1988. Ярославское Поволжье в IX—XIII вв. (Ведущие исследователи и основные проблемы). Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л.

Дубов И.В., 1990. Новые источники по истории Древней Руси. Л.

Жеребцов Л.Н., 1982. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами X—начала XX в. М.

Изборник, 1969. Библиотека всемирной литературы. Серия I. М.

Кирпичников А.Н., Рябинин Е.А., 1980. Финно-угорские племена в составе Новгородской земли // СА. 3.

Корсаков Д.А., 1872. Меря и Ростовское княжество. Казань.

Котляр Н.Ф., 1998. Древнерусская государственность. СПб.

Кочуркина С.И., 1973. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л.

Кочуркина С.И., 1982. Древняя Корела. Л.

Кучкин В.А., 1974. Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII—XIV вв. // Польша и Русь. М.

Леонтьев А.Е., 1975. Сарское городище в истории Ростовской земли (VII—XI вв.). Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М.

Леонтьев А.Е., 1985. Ростов (Предпосылки образования древнерусского города): Тез. докл. советской делегации на V международном конгрессе славянской археологии. М.

Леонтьев А.Е., 1989а. Поповское городище // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. М.

Леонтьев А.Е., 1989б. Тимерево. Проблема исторической интерпретации археологического памятника // СА. 3.

Леонтьев А.Е., Рябинин Е.А., 1980. Этапы и формы ассимиляции летописной меря (Постановка вопроса) // СА. 2.

Милюков П.Н., 1898. Очерки по истории русской культуры. СПб. Ч.1.

Монгайт А.Л., 1953. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н.э. // СА. Т.XVIII.

Пашуто В.Т., 1969. Особенности этнической структуры Древнерусского государства // Acta Baltico-Slavica. Bialistok. T.VI.

Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л., 1982. Древнерусское население и исторические судьбы восточного славянства. М.

Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62.

Плетнева С.А., 1973. Древности Черных Клобуков. М.

ПСРЛ, 1908. СПб. Т. 2.

ПСРЛ, 1926. Л. Т. 2.

ПСРЛ, 1949. М.; Л. Т. 25.

Попов А.И., 1974. Топонимика древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия. Л.

Седов В.В., 1953. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.) // СА. Т.XVIII.

Спицын А.А., 1905. Известия археологической комиссии. СПб.

Татищев В.Н., 1964. История Российская. М.; Л. Т.III.

Тихомиров М.Н., 1968. Русская культура X—XVIII вв. М.

Третьяков П.Н., 1970. У истоков древнерусской народности. Л.

Черепнин Л.В., 1960. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М.

Черепнин Л.В., 1981. Вопросы методологии исторического исследования. М.

SUMMARY

V.L.Yegorov

FORMATION OF THE POLYETHNIC STATE ANCIENT-RUSSIAN

During the XIth — XIIth centuries the Ancient-Russian State went through the period of the territorial formation. The extension of the state territory supposed the joining of other nations. This process was characterized by protracted and gradual assimilation during which some peoples and tribes dissolved completely in slavic

environment. In the XIIth century besides slavonic population the ethnic complement of the Old-Russian State numbered 22 nations. There are three stages of development of new territories: acquainting, mutual penetration of cultures, assimilation. The last process was of slowed-up nature and lasted about 300 years.

В.С. Нефедов

КОЛЛЕКЦИИ ИЗ РАСКОПОК В.И. СИЗОВА И М.Ф. КУСЦИНСКОГО НА ЗАПАДЕ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

(Опыт восстановления вещевых комплексов)

В фондах Отдела археологических памятников ГИМ хранится большая коллекция вещей, найденных в конце XIX — начале XX в. при раскопках курганов на территории Смоленской губернии. Это крупнейшее собрание можно по праву считать одним из главных источников по изучению средневекового населения Смоленщины. Значительную часть коллекции составляют предметы из раскопок М.Ф. Кусцинского в 1874 г. и В.И. Сизова в 1881—1903 гг. в западных уездах губернии — Смоленском, Порецком, Духовщинском и Краснинском. Погребальные памятники, исследованные этими археологами, в хронологическом и культурном отношении делятся на три группы: курганы КСДК (середина VIII — X в.), древнерусские курганы с трупосожжением (X — первая половина XI в.) и древнерусские курганы с трупоположением (XI—XII вв.). Таким образом, в коллекции довольно полно представлены древности всего периода, в течение которого в Смоленском Поднепровье и Подвинье возводились курганные насыпи.

Несмотря на огромное научное значение этих материалов, они, не будучи полноценно изданными при жизни авторов раскопок, и позднее недостаточно привлекались в работах по средневековой археологии Восточной Европы. Публикация отдельных предметов, как правило, носила случайный характер, выступая в качестве иллюстраций к типологическим или этнокультурным построениям исследователей. Одна из главных причин такой ситуации заключается в том, что коллекция дошла до нас сильно перемешанной и депаспортизированной.

Потеря вещами своих первоначальных паспортов происходила, видимо, постепенно, начиная с момента раскопок и во время хранения в Историческом музее и Археологичес-

кой комиссии до начала XX в. включительно. Фотографии ныне существующих планшетов с вещами, помещенные в картотеках Отдела археологических памятников ГИМ и сделанные в основном около 1912—1915 гг., а также коллекционные описи, большинство из которых было составлено в конце 1930-х годов, почти всегда фиксируют современное состояние интересующих нас коллекций. Многие из них сохранили идентификацию только по названию памятника, в то время как комплексы вещей из курганов оказались перемешанными. В ряде случаев на планшеты с вещами с того или иного памятника попали отдельные предметы, найденные в других местах. Даже тогда, когда коллекции в описях разделены по курганным комплексам, это не всегда сделано полностью правильно. Несколько планшетов содержат наборы предметов с разных памятников, но с каких именно, неизвестно. Следует также отметить, что в описях нередко отсутствуют данные об авторе, и особенно о годе раскопок.

В настоящей публикации представлены результаты источниковедческой обработки этих коллекций с целью максимально полного восстановления первоначального состава погребальных комплексов. Такая процедура необходима для повышения их информативности как археологического источника, а также для более эффективного использования в музейной работе. Необходимо оговорить, что находки из Гнездова мы не рассматриваем. Их обработка заслуживает самостоятельного исследования.

Работа проводилась путем сопоставления изображений и описаний погребальных комплексов из раскопок В.И. Сизова и М.Ф. Кусцинского в различных источниках конца XIX — начала XX в. как с конкретными предметами из фондов ГИМ, так и между собой (почти

каждый комплекс отражен в нескольких источниках). Использованные источники делятся на три основные группы: публикации, рукописные материалы и фотоматериалы. Их список приводится в конце настоящей работы.

Из публикаций нами привлекались только те, в которых содержатся описания или упоминания конкретных вещей, найденных при раскопках. Следует отметить, что публикации почти всегда являются вторичными или более поздними по отношению к имеющимся в нашем распоряжении архивным материалам и воспроизводят последние либо практически дословно, либо с некоторыми существенными искажениями, часто отражающими “этапы” депаспортизации коллекций (как в случаях с Указателями РИМ 1883 и 1893 г. (2; 3)). В то же время огромное значение для правильной идентификации предметов представляет экземпляр Указателя 1893 г. с пометками и рисунками А.А. Спицына, хранящийся в собрании псковского археолога А.А. Александрова.

Рукописные материалы представляют собой самую многочисленную и важную группу источников. К ним относятся дневники раскопок В.И. Сизова в 1881 и 1901 г. (НВА ГИМ), отчеты В.И. Сизова о раскопках в Смоленской губ. в 1894—1903 гг., направленные им в Императорскую Археологическую комиссию (Рукописный архив ИИМК РАН), а также описи находок из раскопок М.Ф. Кусцинского и В.И. Сизова в Смоленской губ., составленные в разное время (по 1903 г. включительно) и содержащие разделение предметов по курганам (хранятся в различных отделах ГИМ). Из этих материалов наибольшую ценность представляют дневники В.И. Сизова, особенно полевой дневник 1881 г. (17), написанный непосредственно в процессе раскопок и содержащий подробную характеристику хода работ, исследованных памятников, состава и структуры погребальных комплексов. Дневник 1901 г. (19) гораздо более лаконичен, отражает только часть проведенных в этом году исследований и, вероятно, создавался уже по окончании полевого сезона. Из отчетов о раскопках В.И. Сизова определенной полнотой отличается только отчет 1894 г. (9), который, как и дневники, позволяет определить количество погребений, выявленных в каждом из раскопанных курганов, а если инвентарных погребений в кургане было несколько, то и распределить между ними найденные предметы. Что касается отчетов 1898, 1899, 1901 и 1903 гг. (10—13), то они в основном содержат только описи находок, к тому же не всегда разделенные по курганам. Материалы отчетов В.И. Сизова существенно

уточняются составленными независимо от них описями, хранящимися в Научно-ведомственном архиве и Отделе археологических памятников ГИМ. В случаях разночтений между описями предпочтение отдавалось тем, которые написаны рукой В.И. Сизова (18. Л. 20, 25, 79) или для которых его авторство не вызывает сомнений (описи, включенные в отчеты В.И. Сизова). Большое значение для правильной идентификации предметов имеют схематические рисунки находок, помещенные В.И. Сизовым в его дневники, а также в отчеты 1894 и 1901 г.

Особо отметим такой своеобразный источник, как составленные В.И. Сизовым описи предметов из раскопанных им в 1881—1903 гг. курганов КСДК, отобранных из фондов Исторического музея для фотографирования (21). Порядку косвенных данных описи могут быть датированы концом 1903 г. Описание каждой вещи сопровождается или ссылкой на ее номер в Указателе РИМ 1893 г. или сведениями о месте (иногда и о годе) раскопок. Проведенный анализ показал, что не все включенные в эти описи предметы были в дальнейшем возвращены на свои места. Значительная часть из них попала на отдельные планшеты без указания памятника и года находки. Возможно, это было связано со скорострительной кончиной В.И. Сизова в 1904 г. Таким образом, упомянутые описи являются своего рода “ключом” к нескольким “беспаспортным” планшетам (Оп. Б1150, В245, В302).

Большой интерес представляет опись вещей из раскопок М.Ф. Кусцинского в 1874 г., составленная В.И. Сизовым (22). Немного отличающаяся от перечня находок в тексте публикации М.Ф. Кусцинского (5), она, видимо, отражает состав коллекции, поступившей на хранение в Исторический музей. Правда, не совсем понятно, почему в дальнейшем некоторые из этих предметов оказались в собрании А.С. Уварова (4. С. 71), откуда потом снова (?) поступили в ГИМ (Оп. В2363/4-6).

Привлеченные нами фотоматериалы, хранящиеся в Фотоархиве ИИМК РАН, — это фотографии планшетов с вещами из раскопок В.И. Сизова в 1898—1899 гг. (14—16). Изображенные на фотографиях планшеты отличаются от хранящихся в ГИМ тем, что находки на них сгруппированы по курганным комплексам, состав которых в целом совпадает с отраженным в соответствующих рукописных материалах (10; 11; 18). Вероятно, снимки были сделаны вскоре после проведения раскопок, во время хранения найденных предметов в Археологической комиссии. Это делает их бесценным источником по восстановлению комплексов.

В результате проделанной работы удалось полностью или частично, иногда предположительно восстановить или уточнить первоначальный состав около 100 вещевых комплексов с 33 памятников, исследованных В.И. Сизовым и М.Ф. Кусцинским в западных уездах Смоленской губернии. Следует отметить, что керамический материал нами не рассматривался кроме тех немногочисленных случаев, когда обломки глиняных сосудов находились непосредственно на планшетах вместе с другими находками. Это вызвано двумя причинами. Во-первых, хранящиеся отдельно целые сосуды в настоящее время по техническим причинам недоступны для изучения. Во-вторых, их идентификация, в случае потери первоначального паспорта, на материалах имеющихся источников практически невозможна (исключение могут составлять круговые горшки с клеймами).

Вещевые комплексы из раскопок М.Ф. Кусцинского восстановлены полностью и с высокой степенью достоверности. Что касается гораздо более обширной коллекции из раскопок В.И. Сизова, то здесь ситуация намного сложнее. Нам вообще не удалось обнаружить предметы из 8 курганов: Варнавино, курган 4(2) (1881 г.), Елисеевичи, курганы 1, 3 (1890 г.), Рудня, курганы 1—3 (1903 г.), Ярцево, курганы 2, 3 (1901 г.). Часть из них может находиться среди тех депаспортизированных вещей из раскопок В.И. Сизова, идентифицировать которые оказалось невозможно. Существующая атрибуция большей части коллекции, якобы происходящей из курганов у с. Княжое (Оп. В215/1-86), не находит подтверждения ни в одном из источников. Ее ошибочность практически не вызывает сомнений. Отнести эти предметы к какому-либо другому памятнику на интересующей нас территории также не представляется возможным. Не установлено происхождение некоторых коллекций, связываемых с исследовавшимися В.И. Сизовым курганами у д. Богдатная (Оп. В2362/1), с. Мошевое (Оп. В740/39-51) и д. Топорово (Новоселки) (Оп. В527/40-49, В2361), хотя очевидно, что коллекции 2361 и 2362 поступили в ГИМ из собрания А.С. Уварова (4. С. 72—73). Можно лишь утверждать, что они не имеют отношения к известным из источников раскопкам этих памятников. Кроме того, не все комплексы восстанавливаются полностью, многие предметы не удалось отнести к какому-либо кургану и даже памятнику, а для ряда других это сделано только предположительно.

Результаты работы представлены в виде таблицы, которая показывает, какие предметы с

той или иной вероятностью относятся к тому или иному комплексу. Комплексы расположены по названиям памятников (даны в алфавитном порядке), внутри памятника — по годам раскопок, внутри каждого года — по номерам курганов. При необходимости и наличии соответствующей информации приведено разделение предметов по погребениям внутри кургана или указано, что они найдены вне погребений. В таблице представлено несколько комплексов, не относящихся к раскопкам В.И. Сизова и М.Ф. Кусцинского, но по сути составляющих неотъемлемую часть изучаемой коллекции: курганы, исследованные Руженцовым у с. Слобода в 1881 г., и находки из курганов у с. Ярцево, подаренные В.И. Сизову местной помещицей В.А. Хлудовой в 1898 г. Кроме того, в таблицу включены некоторые предметы, утраченные за время хранения в ГИМ.

Названия памятников в таблице приведены по состоянию на конец XIX — начало XX в., т.е. так же, как в коллекционных описях и картотеках Отдела археологических памятников ГИМ. К настоящему времени некоторые названия изменились. Номера курганов указаны по данным авторов раскопок, а в скобках — по Указателю РИМ 1893 г. (3) и/или описям Отдела археологических памятников ГИМ (в тех случаях, когда последние из указанных номеров имеются и не совпадают с первым). Столбец 6 содержит номера погребений или информацию о том, что в кургане зафиксировано только одно погребение (“единственное”). При отсутствии данных о количестве погребений в кургане в столбце поставлен знак вопроса. Перед номерами коллекционных описей, хранящихся в группе В Отдела археологических памятников ГИМ, соответствующая буква не ставилась. Если предмет отнесен к комплексу кургана предположительно (по причине ненадежной идентификации или из-за противоречий в источниках), то в столбце 5 напротив его названия стоит знак “(?)”. В столбце 13 указано количество предметов, первоначально находившихся в составе комплекса, но отсутствующих в таблице, т.е. не идентифицированных или (в некоторых случаях), возможно, не поступивших на хранение в ГИМ. Глиняные сосуды и их обломки при этом не учитывались.

В заключение необходимо подчеркнуть, что приведенные в таблице данные не являются ни исчерпывающими, ни абсолютно точными. Современное состояние коллекций и имеющиеся источники иногда позволяют предложить лишь наиболее вероятный, по нашему мнению, вариант реконструкции вещевых комплексов.

Таблица

Название памятника	Уезд	Автор раскопок	Год раскопок	№ кургана	№ погребения	Инвентарный №	№ описи/№ предмета	№ по Ук. РИМ 1893	Название предмета	Материал	Примечания	Не хватает	Источники
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Арефино	Смоленский	М.Ф.Кусинский	1874	1/20 (4)	ед.	55421	2363/6	596	Осколок призматический с отверстием	Сланец		0	2. С. 57; 3. С. 114; 4. С. 71; 5. С. 6; 22. Л. 17об.
Арефино	Смоленский	М.Ф.Кусинский	1874	3/22 (2)	ед.	78607 “ “ 55421	1711/20 1711/21 1711/22,23 2363/4	591 590 592 —	Стержень Бляшка ременная круглая Пластин(ы) обломки Бляшка ременная круглая	Железо Бронза “		0	2. С. 57; 3. С. 114; 4. С. 71; 5. С. 6; 22. Л. 17об.
Арефино	Смоленский	М.Ф.Кусинский	1874	4/23 (3)	ед.	78607 —	1711/24 —	594 593	Бляшка ременная сердцевидная Гирька бочковидная	Бронза Железо(?), бронза	Не сохранилась	0	2. С. 57; 3. С. 114; 5. С. 6; 22. Л. 17об.
Арефино	Смоленский	М.Ф.Кусинский	1874	10/29	?	55421	2363/5	—	Кость кальцинированная	Кость	Не обработана	0	4. С. 71; 5. С. 6; 22. Л. 17об.
Арефино	Смоленский	В.И.Сизов	1881	3(7)	ед.	78607 “ “ “ “ “	1711/35 1711/36 1711/37 1711/38 1711/39 1711/40,41	607 607(?) 609 611 607 608	Кольца височного серповидного обломок То же (?) Перстня пластинчатого обломок Оковки обломок Кольцо проволоочное 2 пронизки спиральные	Бронза “ “ “ “ “	Возможно, относится к к. 4(6)	>3	2. С. 58; 3. С. 115; 17. Л. 98об.
Арефино	Смоленский	В.И.Сизов	1881	4(6)	ед.	78607 “ “ “ “ “	1711/25 1711/26 1711/29,30 1711/34 1711/38 1020/60,62	598 600 601 599 611 603	Кольцо височное серповидное Разделитель ременной прямоугольный 2 зацепки Гривны(?) дровтовой обломок Оковки обломок Оковки наконечника ножен ножа обломки	Бронза “ “ “ “ “		5	2. С. 57; 3. С. 115; 17. Л. 99.
				(?)	—	“ “ “	1711/27 1711/28 1711/31-33	606 602 604, 605	Отщеп Предмета обломок 3 кости животных	Кремень Железо Кость	Найдены вне погребения		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Арефино	Смоленский	В.И.Сизов	1881	5(1)	2	78607	1711/1-3 1711/4-6 1711/7,8	583 584 585	3 подвески бисерообразные Пронизок спиральных обломки Гривны дровотой со спиральной обмоткой обломки Браслета спирального обломки Подвески умбовидной обломки Пряжка подпрямоугольная 2 подвески трапещевидные Обоймы пластинчатой от головного венчика обломки Пряжка подпрямоугольная	Бронза “ “ “ Железо Бронза “ Железо	Менее вероятно другая пряжка: Инв. № 45134. Оп. Б1150/5	0	2. С. 58; 3. С. 114; 17. Л. 99; 21. Л. 60, 61
Благодатная	Духовщинский	В.И.Сизов	1899	1	?	41854	324/8 324/21 324/24	— — —	Кольцо височное браслетообразное завязанное Фибула подковообразная спиралекопечная Подвески-денария обломки	Бронза “ Серебро		0	11. Л. 10; 16; 18. Л. 80
Благодатная	Духовщинский	В.И.Сизов	1899	2	?	41854	324/1-6 324/7 324/7	— — —	6 колец височных браслетообразных завязанных 6 бусин бочкообразных золотостеклянных Бусина цилиндрическая глазчатая 7 колец височных браслетообразных завязанных Ножка обломки Цепочка из тройных колец Бубенчик грушевидный крестопрорезной с насечкой Пряжка прямоугольная 2-частная Браслет круглопроволочный разомкнутый 2 кольца проволоочных с заходящими концами, продетых в 3-е такое же большого диаметра	Бронза Железо Бронза “ “ “ “	11. Л. 10; 16; 18. Л. 80	1	11. Л. 10; 16; 18. Л. 80
Благодатная	Духовщинский	В.И.Сизов	1899	3	?	41854	324/10-17 324/9 324/18 324/19 324/20 324/22 324/23	— — — — — — —	Бусина цилиндрическая глазчатая завязанных Ножка обломки Цепочка из тройных колец Бубенчик грушевидный крестопрорезной с насечкой Пряжка прямоугольная 2-частная Браслет круглопроволочный разомкнутый 2 кольца проволоочных с заходящими концами, продетых в 3-е такое же большого диаметра	Бронза Железо Бронза “ “ “ “	Не упомянут в 11 и 18	0	11. Л. 10; 16; 18. Л. 80
Буховка	Смоленский	М.Ф.Кусинский	1874	1/5	ед.	78607	1706/27,28	—	2 гвоздя	Железо		0	5. С. 4; 22. Л. 17
Варна-вино	Духовщинский	В.И.Сизов	1881	2(1)	ед.	78607	1706/24 1706/25 1706/26	709 710 711	Кольцо височное перстнеобразное Подвеска-дирхем Камень	Бронза Серебро Кварц	Не артефакт	1	3. С. 124—125; 17. Л. 113об.; 23
Варна-вино	Духовщинский	В.И.Сизов	1890	1	?	22860	737/1 737/2 737/3 737/4,5	— — — —	Браслет пластинчатый овальноконечный Перстень дровотый замкнутый Перстень дровотый с заходящими концами	Бронза “ “ Серебро	На кольце № 5 одна бусина не сохранилась	0	1. С. 138; 24. Л. 175
Высокое	Духовщинский	В.И.Сизов	1881	1	ед.	32762	238/1 238/2 238/3	634 637 635	Нож Топор с опущенным лезвием Обуви обрывки	Железо “ Кожа		0	3. С. 118; 17. Л. 114об.; 23

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Городок	Духов- щинский	В.И.Сизов	1881	1(2)	1-2	—	—	651	Пряжка прямоугольная	Бронза, железо	} Не внесены в опись	≥2	2. С. 58; 3. С. 119; 17. Л. 117; 21. Л. 62, 63
					1-2	—	—	“	Пряжка прямоугольная	Бронза			
					1(?)	—	—	650	Фибулы(?) обломок	“			
					1	—	—	649	2 подвески грушевидные	“			
				2	32762	245/29	—	Амулета якоревидного с головками верблюдов обломок	“				
				(?)	2	“	245/34	—	Пронизка спиральная	“			
Городок	Духов- щинский	В.И.Сизов	1881	2(1)	ед.	32762	237/1,2,4	644	Накладки с заклепкой на составной односторонний гребень обломки	Кость, железо	Принадлежат одному предмету	2	2. С. 58; 3. С. 118—119; 17. Л. 117об.; 21. Л. 60-63
						“	237/3	“	Накладки на составной односторонний гребень обломок	Кость			
						“	237/5	645	Томара обломок	“			
						“	237/6,7	646	Ножа обломки	Железо			
						“	237/8,9	643	Фибулы равноплечей обломки	Бронза			
						“	237/10,11,14	641	Цепочки из двойных звеньев обрывки	“			
						“	237/12,13	642	2 подвески грушевидные	“			
						“	237/15-23	640	Пластинок оплавленных обломки	Серебро (?)			
						“	“	639	Пронизка зонная двойная зеленовато-голубая	Стекло			
						“	“	“	Бусины глазчатой темно-синей обломки	“			
						“	“	“	Бусина глазчатая коричневая	“			
						“	“	—	Сплавы бус темно-синих, желтых и зеленовато-голубых	“			
						—	—	648	4 камня	Кремень			
						(?)	32762	245/35,37, 38	639(?)	3 сплава бисера рубленого белого, желтого, зеленого и синего			
	(?)	“	245/36	“	Сплав бус желтых(?)	“							
Городок	Духов- щинский	В.И.Сизов	1890	1	?	22843	736/1-4,16	—	Сплавы бисера рубленого желтого	Стекло	Не обработаны	0	1. С. 137; 24. Л. 174
						“	736/5,6	—	Кости кальцинированные	Кость			
						22845	736/7	—	Пряжки(?) обломок	Железо			
						22846	736/11,17	—	Проволоки обломки	Бронза			
						22853	736/14	—	Пряжки обломок	“			
						?	736/16	—	Бусина лимоновидная светло-зеленая	Стекло			
						22847	736/18,19	—	Цепочки плетеной обрывки	Бронза			
Городок	Духов- щинский	В.И.Сизов	1890	2	?	22848	736/8	—	Фибулы подковообразной с многогранными головками обломок	Бронза(?)	При поступлении в ГИМ кольцо было с подвеской	0	1. С. 138; 24. Л. 174
						22849	736/9	—	Бляхи(?) обломок	Бронза			
						22852	736/10	—	Кольцо проволоочное с завязанными концами	“			
						22855	736/13	—	Пуговица	Кость			
						104656	2544/2	—	Пластины обломок	Бронза			
						“	2544/3	—	Пуговица грушевидная	“			
						“	2544/7	—	Дирхема обрзенок	Серебро			
						?	—	—	Пуговица грушевидная	Железо			
						?	—	—	Пуговица	Кость			

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Городок	Духов- щинский	В.И.Сизов	1890	3	?	?	736/12	—	Кольца проволочного с завязанными концами обломок	Свинцово- оловянный сплав(?) Железо Бронза Глина	Не сохранился	0	1. С. 138; 24. Л. 174
						104656 “ “	2544/4 2544/5 2544/6	— — —	Кольца обломок Пряжка лировидная со щитком Предмета обломок				
Дивасы	Смолен- ский	В.И.Сизов	1881	1	ед.	32762	236/1,2	633	Ножа обломки	Железо		>2	2. С. 59; 3. С. 117; 17. Л. 122
Дроково	Порец- кий	В.И.Сизов	1881	I(1)	?	78607	1706/8	702	2 подвески трапецевидные с колечками проволочными с заходящими концами, которые подвешены к подвеске бизсовидной, подвешенной к такому же колечку	Бронза		0	2. С. 59; 3. С. 123; 17. Л. 109; 21. Л. 61
						“	1706/16	695	Пряжки подпрямоугольной обломок	Железо			
Дроково	Порец- кий	В.И.Сизов	1881	II(1)	?	78607	1706/4 “ 1706/14 1706/15	700 694 693	Пряжка прямоугольная Пронизка спиральная Трубочки для трута обломок	Бронза “ Железо		1	2. С. 59; 3. С. 123; 17. Л. 109
Дроково	Порец- кий	В.И.Сизов	1881	I(2)	ед.	78607	1706/2	696	Удила с одним прямым псалием	Железо		0	2. С. 59; 3. С. 123; 17. Л. 109; 21. Л. 63
Дроково	Порец- кий	В.И.Сизов	1881	4(3) (?)	ед.	78607	1706/3 “ 1706/6	697 700	Бубенчик шарообразный линейнопрорезной с насечкой Пряжки подпрямоугольной обломок	Бронза “	При поступлении в ГИМ пряжка была целой; не упомянута в 17	1	2. С. 59; 3. С. 123; 17. Л. 110; 21. Л. 60, 62
						“	1706/9	701	Наконечник ремня	“			
						“	1706/10	698	Бубенчика шарообразного линейнопрорезного с насечкой обломок	“			
				(?)		“	1706/11	—	Кольцо проволочное несомкнутое	“	Не упомянуто в 17		
						“	1706/12	698	Предмета обломок	“			
						“	1706/13	“	Ушко с заклепкой	“			
						45134	Б-1150/6	699	Пряжка со щитком	“			

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Елисее- вичи	Духов- щинский	В.И.Сизов	1890	2	?	22899, 22900	1805/1-7, 27-46	—	27 бубенчиков грушевидных крестопрорезных, большинство с насечкой, часть (№ 27—46) подвешена на шерстяные шнуры	Бронза, шерсть		1	1. С. 139; 24. Л. 176—177
						22888	1805/8-10, 19-21	—	6 колец височных браслетообразных завязанных	Серебро			
						22889	1805/11,22	—	2 кольца височных ромбоштитковых завязанных	“			
						22890	1805/12	—	Перстень широкосрединный завязанный	“			
						22893	1805/13	—	Браслет витой тройной обрубленноконечный	Бронза			
						22894	1805/14	—	Браслет пластинчатый обрубленноконечный	“			
						22895	1805/15	—	Браслет дровотый несомкнутый	“			
						22898	1805/16	—	Перстень пластинчатый с заходящими концами	“			
						22886	1805/17	—	Подвеска-драхма	Серебро			
						“	1805/18	—	Лунница широкоорогая литая	Бронза			
						22892	1805/23	—	Перстень пластинчатый несомкнутый	“			
						22885	1805/24-26	—	36 бусин цилиндрических золотостеклянных	Стекло			
						“	“	—	5 бусин битрапециидных печеночного цвета	“			
						“	“	—	16 пронизок лимоновидных двойных серебробстеклянных	“			
						“	“	—	5 бусин лимоновидных бесцветных	“			Возможно, это обломки двойных пронизок с металлической прокладкой
						“	“	—	Бусина зонная желтая	“			
						“	“	—	Бусина призматическая	Хрусталь			
						22891	1805/47	—	Перстня широкосрединного завязанного обломки	Бронза			
						22896	1805/48	—	Подвески-амулеты (3 ложечки, конек плоский, зуб животного и др.), на цепочках из тройных колечек, подвешенных к кольцу проволочному разомкнутому	Бронза, кость			
						—	—	—	Пуговица шарообразная	Бронза			Не внесена в опись; хранится среди бубенчиков
Заборье	Порец- кий	В.И.Сизов	1881	1	ед.	78607	1706/1	691	Нож с обломком рукоятки	Железо, кость		0	3. С. 123; 17. Л. 110об.
Княжое	Крас- нинский	В.И.Сизов	1890	1	?	32762	245/25 245/26	— —	Трубочка для трута Пряжка подпрямоугольная	Железо “		0	1. С. 139; 21. Л. 63; 24. Л. 177
Княжое	Крас- нинский	В.И.Сизов	1890	2	?	22911 22909 32762	215/104 215/106 245/27	— — —	Нож Черенка ножа обломок Кресало пластинчатое	Железо “	} Возможно, это обломки одного предмета	0	1. С. 140; 21. Л. 63; 24. Л. 177
Княжое	Крас- нинский	В.И.Сизов	1890	3	?	22913 22914, 22906 22912	215/102 215/103, 103а 215/107	— — —	Браслета(?) обломок Трубочки для трута обломки Оселок призматический с отверстием	Бронза Железо Сланец		0	1. С. 140; 24. Л. 178

[illegible]

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Лопино	Смоленский	В.И.Сизов	1881	3(2) — (?)	1	78607 “ “ “ “	1020/14,15 1020/16 1020/17 1020/18 1020/19 1020/24a	569 — 567 “ 568 570	Подвески бизсовидной обломки Ржавчины кусок Предмета обломок Кости животного обломок Пронизка спиральная Подвески-уточка обломки	Железо Окислы железа Кость “ Бронза Кость	Не артефакт Не обработан Не упомянута в 17	0	2. С. 56; 3. С. 112; 17. Л. 100-100об.; 21. Л. 63
Лопино	Смоленский	В.И.Сизов	1881	3(2) и 4(3)	1 1-2	78607 “ “ “ “ “ “ “ “ “ “ “ “	1020/19 “ “ “ 1020/20-22 1020/23 “ “ “ “ “ “	566(?) “ “ “ “ “ “ “ “ “ “ “	3 бусины зонные зеленовато-голубые Пронизка зонная двойная желтовато-коричневая Бусина лимоновидная ребристая светло-зеленая Бусина лимоновидная двойная фиолетовая 5 сплавов зонных(?) бус, в основном голубых и светло-зеленых Пронизка лимоновидная двойная темно-синяя Пронизка лимоновидная двойная бирюзового цвета Пронизка лимоновидная четверная светло-зеленая 2 пронизки лимоновидные(?) двойные желтые Сплав бус темно-синих	Стекло “ “ “ “ “ “ “ “ “ “ “	—	2. С. 55; 3. С. 112; 17. Л. 100об.	
Лопино	Смоленский	В.И.Сизов	1881	4(3)	1-2	78607 “ “ “ “ “ “ “ “ 32762 “ (?)	1020/24-29, 48-51,55,56 1020/30,36, 68 1020/31,35 1020/32,33 1020/34 1020/37-41 1020/42-47 1020/63 245/13 302/22	571, 579 574 577 575 576 572 573 576 “ 578	12 подвесок трапецевидных Подвески бизсовидной обломки Фибулы подковообразной спиралеконечной обломки 2 перстня спиральных Фибулы подковообразной обломки 4 подвески-астрала 9 подвесок-уточек Пряжка лировидная Фибула подковообразная спиралеконечная 2 подвески трапецевидные с колечками проволочными с заходящими концами, которые подвешены к подвеске бизсовидной, подвешенной к такому же колечку	Бронза Железо “ Бронза “ Кость “ Бронза, железо Бронза ”	Возможно, одна из них относится к к. 5(4) Большинство — в обломках	0	2. С. 56; 3. С. 113; 17. Л. 100об.; 21. Л. 61, 62

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Лопино	Смоленский	В.И.Сизов	1881	5(4)	ед.	78607	1020/52-54 1020/57 1020/58 1020/59 1020/61 1020/64-67	579 580 “ “ “ 581	3 подвески трапециевидные с колечками Пластинка Оковка с заклепкой Оковки обломок Оковка(?) 4 пряжки подпрямоугольные	Бронза “ “ “ “ Железо	Возможно, вместо одной из пряжек № 64—66 должна быть бронзовая пряжка: Инв. № 45134. Оп. Б1150/5	0	2. С. 56; 3. С. 113; 17. Л. 101; 21. Л. 60, 61
Мизиново	Духовщинский	В.И.Сизов	1899	1(3) (?)	?	41854	323/14 “ 323/15 “ “ “ 323/16 323/17 323/18 323/19 323/20-22, 24-26 323/23 323/27	— — — — — — — — — — — — — —	4 бусины призматические Бусина призматическая темно-синяя Пуговица грушевидная Бусина шарообразная Бусина призматическая сине-зеленая 2 бусины призматические белоромбические темно-синие Фибула круглая ажурная Лунница ширококорая скано-зерненная Подвеска-брактеат дирхема Подвеска-дирхем 6 колец височных браслетообразных завязанных Цепочка сложносоставная от ножа Браслет витой двойной с завязанными концами	Сердолик Стекло Бронза Сердолик Стекло “ Бронза Серебро “ “ Бронза “	Не упомянута в 11 и 18	0	11. Л. 8, 9об.; 16; 18. Л. 42
Мизиново	Духовщинский	В.И.Сизов	1899	2	?	41854	323/1-4,6,7 “ 323/5 “ 323/8,9 “ 323/10 323/11 323/12,13	— — — — — — — —	5 колец височных браслетообразных завязанных Кольцо височное браслетообразное завязанное 24 бусины бочкообразные золотостеклянные Предмета обломок Бусина битрапециодная светло-зеленая 2 бубенчика грушевидных крестопрорезных с насечкой	Бронза Серебро Стекло Железо Стекло Бронза		0	11. Л. 9об.; 18. Л. 42
Митино	Смоленский	В.И.Сизов	1903	1	?	45134	2438/1 2438/3	— —	Сerp Фибула подковообразная спиралеконечная	Железо Бронза		2	13. Л. 8об.; 20. Л. 68
Митино	Смоленский	В.И.Сизов	1903	2	?	45134	2438/2	—	Кольцо височное браслетообразное с надетой на него бусиной золотостеклянной	Бронза, стекло	Не сохранилось(?)	0	13. Л. 8об.; 20. Л. 68
Михейково (Хатынь)	Духовщинский	М.Ф.Кусцинский	1874	1/30 (1)	ед.	— — —	— — —	657 “ 658	2 подвески убоновидные, к которым с помощью подвесок биззосовидных подвешено 5 подвесок трапециевидных (3 + 2; некоторые из них находятся отдельно) Подвески трапециевидной (?) обломок Пронизка спиральная	Бронза “ “	Все предметы не внесены в опись	0	2. С. 58; 3. С. 120; 5. С. 6; 21. Л. 61; 22. Л. 17об.
Михейково (Хатынь)	Духовщинский	В.И.Сизов	1899	1	?	41854 “ 32762	233/5 233/8 233/10 302/20	— — — —	Пуговица грушевидная Подвески-уточки обломок Пряжка подпрямоугольная без язычка Пуговица грушевидная	Бронза Кость Железо Бронза		?	7. С. 97; 11. Л. 9—9об.; 18. Л. 84; 21. Л. 62

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Михейково (Хатынь)	Духовщинский	В.И.Сизов	1899	?	?	41854	233/1	—	Пластины обломок	Бронза	Не сохранился	—	7. С. 97; 11. Л. 9—9об.; 18. Л. 84; 21. Л. 60—62
						“	233/2	—	Кольцо височное перстнеобразное	“			
						“	233/3	—	2-х колец височных серповидных обломки	“			
						“	233/4	—	Фибула подковообразная спиралеконечная	“	Не относится к к. 1		
						“	233/6,7	—	2 подвески трапецевидные	“			
						“	233/9	—	Сплав пронизок спиральных	“			
						“	233/11	—	Сплав 2-х бусин зонных голубых	Стекло			
						“	233/12,13	—	2 подвески умбовидные	Бронза			
						“	233/14	—	Бляшка круглая оплавленная	“			
						“	233/15-27	—	Пронизок спиральных обломки	“	В Михейкове найдена только часть из них		
				(?)	(?)	32762	245/16	—	Кольцо височное перстнеобразное с завитком	“	Не относится к к. 1		
						“	245/20	—	Браслета спирального обломок	“			
						“	245/21	—	Кольца височного серповидного обломок	“			
						“	245/32	—	Бубенчик шарообразный крестопорезной с насечкой	“	Не относится к к. 1		
						“	302/21	—	Лунницы ширококорой литой обломок	Свинцово-оловян. сплав			
						45134	Б-1150/14,15	—	Чаша обломки	Бронза			
Моисеево	Краснинский	В.И.Сизов	1903	1	?	45134	740/36	—	Топор узколезвийный	Железо		0	13. Л. 9; 20. Л. 65
						“	740/37	—	Нож	“			
						“	740/38	—	Фибула подковообразная спиралеконечная	“			
Мольково	Смоленский	В.И.Сизов	1881	3(1)(?)	ед.	—	—	661	Пряжки лировидной 2-частной обломок	Бронза	Все предметы не внесены в опись	0	2. С. 59; 3. С. 120; 17. Л. 102об.
						—	—	659	Оковка с двумя заклепками	“	Еще две аналогичные оковки, находившиеся на этом планшете (не сохранились), возможно, относятся к: Михейково (Хатынь), к. 2 (1881 г.)		
Мошевое	Краснинский	В.И.Сизов	1903	3	?	45134	740/8	—	Гривна витая с пластинчатыми отогнутыми концами	Бронза	} Видимо, к комплексу относится один из них К комплексу относится часть обломков	1	13. Л. 9; 20. Л. 71
						“	740/9	—	Браслет узкомассивный	“			
						“	740/26,35	—	Браслет плетеный завязанный	“			
						“	740/12-21	—	Кольцо височных браслетообразных завязанных обломки	“			
						“	740/25	—	Бусина цилиндрическая	Стекло			
						“	740/27-43	—	7 бляшек нашивных от головного убора	Олово			

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Мошевое	Краснинский	В.И.Сизов	1903	4	?	45134	740/10,11	—	Колец височных (?) перстнеобразных обломки	Бронза	К комплексу относится часть обломков	0	13. Л. 9; 20. Л. 71
						“	740/12-21	—	Колец височных браслетообразных завязанных обломки	“			
						“	740/22,24	—	2 бубенчика грушевидных крестопрорезных с насечкой	“			
						“	740/23	—	Ножа(?) обломок	Железо			
						“	740/34	—	Гривна витая с пластинчатыми отогнутыми концами	Бронза			
Мошевое	Краснинский	В.И.Сизов	1903	5(1)	?	45134	740/1-6	—	6 колец височных перстнеобразных с завитком	Бронза		7	13. Л. 9; 20. Л. 71
						“	740/7	—	14 бусин бочковидных золотостеклянных	Стекло			
						“	“	—	Бусина цилиндрическая серебростеклянная(?)	“			
Никола Словажский	Смоленский	В.И.Сизов	1898	1 (?) (?)	?	40948	1715/1,6,8	—	Гривны дротовой с оплеткой обломки	Бронза	Не упомянуты в 6 и 10 Не отражен в 15	0	6. С. 59; 10. Л. 11; 15; 21. Л. 60, 61
						“	1715/2-4	—	Пронизок спиральных обломки	“			
						“	1715/5	—	Гривны дротовой с оплеткой обломок	“			
						45134	1715/10	—	Подвески трапециевидной обломок	Железо			
						“	Б-1150/4	—	Нож	Гранит(?)			
						“	Б-1150/8	—	Оселка обломок				
Пищино	Духовщинский	В.И.Сизов	1899	1	?	41854	232/3	—	Предмета обломок	Бронза	К комплексу относится меньшая часть обломков	0	7. С. 96; 11. Л. 9; 18. Л. 79; 21. Л. 61
						“	232/4	—	Подвеска трапециевидная с колечком	“			
						“	232/15-27	—	Пронизок спиральных обломки	“			
						32762	245/24	—	Пинцет, подвешенный на цепочку из одинарных колечек	“			
						45134	1803/1	—	Оселка с отверстием обломок	Сланец			
Пищино	Духовщинский	В.И.Сизов	1899	2	?	41854	232/5	—	Пряжка подпрямоугольная	Железо		0	7. С. 96; 11. Л. 9; 18. Л. 79; 21. Л. 61
						32762	245/19	—	Кольца височного перстнеобразного с завитком обломок	Бронза			
Пищино	Духовщинский	В.И.Сизов	1899	3	?	41854	232/6	—	Подвеска умбоновидная	Бронза		0	7. С. 96; 11. Л. 9; 18. Л. 79
						“	232/7	—	Подвеска трапециевидная	“			
						“	232/8,9	—	2 пряжки подпрямоугольные	Железо			
Пищино	Духовщинский	В.И.Сизов	1899	4	?	41854	232/2,12	—	Бубенчика шарообразного (?) обломки	Бронза	Принадлежат одному предмету	0	7. С. 96; 11. Л. 9; 18. Л. 79
						“	232/10,11	—	2 подвески трапециевидные	“			
						“	232/13,14	—	Сплавы бус зонных(?) голубых	Стекло			
				(?)		“	232/17	—	Пластины обломок	Бронза			
Пищино	Духовщинский	В.И.Сизов	1899	5	?	41854	232/15,16	—	2 пряжки подпрямоугольные	железо		0	7. С. 96; 11. Л. 9; 18. Л. 79
Пнёва Слобода	Духовщинский	В.И.Сизов	1901	1 (?)	1	40948	1715/14	—	Подвеска трапециевидная	Бронза	Предмет идентифицирован предположительно; не упомянут в 8 и 19	0	8. С. 109; 12. Л. 10—10об.; 19. Л. 82; 21. Л. 60, 61
						41854	232/18	—	Кольцо височное перстнеобразное (?)	“			
						32762	302/23	—	Подвеска трапециевидная с колечком	“			
						78607	1706/5	—	Бляшка ременная с колечком	“			

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Приселье	Духов- щинский	В.И.Сизов	1881	2(1)	—	—	—	656	Кресало прямоугольное	Железо	Не внесено в опись; найден вне погребения	0	3. С. 119; 17. Л. 119об.; 23
Рядыни	Духов- щинский	В.И.Сизов	1881	3 и 4(1)	1	—	—	653, 654	2 пронизки зонные двойные голубые; бусина зонная голубая; 2 слитка бус зонных	Стекло	Не внесены в опись	—	2. С. 58—59; 3. С. 119; 17. Л. 118об.; 21. Л. 61
Рядыни	Духов- щинский	В.И.Сизов	1881	4(1)	1	—	—	655	Пронизок спиральных обломки	Бронза	Не внесены в опись	1	2. С. 58-59; 3. С. 119; 17. Л. 118об.
Селище	Духов- щинский	В.И.Сизов	1890	1	?	22864 22865	738/1 738/2	— —	Бляшки нашивные от головного убора 11 бусин цилиндрических рубчатых серебrostеклянных 2 бусины цилиндрические серебrostеклянные Бусина бочковидная серебrostеклянная 2 кольца височных браслетoобразных несомкнутых Кольцо височное браслетoобразное завязанное	Олово Стекло “ “ Бронза “		0	1. С. 138; 24. Л. 175
Слобода	Порец- кий	В.И.Сизов	1881	1(6)	ед.	78607	668/30	684	Фибула подковообразная спиралеконечная	Бронза, железо		0	3. С. 122; 17. Л. 112; 23
Слобода	Порец- кий	В.И.Сизов	1881	2(1) (?)	ед.	78607	668/8 668/10	662 664	Топор с опущенным лезвием Пряжка подпрямоугольная Пронизка спиральная	Железо Бронза	Не упомянута в 17	≥2	3. С. 121; 17. Л. 112
Слобода	Порец- кий	В.И.Сизов	1881	3(4)	ед.	78607	668/17-19	676	3 кольца височных браслетoобразных завязанных	Серебро		≥3	3. С. 122; 17. Л. 112об.; 23
						“	668/20	678	Браслет пластинчатый с завязанными концами	Бронза			
						“	668/21	677	Гривна витая с пластинчатыми отогнутыми концами	“			
						“	668/22	679	Нож	Железо			
Слобода	Порец- кий	В.И.Сизов	1881	4(7)	ед.	78607	668/32	686	Кольцо ремненное круглое	Бронза		1	3. С. 122; 17. Л. 112об.; 23
						“	668/33	687	Пряжка лировидная 2-частная	“			
						“	668/34	“	Пряжка прямоугольная 2-частная	Бронза, железо			
						“	668/35	688	Лезвия ножа обломки	Железо			
Слобода	Порец- кий	В.И.Сизов	1881	5	ед.	78607	668/25-28, 38,39	682	6 колец височных перстнеобразных несомкнутых	Бронза		0	3. С. 122; 17. Л. 113; 23
						“	668/29	683	Нож	Железо			
						“	668/36	680	8 пронизок лимоновидных двойных золотостеклянных	Стекло			
						“	“	“	3 бисерины рубленные	“			
						“	668/37	681	4 бусины бочковидные золотостеклянные	“			
Слобода	Порец- кий	Руженцов	1881	1(2)	?	78607	668/23	665	Ботало цилиндрическое	Железо		0	3. С. 121
						“	668/24	666	Пряжка лировидная 2-частная	Бронза			

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Слобода	Порецкий	Руженцов	1881	2(3)	?	78607	668/1-5	667	5 колец височных браслетообразных завязанных	Серебро		0	3. С. 121–122
						“	668/6	669	Кольцо височное 3-бусинное (бусины паяные гладкие)	“			
						“	668/7	668	Браслет витой двойной с завязанными концами	Бронза			
						“	668/11	675	4 бусины призматические	Сердолик			
						“	“	“	Бусина бипирамидальная	Хрусталь			
						“	“	“	Бусина эллипсоидная граненая	“			
						“	“	“	Бусина лимонovidная черная	Стекло			
						“	668/12	670	Подвеска-дирхем без ушка	Серебро			
						“	668/13	671	Подвеска-дирхем с ушком	“			
						“	668/14-16	672-674	Ок. 60 бляшек нашивных от головного убора (3-х типов)	Олово			
Топорово (Новоселки)	Духовщинский	В.И.Сизов	1890	1	?	22867	527/1,2	—	Донцев 2-х лепных сосудов обломки	Глина		0	1. С. 138;
						22868	527/3	—	Бусины призматической обломки	Сердолик (?)	Не сохранился		24. Л. 175–176
						22869	527/4-6	—	Сплавы бус зонных(?) голубых	Стекло	№ 4, 5 не сохранились		
Топорово (Новоселки)	Духовщинский	В.И.Сизов	1890	2	?	22871	527/7-15	—	2-х колец височных ромбоштитковых обломки	Серебро		0	1. С. 138–139;
						22873	527/16	—	Перстень витой тройной тонкоконечный	“			24. Л. 176
						22875	527/17,18	—	2-х подвесок-брактеатов обломки	“			
						22872	527/19	—	Прядь волос	Волосы			
						22876	527/20,21	—	Ножа обломки	Железо			
						22870	527/22-28	—	4-х височных колец браслетообразных завязанных обломки	Серебро			
						22878, 22874	527/29,30	—	Ткани обрывки	Ткань			
						22877	527/31	—	Цепочки из 8-образных звеньев обрывки	Бронза			
						“	527/32	—	Подвеска-ковшик	“			
						“	527/33	—	Подвеска-гребень	“			
						“	527/34	—	Подвеска-конек плоский	“			
						“	527/35	—	Подвеска-ложечка	“			
Топорово (Новоселки)	Духовщинский	В.И.Сизов	1890	3	?	22879	527/36	—	Нож	Железо		0	1. С. 139;
													24. Л. 176
Топорово (Новоселки)	Духовщинский	В.И.Сизов	1890	4	?	22880	527/37	—	Топор с опущенным лезвием	Железо		0	1. С. 139;
						22881	527/38	—	Донце лепного сосуда	Глина			24. Л. 176
Топорово (Новоселки)	Духовщинский	В.И.Сизов	1901	1	ед.	45134	267/1	—	40 бус бочковидных золотостеклянных	Стекло		3	12. Л. 10об., 11
						“	267/2-5,7-10	—	8 колец височных браслетообразных завязанных	Серебро			
						“	267/6	—	2 бусины 14-гранные	Сердолик			
						“	“	—	Бусина призматическая	“			
						“	“	—	Бусина шарообразная	“			
						“	“	—	Бусина глазчатая желтая	Стекло			

[illegible]

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Ярцево	Духов- щинский	В.И.Сизов	1894	6	ед.	32762	229/8,9	—	2 бубенчика грушевидных крестопрорезных с насечкой	Бронза	№ 23 не сохранился	0	9. Л. 24об.–25, 34об.; 25. Л. 14об.
						“	229/13-15	—	3 бусины цилиндрические ребристые синие	Стекло			
						“	229/16-18, 37	—	4 бусины битрапециодные темно-синие с белой инкрустацией	“			
						“	229/22,23	—	Гривны дровотной(?) с оплеткой обл-ки	Железо(?), бронза			
						“	229/25-30	—	6 колец височных браслетообразных завязанных	Серебро			
						“	229/31	—	Бусина зонная светло-зеленая	Стекло			
						“	229/32,33	—	2 пронизки зонные темно-синие	“			
						45134	230/33	—	2 бусины зонные печеночного(?) цвета	“			
						“	“	—	3 бисерины рубленые желтые	“			
Ярцево	Духов- щинский	В.И.Сизов	1894	7	ед.	32762	229/3,4	—	2 бусины призматические	Сердолик		0	9. Л. 25, 34об.; 25. Л. 14об.
				(?)		“	229/5	—	Бусина призматическая темно-синяя	Стекло			
						45134	966/1	—	Серп	Железо			
Ярцево	Духов- щинский	дар В.А.Хлу- довой	1898	—	—	40949	231/1	—	Нож с валютообразным навершием	Железо	Возможно, это бисер	0	10. Л. 11; 14
						“	231/2	—	4 бусины зонные(?) голубые	Стекло			
						“	“	—	3 бисерины рубленые голубые	“			
						“	231/9-13	—	4 кольца височных браслетообразных завязанных	Бронза			
						“	231/14	—	Подвеска-брактеат дирхема	Серебро	Часть — в обломках		
						“	231/15	—	Денарий	“			
Ярцево	Духов- щинский	В.И.Сизов	1898	1	?	40949	231/4	—	Гривна витая с пластинчатыми отогнутыми концами	Бронза	Не упомянут в 10 Не сохранился	0	10. Л. 11об.; 14
						“	231/5	—	Кольцо височное перстнеобразное с завитком	“			
						“	231/6-8	—	Кольцо височных браслетообразных завязанных обломки	“			
						“	231/3	—	Нож	Железо			
						—	—	—	Рукоятки ножа обломок	Дерево			
Ярцево	Духов- щинский	В.И.Сизов	1898	2	?	40943	735/1	—	Гривны дровотной обломок	Бронза		0	10. Л. 11об.; 14; 21. Л. 61
						“	735/2	—	Подвески трапециевидной обломок	“			
						“	735/6	—	Подвеска умбоновидная	“			
						“	735/7	—	Пряжки лировидной(?) обломок	“			
						“	735/8	—	Подвески бисовидной обломок	“			
Ярцево	Духов- щинский	В.И.Сизов	1898	3	?	40943	735/3-5	—	3 подвески трапециевидные	Бронза		0	10. Л. 11об.; 14; 21. Л. 60
						“	735/9,10	—	Предметов обломки	“			
						“	735/11,12	—	Сплавы бус зонных зеленовато-голубых	Стекло			
						“	735/13	—	Сплав	Бронза			
						“	735/14	—	Браслета спирального(?) обломок	“			
						“	735/15	—	Обойма пластинчатая от головного венчика	“			
						45134	Б-1150/ 11-13	—	3 бляшки ремённые прямоугольные	“			
Ярцево	Духов- щинский	В.И.Сизов	1903	1/6 и 4/14 (?)	?	32762	245/22,23	—	2-х колец височных серповидных обломки	Бронза	Возможно, один из них относится к к. 1/6, другой — к к. 4/14	?	13. Л. 8; 20. Л. 72; 21. Л. 61

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Ярцево	Духов- щинский	В.И.Сизов	1903	2/7 (?) (?) (?)	?	32762 “ 45134 “	245/28 245/14 230/19 230/38	— — — —	Бубенчик грушевидный уплощенный линейнопрорезной с насечкой Фибулы подковообразной спиралеконечной (?) обломок Перстня спирального обломок Фибула подковообразная спиралеконечная	Бронза Железо Бронза Железо	Менее вероятно, что вместо нее к этому комплексу относится другая фибула: Инв. № 32762. Оп. 245/15	3	13. Л. 8; 20. Л. 72; 21. Л. 61
Ярцево	Духов- щинский	В.И.Сизов	1903	2/7 и 8/9	? ?	45134	230/36,37	—	2 пряжки прямоугольные	Железо	Одна из них относится к к. 2/7, другая — к к. 8/9	—	13. Л. 8; 20. Л. 72
Ярцево	Духов- щинский	В.И.Сизов	1903	3/12	?	40949 45134	231/20 230/52	— —	Грузило цилиндрическое Бусина лимонovidная желтая полосатая	Глина Стекло		1	13. Л. 8; 20. Л. 72
Ярцево	Духов- щинский	В.И.Сизов	1903	4/14 и 7/21	?	45134	230/34,35	—	2-х пряжек подпрямоугольных обломки	Железо	Один из них относится к к. 4/14, другой - к—к. 7/21	—	13. Л. 8; 20. Л. 72
Ярцево	Духов- щинский	В.И.Сизов	1903	5/16	?	45134 32762	230/41 302/10	— —	Бусина битрапециодная То же	Глина “		?	13. Л. 8; 20. Л. 72; 21. Л. 61
Ярцево	Духов- щинский	В.И.Сизов	1903	6/19	?	45134	230/57	—	Нож	Железо		?	13. Л. 8; 20. Л. 72
Ярцево	Духов- щинский	В.И.Сизов	1903	7/21 (?) (?)	?	45134 “ “	230/10,11 230/28 230/39	— — —	Подвески трапезиевидной обломки Подвески трапезиевидной обломок Гривны дровотой с оплеткой обломок	Бронза “ “	№ 11 не сохранился	?	13. Л. 8; 20. Л. 72
Ярцево	Духов- щинский	В.И.Сизов	1903	8/9	?	45134	230/22,23, 25	—	3 кольца височных перстнеобразных с завитком	Бронза	№ 25 — обломок	?	13. Л. 8; 20. Л. 72; 21. Л. 61
Ярцево	Духов- щинский	В.И.Сизов	1903	?	?	45134 “ “ “	230/27,29 230/7-9,16, 17,30-32,42, 48 230/1,5,44 230/2-4,40, 45-47,49-51, 53-56,58 230/6,12,13, 18,24,43	— — — —	Перстня спирального обломки Пронизок спиральных обломки 4 бусины зонные синие и голубые Слитки бус, в основном зонных голубых Обломки и сплавы предметов	Бронза “ Стекло “ Бронза	} Относятся к к. 1/6, 7/21 и 8/9 } Относятся к к. 1/6, 2/7, 5/16, 6/19 и 8/9	—	13. Л. 8; 20. Л. 72
Ярцево	Духов- щинский	В.И.Сизов (?)	?	?	?	45134	Б-1150/16	—	Перстень со щитком, имитирующим вставку	Бронза		—	21. Л. 60

ИСТОЧНИКИ

Публикации

1. Древности. М., 1894. Т. 15, вып. 2. Протоколы.
2. Императорский Российский Исторический музей: Указатель к первым десяти залам. М., 1883.
3. Императорский Российский Исторический музей: Указатель памятников. М., 1893 (в том числе экземпляр с пометками и рисунками А.А. Спицына из собрания А.А. Александрова (г. Псков)).
4. Каталог собрания древностей графа А.С. Уварова. М., 1907. Отд. III—VI.
5. *Кусцинский М.Ф.*, 1881. Отчет о раскопках в Смоленской губернии в 1874 году // Древности. М. Т. 9, вып. 1.
6. ОАК за 1898 г. СПб., 1901.
7. ОАК за 1899 г. СПб., 1902.
8. ОАК за 1901 г. СПб., 1903.

Архивные материалы

Рукописный архив ИИМК РАН

9. Об археологических раскопках В.И. Сизова в Смоленской губ. — Ф. 1. 1894. № 55.
10. О раскопках г. В.И. Сизова в Смоленском и Духовщинском уездах. — Ф. 1. 1898. № 172.
11. О раскопках В.И. Сизова в Смоленской губернии. — Ф. 1. 1899. № 100.
12. О продолжении В.И. Сизовым археологических разысканий в Смоленской губ. — Ф. 1. 1901. № 141.
13. О раскопках г. В.И. Сизова в Смоленской губернии. — Ф. 1. 1903. № 76.

Фотоархив ИИМК РАН

14. Предметы из раскопок В.И. Сизова у с. Ярцево в 1898 г. Негатив. Шифр III-8236.

15. Предметы из раскопок В.И. Сизова у с. Никола Словажский и д. Гнездово в 1898 г. Негатив. Шифр III-8239.

16. Предметы из раскопок В.И. Сизова у д. Благодатная и Мизиново в 1899 г. Негатив. Шифр III-8235.

Научно-ведомственный архив ГИМ

17. Дневник раскопок В.И. Сизова в Смоленской губ. в 1881 г. — Оп. 2. Д. 1. Л. 96—110, 112—122.
18. Описи находок из раскопок В.И. Сизова в Смоленской губ. в 1899 г. — Оп. 2. Д. 1. Л. 42, 79, 80, 84.
19. Дневник раскопок В.И. Сизова у с. Ярцево и д. Пнёва Слобода в 1901 г. — Оп. 2. Д. 1. Л. 82, 83.
20. Опись находок из раскопок В.И. Сизова в Смоленской губ. в 1903 г. — Оп. 2. Д. 1. Л. 64—72.
21. Описи предметов из раскопок В.И. Сизова в Смоленской губ., отобранных из фондов РИМ для фотографирования. 1903 г. — Оп. 2. Д. 1. Л. 60—63.

Отдел письменных источников ГИМ

22. Опись находок из раскопок М.Ф. Кусцинского в Смоленской губ. в 1874 г. — Ф. 270. Оп. 2. Д. 7. Л. 17.
23. Опись находок из раскопок В.И. Сизова у с. Слобода, д. Варнавино, Высокое и Приселье в 1881 г. — Ф. 270. Оп. 2. Д. 7. Л. 5.

Отдел археологических памятников ГИМ

24. Опись коллекции вещей из раскопок г. Сизова в Могилевской и Смоленской губерниях в 1890 г. — Книга даров в ГИМ за 1891 г. Л. 174—178.
25. Опись находок из раскопок В.И. Сизова у с. Ярцево в 1894 г. — Группа В. Яш. 1. Папка 3. № 2. Л. 14.

SUMMARY

V.S. Nefedov

THE COLLECTIONS FROM THE V.I.SIZOV'S AND M.F.KUSTSINSKY'S EXCAVATIONS IN THE WEST OF SMOLENSK REGION

(The attempt of the reconstruction of the artefact complexes)

The publication presents the results of the reconstruction of the complexes of artefacts from barrows dated by the VIIIth — XIIth centuries which were excavated by M.F.Kustinsky in 1874 and V.I.Sizov in 1881 — 1903 in the western uyezds of Smolenskaya guberniya. The collections of excavated artefacts keeping in the State Historical

Museum were partially mixed during the late XIXth — early XXth centuries. On the base of the analysis of publications and archive materials the author succeed to reconstruct complitely or partially about 100 complexes from 33 barrow cemeteries (see the table).

Н.И.Асташова

ХРОНОЛОГИЯ СМОЛЕНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Предлагаемая работа — заключительная в серии публикаций смоленского материала из раскопов прибрежной зоны Днепра, у подножия Соборной горы (Асташова, 1990; 1991; 1993; 1999; Урьева, 1991). Первостепенное внимание в предыдущих публикациях уделялось датировкам, так как хронология городских древностей чрезвычайно важна для отечественной археологии, поскольку является своеобразной “точкой отсчета” для общей хронологии средневековых древностей.

Среди большого числа раскапываемых в Восточной Европе городов только материал Великого Новгорода был издан с той степенью полноты, который позволил ему стать практически эталоном для хронологических построений других памятников. В значительной мере изданы и коллекции городов Западной Руси, но в отличие от новгородских в этих публикациях не всегда соотносятся стратиграфия и предмет, что часто не позволяет определить дату вещей. Остальные памятники издавались либо не полностью, либо хронологии не уделялось должного внимания.

В связи с этим большое значение приобретают материалы памятников, имеющих хорошую стратиграфию и дендродаты. К таким памятникам относится и Смоленск, культурный слой которого в прибрежной зоне города хорошо сохраняет органические остатки, в частности — деревянные постройки. Это обстоятельство позволило на материале двух раскопов создать дендрохронологическую шкалу (Асташова, 1991), благодаря чему можно говорить о хронологии массовых находок, основанной на их стратиграфическом распределении.

Наибольшую сложность для решения конкретных стратиграфических ситуаций представляют обычно разновременные перекопы, часть из которых очень сложно фиксировать в мокром слое. В связи с этим, кроме большого кольцевого профиля, в упомянутых раскопах делались микропрофили по линиям квадратов, рас-

положенных поперек склона Соборной горы. Это позволило уточнить взаиморасположение построек в ярусах и соответственно ярусологию находок. Для большей чистоты в данном случае не учитываются находки с квадратов, примыкающих к стенкам раскопов, и тех, где удалось проследить средневековые ямы для частокола или водостока и т.д.

В предлагаемой статье будут рассматриваться предметы из черного металла стекла, янтаря, поскольку вещи из цветных металлов и кости опубликованы (Асташова, 1990; 1993).

Смоленское собрание находок из черного металла насчитывает более 1200 экземпляров, включающих предметы быта, орудия труда, оружие. Но в данном случае речь пойдет главным образом о репрезентативных категориях, к которым можно отнести универсальные орудия, кресала, замки и ключи, некоторые виды ремесленного инструментария (табл. 1).

В Смоленске найдено более 230 ножей, основная масса которых относится к обычным бытовым. Наряду с ними известны и ножи, применявшиеся в ремесле, в частности — в столярном деле. Они отличаются изогнутым лезвием. Часть ножей была подвергнута микроскопическому анализу, выявившему несколько технологических схем их изготовления (Терехова и др., 1997. С.272. Табл.4). Среди них отметим значительный процент цельножелезных ножей (около 45%), датирующихся первой половиной XII в. и второй половиной XIV—началом XV в. Ножи, изготовленные в технологии наварки, составляют около трети среди исследованных. Причем дата ножей, выполненных в технике косой наварки, известной в Новгороде с XIII в. (Колчин, 1982. С. 163. Рис.), оказалась более ранней и датируется в Смоленске первым тридцатилетием XII в.

Ножницы, как и ножи, широко употреблялись в быту. В Смоленске известно 25 экземпляров ножниц, среди которых пружинные и шарнирные представлены почти поровну: соот-

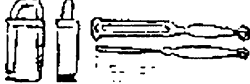
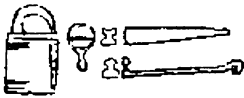
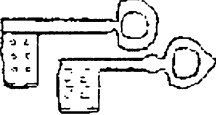
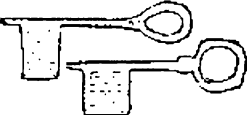
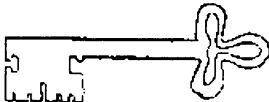
Таблица 1

Хронология изделий из черного металла

Категории	XII в.	XIII в.	XIV в.	XV в.
Ножи				
Ножницы				
Ювелирные инструменты				
Топоры				
Сверла				
Резцы				
Кресала				
Замки				
Ключи				
Писала				

Таблица 2

Хронология ключей и замков

Тип			XI в.	XII в.	XIII в.	XIV в.	XV в.
Навесные	A						
	Б						
	В						
Нутряные							
							
							
							

ветственно 12 и 13 экземпляров. Какой-либо хронологической разницы в их бытовании по сравнению с известными памятниками не наблюдается. Отметим только, что первые пружинные ножницы появляются в середине XII в.

Распространенной находкой являются кресала. В смоленской коллекции их известно 32 экземпляра. Три из них относятся к типу калачевидных и бытуют в XII в., остальные 28 кресал делятся на удлинненно-овальные с фигурными вырезами и овальные двулезвийные и существуют в период с середины XII до начала XV в., что совпадает с общепринятой датировкой (рис. 1).

Значительную группу находок составляют замки и ключи (54 и 78). Среди них наиболее ранними являются ключи-лопаточки, происходящие из ярусов с датой 20—30-е годы — середина XII в. Коленчатые ключи с круглой лопастью и соответственные им замки (тип Б по классификации Б.А.Колчина) относятся к XII — первой половине XIII в. Ключи с разной формой лопасти и пропилом на стержне (тип В) бытуют в Смоленске в течение XII—XV в. Остальные варианты ключей и замков найдены в единичных экземплярах. (табл. 2).

Кроме стандартных форм среди смоленских находок известно шесть ключей, имеющих не

одну, а три лопасти, расположенные на стержне ключа винтообразно. Подобные ключи встречаются в единичных экземплярах и в других городах, в частности — в Новгороде. Но особый интерес смоленские находки представляют потому, что они найдены на территории одной усадьбы в период 70—80-х годов XII — 20—40-х годов XIII в., что позволяет считать их редким, возможно, местным типом ключей.

Известные в Смоленске нутряные замки и ключи предназначались для запираания дверей и сундуков. Типологически они подобны новгородским. Ключи с пустотелым стержнем бытовали в 20—30-е годы XII — первом десятилетии XIII в., второй вариант с заостренным стержнем — в период 60-х годов XII — до середины XIII в. Замки и ключи для сундуков обнаружены в ярусах, датирующихся 20—30-ми годами XII — серединой XIII в.

Небольшую часть смоленской коллекции из черного металла составляют инструменты. Они представлены орудиями ювелира, деревообделочника, а также сельскохозяйственными и промысловыми орудиями.

В комплекс ювелирного инструментария входят три молоточка, происходящих из слоя 40—60-х годов XII в., к 90-м годам этого столетия относится находка клещей, которые мог-

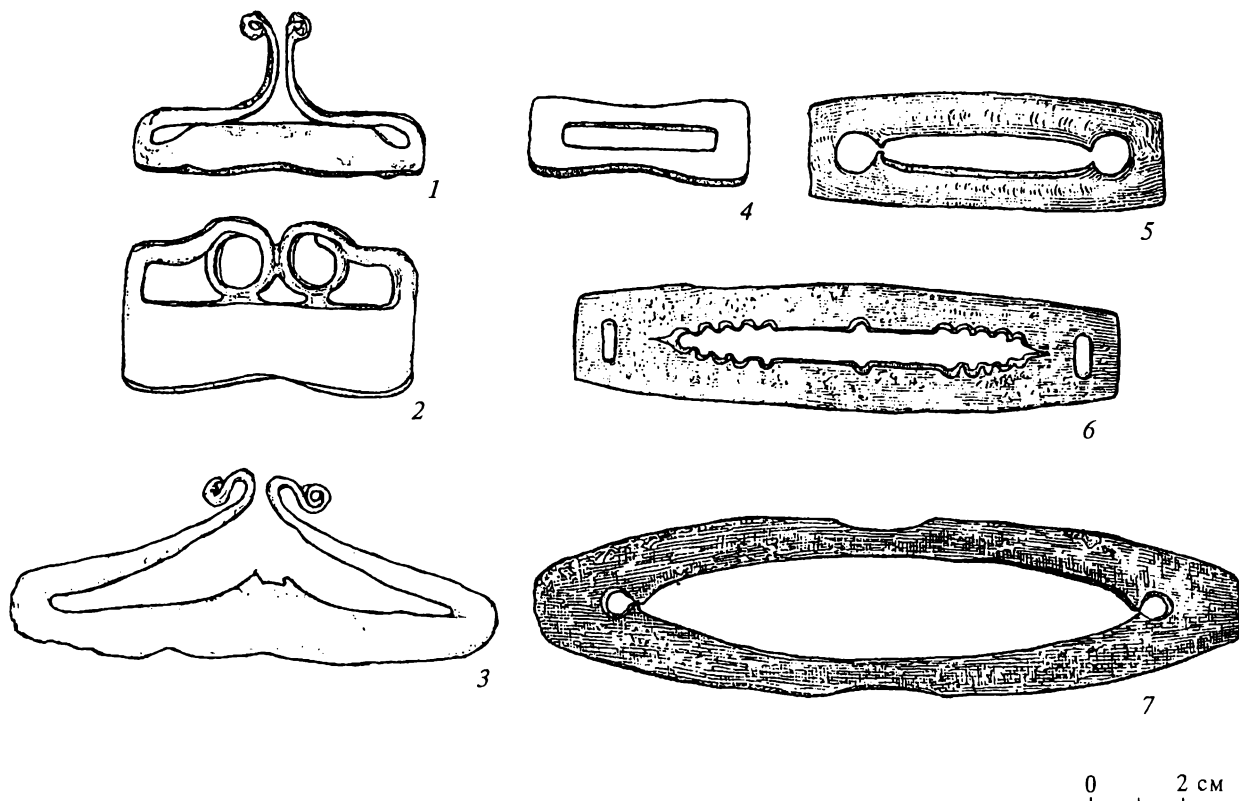

Рис. 1. Кресала

1—3 — калачевидные (ярус 20, кв. 56; ярус 16, кв. 89; ярус 15, кв. 176); 4 — овальное (ярус 10, кв. 101); 5—7 — овальные с фигурными вырезами (ярус 14, кв. 65; ярус 7, кв. 70; ярус 10, кв. 174)

ли использоваться как кусачки, так как их короткие губы смыкались (рис. 2). Напильник с овальной рабочей частью обнаружен в пластах 70—80-х годов XII в. Восемь ювелирных пинцетов делятся поровну на два типа: пинцеты-щипчики и пинцеты-тисочки с кольцом, фиксирующим зажим. Их хронология определяется 20—30-ми годами XII в. и началом XIII в.

К деревообрабатывающим инструментам относятся девять топоров. Два из них, представленных фрагментами лезвий, датируются 60—80-ми годами XII в. Шесть топоров полной сохранности, отличающихся симметричностью лезвий и круглым обухом (тип. Б по классификации Б.А.Колчина), происходят из слоя XII—XIV вв. К 60—70-м годам XV в. относится находка круглого обуха топора, имеющего клеймо в виде круга, поделенного на сектора (рис. 3, 2).

К орудиям резчика принадлежат семь сверл, шесть из которых относятся к спиральным, одно — к перовидным. Спиральные сверла стратиграфически датируются 20—80-ми годами XII в., перовидное — первой половиной XIII в.

Кроме сверл, известны и резцы: для внутренней обточки (7 экз.), датирующиеся 80-ми годами XII — серединой XIII вв.; для обработки внешней поверхности (2 экз.) — 20—30-ми годами XII в.

Двуручный скобель найден в пластах начала XII в.

Сельскохозяйственные орудия представлены фрагментами трех серпов, обнаруженных в слое второй половины XII в. и рубежа XIII—XIV вв. Шесть кос-горбуш стратиграфически датируются 60-ми годами XII — началом XIV в. Одна из кос, выполненная в технике косой наварки, имеет клеймо в виде круга, разделенного на сектора. Ее дата — 70-е годы XIII — начало XIV в. (рис. 3, 1).

Тип клейм, обнаруженных на косе и обухе топора, известен в Смоленске на керамических донцах и плинфе, датирующихся домонгольским временем. Клейма на предметах из черного металла известны в некоторых русских городах, в частности — в Пскове и Москве, но они отличаются по рисунку от указанных смоленских. Датировки псковских и московских

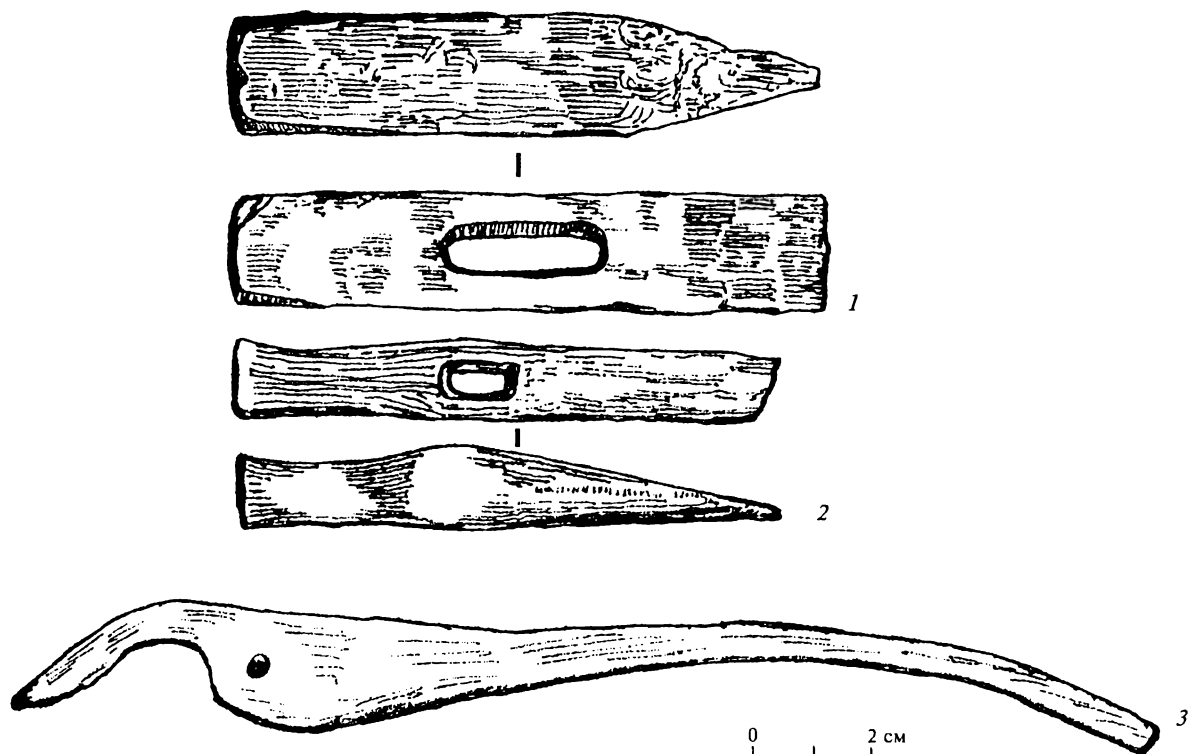

Рис. 2. Ювелирные инструменты

1—2 — молоточки (ярус 18, кв. 77; ярус 15, кв. 67); 3 — половинка клещей (ярус 15, кв. 103)

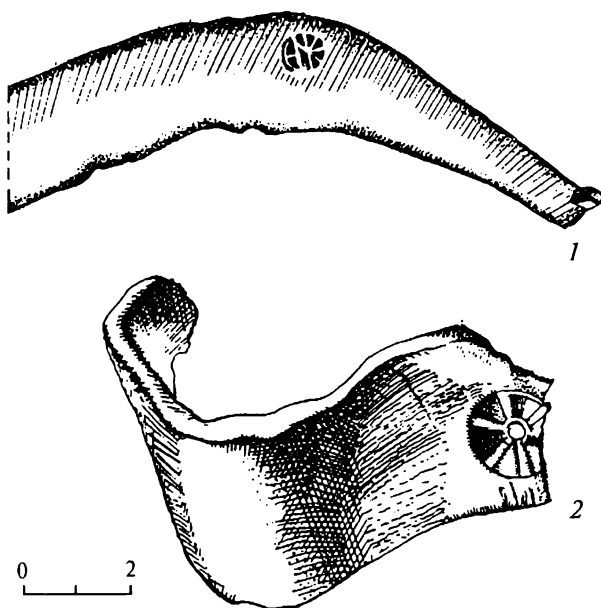

Рис. 3. Предметы из черного металла с клеймами
1 — коса (ярус 11, кв. 129); 2 — обух топора (ярус 6, кв. 167)

клейменных вещей не выходят за рамки XV—XVI вв. Наша находка клейменной косы дает самую раннюю из известных дату металлического предмета с клеймом.

Обычной находкой для слоев древнерусских городов являются писала. В Смоленске их известно 6 экземпляров, датирующихся XII—началом XIV в. Типологически и хронологически смоленские писала соответствуют классификации А.Ф.Медведева (Медведев, 1960) (рис. 4).

Писало с лопаточкой в виде острореберного бокальчика (тип 6) найдено в слое 90-х годов XII в., к пластам 30-х годов этого же века относится писало с лопаточкой в форме перевернутого треугольника с полукруглыми зубчиками по краям (тип 4). Три писала, характеризующиеся лопаточкой с зубчатыми фигурными вырезами по краям (тип 11), датируются началом XIII и рубежом XIII—XIV вв. Еще одно писало с завершением в виде перевернутого треугольника (тип 13) имеет стратиграфическую дату 30—40-е годы XIII в.

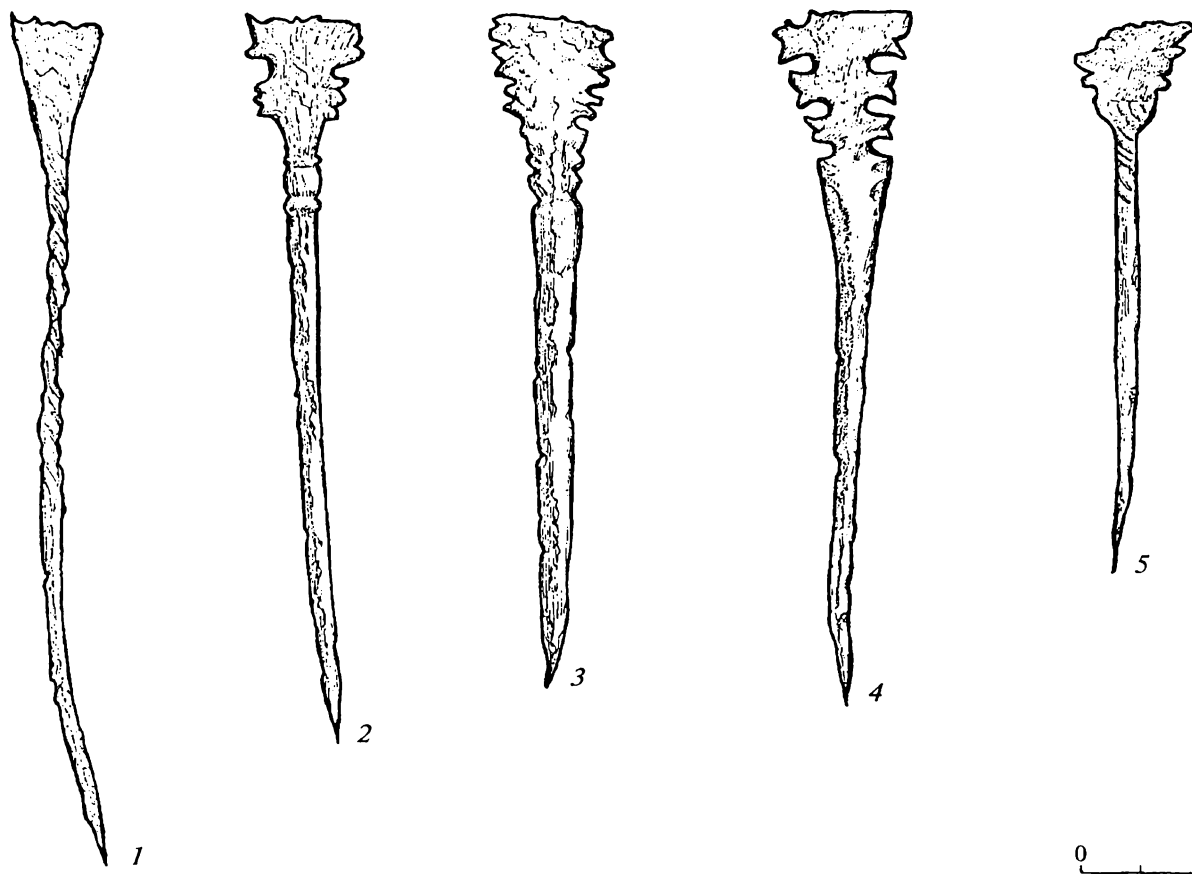

Рис. 4. Писала

1 — тип 13 (ярус 13, кв. 164); 2 — тип 4 (ярус 18, кв. 137); 3—4 — тип 11 (ярус 19, кв. 111); 5 — тип 6 (ярус 15, кв. 169)

Массовые категории предметов из черного металла, как обычно, представлены такими вещами, как скобы и дверные пробой, дужки ведер, крупные дверные кольца, гвозди и т.п. Их распределение в слое относительно равномерно.

Изделия из стекла — наиболее массовые находки. Они представлены фрагментами женских украшений и посуды. Большую часть среди них составляют стеклянные браслеты.

В смоленской коллекции насчитывается более 5 тыс. браслетов. Следует заметить, что это количество происходит с площади около 1000 м, тогда как Неревский раскоп, превышающий смоленские в восемь раз, дал такое же количество стеклянных браслетов. Известно, что находки стекла, прежде всего, именно браслетов, являются надежным маркером границы домонгольского слоя. Но известно также, что часть браслетов в древнерусских городах продолжает бытовать и в XIV в. Поэтому стоит более подробно остановиться на этих предметах. С рассматриваемой территории происходят 2332 обломка стеклянных браслетов, весь массив которых распадается на несколько цветов, не отличающихся по своему набору от материалов других памятников. Их соотношение следующее:

	Количество	%
коричневые	— 851	36,5
зеленые	— 751	32,2
желтые	— 199	8,5
фиолетовые	— 211	8,9
голубые	— 181	7,7
бирюзовые	— 99	4,2
прозрачные	— 40	1,7

Распределение стеклянных браслетов по ярусам показало, что 50% браслетов относится к XII в., около 40% приходится на первую половину XIII в., остальная часть происходит из слоя второй половины XIII—XIV в. Наибольшее количество браслетов отмечено в 14-м ярусе, датирующемся первым тридцатилетием XIII в., что характерно для материалов и других древнерусских городов.

Детализировать хронологию смоленских браслетов позволяет распределение их групп, объединенных по цветам: коричневые и непрозрачные, желтые и зеленые, бирюзовые и фиолетовые, голубые и прозрачные (рис.5). Две последние группы попадали в Смоленск из Киева, желтые, зеленые и коричневые частично делались на месте, а часть их поступала также из Киева (Щапова, 1972. Табл.23). Распределение зеленых и желтых, а также коричневых

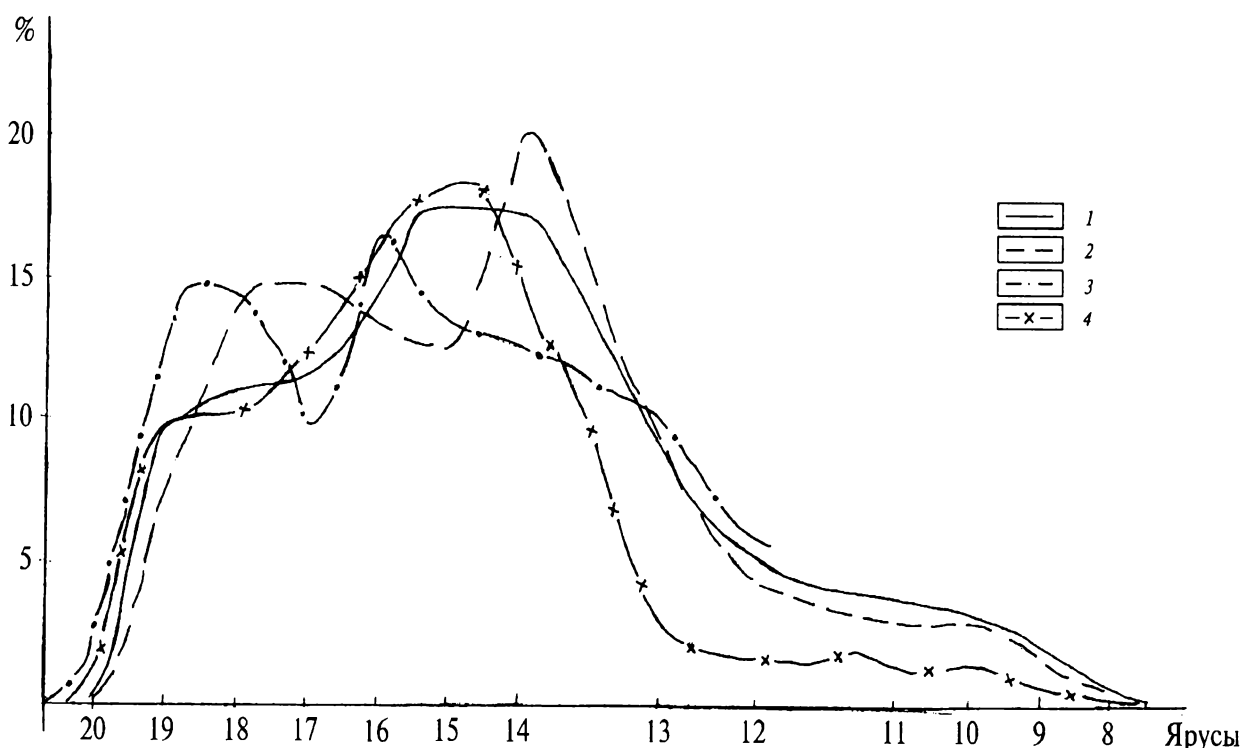

Рис. 5. Распределение по ярусам стеклянных браслетов

1 — коричневые и непрозрачные, 2 — желтые и зеленые, 3 — прозрачные и голубые, 4 — бирюзовые и фиолетовые

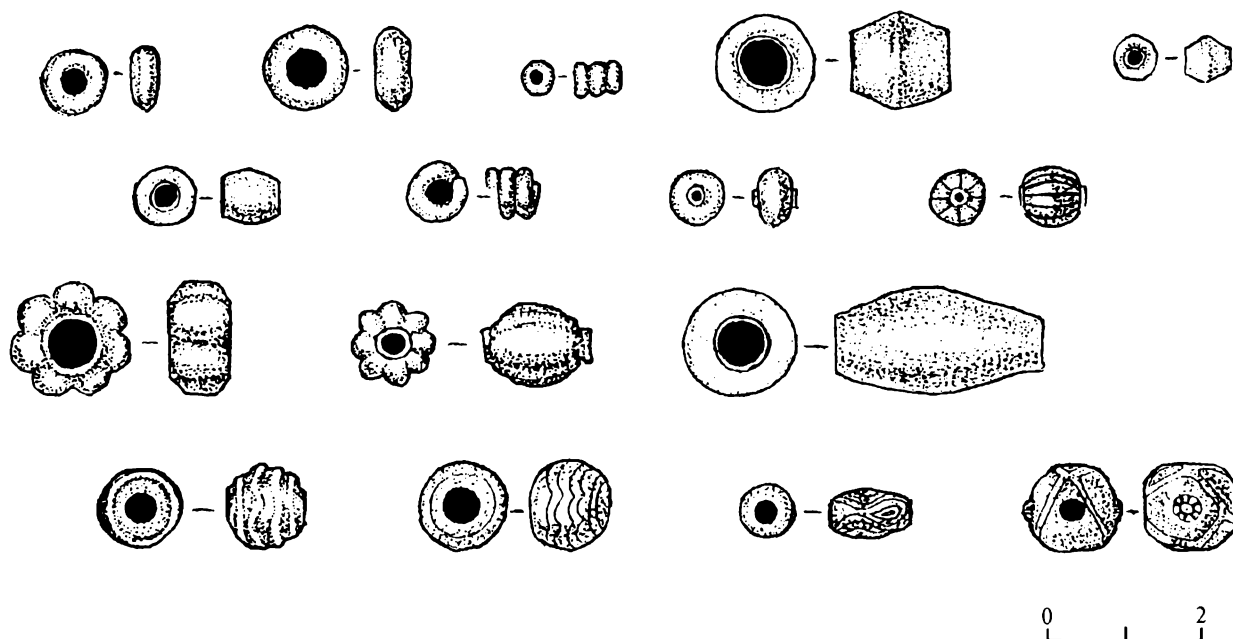

Рис. 6. Основные типы стеклянных бус из раскопок Смоленска

и непрозрачных браслетов имеет вид несимметричных кривых. Появление их относится к 20—30-м годам XII в., а конец приходится на 80-е годы XIV в. Пик обеих кривых приходится на первую треть XIII в.

Бирюзовые и фиолетовые браслеты появляются сразу в большом количестве в начале XII в. и исчезают в середине XIII в. Основная масса этих браслетов относится к 90-м годам XII в. При сравнении нашего материала с новгородским оказывается, что в Новгороде большая часть браслетов рассматриваемых цветов бытует в течение всего XIII в., благодаря существованию там производства стекол данного класса, отсутствующему в Смоленске.

Голубые и прозрачные браслеты, как и браслеты вышеописанной группы, в начале XII в. появляются сразу в большом количестве. К 60-м годам этого столетия происходит спад в их бытовании, а к 80-м годам наблюдается новый подъем их количества. В 12-м ярусе (середина XIII в.) они исчезают полностью.

В Смоленске найдено около 300 стеклянных бус, 170 из которых происходят с рассматриваемых раскопов (рис. 6).

Распределение всей массы бус по ярусам свидетельствует о том, что 88% происходит из ярусов, датирующихся XII — рубежом XII—XIII вв. Более половины от этого количества относится к первой половине XII в., и только 7% находок от общего числа приходится на XIII—XIV вв.

Датировка бус по типам в целом совпадает с общепринятой (табл. 3).

Стеклянная посуда древнерусского производства в Смоленске представлена осколками донцев, стенок и венчиков. 20 донцев от кубков делятся на два типа: донца с поддоном — 11 экземпляров; конусовидные донца — 9 экземпляров. Оба типа донца сосуществуют и появляются одновременно в 20—30-е годы XII в. К 80-м годам этого столетия они, практически исчезают. Интересно, что и в Новгороде количество стеклянной посуды становится незначительным уже в конце XII в., тогда как в южнорусских городах, в Новогрудке и Турове, она в это время изобилует (Щапова, 1972. С. 47).

Небольшая коллекция янтарных предметов, происходящих с рассматриваемых раскопов, состоит из 69 находок и распределяется следующим образом: бусины — 23, заготовка бусины — 1, нательные крестики — 5, вставки для перстней — 2, подвеска-лунница — 1. Стратиграфические датировки этих вещей охватывают период XII — первой половины XIV в. Даты отдельных типов представлены в табл. 4. Все остальные находки приходятся на кусочки янтаря, использовавшиеся, видимо, различными способами. Хронология этих находок ограничена XII — первой половиной XIV в.

В заключение следует отметить, что большая часть смоленских находок датируется так

Таблица 3

Хронология стеклянных бус

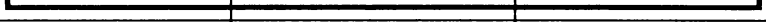
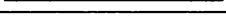
Тип	XII в.	XIII в.	XIV в.
Лимоновидные			
Шарообразные			
Золотостеклянные			
Эллипсоидные			
Зонные			
голубые и синие			
бирюзовые			
зеленые			
желтые			
фиолетовые			
прозрачные			
непрозрачные			
Мозаичные			
Биконические			
Ребристые			
Рыбовидные			
Винтообразные			

Таблица 4

Хронология изделий из янтаря

Предмет	XII в.	XIII в.	XIV в.
Бусы			
зонные			
шестигранные			
восьмигранные			
шарообразные			
лепешковидные			
Нательные крестики			
Лунницы			
Перстень			
Вставки			
Отдельные куски			

же, как основная масса подобных предметов в других древнерусских городах. Однако наряду с этим в Смоленске существует ряд вещей, хронология которых отличается от общепринятой. К ним относятся ножи, выполненные в технике косой наварки, фиксирующиеся в

Смоленске на столетие раньше, чем в Новгороде. Раньше, чем в других городах здесь появляются клейменные железные вещи. Наконец, выявилась хронологическая разница в бытовании стеклянных браслетов киевского производства в Смоленске и Новгороде.

Асташова Н.И., 1990. Ювелирное ремесло и изделия из цветного металла средневекового Смоленска // Проблемы археологии Евразии. Труды ГИМ. М. Вып.74.

Асташова Н.И., 1991. Усадьбы древнего Смоленска. // Смоленск и Гнёздово (К истории древнерусского города). М.

Асташова Н.И., 1993. Костяные изделия средневекового Смоленска // Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ. М. Вып.82.

Асташова Н.И., 1999. Оружие из раскопок Смоленска (в печати).

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник "50 лет раскопок Новгорода". М.

Медведев А.Ф., 1960. Древнерусские писала X—XV вв. // СА. 2.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М., 1997. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.

Шапова Ю.Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.

Урьева А.Ф., 1991. Стратиграфия и хронология раскопа УС—V в Смоленске // Смоленск и Гнёздово (К истории древнерусского города). М.

SUMMARY

N.I.Astashova

THE CHRONOLOGY OF THE ARCHAEOLOGICAL FINDS FROM SMOLENSK

The author analyzes some of the mass archaeological finds from Smolensk and compares them with the Novgorodian material. These objects were discovered in the culture layers with the safe stratigraphy and the dendrochronological scale. The knives with the wedding cutting steel edge on an iron core from Smolensk belong to the layers of 20–30s of the XIIth century. This date is earlier

than they thought before according to the results of studying of the same objects from Novgorod. The date of the scythe and the back of the axe having the stamps show that the custom of stamping of blacksmith objects is earlier too. The comparison of the dates of glass bracelets of the Kiyevan origin from Smolensk and from Novgorod shows the chronological differences of their distribution.

Н.В.Сапожников

ЦЕРКОВЬ XII в. НА УЛИЦЕ СОБОЛЕВА В СМОЛЕНСКЕ

При прокладке линии теплотрассы вдоль северного участка крепостной стены начала XVII в. в Смоленске были обнаружены остатки церкви, сложенные из плинфы. Руины располагались в 10—12 м к югу от полотна ул. Соболева, между домами 8 и 16, к западу от пересечения ее с ул. Школьной. Никаких видимых остатков здания на поверхности земли не было. Памятник полностью залегал в культурном слое мощностью 6—7 м (рис. 1). Какими-либо сведениями о существовании здесь древней постройки исследователи Смоленска не располагали (*Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979. С.330—345*).

Траншея теплотрассы прошла через западную стену храма вдоль его северного нефа,

потревожив остатки древних кладок на значительную высоту. Раскопками были изучены восточная половина северного нефа, часть центральной апсиды, фрагменты западной стены и северная пара подкупольных столбов (рис.2). Остальная часть сооружения уходила на территорию усадьбы дома 2 по ул. Школьной и под его основание.

В бытность памятника в земле его кладка была сильно повреждена мощным водоносным слоем, шедшим с запада на восток, который изъел ее в высоту примерно на 2 м и местами до первоначальной толщины.

Верх стен алтарной части храма был нарушен погребениями, частично врубленными в кладку. Погребения безинвентарные. Следов

Рис. 1. Церковь на ул. Соболева. Общий вид руин

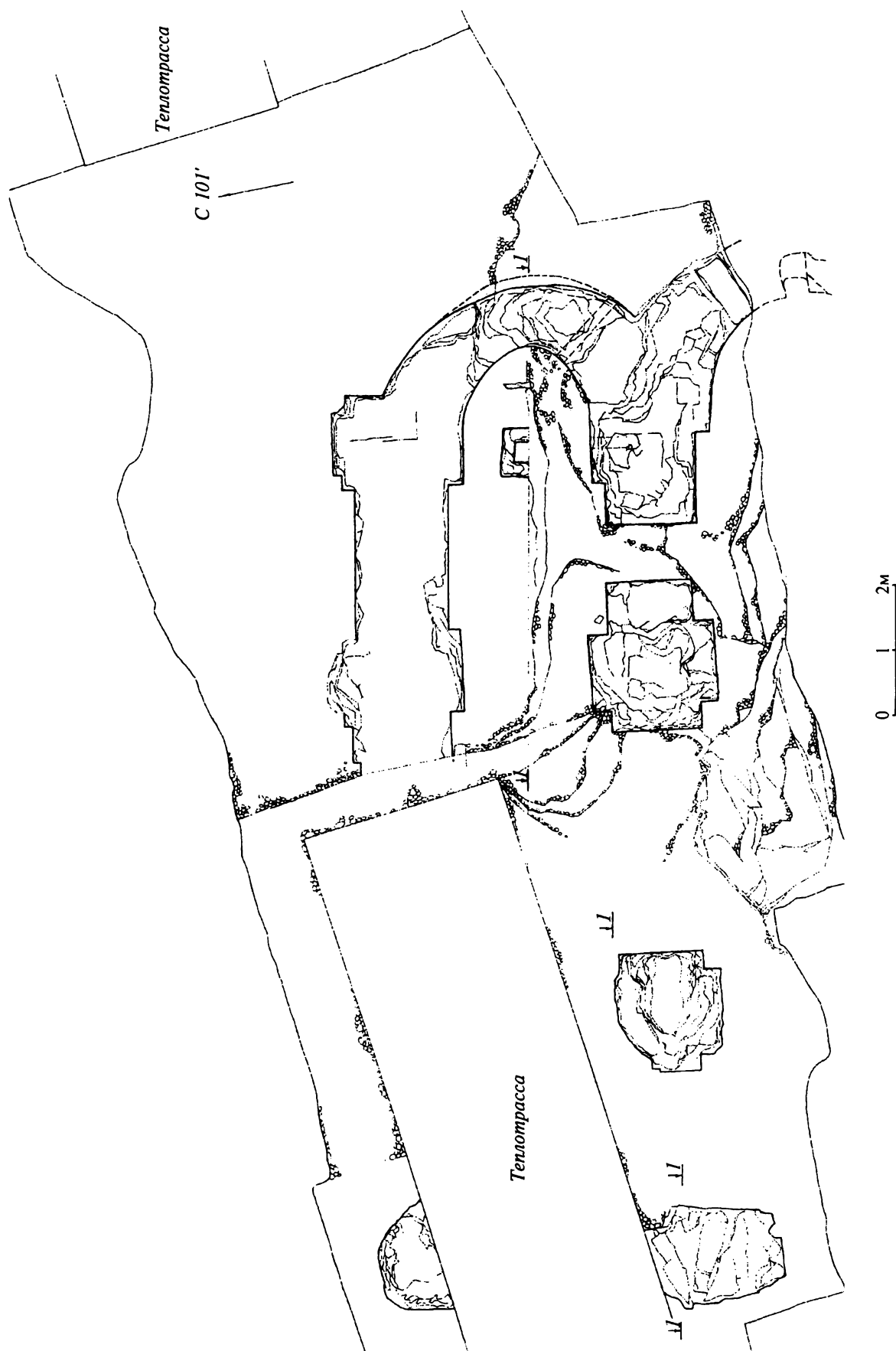

Рис. 2. Церковь на ул. Соболева. План и разрез раскопанных частей здания

гробов не обнаружено. Ориентировка костяков произвольная. В некоторых ямах содержались останки нескольких погребенных, сваленные в кучу. Судя по глубине залегания захоронений, они — недавнего времени.

Восточная часть северной стены храма, сохранившаяся в высоту 1,10—1,31 м, была прослежена на 5,7 м от его северо-восточного угла и до восточной части проема северного портала. Толщина ее 1,40 м. С внешней стороны здания отмечены широкие лопатки. У северо-восточного угла храма лопатка была двухступчатая. Ширина первого уступа у стены здания составляла 1,43 м, второго — 1,10 м. Выносы уступов 0,20 и 0,14 м. В 2,25 м западнее зафиксирована еще одна лопатка шириной 1,36 м, вынесенная за плоскость стены на 0,20 м. В центральной части лопатка была усилена мощной полуколонной диаметром около 0,90 м. В 0,54 м к западу от нее был раскрыт уступ глубиной 0,12 м, являющийся частью восточной стороны ступенчатого проема северного портала храма. Против лопатки с полуколонной на внутренней стороне стены с небольшим смещением к востоку находилась плоская одноступчатая лопатка шириной 1,27 м и толщиной 0,19—0,20 м (рис. 3).

Кладка стен северной апсиды прослежена в высоту на 1,12—3,75 м. Наружная поверхность стен апсидного полукружия не сохранилась. Толщина оставшейся части кладки составляла 1,10—1,12 м. Ширина апсиды от простенка до стены церкви 2,36—2,38 м. На внутренней стороне стен сохранились два заплечика шириной 0,22—0,24 м, расположенные в 0,62 м к востоку от западной плоскости межальтарной стенки, которые суживали поперечный размер апсиды до 1,92 м. Глубина апсидного пространства от оси заплечиков составляла 2,10 м.

Внешняя поверхность кладки стены центральной апсиды также практически не сохранилась, но по отдельным фрагментам устанавливается ее первоначальная толщина, равная

1,40 м. Кладка сохранилась в высоту на 3,72—4,34 м. С внутренней стороны стены обозначено заплечико шириной 0,22 м, находившееся в 1,40 м к востоку от западной плоскости межальтарной стенки, кладка которой, толщиной 1,37—1,38 м, сохранилась в высоту на 3,94—4,15 м.

В 1,15 м от места сопряжения поверхностей апсид в кладке центральной апсиды в 3,51—3,53 м от низа стен было зафиксировано основание оконного проема шириной 0,40 м, который в высоту сохранился на 0,81—0,83 м. Остатки другого оконного проема шириной 0,36 м, расположенного на том же уровне, находились в 0,55 м восточнее. Поскольку внешняя сторона кладки апсиды не сохранилась, установить наличие уступов во внешних частях оконных проемов не удалось.

Западная стена храма рассекалась лотком теплотрассы на два участка длиной 0,90 и 2,00 м. Верх ее зафиксирован на высоте 3,10—4,05 м. Толщина стены с учетом остатков наружных лопаток 1,60—1,65 м. Лицевая поверхность кладки, длиной 1,50 м, сохранилась только с внутренней стороны стены. Несмотря на то, что она находилась против северо-западного столба, никаких следов внутренней лопатки не отмечено. В южном торце кладки, на высоте 2,93—3,33 м обнаружены следы вертикального, полукруглого в сечении паза шириной 0,22 м и глубиной 0,16 м со следами обмазки — остатки канала под деревянную колоду дверного проема западного портала, который располагался в 0,18—0,20 м от внутренней плоскости стены.

Северо-восточный столб храма, сохранившийся в высоту на 4,53 м, находился в 0,84—0,88 м к западу от межальтарной стенки. В плане он имел неправильную крестообразную форму. Размеры его 2,28×1,90 м. Ширина лопаток 1,20—1,34 м, вынос 0,26—0,38 м. На высоте 4,10 м в кладке южной лопатки зафиксирована пята свода арки между восточной парой столбов (!). В кладке восточной лопатки, на

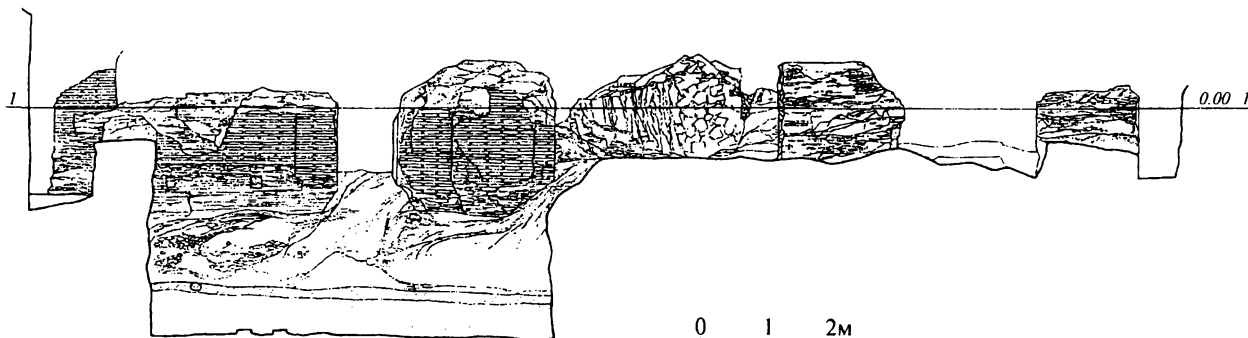

Рис. 3. Северная стена храма

Рис. 4. Межалтарный проход с остатками пяты арки на северо-западном столбе церкви

высоте 4,05—4,07 м отмечена пята свода арки межалтарного прохода (рис. 4).

Северо-западный столб располагался в 4,0 м к западу от северо-восточного столба. Высота его около 4,50 м. Кладка столба сохранилась хуже — практически отсутствует его северо-западная часть. Тем не менее размеры его восстанавливаются — 1,82x1,82 м. В сечении он имел крестообразную форму. Ширина лопаток 1,26—1,32 м, вынос 0,26—0,32 м. На высоте 3,93 м на южной лопатке столба также была зафиксирована пята свода арки. Здесь же, в юго-восточном закрестии в кладку был заделан практически целый голосник — красноглиняная византийская амфора с горизонтальным

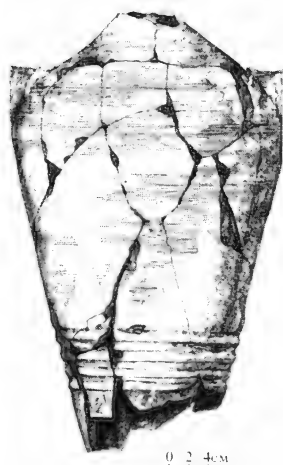

Рис. 5. Красноглиняная византийская амфора-голосник из северо-западного столба храма

рифлением, у которой были отбиты горлышко и ручки (рис. 5). Фрагменты подобных сосудов часто встречаются при исследовании памятников древнесмоленского зодчества. Происходят они из города Трилли на южном берегу Мраморного моря (Волков, 1992. С. 9. Табл. 2, 2).

Остатки столбов располагались не параллельно стенам здания, а были немного развернуты к северо-востоку, что связано с деформацией клад-

ки при нахождении ее в толще культурного слоя.

Кладка древнего храма выполнена из прочных, хорошо формованных и равномерно обожженных кирпичей красного цвета. Размер плинф 3,5—4,0x20,0—21,0x28,0—29,0 см, но встречаются и более узкие, шириной 12,7—13,7 см. В кладке полуколонн использованы лещатные кирпичи. Некоторые плинфы имели на торцевых частях выпуклые клейма, а на постельных — прочерченные знаки (рис. 6). Стены здания выполнены в технике равнослойной кладки: толщина швов строительного раствора примерно равна толщине плинф. Целые кирпичи использованы для выкладки лицевых поверхностей стен, а внутренняя часть кладки заполнена обломками или целыми плинфами, уложенными горизонтальными рядами, но без какого-либо определенного порядка. Во внешних рядах плинфы лежат в основном тычками наружу, ложки встречаются очень редко. В некоторых местах отмечена подрезка швов. Кладка столбов более аккуратная: здесь, практически, не были использованы обломки плинф, а сами плинфы были уложены ровными рядами по всей ее толщине.

Кладочный раствор прочный, крупнозернистый, неоднородный, палевого цвета. Вяжущее — полностью карбонизированная, сильно гидравлическая, доломитизированная известь (в одном случае в кладке северо-западного столба использована среднегидравлическая

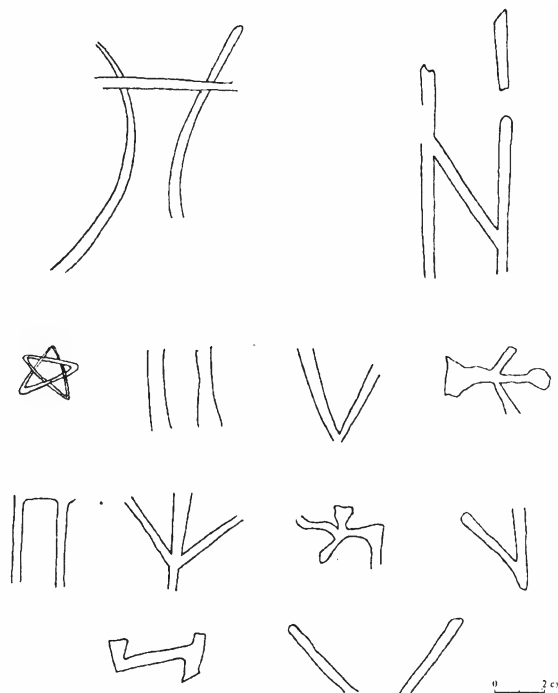

Рис. 6. Клейма и значки на плинфе

магнезиальная известь) без гидросиликатов и гидроалюминатов, составляющая 33—68 % раствора. Заполнитель — белый кварцевый песок, цемянка (размером до 1,5—2,0 см), древесный уголь, включения слюды золотистого цвета, глинистые примеси (Куликова, 1989. С. 4. Табл. 4).

В юго-восточной и южной частях кладки стены северной апсиды, на высоте 2,71—2,72 м сохранились два канала от пальцев деревянных строительных подмостей, размером 0,16х0,16 м.

Уровень древнего пола определялся верхом песчаной подсыпки, которая залегала на 1,04—1,23 м выше основания стен здания. Граница ее не была строго горизонтальна, а имела уклон в 0,19 м в западном направлении. Из-за оползания грунта подсыпку удалось исследовать в глубину только на 0,50—0,63 м. Слой песка стерилен и не имел никаких посторонних включений, что говорит об его искусственном происхождении, а не образовании в результате намыва грунтовых вод. Никаких следов покрытия пола не было обнаружено. Не-

понятно происхождение слоя земли коричневого цвета, не содержащего каких-либо включений, который перекрывал песчаную подсыпку.

Основание северной половины небольшого ритуального столика было частично расчищено в северной апсиде, в 1,25 м от ее восточной стенки и примерно в 0,59 м — от северной (рис. 7). Несмотря на то, что он был обследован фрагментарно, размеры его устанавливаются полностью — 0,73х0,85 м. Остатки столика внутри были засыпаны песком, однако первоначально он был полом. Толщина стенок составляла 0,19—0,21 м. Размеры плиф, из которых он был сложен, не устанавливаются из-за плохой сохранности, однако, судя по толщине стенок, они соответствовали размерам плиф стеновой кладки здания, положенных в один кирпич тычком наружу.

Здесь же, на границе слоя песчаной подсыпки и земли было зафиксировано бревно диаметром до 0,18 м, лежащее поперек апсиды. Остатки деревянных конструкций неизвестного назначения в виде бревен и досок от-

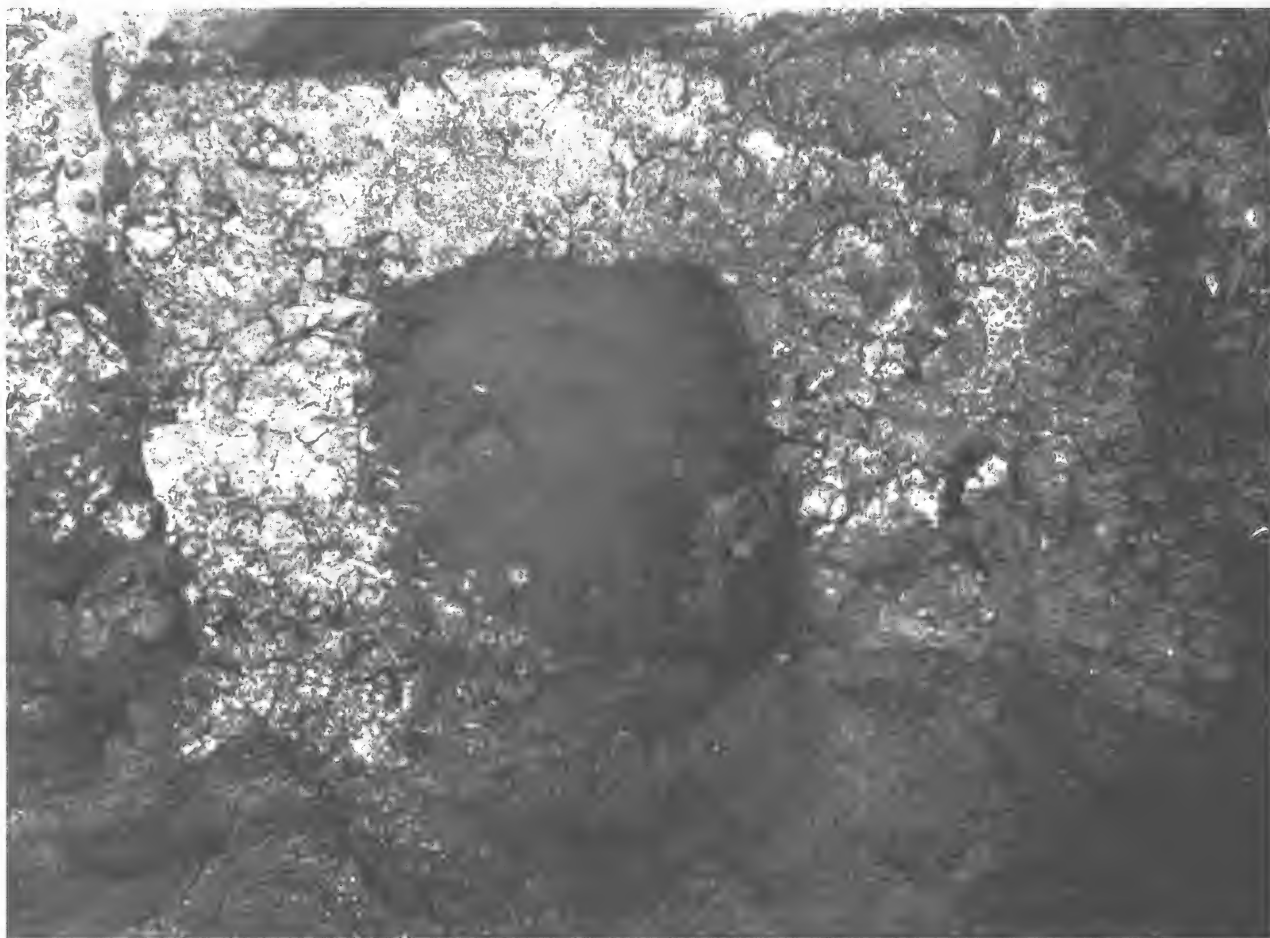

Рис. 7. Остатки жертвенного столика в северной апсиде

крыты на месте дверного проема северного портала храма.

Из-за обильного поступления грунтовых вод в котлован фундамент здания удалось обследовать только в одном месте — у северо-восточного его угла. Он состоял из рядов плинфы на глине, которые являлись как бы продолжением стеновой кладки, поскольку фундаментный выступ отсутствовал. Мощность фундамента составляла 0,56—0,60 м. Он был заложен в культурном слое, а его подошва не достигала материка примерно на 0,10 м. Таким образом, к моменту начала строительства здания здесь образовался культурный слой толщиной около 0,70 м.

Стены храма не были оштукатурены ни снаружи, ни изнутри, поскольку в процессе исследования не было обнаружено ни одного фрагмента штукатурки как на стенах здания, так и в завале строительных материалов.

Культурный слой, выросший вокруг храма, аморфен и плохо стратифицирован, так как был потревожен погребениями, остатки которых обнаружили к северу и востоку от руин здания. Гробы-колоды, обернутые берестой, залежали на 0,37—1,62 м выше основания стен церкви. Таким образом, к моменту совершения захоронений вокруг храма должен был образоваться культурный слой мощностью от 2—3 м и более. Это свидетельствует о том, что между моментом окончания строительства церкви и началом совершения захоронений прошел достаточный промежуток времени. Погребения безынвентарные, исключения составляют остатки кожаной обуви на ногах умерших.

Несмотря на фрагментарность обследования руин, план церкви восстанавливается достаточно полно. Это был небольшой четырехстолпный трехапсидный храм (рис. 8, а). Длина его (включая апсиду) 16,65 м, ширина 14,25 м. Азимут составлял 101°. Продольный размер подкупольного пространства — 4,00 м. Апсиды полуциркулярные. Столбы крестчатые. На углах храма плоские двухступчатые лопатки. Средние лопатки по осям столбов усилены мощными полуколоннами. Несмотря на то, что наружные поверхности стен апсид не сохранились, можно полагать, что они членились вертикальными тягами — деталь, характерная для памятников древнесмоленского зодчества того времени. Толщина стен здания и центральной апсиды равна 1,40 м; северной и южной — около 1,25 м. На внутренней поверхности северной и южной стен храма, по оси столбов располагались широкие одноступчатые лопатки. На западной стене следов внутренних лопаток не обнаружено. Порталы, вводившие в

храм с трех сторон, имели, видимо, двухступчатое обрамление. Ширина дверного проема около 1,50 м; высота около 3,50 м.

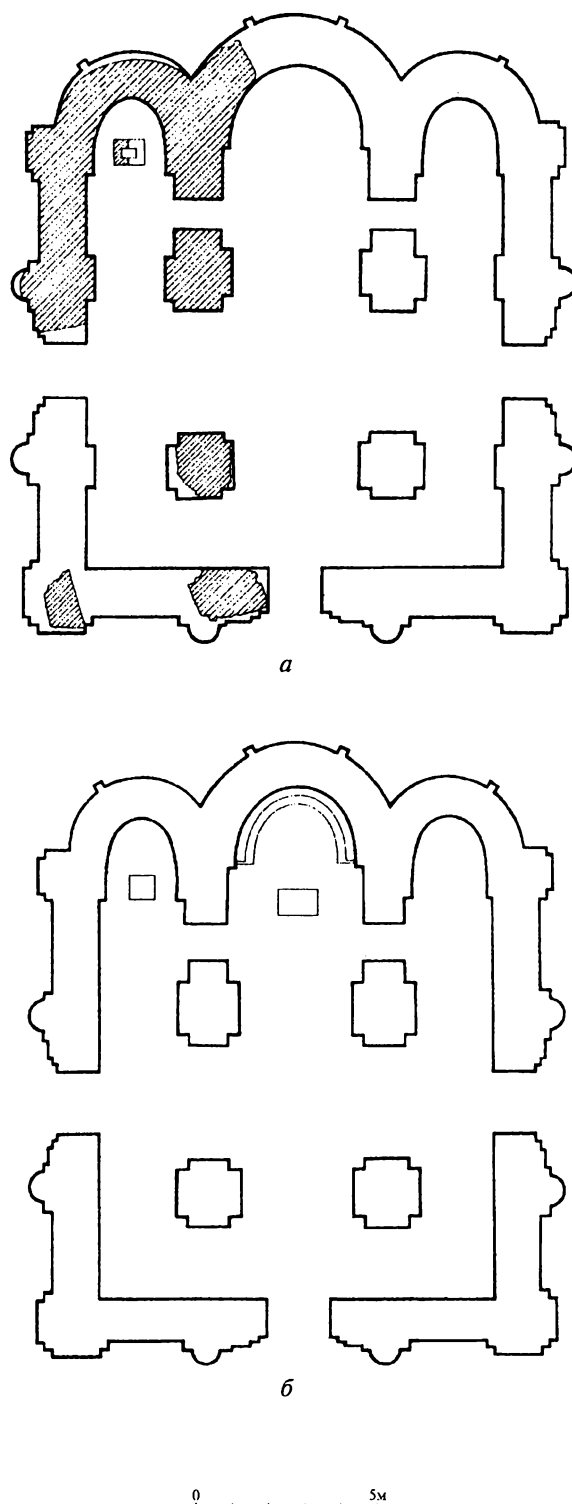

Рис. 8. Реконструкция планов церквей
а — церковь на ул. Соболева (по Н. В. Сапожникову); б — церковь Василия на Смядыни (по П. А. Раппопорту)

В центральной апсиде, на высоте примерно 3,50 м от основания стен находилось не менее четырех узких окон. С внутренней стороны оконные проемы были прямыми, с наружной, видимо, — одно-двухступчатые.

В западной части храма располагались хоры. Пята арки между западной парой столбов, служившей основанием хор, была зафиксирована на южной лопатке северо-западного столба. Подобная арка, пята которой прослежена на южной лопатке северо-восточного столба, шла между восточными столбами церкви, что связано, видимо, с особым устройством хор (рис. 8, а).

Обследование показало отсутствие следов примыкания к стенам храма каких-либо пристроек или галерей.

План раскопанной церкви практически полностью повторяет план другого памятника древнесмоленского зодчества — церкви Василия в Борисоглебском монастыре на Смядыни (рис. 8, б). Различие состоит только в отсутствии лопаток на внутренних поверхностях стен церкви Василия (Клетнова, 1912. С. 288—297; Воронин, Раппопорт, 1979. С. 155—162; Раппопорт, 1982. С. 83). Это, а также система стеновой кладки и почти полное совпадение размеров плинф свидетельствуют, что оба памятника сооружались одними мастерами, примерно в одно и то же время. Строительство церкви Василия было осуществлено во время княжения в Смоленске Давида Ростиславича и связано с мероприятиями по переносу мощей Бориса и Глеба из Вышгорода на Смядынь в 1191 г. (Шапов, 1972. С. 282). Таким образом, возведение вновь выявленного памятника с достаточным основанием можно отнести к этому периоду истории Смоленска.

О непродолжительности существования церкви свидетельствует мощный культурный слой, который образовался вокруг памятника. Отсутствие в нем каких-либо строительных материалов, а также расположение блоков кладки

говорит о том, что падение стен здания происходило вовнутрь, причем процесс разрушения был очень кратковременным. Возможно, гибель церкви произошла или сразу после окончания строительства, или на завершающем его этапе, что объясняет полное отсутствие фрагментов штукатурки и следов фресковой росписи. Причиной этому мог послужить ряд конструктивных ошибок, связанных с устройством фундамента, — его недостаточной мощностью и глубиной заложения. Возможно, что причиной падения здания являлось неудачное время, выбранное для строительства. Очень редкая для памятников древнерусской архитектуры ориентировка церкви указывает на то, что закладка здания проводилась в зимнее время — скорее всего в середине февраля (Раппопорт, 1974. С. 47, 48).

Учитывая эти факты, можно предположить, что строительство храма осуществлялось после возведения церкви Василия, поскольку вряд ли при таком исходе мастерам были бы поручены работы в Борисоглебском монастыре. Действительно, именно в это время Давидом Ростиславичем приглашается в Смоленск полоцкий зодчий, под руководством которого в загородной резиденции князя возводится церковь Михаила Архангела, выполненная в иных архитектурных традициях (Воронин, Раппопорт, 1979. С. 390). Таким образом, время строительства и разрушения памятника определяется рамками хронологического периода, ограниченного, с одной стороны, датой окончания строительства церкви Василия в 1191 г., а с другой — смертью Давида Ростиславича, последовавшей в 1197 г. Учитывая, что на приглашение иногороднего мастера и на возведение самой церкви Михаила Архангела требовалось какое-то время, крайнюю дату существования церкви, остатки которой были обследованы на ул. Соболева, следует перенести минимум на 2—3 года ближе к началу 90-х годов XII в.

Волков И.В., 1992. Керамика Азова XIV—XVIII вв. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М.

Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979. Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л.

Клетнова Е.Н., 1912. Доклад Московскому археологическому обществу о раскопках на Смядыни, произведенные Смоленской ученой архивной комиссией в 1909 г. // Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников. М. Т. IV.

Куликова Л.А., 1989. Заключение по химическому анализу образцов растворов и обмазки церкви на ул. Соболева в Смоленске // Архив ЦНРПМ. № 137/379. М.

Раппопорт П.А., 1974. Ориентация древнерусских церквей // КСИА. Вып. 139.

Раппопорт П.А., 1982. Русская архитектура X—XIII вв. // САИ. Л. Вып. Е1-47.

Шапов Я.Н., 1972. Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г. // Новое в археологии. М.

SUMMARY

N. V. Sapognikov

THE CHURCH OF THE XIIth CENTURY FROM SOBOLEV STREET, SMOLENSK

The article is devoted to the discovery of a new architectural monument in the eastern part of Smolensk – the unknown church of the XIIth century. The analysis of the peculiarity of the stratigraphy, the building material and the fragments of the interior allowed to reconstruct the draft of the church. This plan has a good analogy with the plan of the famous St. Basil's church from

Borisoglebsky closter. The structure of their drafts and the system of the wall construction are very similar. The author admits that both churches were built by the same workmen cooperative, but the new church was destroyed during its construction or in the final phase of it in the first half of the 90s of the XIIth century.

М. И. Гоняный

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА СЛАВЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ р. ПАХРЫ В ПОДМОСКОВЬЕ

Интерес к изучению многочисленных и различных по хронологии археологических памятников, расположенных в долине р. Пахры восточнее г. Подольска Московской области, возник еще в XIX в.

В 1865—1866 гг. под руководством А.П. Богданова проводились первые в интересующем нас районе раскопки древнерусских курганов. Исследовались могильники у сел Добрятино, Покров, Заболотье. В 1876 г. Н.Г. Керцелли продолжает исследовать курганы у с. Покров.

Основной целью работ было антропологическое изучение костных остатков, а также историческое осмысление курганных древностей в целом (Богданов, 1867. С. 82—84; Керцелли, 1878. С. 9, 11, 12).

В 20-е годы нашего столетия в результате разведочных работ, проведенных группой исследователей (Д. Ахламов, П. Герасимов, В. Костомаров), составлена археологическая карта нижнего течения р. Пахры. Неизвестные ранее курганы были отмечены у деревень Плещеево, Быковка, Услонь, Бори-

сово. Осмотрено Шербинское городище (рис. 1, а, 8) (Ахламов, Герасимов, Костомаров, 1925. Д. 101).

В 1961, 1963 и 1964 гг. Московской экспедицией ИА АН СССР под руководством А.Ф. Дубынина практически полностью раскапывается Шербинское городище, возникшее во второй четверти I тысячелетия до н.э. и просуществовавшее до V—VI вв. н.э. (Дубынин, 1974. С. 248, 249). Хотя культурных слоев славянского времени не прослежено, на памятнике найдены

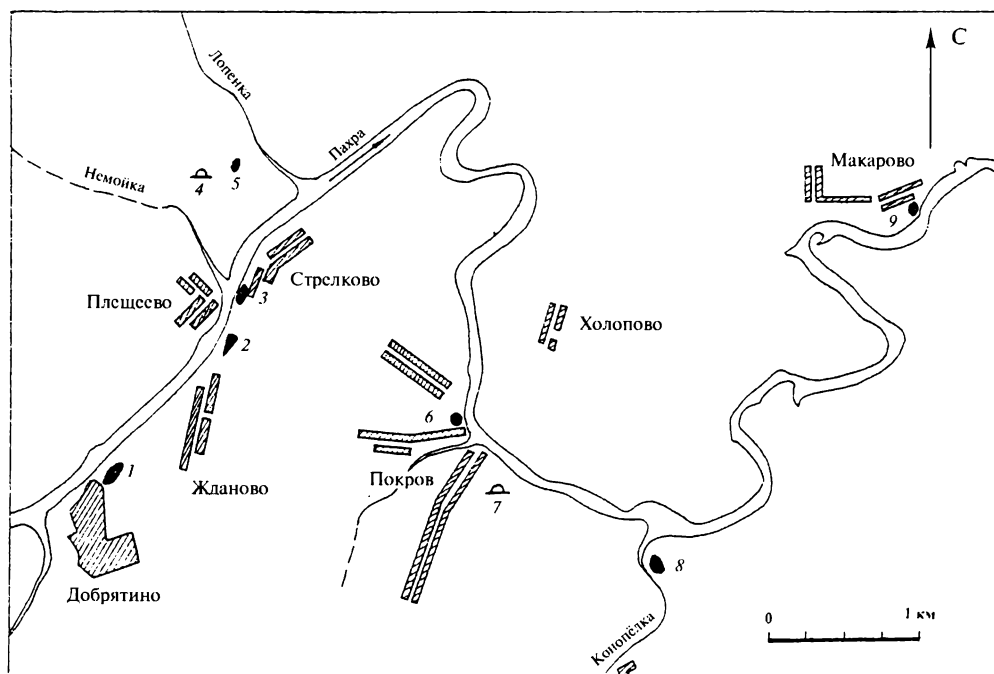

Рис. 1, а

Рис. 1 Схема расположения археологических памятников, на которых встречены находки второй половины XI — начала XII вв. (а)

1 — поселение Добрятино, 2 — поселение Жданово, 3 — поселение Стрелково, 4 — курганная группа у с. Стрелково, 5 — поселение Стрелково, 6 — поселение Покров, 7 — курганная группа у с. Покров, 8 — городище Шербинское, 9 — поселение Макарово

находки, позволяющие говорить о его посещении славянским населением в X—XI вв. Наиболее интересными являются боевой топор и подвеска с изображением головы быка. Аналогичные подвески известны среди радимичских древностей и в курганах кривичей. А.Ф. Дубынин считает, что находки не относятся к основному слою городища и являются случайными (Дубынин, 1974. С. 250). И.Г. Розенфельдт полагает, что подобные предметы могли попасть на позднедьяковские памятники в резуль-

тате связей со славянским синхронным населением более западных районов (Розенфельдт И.Г., 1982. С. 69).

В 1964 г. поблизости от церкви с.Покров на мысу, образованном впадающими в долину р.Пахры оврагами, на площади около 0,5 га обнаружены остатки поселения XI—XIII вв. (возможно, городища) (Розенфельдт Р.Л., 1965. № 2975; Юшко, 1966. Д. 3224, 3224А). В 1960-е годы в этом регионе продолжаются разведочные работы, а также раскапываются курганы у сел Покров и Стрелково.

Интересно отметить, что в Покровской группе в одном из курганов, не содержащем погребений, выявлено угольное пятно размером 0,7х0,7 м, а в погребенной почве — кольцевая канавка диаметром 13,5 м, шириной 0,35 м, глубиной 0,4 м и несколько столбовых ямок. В насыпи найден фрагмент железного ножа типологически более ранний, чем древности подмосковных курганов. Аналогичные подкурганные сооружения характерны, например, для ранних вятичских погребальных памятников Верхнеокского региона (АКР, 1994. С.189).

В погребальном инвентаре кургана 13 присутствуют украшения, бытовавшие во второй половине XI—начале XII в. (Юшко, 1967. С. 48—53). Это — серебряная двускатно-пластинчатая гривна с заходящими концами, скрепленными двумя тонкими тисненными медными пластинками. Поверхность гривны украшена пуансонным орнаментом “волчий зуб”, характерным для XI в. Подобную орнаментацию имеет и пластинчатый кованый перстень из четвертого

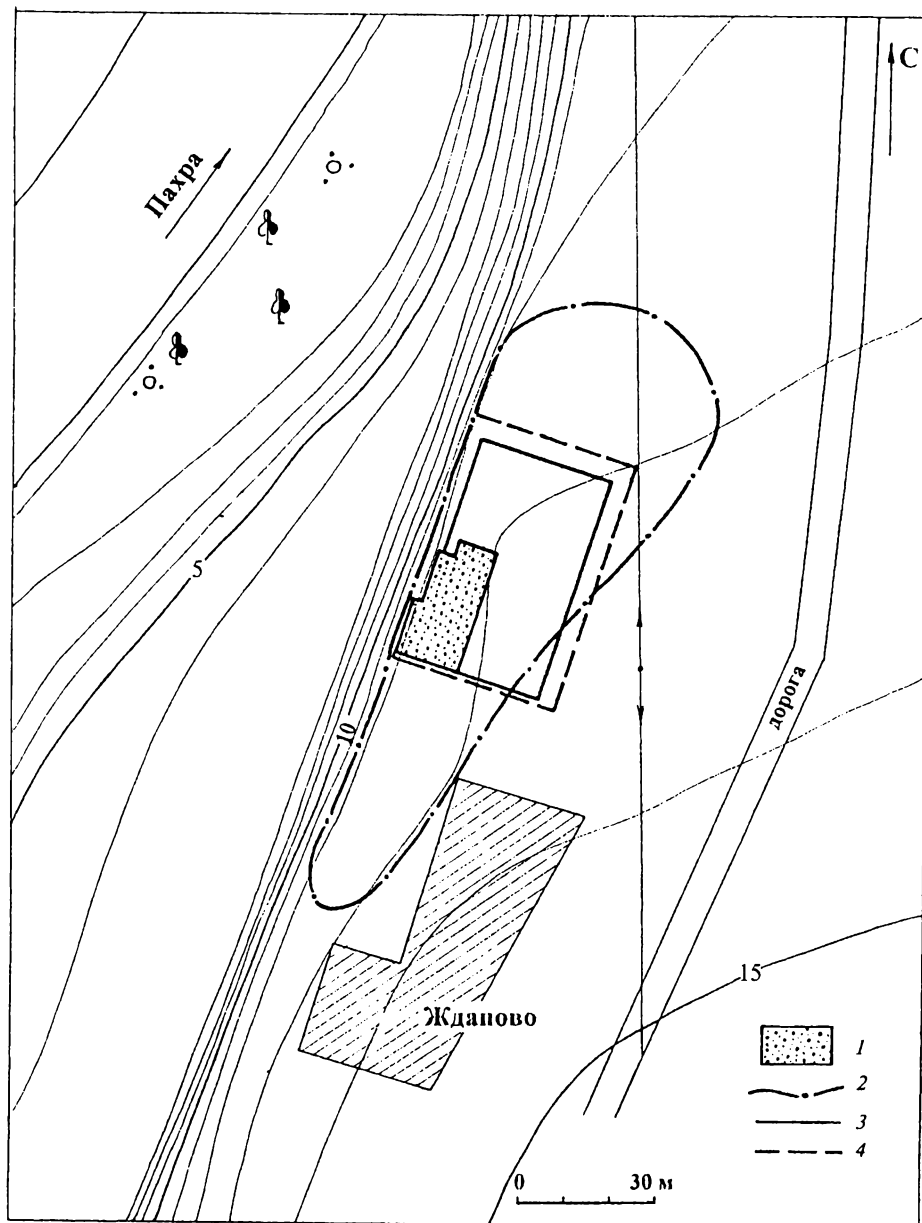

Рис. 1, б

Топографический план поселения Жданово 1 (б) (сечения рельефа 1 м)
1 — граница раскопа, 2 — примерная граница памятника, 3 — контуры участка, обследованного при помощи магниторазведочных методов поиска, 4 — участок, обследованный с использованием детекторов металла

погребения того же кургана. Характерны для XI — начала XII в. витые серебряные браслеты с завязанными концами и витая массивная гривна из трех жгутов.

Находки, датирующиеся рубежом XI—XII вв., найдены и при раскопках Стрелковской (Ордынцевской) курганной группы (рис. 1, а, 4), расположенной в 0,1 км от поселения Стрелково 2. Так, в кургане 11, содержащем единственное в могильнике трупосожжение, найдена железная пряжка подтрапециевидной формы, а в женском погребении этой же насыпи обнаружены семилопастное височное кольцо первого типа (по Т.В.Равдиной), золотостеклянные бусы, шаровидный толстостенный бубенчик. В женском погребении кургана 12 встречены аналогичные семилопастные подвески и золотостеклянные бусы (Юшко, 1972. С. 193—195).

В конце 1960-х годов подольским краеведом В.Д. Кружковым в 0,2 км к северо-западу от церкви с. Покров, на пологом склоне первой надпойменной террасы правого берега р. Пахры открыто поселение Покров 5, на котором в 1981 и 1985 г. были продолжены работы (Станюкович, 1981. Д. 8908; 1985. С. 98; Юшко, 1987; 1998. С. 326—335; АКР, 1994. С. 188). В результате этих исследований раскопанная площадь памятника достигла 208 кв. м. Выявлены остатки девяти наземных сооружений с заглубленной подпольной частью, очагами и глинобитными печами. На территории, примыкающей к жилищам, располагались хозяйственные ямы.

Наиболее многочисленной категорией находок являлась керамика. Лепные горшки имели слабопрофилированную форму, край венчиков иногда украшался отпечатками веревочки, нарезным орнаментом или зашипами. В ряде случаев встречены лепные сосуды со следами подправки на гончарном круге, а также гончарная керамика, украшенная линейными и волнистыми линиями. Венчики этих горшков отогнуты наружу и, как правило, имеют кососрезанный край без утолщений. Найдены обломки глиняных сковородок с невысоким бортиком. Из находок можно отметить шиферные и глиняные пряслица, железные ножи, пряжки, обломок лезвия топора, фрагмент “радимичской гривны”.

На основании находок лепной и раннекруговой керамики “роменского” облика авторы раскопок датировали селище IX—началом XI в. Однако исследования последних лет, в особенности керамический и хорошо датируемый комплекс находок с поселения Новое Сьяново 3 (среднее течение р. Пахры) (Шно-

лянский, в печати), позволяют датировать селище Покров 5 серединой—второй половиной XI в.

В 1980-е годы продолжаются разведочные работы в интересующем нас регионе. Лепная и раннекруговая керамика собрана на поселениях: Стрелково 2, открытом в 1974 г. Р.Л. Розенфельдтом (рис. 1, а, 5) (Розенфельдт, 1974. Д. 5596; Станюкович, 1981. Д. 8908; Гоняный, Станюкович, 1983. С. 54; Гоняный, 1997. С. 17, 19, 94, 98), Покров 5, на вновь выявленном памятнике Макарово 1 (рис. 1, а, 9) (Кренке, 1986. С. 16).

Таким образом, археологические исследования прежних лет показали, что данный регион изобилует славянскими памятниками, часть из которых по предварительным данным может быть датирована довольно ранним временем — XI—началом XII в.

Интерес к рассмотрению вопросов, связанных с исторической географией Смоленской земли, и в первую очередь ее восточных территорий возник еще в XIX в. П.В. Голубовский предполагал, что Смоленские владения тяготеют к среднему течению Москвы-реки, охватывая ее с севера и юга (Голубовский, 1895. С. 75).

Эту точку зрения разделял А.Н. Насонов. Он считал, что “смоленская дань распространялась на Пахру: грамота Ростислава Смоленского указывает Добрытино, лежавшее на Пахре” (Насонов, 1951. С. 166).

Иное мнение о локализации Добрытино высказал В.В. Седов. Он полагал, что для точной локализации Добрытино недостаточно данных, так как пункты с этим названием в Смоленских владениях встречаются неоднократно. Видимо, поэтому верховья р. Протвы и р. Пахра отсутствуют на карте Смоленской земли XII в., опубликованной исследователем в 1975 г. (Седов, 1975. С. 250, 256).

Л.В. Алексеев, изучая домениальные владения Ростислава Смоленского, не затрагивает вопрос о местонахождении Добрытино, однако включает в границы Смоленской земли на востоке территорию по Москве-реке, Угре, Пахре (Алексеев, 1976. С. 55).

Рассматривая проблематику, связанную с изучением начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры, важно отметить ее недостаточную обеспеченность письменными источниками. Поэтому археологические материалы могут представлять особый интерес при изучении этого вопроса.

Комплексное междисциплинарное исследование средневековых памятников было продолжено Верхне-Донской археологической экспе-

дицией ГИМ, начавшей свои работы в данном регионе в 1996 г.*

Целью исследований было выявление новых и изучение уже известных памятников, определение особенностей их расположения в рельефе, площади и планировки, специфики материальной культуры, хронологических рамок существования поселений, рассмотрение письменных источников и археологических материалов с целью локализации с. Добрятино, впервые упоминаемого в Уставной и жалованной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича в 1136 г. (Щанов, 1976. С. 142), а также известного с XIV в. в связи с бортым промыслом (ДДГ, 1950. С. 11).

На начальном этапе исследования были детально изучены участки долины левобережья р. Пахры (от с. Плещеево до устья р. Лопенки и у деревень Услонь—Макарово), а также нижнее и среднее течение рек Лопенка и Немойка. На правобережье разведочными работами был охвачен участок долины от с. Добрятино до устья р. Конопелки (рис. 1, а). Помимо многократного сбора подъемного материала, проводились инструментальная топографическая привязка и шурфовка памятников.

Рассматриваемый участок в географическом отношении был весьма перспективен для заселения человеком. К северо-востоку от с. Добрятино узкая буквально “стиснутая” высокими (более 40 м) коренными берегами долина уступает место пойменным расширениям различного уровня, опирающимся на комплекс надпойменных террас, часто имеющих пологие склоны. Ландшафт рассматриваемого участка долины разнообразен. Он представлен сочетанием пойменно-лугового, пойменного и склоново-лесного типов. Почвы в долинах более плодородные и влагообеспеченные, чем на водоразделах. Безлесные пойменные участки и склоны балок с прекрасным травостоем были очень удобны для выпаса и сенокосения. Поэтому заселение и хозяйственное освоение лесных территорий первоначально проходило по долинам рек, первыми

обрабатывались под пашню приречные земли. Видимо, не случайно поселение Добрятино 1, располагаясь на пологом склоне первой надпойменной террасы, как бы замыкает пойменное расширение у с. Добрятино—д. Жданово. Поселения Жданово 1, Стрелково 1, 2 тяготеют к пойменному расширению в излучине р. Пахры у сел Стрелково—Покров, а селища Покров 5 и Макарово 1 — к участку максимального расширения долины (рис. 1, а).

Изучаемые селища можно отнести к приречному типу заселения. Все они приурочены к пологим склонам первых надпойменных террас, а наиболее заселяемой являлась их прибрежная часть (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика поселений XI в. долины р. Пахры у с. Добрятино — д. Макарово

Название памятника	Сохранившаяся площадь поселения, га	Высота над урезом воды, м	Современное состояние поселений
Добрятино 1	0,2	7–9	Разрушено карьером, огороды
Жданово 1	0,5	11–13	Пашня
Стрелково 1	0,12	8–9	Огороды, застроено
Стрелково 2	0,36	8–11	“
Покров 5	0,32	10–12	Огороды
Макарово 1	0,06	5–8	Огороды, застроено

Планировка поселений скорее всего была прибрежно-рядовой, так как пятна культурного слоя и скопления подъемного материала имеют вытянутые очертания вдоль прибрежной части надпойменных террас. Площадь памятников невелика — от 0,06 до 0,5 га. При ее определении следует принимать во внимание степень сохранности культурного слоя и те природные и антропогенные факторы, которые могли стать причиной разрушения поселений. Например, селище Добрятино 1 в значительной мере разрушено карьером и распашкой. На многослойном поселении Стрелково 1 зона встречаемости лепной и раннекруговой керамики с трудом выделяется при сборе подъемного материала. Сходная ситуация наблюдается на селище Стрелково 2. При изучении структуры расселения и степени залесенности территории в древности важно учитывать тот факт, что в результате активной распашки и иной хозяйственной деятельности ряд небольших по площади, с незначительным по мощности культурным сло-

* Работы проводились совместно с историко-мемориальным музеем-заповедником “Подолье”, обществом “Возрождение” при финансовой поддержке Администрации г. Подольска и Подольского р-на.

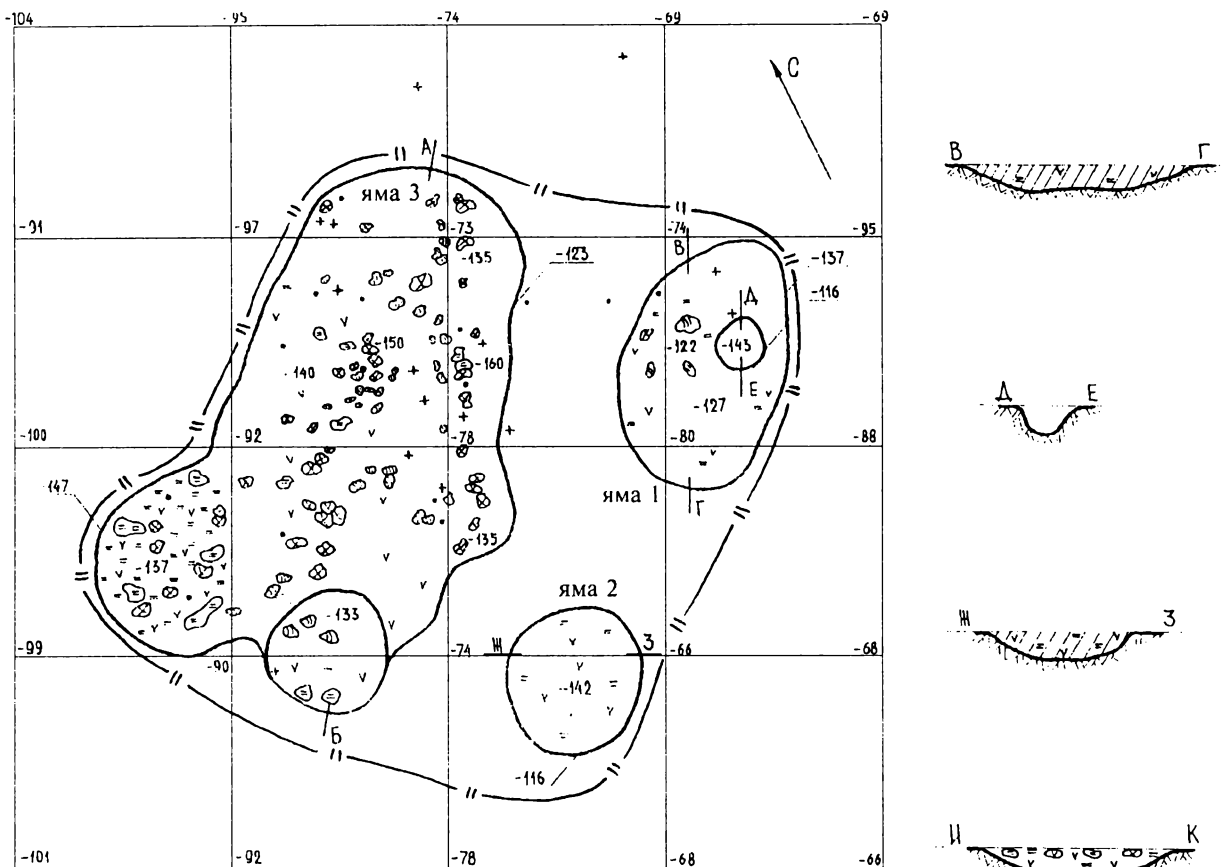

Рис. 2, а

Рис. 2. План жилой постройки на глубине 0 — 0,6 м (а) и 0,8 — 1,2 м (б)

1 — уголь, 2 — прокаленная глина, 3 — прокаленные камни, 4 — камни, 5 — обгоревшее дерево, 6 — темно-серый гумусированный суглинок, 7 — темно-серый суглинок, 8 — находки из цветного металла, 9 — индивидуальные находки, 10 — примерная граница наземной части жилой постройки

ем поселений мог быть разрушен. Безусловно, не все памятники пока еще выявлены.

Учитывая высказанные соображения и пока еще недостаточный уровень изученности памятников, можно констатировать факт активного освоения территории во второй половине XI — начале XII в.

Для уточнения датировки поселений, особенностей материальной культуры и направленности миграционных потоков населения, осваивавшего долину среднего течения р. Пахры с середины XI в., начаты охранные раскопки многослойного поселения Жданово 1.

Памятник расположен на северной окраине д. Жданово, на пологом склоне первой надпойменной террасы правого берега реки. Площадка ровная, имеет незначительное понижение к западу, в сторону реки. Культурный слой тяготеет к прибрежной части террасы, располагаясь вытянутой полосой на площади около 0,5 га. К сожалению, его стратиграфия нарушена многолетней распашкой. Стратифицированные участки зафиксированы лишь в при-

брежной части, где культурный слой оказался перекрытым в результате смыва и аккумуляции пахотного горизонта. Ненарушенные культурные напластования зафиксированы также в подпольных частях наземных сооружений, хозяйственных ямах, западинах материка.

Исследования поселения носили комплексный междисциплинарный характер. Перед началом раскопок на площади около 2,2 тыс. кв. м. по специально размеченной сетке квадратов, с последующей инструментальной привязкой находок, был собран подъемный материал с использованием детекторов металла. На наиболее перспективном для раскопок участке проведены магниторазведочные работы, выявившие ряд аномалий антропогенного характера* (Гоняный, 1998. С. 49, 106—108). С учетом результатов геофизической разведки в центральной части памятника был заложен рас-

*Геофизические исследования проводились под руководством сотрудника геологического факультета МГУ М.Я. Каца.

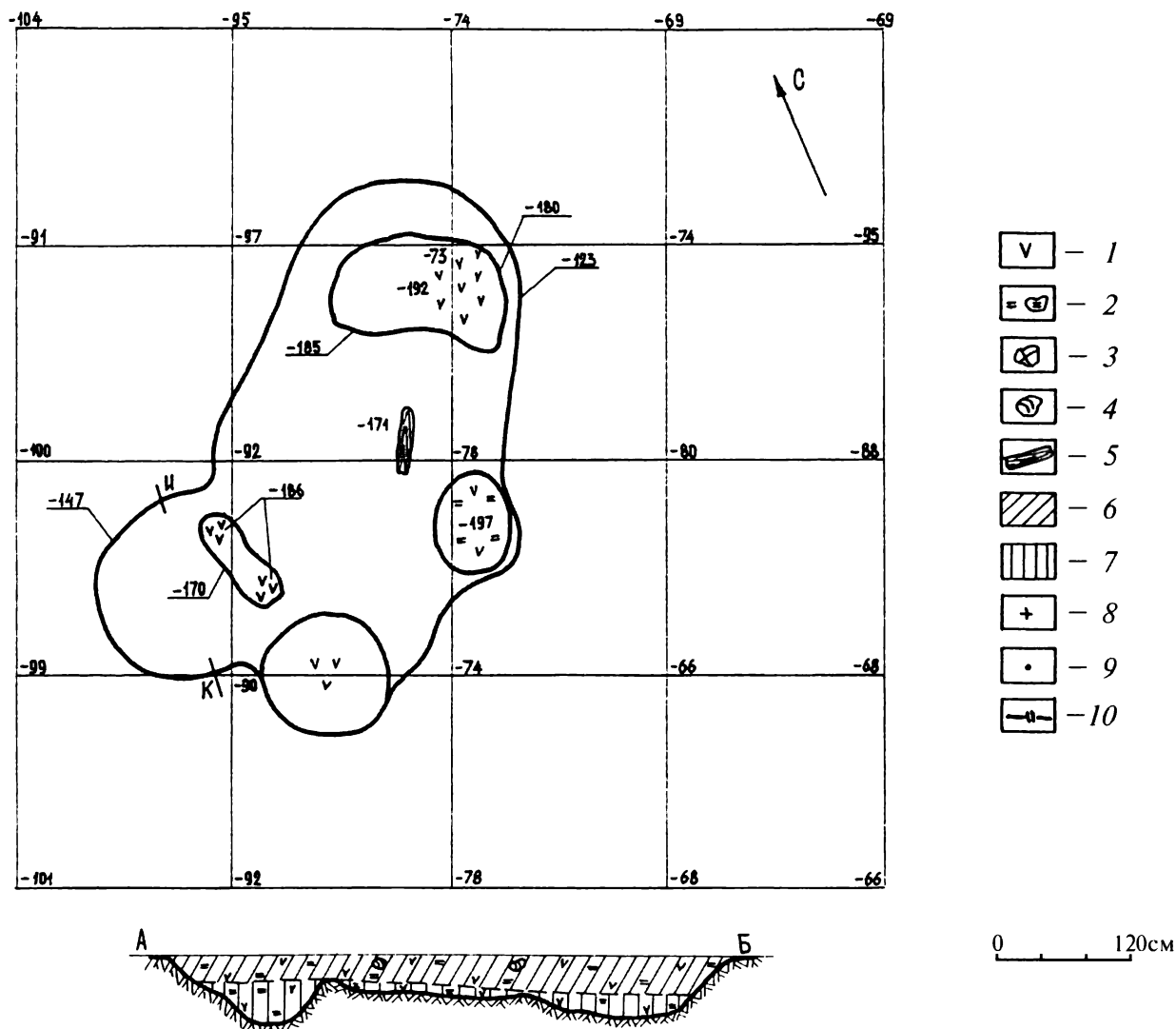

Рис. 2, б

коп площадью 344 кв. м, который вскрыл культурные слои неукрепленного поселения дьяковской культуры (I—II вв.), а также остатки жилой и хозяйственной построек середины — второй половины XI в. (рис. 1, б).

Археозоологическая коллекция определена куратором Государственного музея штата Иллинойс (США) доктором Т. Мартином (*Мартин*, в печати). Карпологиическое изучение отмывок культурного слоя поселения Жданово I выполнено старшим научным сотрудником ГИМ Н.А. Кирьяновой (*Кирьянова*, в печати).

В северной части раскопа были исследованы остатки наземной, скорее всего двухкамерной жилой постройки 1. О размерах, планировке и конструктивных особенностях ее наземной части сказать что-либо сложно из-за плохой сохранности культурного слоя, разрушенного распашкой.

Однако после разборки пестроцветного пятна на неправильной подпрямоугольной формы

размером 4,8х5,64 м, толщиной 0,1 м, сложенного темно-серым гумусированным суглинком с включением мелких кусков прокаленной глины, угольков, мелких камней, керамики, были выявлены три подпольные ямы (рис. 2, а). Скорее всего пятно маркировало границы постройки. В западной части сооружения располагалась околочная яма 3 вытянуто-овальной, неправильной в плане формы (5,2х2,5 м), глубиной до 0,6 м от уровня материка. Верхняя часть ее заполнения сложена ярким темно-серым гумусированным суглинком с включением прокаленных камней песчаника, кварцита, мелкозернистого гранита, мрамора, угля, прокаленной глины, керамики, костей животных. Вероятно, из этих камней на глиняном растворе была сложена печь, остатки которой обнаружены на дне подпечной ямы, расчищенной в юго-западном углу жилища. Она имела округлую в плане форму диаметром 1,6 м, чашевидное дно, глубину 0,25 м, от уровня материка

ка (рис. 2, а, разрез И—К). Печь была смонтирована на деревянном опечке срубной конструкции, так как следов опечка столбового типа не обнаружено.

С юга к подпечной яме примыкает яма округлой формы, диаметром 1,2 м, глубиной 0,6 м. Ее стенки наклонные, дно чашевидное (рис. 2, а, разрез А—Б). Она могла использоваться для хранения припасов и кухонной утвари. Ямы подобного назначения открыты в северной и восточной частях околосрубной ямы 3 (рис. 2, а), заполненной в нижней части серо-бурым суглинком с включением угольков, кусков прокаленной глины размером 0,03—0,05 м, камней, керамики. В придонной части околосрубной ямы, возможно, располагался деревянный настил, следы которого прослеживались в виде

ресно, что некоторые из предметов были сломаны еще в древности, а затем свернуты, чтобы их было удобно помещать в тигель. Несомненно, для этой же цели предназначались кусочки бронзовой проволоки бронзового дрота (6 фрагментов) (рис. 7, 1, 2, 4, 5), обрезки листовой меди (рис. 7, 3). О наличии на памятнике меднолитейного производства свидетельствуют находки в жилище медного шлака и слитка сплава-припоя с отверстием для подвешивания (рис. 7, 14). Слиток имел многокомпонентный состав: свинец, олово, сурьму и медь*. Поблизости от постройки 1 найдена ложковидная, с втульчатой ручкой, без носика для слива металла глиняная льячка (рис. 6, 10).

В 10—15 м южнее постройки 1 встречено несколько обломков бронзовой проволоки,

Таблица 2

Славянская керамика, обнаруженная на поселении Жданово 1

Наименование объектов	Лепная	Лепная с подправкой на круге	Лепная (всего)	Лепная орнаментированная	Круговая (всего)	Круговая орнаментированная	Керамика (всего)
Постройка 1	113	128	241 (40.4%)	36 (14.9%)	356 (59.6%)	278 (78%)	297
Постройка 2	93	41	134 (71.3%)	11 (8.2%)	54 (28.7%)	25 (46.2%)	188
С площади раскопа	327	32	359 (49%)	30 (8.3%)	373 (51%)	221 (59.2%)	732
Всего	533 (72.6%)	201 (27.4%)	734 (48.4%)	77 (10.5%)	783 (51.6%)	524 (67%)	1517

многочисленных угольков и сгоревшей деревянной плахи на дне ямы.

В восточной части постройки 1 расчищены подпольные ямы 1, 2 овальной и округлой в плане формы хозяйственного назначения (рис. 2, а).

Изложенные данные позволяют отнести раскопанную постройку к типу жилых двухкамерных, со срубной конструкцией стен, включающую неотапливаемые сени и жилую часть — истопку с печью. Вход в сооружение располагался, по-видимому, с южной или восточной стороны.

На площади жилища собрана керамическая коллекция из 597 фрагментов лепных и круговых горшков (табл. 2), лепной сковороды с низким бортиком (рис. 3—5). Из находок можно отметить железные черешковые ножи с клиновидным сечением лезвия (рис. 6, 3, 5), рыболовный крючок, шиферное пряслице бочковидной формы (рис. 6, 12). Украшения представлены фрагментами бронзовых браслетов (рис. 7, 11, 13), обломком литого узкопластинчатого прямого перстня со следами литейного брака и неопиленных литейных заусенцев (рис. 7, 8), бронзовыми литыми височными кольцами типа “сельцо” (рис. 7, 15, 16). Инте-

медные пластинки и заклепки, скрученный для переплавки узкопластинчатый перстень со щитком в форме десятилепестковой розетки (рис. 7, 6). К сожалению, пока не найдены ювелирный инструментарий и литейные формы для отливки изделий, однако вышеперечисленные свидетельства наличия на поселении меднолитейного производства бесспорны.

Уникальной находкой, обнаруженной неподалеку от жилища, является комплект рычажных бронзовых весов для малых взвешиваний, включающий складные коромысла, две чашки и футляр (рис. 8). Складные бронзовые коромысла при помощи железных шарниров крепятся в пазах железного основания иглы, закрепленной в плоском бронзовом вилкообразном держателе. В верхней части держателя имеется петля, в которую продето подвижное кольцо для подвешивания весов в момент взвешивания (рис. 8, 5).

*Качественный анализ микрохимическим методом выполнен в химической лаборатории Отдела научной реставрации ГИМ старшим научным сотрудником, кандидатом технических наук Р.А. Туришевой.

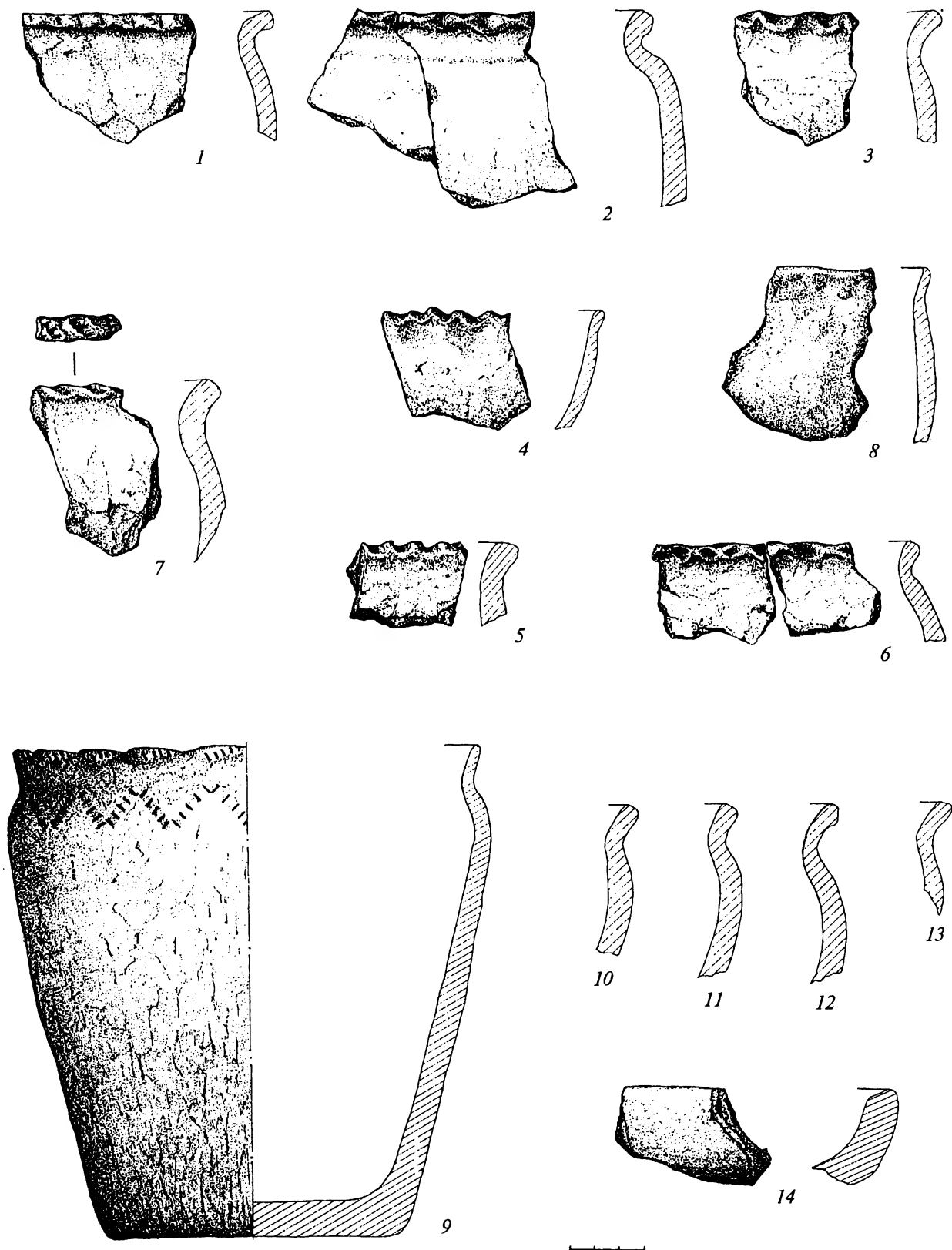

Рис. 3. Венчики лепных горшков (1 — 8, 10 — 13), реконструированный лепной горшок (9), фрагмент глиняной сковороды (14)

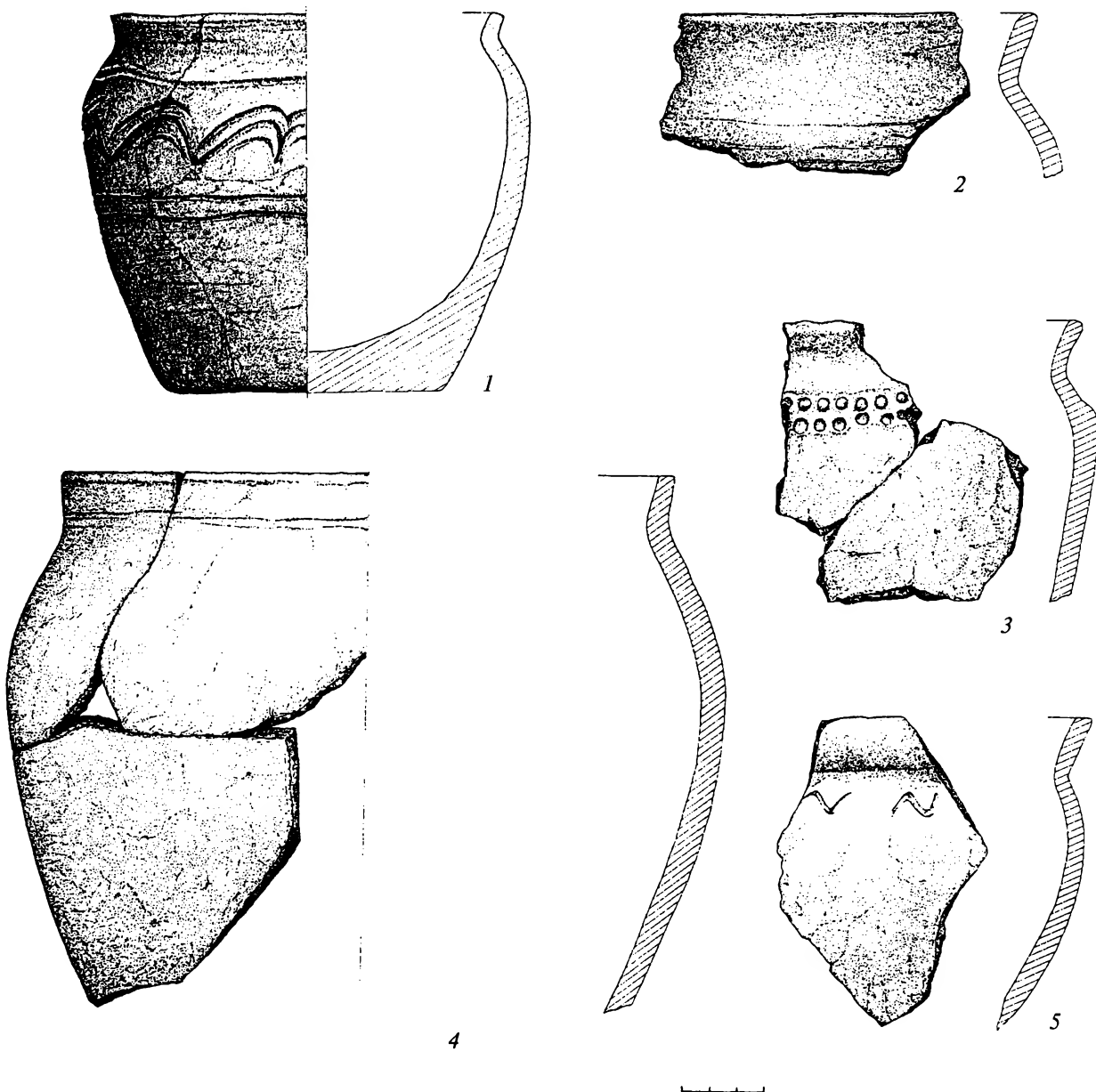

Рис. 4. Лепная посуда, подправленная на гончарном круге (1 — 5)

Округлые в сечении коромысла не орнаментированы. Их концы имеют петельчатые завершения подпрямоугольной формы и украшены 7—8 рельефными перехватами. В петельчатые завершения продеты бронзовые колечки, в которые пропускались нити для крепления чашек весов. Размах коромысел в рабочем состоянии достигал 110 мм.

Коромысла в сложенном состоянии были помещены в выкованные из тонкого бронзового листа неорнаментированные чашки, имеющие в верхней части по четыре отверстия для крепления нитей. Форма чашек уплощенно-полусферическая, диаметр 65 мм, высота 18 мм.

Их верхняя кромка загнута внутрь, образуя закраину (рис. 8, 7, 8).

Комплект весов хранился в футляре, изготовленном из тонкой прокованной бронзы, в настоящее время покрытой светловато-зеленой зеркальной патиной. По-видимому, сплав, из которого изготавливались весы, чашки и футляр, имел высокое содержание олова.

Футляр представляет собой двухстворчатую коробочку диаметром 80 мм, высотой 50 мм. Ее верхняя часть имеет выпукло-коническую форму, нижняя — полусферическую (рис. 8, 1). Крышка скреплялась с нижней частью футляра подвижной петлей, несущей следы ремон-

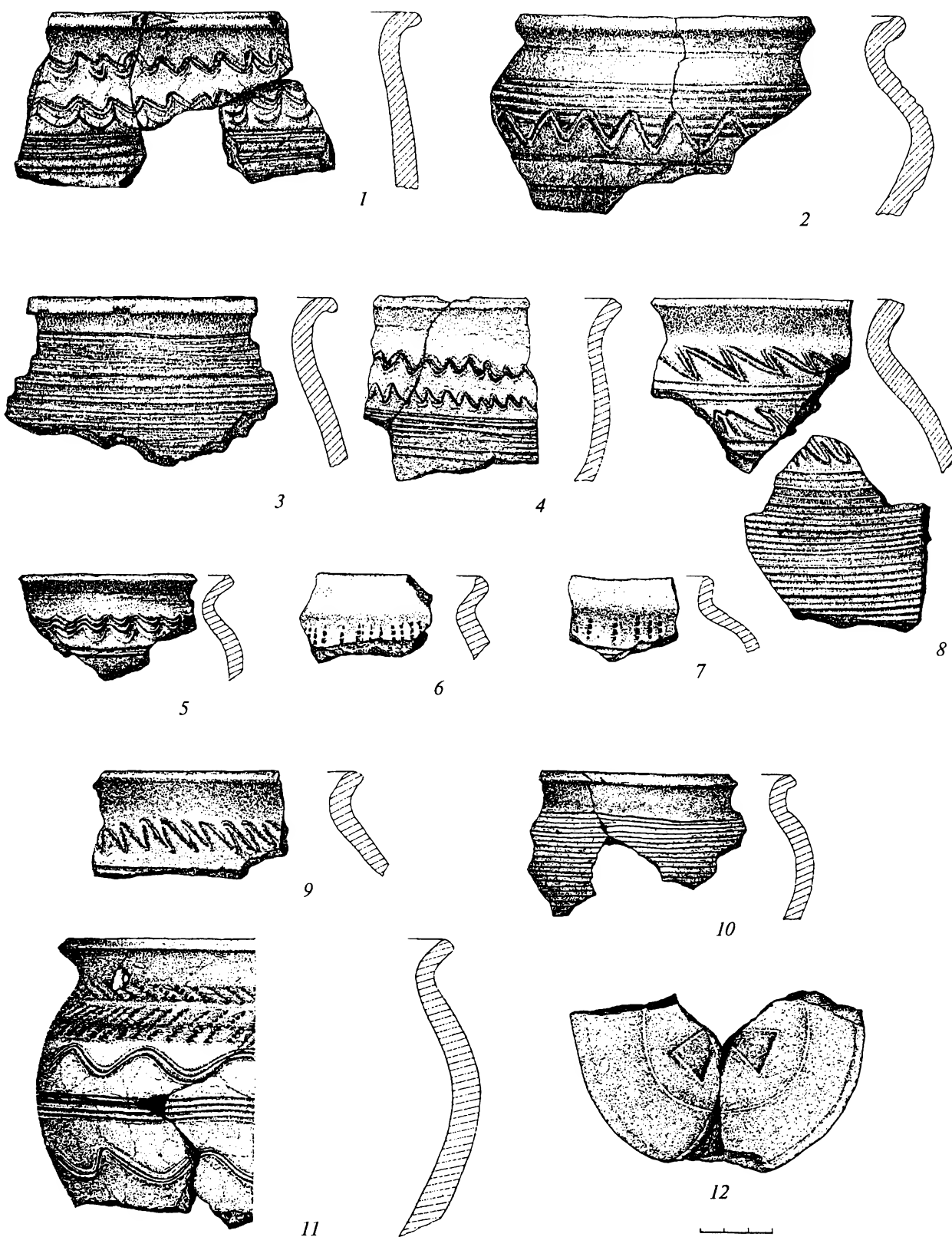

Рис. 5. Верхние части круговых горшков (1 — 11), клеймо на днище сосуда (12)

та. Створка петли, приклепанная к крышке, не орнаментирована в отличие от другой ее половины, украшенной глазковым орнамен-

том (рис. 8, 6). Запирался футляр при помощи пружинной застёжки, украшенной глазковым узором (рис. 8, 4).

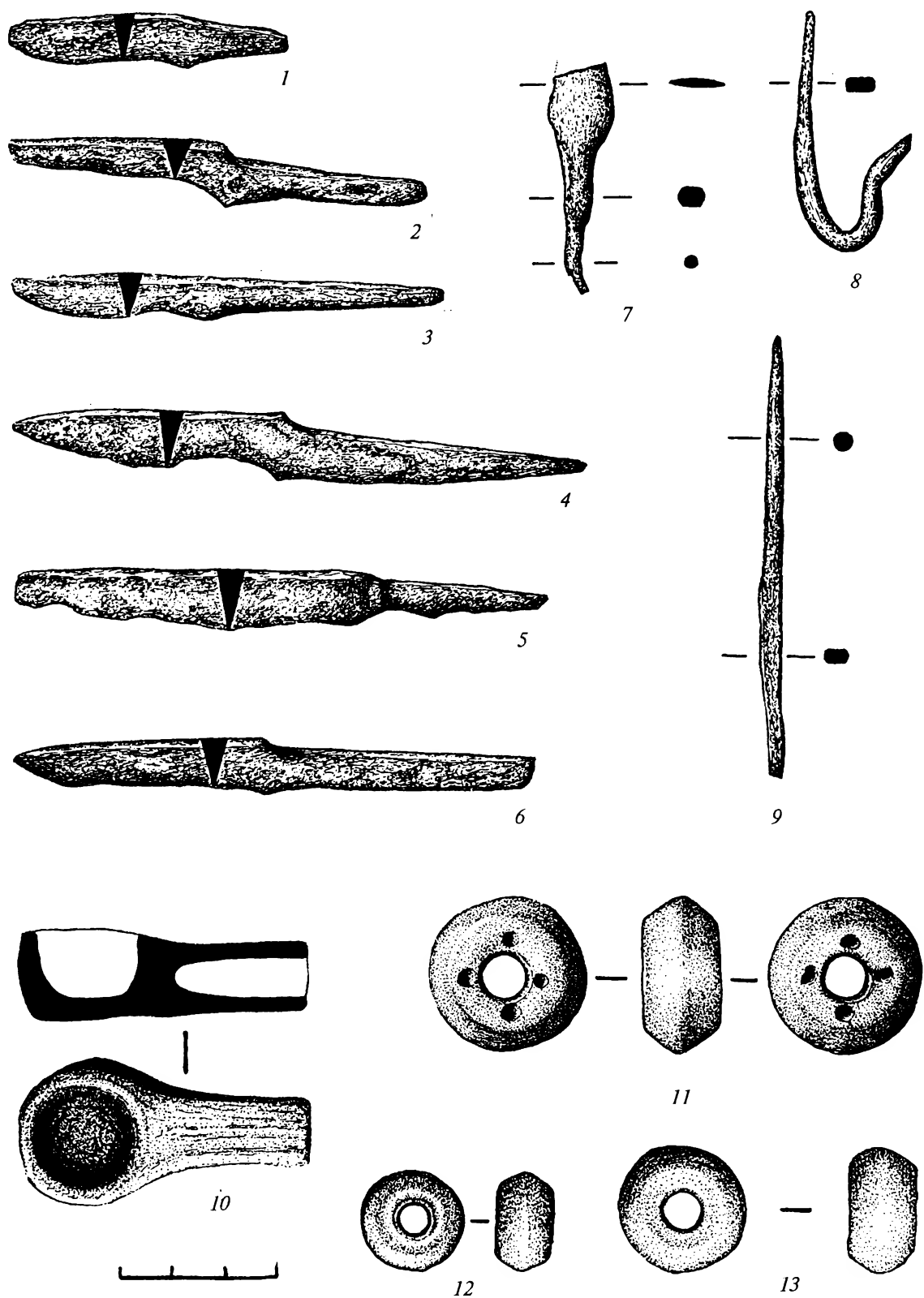

Рис. 6. Находки из железа, глины, шифера

1—6 — железные черешковые ножи, 7 — железный черешковый наконечник стрелы, 8 — железный рыболовный крючок, 9 — железное шило, 10 — глиняная льячка, 11 — шиферное пряслице со следами пребывания в огне, 12, 13 — шиферные пряслица (постройка 1)

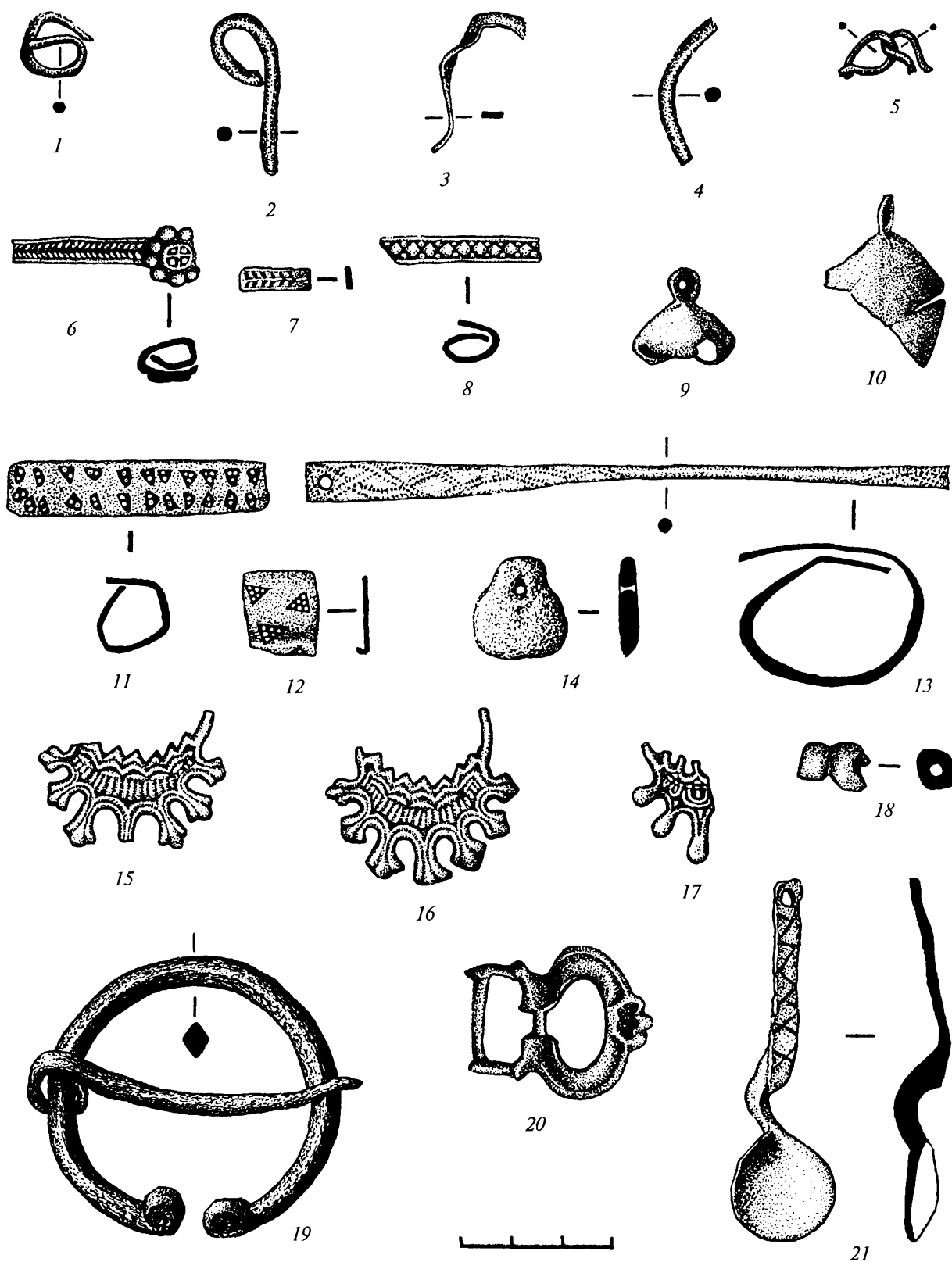
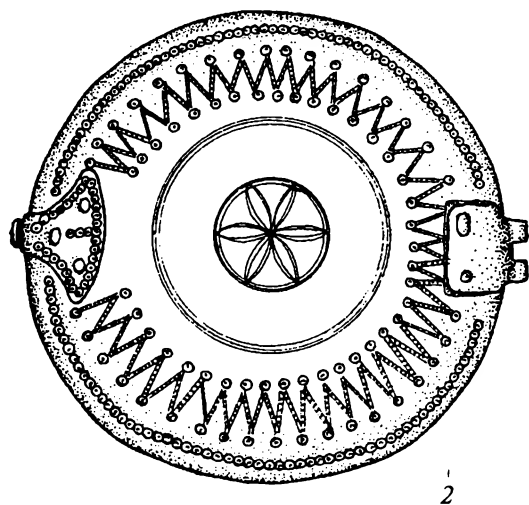
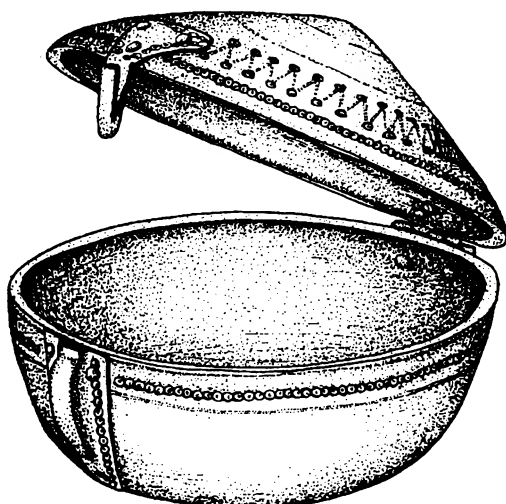

Рис. 7. Находки из цветных металлов, железа, стекла

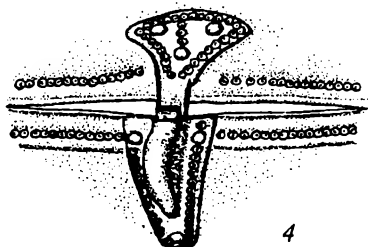
1, 5 — обрезки бронзовой проволоки (постройка 1), 2, 4 — куски бронзового дрота (постройка 1), 3 — медная пластинка (постройка 1), 6—8 — фрагменты узкопластинчатых бронзовых перстней, 9, 10 — фрагменты крестопрорезных бубенчиков, 11, 13 — фрагменты бронзовых браслетов (постройка 1), 12 — фрагмент бронзового браслета, 14 — многокомпонентный слиток сплава-припоя (постройка 1), 15, 16 — бронзовые височные кольца типа "сельцо" (постройка 1), 17 — фрагмент бронзового пятилучевого височного кольца, 18 — стеклянная пронизка (постройка 2), 19 — железная фибула, 20 — бронзовая лировидная пряжка (постройка 2), 21 — бронзовая привеска-ложечка

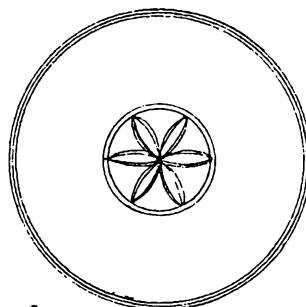
2

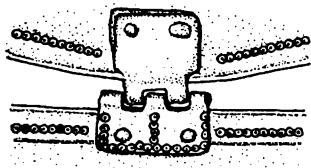
1

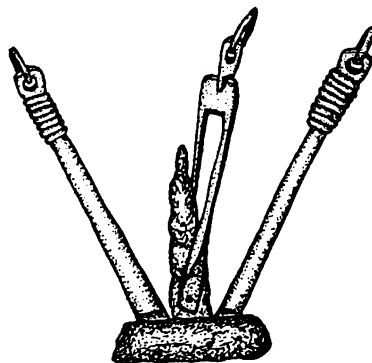
4

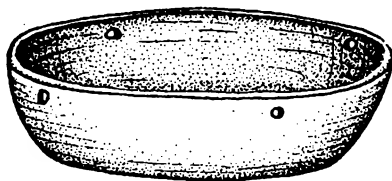
3

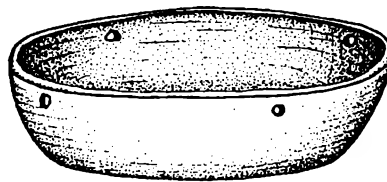
6

5

7

8

Рис. 8. Комплект бронзовых весов для малых взвешиваний

1 — футляр, 2 — крышка футляра, вид сверху, 3 — орнамент на донце футляра, 4, 6 — пружинная застежка и петля футляра, 5 — складные весы, 7, 8 — чашки весов

Крышку футляра покрывает глазковый и выгравированный геометрический орнамент. В центральной части изображена розетка, обрамленная концентрическими кругами, нанесенными циркулем по заполированной поверхности (рис. 8, 2). Аналогичная розетка украшает внешнюю поверхность донца футляра (рис. 8, 3).

На территории Древней Руси находки весов и гирек известны более чем в 20 пунктах.

Исчерпывающая информация о находках весов на территории России, Белоруссии, Прибалтики приведена в статье Т.А.Пушкиной, посвященной изучению торгового инвентаря из курганов Смоленского Поднепровья (Пушкина, 1991. С. 226—227). Важно заметить, что торговый инвентарь на Руси, как правило, встречается на памятниках второй половины IX—середины XI в. В этой связи интересна находка типологически близкого футляра для весов в составе клада, обнаруженного на о. Готланд и датированного на основании нумизматического материала третьей четвертью XI в. (Stenberger, 1947. S. 247). Видимо, и нашу находку правомерно относить к этому времени.

Интересно заметить, что находки торгового инвентаря происходят из районов, где не существовало твердой денежной системы и людям приходилось производить расчеты посредством благородных металлов при помощи взвешивания. Как правило, находки весов приурочены к административным и торгово-ремесленным центрам территорий. Анализируемый комплект весов правомерно связывать и с меднолитейным производством, следы которого обнаружены на поселении.

Поднимая вопрос о месте изготовления нашей находки, можно с уверенностью говорить о ее неместном происхождении. Скорее всего весы правомерно связывать с кругом древностей англо-ирландского ареала (Jondell, 1974. S. 41).

В 8 м к югу от жилища выявлены следы наземной постройки 2. О ее площади и конструкции стен судить сложно — культурный слой почти полностью перепахан. В предматериковом слое на площади около 30 кв. м удалось выявить пятно неправильно-прямоугольной в плане формы, сложенное темно-серым гумусированным суглинком с редкими включениями угольков, мелких кусков глиняной обмазки, керамики, костей животных. После его разборки были обнаружены контуры трех подпольных и пяти столбовых ям. Судя по форме, размерам и заполнению, ямы имели хозяйственное назначение и использовались для хранения припасов.

На площади постройки 2 найдено 134 фрагмента лепной и 54 круговой керамики (см. табл. 2). В постройке и на прилегающей территории встречены: бронзовая лировидная пряжка (рис. 7, 20), железный язычок от пряжки, три медные пластинки, обломок литого узкопластинчатого перстня с орнаментом в виде косички (рис. 7, 7), фрагмент пятилучевой височной подвески, пронизка синего стекла (рис. 7, 17, 18), железный нож (рис. 6, 2).

Коллекция керамики, собранной на поселении Жданово 1, включает 1517 фрагментов (см. табл. 2). В двух случаях удалось реконструировать целые формы. Вся посуда представлена горшками различных размеров. Лишь в одном случае найден обломок глиняной сковороды (рис. 3, 14). Посуда формовалась как от руки, так и на ручном гончарном круге в технике спирально-жгутового налепа. Все сосуды изготовлены из красножгущихся глин. Цвет зависел от степени обжига и мог иметь различные оттенки: серый, серо-красный, серо-черный, буро-коричневый.

Керамику, встреченную на поселении, можно разделить на три группы: лепную, лепную со следами подправки на гончарном круге и круговую. К первой относятся фрагменты лепных толстостенных (0,7—1,3 см) сосудов с примесью крупной дресвы, крупнозернистого песка, иногда слюды. Поверхность сосудов шероховатая, тесто рыхлое, обжиг, видимо, печной. Сосуды слабопрофилированные, плечико слабовыпуклое, венчики расположены вертикально или немного отогнуты наружу. В ряде случаев край венчика орнаментирован зашипами, оттисками веревочки, намотанной на палочку, косой нарезкой. Изредка орнаментировалось плечико горшков. Реконструированный лепной сосуд был украшен веревочным узором (рис. 3, 9). Горшок имел следующие пропорции: высота (20 см) практически равна диаметру максимального расширения тулова (19 см), приходящемуся на верхнюю часть сосуда. Диаметр венчика 18, 5 см, дна — 12 см.

Вторая группа керамики по форме, составу теста, степени обжига, характеру примесей идентична горшкам первой группы. Ее отличает лишь качество обработки поверхности. Горшки ручной лепки подправлялись на медленно вращающемся гончарном круге. Как правило, следы правки хорошо заметны на фрагментах верхних и придонных частей посуды. В ряде случаев в процессе вращения на круге на сосуд наносился линейный или волнистый орнамент, выполненный часто небрежно (рис. 4, 1, 2, 5). Целый горшок имеет отогнутый наружу венчик без утолщений, диаметр

которого равен 14 см, покатые плечики и округлое тулово. Его максимальное расширение (16 см) приходится на верхнюю треть сосуда, высота равна 14 см, диаметр дна 10 см. Другой слабопрофилированный сосуд имеет отогнутый наружу венчик диаметром 22 см, покатые плечики. Высота его могла достигать 30—32 см. Хотя горшок и носит следы подправки на гончарном круге, он не орнаментирован (рис. 4, 4). Хочется отметить, что лишь на 10,5 % керамики первой и второй группы нанесен узор (см. табл. 2).

Третья группа керамики включает горшки, изготовленные методами ручной лепки, но внешняя и внутренняя их поверхность обрабатывалась на гончарном круге. Керамика формировалась также из красножгущихся глин, в качестве отошителей добавлялись песок или мелкая дресва. Обжиг более качественный, черепок плотный, звонкий. Его толщина достигает 0,7—1,2 см. Более разнообразной становится профилировка сосудов. Венчики горшков, имеющие простое, без утолщений завершение, чаще всего отогнуты наружу, реже поставлены вертикально. Плечики пологие, максимальное расширение тулова приходится на верхнюю треть или середину высоты горшка. Большинство круговых сосудов орнаментировано сплошным или зонным линейным декором, волнистым узором, комбинациями линейного и волнистого, редко в сочетании с отпечатками зубчатого штампа (см. рис. 5).

Декор наносился на шейку, плечики и тулово горшков, иногда покрывая весь сосуд до придонной части. Статистические подсчеты показывают, что орнаментировалось до 67 % всей круговой посуды (см. табл. 2). Наиболее часто наносились линейный узор (до 50 % от числа круговой), реже — волнистый (11,2 %) и их сочетания (4,7 %). Практически вся посуда без клейм на донцах. Лишь в одном случае найдено днище с клеймом в виде креста с расширяющимися концами, вписанного в круг (рис. 5, 12).

Интересно отметить, что в целом количество лепной и круговой керамики, встреченной при раскопках на поселении Жданово 1, практически одинаково (см. табл. 2). Однако в заполнении жилища (постройка 1) преобладает круговая посуда (59,6 %), тогда как в постройке 2, имеющей хозяйственное назначение, круговая составляет лишь 28,7%. Важно заметить, что постройки хронологически одновременны. Случайно ли такое соотношение? Возможно, что такие показатели связаны с немногочисленностью керамического материала, найденного в постройках. Возникают и иные соображения по этому поводу. Весьма вероятно, что в жилище среди кухонной утвари

преобладала высокого качества, нарядная круговая посуда. Для хозяйственных целей была вполне пригодна более дешевая лепная посуда, изготовление которой могло быть налажено практически на любом из поселений. Производство же круговой посуды требовало специального оборудования и профессиональных навыков в изготовлении.

Типологически близкая ждановской лепная керамика, а также лепная со следами подправки на гончарном круге встречается на широкой территории. Она известна на роменских памятниках Днепровского левобережья (*Григорьев*, 1993. С. 77), на ранних памятниках в земле вятичей (*Никольская*, 1981. С. 57), на поселении Бенницы в верховьях Протвы. В Московском регионе она встречена на селищах Жуковском и у с. Беседы, на Даниловском поселении на месте Свято-Данилова монастыря (*Беляев*, 1994. С. 101), на поселениях Заозерье 2 (*Векслер, Станюкович*, 1986. С. 79; *Тавлицева*, 1996. С. 47, 48), Новое Сьяново 2, 3, Старое Пахрино 1, Стрелково 1, 2, Покров 5, Макарово 1, Добрятино 1. Различными исследователями эта керамика датируется по-разному, но в рамках IX—XI вв. (*Тавлицева*, 1996. С. 45—46). Результаты работ на поселении Новое Сьяново 3 позволили уточнить время существования интересующих нас поселений и датировать их керамические комплексы XI—первой половиной XII в. (*Шполянский*, 1999).

Круговая керамика третьей группы встречена на всех памятниках начального этапа славянской колонизации бассейна Москвы-реки, причем она найдена вместе с лепной в закрытых комплексах на поселениях Новое Сьяново 3, Покров 5 и Жданово 1, что позволяет сделать вывод об одновременности ее бытования. Это дает основание пересмотреть мнение ряда исследователей о смене лепной керамики круговой посудой (*Векслер, Станюкович*, 1986. С. 79; *Тавлицева*, 1996. С. 51; *Юшко*, 1998. С. 327—334).

Типологически схожая круговая керамика присутствует в коллекции из раскопок поселения Бенницы и в ранних слоях городища Старая Рязань. О своеобразии формы и богатстве орнаментации сосудов пишут ее исследователи (*Монгайт*, 1955. С. 125; *Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 213). Находки подобной керамики в Старой Рязани вполне закономерны, так как Рязанское Поочье заселялось выходцами с Верхнего Поднепровья с середины XI в.

Для уточнения времени бытования керамического материала необходимо рассмотреть другие находки с поселения Жданово 1.

Небольшую группу украшений составляют поясные пряжки и фибула. Три пряжки брон-

зовые, лировидной формы (рис. 6, 20). Подобные пряжки известны на широкой территории Восточной Европы. В Новгороде они происходят из слоев первой четверти XI — конца XII в. (Седова, 1981. С. 144, 145). Найдены они в Ярополче Залесском (Седова, 1978. С. 84, 136. Табл. 7, 15) и в Старой Рязани. По мнению А.Л. Монгайта, они появились в начале или середине XI в. и, по-видимому, производились в Киеве (Монгайт, 1955. С. 180. Рис. 135, 12). Фибула железная подковообразная, ромбического сечения, со спирально загнутыми концами. Ее диаметр 57 мм (рис. 7, 19). В Новгороде подобные фибулы встречаются в слоях X—начала XI в. (Колчин, 1959. С. 106, 107).

Перстней три. Все они узкопластинчатые, изготовленные путем литья в односторонних жестких каменных или глиняных формах. Их концы разомкнутые, ширина пластин 5—6 мм. Обруч по всей длине декорирован геометрическим орнаментом (рис. 7, 8) и узором в виде косички (рис. 7, 6, 7). Один из перстней дополнительно украшен щитком из десятилепестковой розетки с вписанным кругом, разделенным на четыре части (рис. 7, 6).

Узкопластинчатые разомкнутые перстни бытуют в Новгороде с конца X до конца XIII в., однако в слоях XII в. они не найдены (Седова, 1981. С. 131). По типологии, разработанной Т.Г. Сарачевой для металлических перстней Днепроовского левобережья, рассматриваемые украшения можно отнести к типу 1а и датировать XI—XII вв. (Сарачева, 1994. С. 87). Узкопластинчатые перстни с аналогичной орнаментацией найдены на поселении Новое Съяново 3.

На селище Жданово 1 встречены два фрагмента кованых пластинчатых браслетов с характерным для XI в. орнаментом “волчий зуб” (рис. 7, 11, 12). Еще один браслет — дрововой, круглый в сечении, раскованные концы его украшены гравированным геометрическим узором. На конце раскованной части изделия имеется отверстие для продевания ремешка-стяжки (рис. 7, 13).

Крестопорезных бубенчиков грушевидной формы два (рис. 7, 9, 10). Наиболее часто они встречаются на памятниках XI — первой половины XII в. (Мальм, Фехнер, 1967. С. 133, 136; Седова, 1981. С. 156). Подобные бубенчики найдены на славянских поселениях бассейна Москвы-реки: Заозерье 2 (Тавлинцева, 1996. С. 49, 59. Рис. 7, 4), Даниловском (Беляев, 1995. С. 99). 28 относительно целых экземпляров собрано на селище Новое Съяново 3.

Неотъемлемой частью женского металлического убора являлись амулеты-обереги. Обнаруженная нами привеска-ложечка считалась сим-

волом достатка. По форме она круглая, с длинной ручкой, украшенной, похожим на плетенку геометрическим орнаментом, с отверстием для подвешивания (рис. 7, 21). Подобные привески найдены на памятниках верховьев Москвы-реки, в Старой Рязани, на Десне, Угре, Ипути, в Смоленском Поднепровье. По мнению А.В. Успенской, изготовление привесок-амулетов в виде предметов быта характерно для сельских ювелиров Смоленской земли (Успенская, 1967. С. 97, 98; Рябинин, 1988. С. 55, 58).

Важными для уточнения хронологии памятника, а также этноопределяющими являются находки височных колец. Три находки относятся к подвескам типа “сельцо”, две из них обнаружены в заполнении постройки 1 (рис. 7, 15, 16). Эти украшения имеют орнаментированный щиток в виде пояса с поперечными штрихами, верхний край которого завершается семью зубчиками треугольной формы, семью лопастями, кончик каждой из которых трехчастный. Ширина колец 38 мм, высота с дужкой 45 мм.

Большинство находок подобных височных колец сосредоточено в радимичских землях: в верховьях рек Сож, Ипать, Десна, на левобережье Днепра (Равдина, 1975. С. 221. Рис. 1). На протяжении последних десятилетий более 15 подвесок этого типа встречено на памятниках бассейна Москвы-реки. Датируются древнейшие семилопастные серединой—третьей четвертью XI в. (Равдина, 1975. С. 223).

Какова же этническая принадлежность лопастных височных колец типа “сельцо”? По одной версии, древнейшая форма лопастных украшений встречается на территории радимичей и генетически связана с классическими семилопастными височными кольцами вятичей (Недошивина, 1960. С. 143), по другой — рассматриваемые височные кольца ни хронологически, ни морфологически не связаны ни с вятичами, ни с радимичами (Равдина, 1975. С. 218—223).

Однако находки интересующих нас колец в комплексах, характерных для радимичей, топография находок, анализ формы и орнаментации позволяют говорить о тесной связи этого типа украшений с радимичами (Недошивина, 1980. С. 108). Несомненна преемственная хронологическая связь височных колец типа “сельцо” и ранних вятичских, обнаруженных в западной части территории вятичей, соседствующей с радимичами (Недошивина, 1980. С. 109).

Еще одну находку можно связывать с радимичским кругом древностей — фрагмент пятилучевого височного кольца (рис. 7, 17), обнаруженный поблизости от постройки 2. По вер-

хнему краю щитка подвески располагаются пять зубчиков, а в нижней его части — пять лучей с каплевидным завершением. Щиток орнаментирован треугольниками, вписанными в лучи, и концентрическими фестонами с точками.

По классификации височных колец, предложенной Е.А.Шинаковым, пятилопастная подвеска топологически близка украшениям V группы (вариант 41) и может датироваться XI—XII вв. (Шинаков, 1980. С. 121, 122). Исследователь отмечает, что в основном кольца группы V найдены в Северной земле. Также они встречаются “на вновь осваиваемых славянами в XI—XII вв. Северо-Восточных территориях”. Проникая на территорию вятичей, они явились прототипом семилопастных височных подвесок (Шинаков, 1980. С. 125).

Из бытовых находок наиболее часто встречаются железные черешковые ножи. По способу соединения лезвия и черешка можно выделить ножи, у которых черешок продолжает линию обушка лезвия (рис. 6, 13) или располагается ниже обушка, образуя уступы (рис. 6, 2, 4—6). Ножи имеют клиновидное сечение лезвия с толщиной обушка 4—5 мм. Соотношения размеров лезвия к длине черешка 1:1 и 1:2. Длина ножей достигает 5,5—11,5 см (рис. 6, 1—6). В Новгороде, на Сарском городище подобные ножи датируются X—началом XII в (Колчин, 1959. С. 48; Леонтьев, 1976. С. 33—45).

Обнаруженный железный рыболовный крючок использовался скорее всего для ловли крупной рыбы при помощи донок и жерлиц. Он изготовлен из круглого стержня с жалом на одном конце и расплюсненной лопаточкой на другом (рис. 6, 8).

Железное шило имеет длину 9 см. Его рабочая часть округлая в сечении и заостренная. Черешок уплощен (рис. 6, 9).

Найденный на поселении железный наконечник стрелы — черешковый с упором для древка (рис. 6, 7). По форме пера его можно отнести к остролистным, с длинной шейкой (тип 5, по А.Ф. Медведеву). Датируются подобные стрелы X — XIII вв. (Медведев, 1966. С. 165).

Шиферных пряслиц найдено четыре. Три из них изготовлены из розового шифера и имеют

бочковидную форму. Их диаметр 2,1—2,5 см, высота 1—1,3 см (рис. 6, 12, 13).

Одно пряслице из серого шифера (рис. 6, 11). Однако возможно, что оно побывало в огне и изменило цвет. Пряслице имеет битрапецеоидную форму, диаметр его 3,2 см, высота 1,5 см. На обеих плоскостях изделия нанесено по четыре неглубокие ямки — метки. Бытовали шиферные пряслица на протяжении XI—XIII вв., но наиболее часто они встречаются на памятниках XI — первой половины XII в. (Мальм, 1971. С. 197—206).

Заканчивая рассмотрение материалов, связанных с памятниками начального этапа славянской колонизации долины среднего течения р. Пахры, можно сделать некоторые выводы.

1. Наличие находок, характерных для XI в., а также отсутствие узкодатируемых вещей XII в., низкий процент керамики со штампованным орнаментом — своеобразного маркера славянских памятников конца XI—начала XII в. бассейна Москвы-реки (Кренке, 1993. С. 11, 12) позволяют датировать поселение Жданово 1 серединой — второй половиной XI в.

2. Керамические комплексы “роменского облика”, находки пятилучевого и височных колец типа “сельцо”, привески-ложечки, обломка дротовой гривны “радимичского” типа свидетельствуют о том, что исследуемые памятники были основаны не ранее середины XI в. славянским (радимичским) населением Верхнего Поднепровья и Посожских земель.

3. Принимая во внимание высокую плотность заселения долины среднего течения р. Пахры в середине XI — первой половине XII в., поддерживая точку зрения А.К. Станюковича относительно административной принадлежности славянских поселений рассматриваемого региона (Станюкович, 1985. С. 101), с некоторой долей осторожности изучаемые памятники правомерно связывать с территориально-административной единицей — Добрытино, упоминаемой в Уставной и жалованной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича под 1136 г.

Археологическая карта России, 1994. М. Ч.1: Московская область.

Алексеев Л.В., 1976. Домен Ростислава Смоленского // Средневековая Русь. М.

Ахламов Д., Герасимов П., Костомаров В., 1925. Археологическая карта нижнего течения реки Пахры // Архив ИИМК. Ф.2. Оп.1. Д. 101 (СПб.).

Беляев Л.А., 1994. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М.

Беляев Л.А., 1995. Древности Данилова монастыря // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М.

Богданов А.П., 1867. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии // ИОЛЕАиЭ. М. Т.IV, вып.1.

Векслер А.Г., Станюкович А.К., 1986. Раннесредневековое поселение у Боровского перевоза в Подмосковье // КСИА. М. Вып. 183.

Голубовский П.В., 1895. История Смоленской земли до начала XIV ст. Киев.

Гоняный М.И., 1997. Отчет об археологических исследованиях, проведенных ГИМ в Домодедовском и Подольском районах и в г. Подольске Московской области в 1996 г. — Архив ИА РАН. Р-1.

Гоняный М.И., 1998. Отчет о результатах археологических исследований, проведенных ГИМ в г. Подольске, Подольском, Наро-Фоминском, Серпуховском районах Московской области в 1997 г. — Архив ИА РАН. Р-1.

Гоняный М.И., Станюкович А.К., 1983. Новые памятники Подмосковья // АО 1981. М.

Григорьев А.В., 1993. О роменской и древнерусской керамике на левобережье Днепра // Старожитності Південної Русі. Чернігів.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.

Дубынин А.Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. 1950. М.; Л.

Керцелли Н.Г., 1878. Отчет о раскопке курганов Рузского и Подольского уездов Московской губернии // Антропологическая выставка. Т. 2. ИОЛЕАиЭ. М. Т. XXXI.

Кирьянова Н.А. Карпологические материалы из раскопок поселения XI в. Жданово 1 (в печати).

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. МИА. М. № 65.

Кренке Н.А., 1986. Отчет о раскопках на территории Государственного музея-заповедника “Коломенское” и о разведках в Подольском и Истринском районах Московской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Кренке Н.А., 1993. Селище Дьяково-пойма — древнерусская деревня XI—XII вв. в Коломенском // Материалы и исследования. М. Вып. 3.

Леонтьев А.Е., 1976. Классификация ножей Сарского городища // СА. 2.

Мальм В.А., 1971. Шиферные пряслица и их использование // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.

Мальм Н.А., Фехнер М.В., 1967. Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни в X—XII вв. Труды ГИМ. М. Вып. 43.

Мартин Т.Д. Фаунистические остатки из раскопок средневековых поселений Жданово 1 и Новое Сьяново 3 в бассейне Средней Пахры (в печати).

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук, стрелы, самострел XIII—XIV вв. // САИ. М. Вып. E1-36.

Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань. // МИА. М. № 49.

Насонов А.Н., 1951. “Русская земля” и образование территории Древнерусского государства. М.

Недошивина Н.Г., 1960. К вопросу о связях радимичей и вятичей // Археологический сборник. Труды ГИМ. М. Вып. 37.

Недошивина Н.Г., 1980. К вопросу о генетической связи радимичских и вятичских височных колец // История и культура Евразии по археологическим данным. Труды ГИМ. М. Вып. 51.

Никальская Т.Н., 1981. Земля вятичей. М.

Пушкина Т.А., 1991. Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнёздово. М.

Равдина Т.В., 1975. Древнейшие семилопастные височные кольца // СА. 3.

Розенфельдт И.Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья VI — IX вв. М.

Розенфельдт Р.Л., 1965. Отчет об археологических разведках в Московской области в 1964 г. — Архив ИА РАН. Р-1.

Розенфельдт Р.Л., 1974. Отчет об обследовании состояния археологических памятников на территории Московской области. — Архив ИА РАН. Р-1.

Рябинин Е.А., 1988. Языческие привески-амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси. М.

Сарачева Т.Г., 1994. Металлические перстни Днепровского левобережья // История и эволюция древних вещей. М.

Седов В.В., 1975. Смоленская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М.

Седова М.В., 1978. Ярополч Залесский. М.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.

Станюкович А.К., 1981. Отчет об археологических разведках и раскопках на территории г. Москвы, Солнечногорского, Подольского, Раменского и Ленинского районов Московской области в 1981 г. — Архив ИА РАН. Р-1.

Станюкович А.К., 1985. Ранние этапы славянского заселения Подмосковья // Человек и окружающая среда в древности и в средневековье. М.

Тавлинцева Е.Ю., 1996. Результаты раскопок селища Заозерье 2 1993—1995 гг. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.

Успенская А.В., 1967. Нагрудные и поясные привески. Труды ГИМ. М. Вып. 43.

Шапов Я.Н., 1976. Уставные грамоты и уставы XII—первой половины XV вв. // Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М.

Шинаков Е.А., 1980. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 3.

Шполянский С.В. Новые данные по хронологии памятников начального этапа славянской колонизации Москворечья // Забелинские научные чтения — 1995—1996. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды ГИМ. М., 1999. Вып. 103.

Юшко А.А., 1966. Отчет о раскопках Покровских курганов Подольского отряда Московской экспедиции летом 1966 г. — Архив ИА РАН. Р-1.

Юшко А.А., 1967. Раскопки курганов XI—XII вв. у с. Покров Московской области // КСИА. М. Вып. 110.

Юшко А.А., 1972. Покровские и Стрелковские курганы // СА. 1.

Юшко А.А., 1987. Раскопки селища Покров 5 // АО 1985.

Юшко А.А., 1998. Ранние славяне в Подмосковье // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.

Jondell E., 1974. Vikingatidens balansvagar i Norge. Uppsala.

Stenberger M., 1947. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Lund. Bd II.

SUMMARY

M.I. Goniany

ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE INITIAL STAGE OF SLAVIC COLONIZATION IN THE MIDDLE PART OF THE PAKHRA RIVER BASIN IN MOSCOW REGION

In the past decades in the middle part of the Pakhra river basin there has been found a cluster of sites which belong to the initial stage of Slavic colonization. The bulk of the sites is unfortified settlements. Archaeological evidences of the second half of the XIth — early XIIth centuries are also found in mounds near settlements Strelkovo and Pokrov. Ceramics modeled and thrown on a potter's wheel, a bronze little spoon-charm, fragments of a five-pointed templering and a "radimichi" torque, let us draw a conclusion that roman population

from the Upper Dniepr and the Posozhye has settled down in Moscow region in the second half of the XI th century.

High density of population in the investigated area, evidences of copper foundry and a rare finding balances for minor weighting — made in a settlement of the second half of the XIth century Zhdanovo1 — let us connect the investigated sites with the administrative-territorial unity Dobryatino mentioned in the Statute and Patent Charter by Rostislav of Smolensk, dated by 1136.

С.В. Шполянский

ПЕРЕМЫШЛЬ МОСКОВСКИЙ: К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СТАТУСЕ ГОРОДА

Перемышльское городище, расположенное на правом берегу р. Мочи (правый приток р. Пахры) примерно в 12 км к юго-западу от современного Подольска, впервые попадает в поле зрения археологов в середине 20-х годов нашего столетия (*Дубынин, Киселев, 1929*). Вполне справедливо отождествленное с одноименным летописным городом, оно в дальнейшем постоянно фигурировало в многочисленных исследованиях по истории и археологии земель Московского княжества, а также работах, посвященных общим вопросам русской истории. В 1954—1955 гг. на нем проводятся довольно масштабные археологические раскопки, детально изучается система укреплений (*Рабинович, 1955; 1966. С. 209—214; 1969; 1979*). Уже в последние годы, в связи со значительным увеличением интереса к истории отдельных регионов России, появляются работы, посвященные непосредственно Перемышлю (*Аверьянов, 1992. С. 122—128; 1994. С. 5—6*). Тем не менее, до сих пор дискуссионными остаются вопросы о времени возникновения и роли города в системе городских центров Залесской Руси.

В литературе прочно утвердилась точка зрения, согласно которой крепость Перемышля своим появлением обязана строительной деятельности Юрия Долгорукого. Основанием для этого послужило сообщение В.Н. Татищева, называвшего ряд городов, которые, по его мнению, могли быть основаны князем Юрием. Перемышль здесь упоминается вместе с Вышградом, Галичем, Городцом, Добрянском, Дорогобужем, Звенигородом, Ростиславлем и Стародубом (*Татищев, 1774. С.482*). Впервые предположение о возникновении города в XII в. было высказано П.А. Раппопортом, который при обследовании городища в 1954 г. обнаружил здесь наряду с материалом XIV—XVI вв. домонгольскую керамику (*Раппопорт, 1956.*

С. 120). В дальнейшем такого же мнения придерживался М.Г. Рабинович — автор раскопок на Перемышле в 1955 г. Особое внимание исследователь уделил оборонительным сооружениям города, которые, по его мнению, по своей конструкции близки укреплениям Московского кремля XII в. (*Рабинович, 1966. С. 209—214*). Основываясь на сообщении В.Н. Татищева, М.Г. Рабинович даже называет точный год основания города — 1152. В качестве одного из городов «Земли вятичей» Перемышль попадает в поле зрения Т.Н. Никольской, которая, видимо, согласна с точкой зрения своих предшественников (*Никольская, 1981. С. 121, 289*). Несколько иного мнения придерживается А.А. Юшко, считая город пограничной крепостью на восточных границах Смоленского княжества, впрочем, тоже относя время его возникновения к середине XII в. (*Юшко, 1991. С. 79—80, 114*). В фундаментальной работе А.В. Кузы, посвященной древнерусским городищам X—XIII вв., городище Перемышль Московский (Русское Сатино) также называется в числе домонгольских укрепленных поселений (*Куза, 1996. С. 138—139*). Причем, следуя предложенной автором типологии городищ, Перемышль уверенно можно поместить в число именно городских поселений (*Куза, 1996. С. 38—45*).

Однако единодушие в отношении определения времени постройки города было нарушено А.М. Сахаровым, обратившим внимание на то, что в Духовной грамоте Ивана Калиты, датированной Л.В. Черепнинным временем около 1339 г., младший сын князя Андрей в числе прочих волостей и сел получает в удел село Перемышльское — поселение неукрепленное и, соответственно, стены города не могли быть возведены ранее этого времени (*Сахаров, 1959. С. 99*). Сомнения по поводу постройки несколь-

ких городов (в том числе и Перемышля) в XII в. высказал и В.А. Кучкин, указавший на то, что еще А.Е. Пресняковым была доказана недостоверность сообщений В.Н. Татищева о возведении в Северо-Восточной Руси ряда крепостей Юрием Долгоруким (*Пресняков*, 1918. С. 27—28), и несмотря на наличие археологических материалов XII — XIII вв., нет никаких данных, говорящих об основании или даже укреплении их в середине XII в. (*Кучкин*, 1982. С. 85).

В сложившейся ситуации представляется оправданным более внимательное рассмотрение результатов археологических исследований Перемышльского городища с целью выяснения правомерности утверждения о существовании на памятнике материалов, свидетельствующих о городском характере домонгольского поселения.

Памятник расположен на правом (высоком) берегу р. Мочи, возвышаясь над урезом воды на 35 — 40 м. Имеет округлую форму при пло-

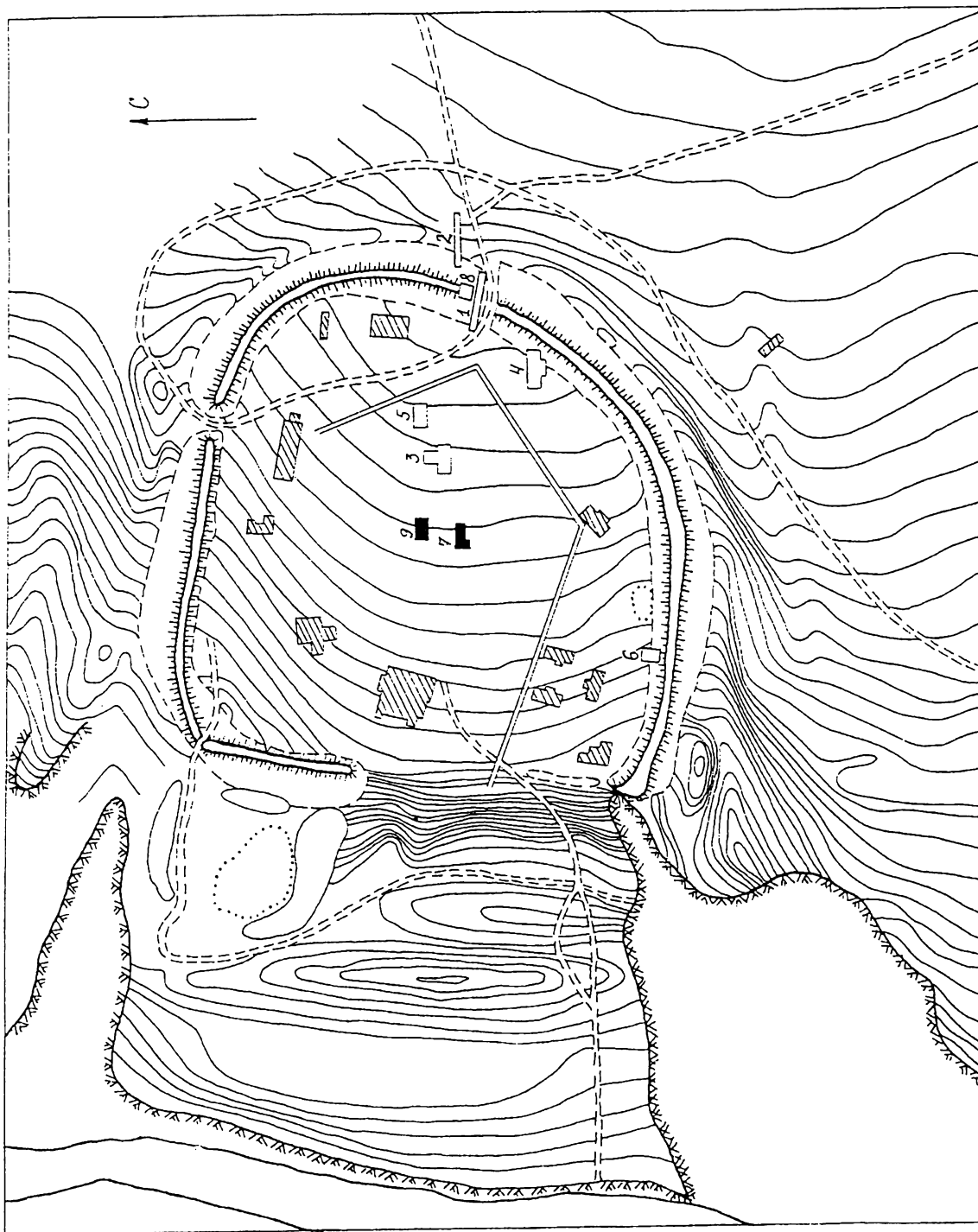

Рис. 1. План городища Перемышль Московский (по М. Г. Рабиновичу) 1—9 — раскопы экспедиции Музея истории и реконструкции г. Москвы 1955 г.

щади около 6 га, вал высотой до 6 м и ров с восточной (напольной) стороны шириной до 30 и глубиной до 3,75 м (*Рабинович*, 1966. С. 209). В 1955 г. экспедицией Музея истории и реконструкции г. Москвы на городище было заложено 9 раскопов общей площадью 750 кв. м (рис. 1). Мощность культурного слоя в их пределах вместе с дерном не превышала полуметра (*Рабинович*, 1955). Раскопы 1, 2 и 8, вместе составившие 138 кв.м, были заложены с целью изучения вала и рва и практически не дали никакого датирующего материала (*Рабинович*, 1955. С. 4—11, 36—37). В остальных же 6-ти, на которые пришлось 612 кв. м площади, были исследованы 11 объектов, представлявших собой материковые ямы различной глубины и конфигурации. Кроме того, в раскопах 7 и 9 были обнаружены заглубленные в материк канавки — следы заборов, и столбовые ямы (*Рабинович*, 1955. С. 33—36, 37—42). В силу сравнительно небольшой площади отдельных раскопов (самый крупный 3 — 156 кв. м) и сильной разбросанности раскопов по площадке городища невозможным оказалась реконструкция планировки застройки города.

Автором раскопок на основании вещевого и керамического материала было выделено всего 2 объекта, которые, по его мнению, могли бы быть датированы XII—XIII вв. Это — печь-каменка в раскопе 7 (*Рабинович*, 1955. С. 36—37) и сооружение в раскопе 9, представлявшее собой остатки глинобитной печи — горна с большой (3,20х2,70 м при глубине 1,15 м) предгорновой ямой (*Рабинович*, 1955. С. 40—42).

В первом случае основанием для датировки послужили находка фрагмента стеклянного браслета черного цвета с желтой полоской, а также небольшая керамическая серия, собранная в развале кладки печи. Керамическая серия представлена 220 фрагментами, которые были разделены по аналогии с московской керамикой на четыре типа — курганную (83 фрагмента), серую грубую (35 фрагментов), красную грубую (72 фрагмента) и грубую белоглиняную (30 фрагментов). Кроме того, в пределах раскопа 7, была обнаружена небольшая яма глубиной до 16 см, содержащая 24 фрагмента курганной, 8 фрагментов красной грубой и 5 — белой грубой керамики. При зачистке материка в квадрате 17 того же раскопа был найден еще один фрагмент стеклянного браслета зеленого цвета (*Рабинович*, 1955. С. 36).

Во втором случае глинобитная печь и примыкающая к ней подпрямоугольная, с неровным дном яма в раскопе 9, предназначенные, по предположению М.Г. Рабиновича, для про-

изводственных целей, датированы XII—XIII вв. на основании находки в предгорновой яме фрагмента лилового стеклянного браслета. Керамический материал, происходящий из ямы, в отчете о раскопках подробно не описывается. В развале печи преобладала белая грубая керамика, но также было встречено 5 фрагментов красной грубой керамики и 28 фрагментов от курганных сосудов. В качестве дополнительного аргумента в пользу датировки комплекса домонгольским временем автор раскопок указывает на находку в дерновом слое, в скоплении камней непосредственно над сооружением, двух фрагментов стеклянных браслетов и серебряного четырехконечного креста-тельника с расширяющимися концами.

Особого внимания заслуживает набор керамического материала в обоих случаях. Согласно бытовавшим в то время взглядам на типологию и хронологию керамики Москвы и московского региона, основанным на работе М.Г. Рабиновича по московской керамике, к числу керамических типов, датируемых XII — первой половиной XIII в., относятся курганная и серая грубая керамика, причем последняя продолжает бытовать и во второй половине XIII — первой половине XV в. (*Рабинович*, 1949). Не противоречит это и современным представлениям (*Чернов*, 1991). Наличие в комплексах XII—XIII вв. более поздних керамических типов исследователь объясняет сильной перемешанностью культурного слоя (*Рабинович*, 1955. С. 36). Кроме рассмотренных комплексов, керамика XII—XIII вв., судя по материалам отчета, представлена в культурном слое городища в пределах раскопов 1955 г. единичными фрагментами. Так, в раскопе 7 на 1315 керамических фрагментов встречено только 2 фрагмента курганного типа, серой грубой керамики не обнаружено вовсе. Примерно такая же ситуация и в раскопе 9, где на 1177 фрагментов, найденных в слое, обнаружено только 10 фрагментов керамики курганного типа. Во всех остальных раскопах керамический материал, представленный значительными керамическими сериями, вообще не содержал керамики ранних типов (*Рабинович*, 1955. С. 19—24, 26, 30, 31—32, 34, 38).

Немного иначе обстоит дело с индивидуальными находками. По подсчетам А.А. Юшко, в процессе исследований на городище было обнаружено 223 индивидуальных находки (*Юшко*, 1991. С.79). Большинство из них или имеют весьма широкие датировки (например, черешковые ножи, керамические грузила и пряслица), или могут быть с большей уверенностью отнесены к XIV—XVI вв. Тем не ме-

нее, к находкам, относящимся к XII—XIII вв., можно причислить 13 из 223. Шесть уже были перечислены нами при рассмотрении ранних комплексов городища, 7 других представлены 3 фрагментами стеклянных браслетов, обломком щитка семилопастного височного кольца и тремя перстнями — бронзовым рубчатым, овальнощитковым и проволочным, витым из трех проволок. Все эти предметы были встречены или в перемешанном культурном слое, или в поздних сооружениях и могут быть привлечены для датировки культурного слоя памятника только с серьезными оговорками. Довольно показательным в этом отношении является находка обломка щитка семилопастного кольца в одном комплексе с медной монетой. По мнению М.Г. Рабиновича, лопасти височного кольца и сам щиток были обломаны намеренно с целью переплавки (*Рабинович*, 1955. С. 16). Пять из семи находок, отнесенных нами к домонгольским, найдены в раскопе 5, в котором исследовано кладбище конца XV—XVI вв. (*Рабинович*, 1955. С. 28—31). Культурный слой в этой части городища был сильно нарушен в процессе функционирования кладбища. Один из перстней был обнаружен в выбросе из могильной ямы, а другой — в засыпке могильной ямы, перекрытой белокаменной плитой. Такое расположение находок дает возможность предположить намеренное помещение перстней в могилы, и соответственно соотнесение их с домонгольскими культурными напластованиями городища не представляется однозначно возможным (*Вишневский*, 1995. С. 104—106).

В завершение обзора материалов раскопок памятника, следует отметить, что раскопы 7 и 9, где были исследованы рассмотренные сооружения, были заложены в центральной части городища, на значительном удалении от оборонительных сооружений города (рис. 1). Ближе к валу никаких свидетельств освоения территории городища в XII—XIII вв. в процессе раскопок 1955 г. обнаружено не было. На это же указывал и автор раскопок, высказав мнение о том, что древнейшее поселение на территории городища не занимало всю его площадь, предположив, что наиболее древней является северо-западная часть памятника (*Рабинович*, 1955. С. 43, 45—46), однако проверить это возможно только путем проведения новых исследований. Исходя из вышеизложенного представляется недостаточно обоснованным тезис о постройке ныне существующих укреплений в XII—XIII вв. Археологических подтверждений этому при исследовании вала и рва не было найдено, а основываясь на материалах

раскопок на площадке городища причислить домонгольское поселение, существовавшее здесь, к числу городских невозможно.

Недавно было высказано предположение об отнесении к числу городских посадов Перемышля ряда селищ, обнаруженных в результате разведок последних лет (*Король и др.*, 1994. С. 195; *Куза*, 1996. С. 138). Однако сведений о том, что в непосредственной близости от валов городища располагался какой-либо археологический памятник, датированный в пределах XII—XVI вв., обнаружить не удалось.

Начиная с 1982 г., в бассейне р. Мочи систематические разведочные работы проводятся Верхнедонской археологической экспедицией ГИМ под руководством М.И. Гоняного. В результате этих работ в нижнем и среднем течении реки, на площади около 80 кв. км были открыты более 70 селищ и одна курганная группа (*Гоняный*, 1998. С. 152). Однако ни один из обнаруженных памятников не может рассматриваться в качестве неукрепленного посада города из-за своей удаленности от него. Ближайший из них (Сатино-Татарское 5) расположен в 0,5 км ниже по течению реки и имеет площадь около 300 кв. м (*Король и др.*, 1994. С. 195). Поселения такой площади, по мнению М.И. Гоняного, стоит относить или к частично разрушенным, или к носящим хозяйственный (поселения-летники) либо промысловый характер. При рассмотрении вопроса о посаде средневекового Перемышля заслуживает внимания еще один памятник. Речь идет о селище Сатино-Татарское 4, расположенном на левом берегу реки, напротив городища (*Король и др.*, 1994. С. 195—196), предварительно датированного XII—XIV вв. Тем не менее сравнительная удаленность от городища (чуть более 0,5 км) и размеры селища, не превышающие размеры обычных малодворных поселений, говорят, скорее о сельском характере памятника (2000 кв. м) (рис. 2).

Таким образом, нет никаких серьезных оснований, позволяющих бы относить возведение укреплений Перемышля к XII в. Вероятнее всего, крепость была построена, как считает А.М. Сахаров, между 1339 и 1370 гг. (*Сахаров*, 1959. С. 99). Этот исследователь основывает свое предположение на сообщении Рогожского летописца, в котором описываются события похода на Москву великого князя литовского Ольгерда в декабре 1370 г. Согласно летописному рассказу, Перемышль служит местом сбора войск князей Владимира Андреевича Серпуховского и Владимира Дмитриевича Пронского. Располагаясь в Перемышле, объединенные силы князей угрожали литов-

цам, осаждавшим Москву, ударом с тыла. Кажется маловероятным, чтобы князья выбрали для подобного стратегически важного расположения своих полков неукрепленное село.

Место для постройки новой крепости представляется весьма выгодным в стратегическом отношении: она находилась примерно на расстоянии одного дневного перехода от Москвы (Кучкин, 1980. С. 81), была выдвинута в направлении юго-западной границы княжества, проходившей по течению Оки, и контролировала дорогу, ведущую в верхнеокские земли.

Политика московских князей в отношении земель бывшего великого Черниговского княжения не раз становилась предметом изучения (Черепнин, 1960; Флоря, 1982; Горский, 1996; Шеков, 1993). 40—70-е годы XIV в. характеризуются нарастанием соперничества между Великим княжеством Литовским и Москвой за обладание землями так называемых Верховских княжеств. Именно в этот период происходит первоначальное оформление московско-литовской границы на Верхней Оке. Особое значение приобретало юго-западное направление московской политики в условиях обострения отношений с Ордой и намечающегося Литовско-Ордынского союза (Флоря, 1980. С. 152—155). Начиная с 1360 г., после захвата литовцами Брянска (Горский, 1996. С. 88—90), укрепление границы по Оке для Москвы становится насущной задачей. К тому же 1360 г. относится свидетельство о постройке в низовьях Нары, в Серпухове, митрополитом Алексеем (фактическим правителем при малолетнем Московском князе Дмитрии) Владычного монастыря, что, очевидно, было следствием расширения литов-

ских владений на верхней Оке. Видимо, в этом же контексте следует рассматривать возведение на ближних подступах к Москве Перемышльской крепости.

Появление нового города предстает более значительным событием, если рассматривать его с точки зрения развития Серпуховского удела Московского княжества, в пределах которого он был построен. Владения младшего из сыновей Ивана Калиты — князя Андрея занимали земли правобережья верхьев Пахры, бассейна Лопасни и нижнего и среднего течения Нары (ДДГ, 1950. С. 7—8). Среди населенных пунктов, расположенных на этой территории, духовная грамота Калиты в 1339 г. (датировка по Л.В. Черепнину) называет только один город — Лопастню, остальные поселения, упомянутые в документе, — это села, в ряде случаев бывшие центрами волостей (Перемышльское, Серпоховское, Нарьское) (рис. 3). Лопастня впервые упоминается среди черниговских городов в 1176 г. и отождествляется А.А. Юшко с городищем Макаровка, расположенном на правом берегу Оки, напротив устья одноименной реки. В 1353 г. Лопастня была захвачена рязанцами (ПСРЛ, 1965. С. 63) и к уделу отошел «Новый городок по усть Поротли», который около 1358 г. московский князь Иван Иванович дал своему племяннику Владимиру вместо потерянной Лопасни (ДДГ, 1950. С. 15). Между тем, 60—70-е годы XIV в., как совершенно убедительно было показано А.Е. Пресняковым, становятся временем окончательного обособления вотчины потомков князя Андрея от прочих московских земель (Пресняков, 1918). В условиях напряженных отношений с Литвой, вылившихся в продолжительную войну конца 60—начала 70-х годов XIV в., постройка крупной крепости в пределах удельного княжества, расположенной в одном дневном переходе от Москвы, выглядит вполне закономерной. Такое размещение города усиливало оборону столицы (в чем можно убедиться, вспомнив о событиях зимы 1370 г.), давало возможность контролировать территорию всего удела и в случае необходимости быстро выдвинуться на Оку, являвшуюся естественным рубежом при нападении с юга.

Дополнительным свидетельством тому, что Перемышль Московский изначально строился как крепость, предназначенная для размещения крупных воинских контингентов, служат размеры городища (около 6 га), превышающие размеры крепостей таких крупных городов Московского княжества, как Можайск (4,86 га), Звенигород (3,4375 га), Дмитров (2,4 га), немного уступая Волоколамску (7 га).

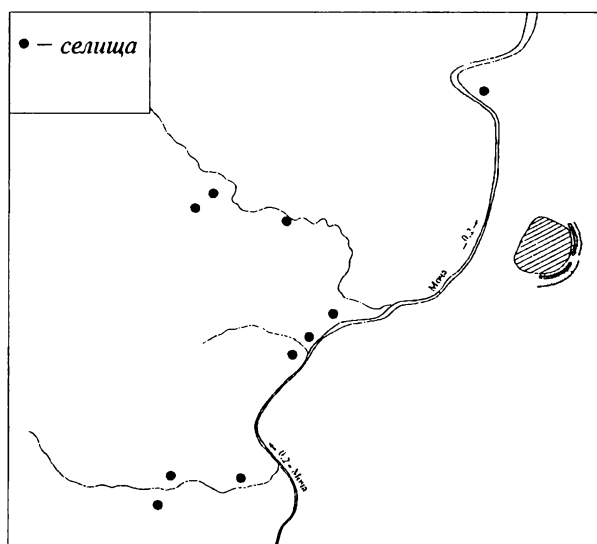

Рис. 2. Средневековые селища в районе Перемышля Московского

Намного превышали размеры укреплений города только кремни крупнейших городов княжества — Москвы (28 га) и Коломны (21 га). До строительства в 1374 г. Серпуховского кремля Перемышль (за исключением небольшого городка в низовьях Протвы) становится единственным хорошо укрепленным поселением во владениях Владимира Андреевича Серпуховского — одного из самых активных участников войны с Литвой. В Духовной грамоте Владимира Андреевича, датированной 1401—1402 гг. (ДДГ, 1950. С. 45—51), Перемышль Московский выступает как центр дворцового княжеского хозяйства (Сахаров, 1959. С. 99), что мож-

но заключить из наличия в числе завещанного псарей и садовников, нигде, помимо Перемышля, в землях князя не упоминаемых. Кроме того, интересно упоминание среди перемышльских пошлин тамги и мыта, обозначающее город, как место взимания дорожных сборов.

Однако доминирующее положение в пределах удела Перемышль теряет очень скоро, после строительства в Серпухове укреплений и основания Высоцкого монастыря, а также существенного расширения территории княжества на запад (в 1378 г. по просьбе митрополита Алексея к владениям Владимира Андреевича были присоединены Боровск и Лужа),

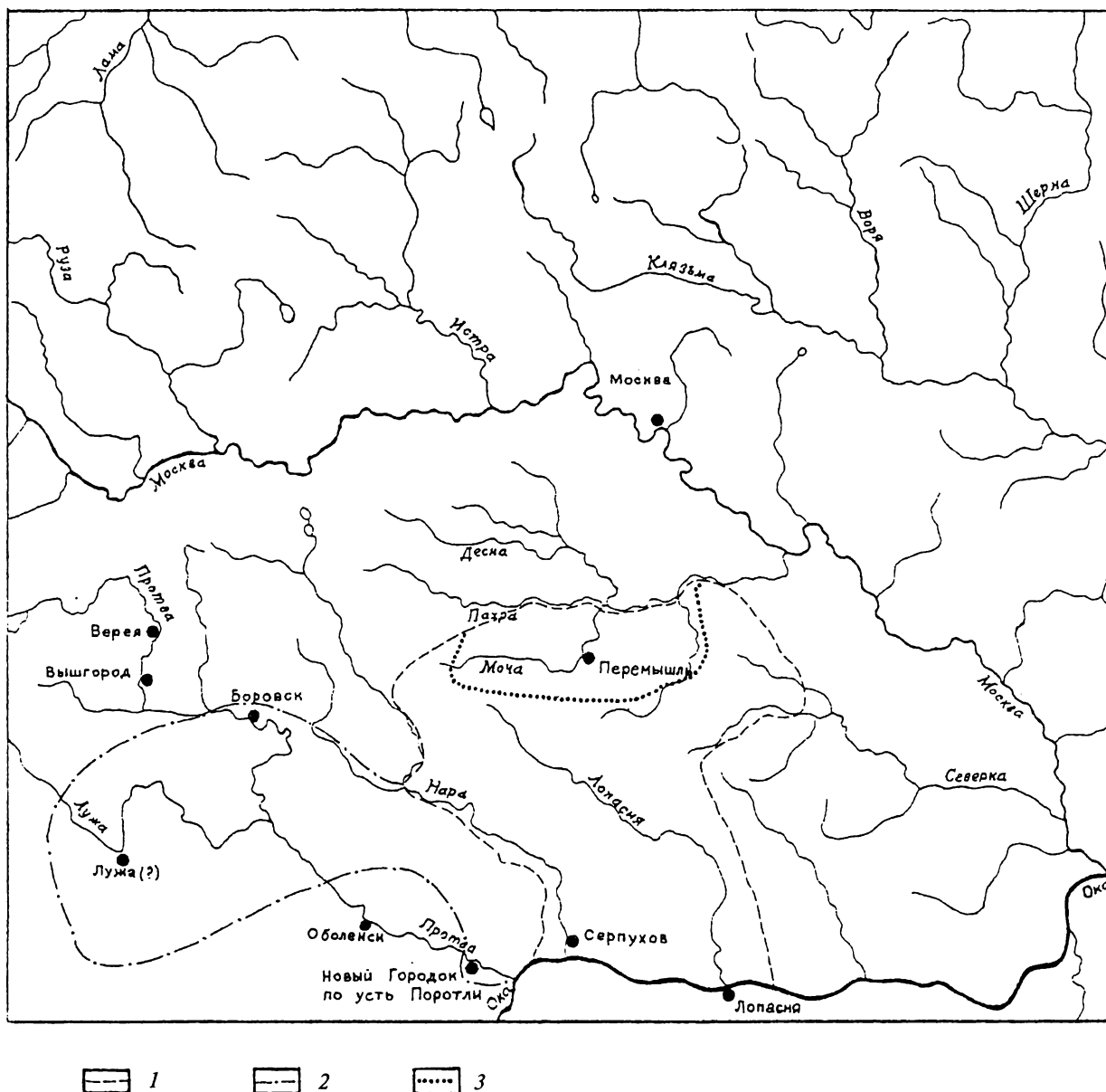

Рис. 3. Серпуховской удел Московского княжества во второй половине XIV— начале XV в.
1 — граница удела кн. Андрея (по В.А. Кучкину); 2 — земли, присоединенные к Серпуховскому княжеству в 1358—1378 гг.; 3 — примерная граница Перемышльского княжества в первой четверти XV в. (по К.А. Аверьянову)

значение его падает. Уже в начале XV в. он не рассматривается как престижное владение — князь Владимир завещает его младшему из своих пяти сыновей, Василию, в удел которому досталась небольшая территория на севере Серпуховского княжества (Аверьянов, 1992. С. 126). В летописных сообщениях о нашествиях на Москву Тохтамыша в 1382 г. и Едигея в 1408 г. постоянно фигурирует Серпухов, на который приходится первый удар, Перемышль же не упоминается вовсе. В 1427 г., после смерти от чумы перемышльского князя Василия Владимировича город остается за его вдовой княгиней Ульяной и принадлежит ей, видимо, до самой смерти (Экземплярский, 1891. С. 307—311), после чего на короткое время снова входит в состав Серпуховского княжества и с его ликвидацией в 1456 г. поступает во владение Московского князя. В приписной к Духовной грамоте Василия Темного содержатся сведения о селах в Перемышльской волости, которые великий князь завещает своей княгине (ДДГ, 1950. С. 199).

Во второй половине XV—начале XVI в. Перемышль перестает быть центром удела, оставаясь лишь местом сбора дорожных пошлин. В этом качестве он упоминается в указной грамоте великого князя Ивана Васильевича, датированной февралем 1504 г. Грамота дана монахам Троице-Сергиева монастыря на беспошлинный провоз двухсот саней хлеба из Замоскворечья в Серпухов (Кашианов, 1970.

С. 414). Косвенно на существование мыта в Перемышле указывает возникновение в верхнем течении р. Лопасни обширной волости, называемой Замыцкой, т.е. находящейся «за мытом». На связь названия волости со словом «мыт» обращал внимание еще Ю.В. Готье, правда, не уточняя, о каком мыте идет речь (Готье, 1937. С. 392). Указная грамота 1504 г. содержит последнее упоминание о городе как о существующем поселении. Писцовые книги начала XVII в. фиксируют на месте бывшего города распаханное городище (Холмогоровы, 1889. С. III и 8).

Возникновение и последующая история Перемышля Московского довольно показательна в контексте развития политической и экономической ситуации на западных рубежах Московского княжества. Построенный изначально как удельный центр и сильная крепость на стратегически важном направлении, он теряет свое значение в результате быстрого расширения контролируемых московскими князьями территорий. Оказавшись далеко от границы, город располагался слишком близко к Москве для того чтобы стать столицей крупного удельного княжения в условиях усиливающейся централизации и далеко от Оки — основной торговой магистрали региона. Перемышль не мог конкурировать с приокскими городами — крупными торговыми и ремесленными центрами, что предопределило его постепенное запустение.

Аверьянов А.К., 1992. Перемышль // История сел и деревень Подмосковья XIV—XX вв. М. Вып. 1.

Аверьянов А.К., 1994. Перемышльское княжество в XIV—XV вв. // Остафьевский сборник. М. Вып. 2.

Вишневский В.И., 1995. Язычество и христианство в Залесье (погребальный обряд средневековой провинции) // Церковная археология. СПб.; Псков. Ч. 1: Распространение христианства в Восточной Европе.

Гоняный М.И., 1998. Древнерусские поселения второй половины XIII—XIV в. в бассейне р. Лубянки на территории Перемышльской волости // Археологический сборник. Труды ГИМ. М. Вып. 96.

Горский А.А., 1996. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (Конец XIII — начало XV в.) // Средневековая Русь. М. Вып. 1.

Готье Ю.В., 1937. Замосковский край в XVII в. М.

Дубынин А.Ф., Киселев С.В., 1929. Материалы для археологической карты Московской губернии // Московский краевед. М. Вып. 2.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. 1950. М; Л.

Кашианов С.М., 1970. Очерки русской дипломатики. М.

Король Г.Г., Краснов Ю.А., Николаенко Т.Д., Янишевский Б.Е., 1994. Археологическая карта России. М. Ч. 1: Московская область.

Куза А.В., 1996. Древнерусские городища X—XIII вв. // Свод археологических памятников. М.

Кучкин В.А., 1980. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М.

Кучкин В.А., 1982. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М.

Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. М.

ПСРЛ, 1965. М. Т. XV, вып. 1: (Рогожский летописец).

Пресняков А.Е., 1918. Образование великорусского государства. Пг. Цит. по: Пресняков А.Е., 1998. Образование великорусского государства. М.

Рабинович М.Г., 1949. Московская керамика // МИА. М. № 7.

Рабинович М.Г., 1955. Отчет о раскопках городища Перемышль. — Архив ИА РАН. № 1092.

Рабинович М.Г., 1966. К истории русской фортификации (Укрепления Перемышля Московского) // Культура Древней Руси. М.

Рабинович М.Г., 1969. Древний ландшафт и жилище (О двух типах древнерусского жилища в Волго-Окском междуречье) // СЭ. 2.

Рабинович М.Г., 1979. К типологии восточнославянских городов (Средневековая Москва и города Московского княжества) // Проблемы типологии в этнографии. М.

Раппопорт П.А., 1956. Обследование раннемосковских городищ // КСИИМК. Вып. 62.

Сахаров А.М., 1959. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М.

Татищев В.Н., 1774. История Российская. М. Кн. 3. Цит. по: *Татищев В.Н.*, 1995. История Российская. М. Кн. 3.

Флоря Б.Н., 1980. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. // Куликовская битва. М.

Флоря Б.Н., 1982. Борьба московских князей за Смоленские и Черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. М.

Холмогоровы В. и Г., 1889. Исторические материалы о церквях и селах XVII—XVIII столетий. М. Вып. 7: Перемышльская и Хотуньская десятины Московского уезда.

Чернов С.З., 1991. К хронологии московской керамики конца XIII—середины XV в. // Московская керамика. М.

Черепнин Л.В., 1960. Образование русского централизованного государства. М.

Шеков А.В., 1993. Верховские княжества: (Краткий очерк политической истории XIII—середины XVI в.) // Труды Тульской археологической экспедиции. Тула.

Экземплярский А.В., 1891. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб. Т. 2.

Юшко А.А., 1991. Московская земля IX—XIV вв. М.

SUMMARY

S.V. Shpolyansky

MOSCOW PEREMISHL: THE TIME OF ITS ORIGIN AND THE TOWN'S STATUS

The article is an analysis of the materials of the large medieval settlements which were situated in the basin of the Upper Pachra (right tributary of the Moscow-river). A special attention belongs to the earliest settlement's complexes which were dated from the 12th—13th centuries. As a result a conclusion founding was made about disparity between the early prevailing views about the town in the premongolian time. According to the written sources the most probable time of the building of the Peremishlskaya fortress is the 1360s. The final

isolation of prince Andrew's lands (prince Andrew was the posterity of Ivan Chalet's son) was dated by this period too. Before the erection of the Serpukhov's fortress Peremishl was the administrative center of the principality. However the town lost its role of military and administrative center from the time of the widening of borders of Moscow principality in the west and building of Serpukhov. But Peremishl reserved the function of the place of custom duties. It fell into a state of neglect in the second half of the 16th century.

Н.А. Кирьянова

ЗЕРНОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК РОСТОВА ВЕЛИКОГО

Археологических материалов, содержащих зерна культурных растений, на территории Ярославской обл. обнаружено к настоящему времени очень мало. На керамике из могильников Дикариха и Халдеевский (I тысячелетие до н.э.), раскопанных А.Л.Никитиным, обнаружены единичные отпечатки зерен пшеницы и ячменя. На городищах Кубринское, Кикинское и стоянке Веськово (первая половина I тысячелетия до н.э.—VIII в. н.э.), раскопанных В.И.Вишневым, в отпечатках на керамике, в отмытках слоя и скоплениях встречены зерна шести культурных растений: ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса и льна. На Введенском селище в слоях XI—XII в. (раскопки И.Л. Станкевич) найдены зерна ячменя, пшеницы и овса. Поэтому зерно, найденное при раскопках Ростова Великого А.Е. Леонтьевым в 1991, 1992, 1994 и 1995 гг., представляет большую ценность.

По современному почвенно-географическому районированию, территория округа Ростова располагается в среднерусской провинции дерново-подзолистых слабогумусированных почв (Почвенно-географическое районирование..., 1962. С. 80). В Ростовской котловине распространены темноцветные, подчас солончаковые почвы, близкие к карбонатно-перегной-

ному типу (Агроклиматические ресурсы..., 1974. С. 18). Климат провинции умеренно-континентальный. По обеспеченности теплом провинция относится к полосе среднеранних культур умеренного пояса, по обеспеченности влагой — к влажной зоне (Почвенно-географическое районирование..., 1962. С. 81).

За четыре года раскопок на памятнике зерно встречено в 15 пунктах. По объему эти находки очень различны: от скоплений в несколько тысяч зерен до единичных зерен, встреченных в 40 % скоплений. Найденные материалы невелики, но имеют большое значение как существенное дополнение к уже имеющимся.

Все зерна найдены в обугленном виде, часть из них деформирована. В работе учтены целые зерна и обломки, которые можно с уверенностью отнести к определенному роду культурных растений. Необугленными встречены пленки проса и конопли.

Хронологически исследованные материалы относятся ко времени конца X—первой половине XIII в., т.е. к первому из периодов, по которым обычно рассматривается зерно с древнерусских памятников (Кирьянова, 1992. С. 4).

В изученных находках обнаружены зерна шести сельскохозяйственных культур. Это — рожь, пшеница, овес, просо, конопля и горох.

Таблица 1

**Встречаемость земледельческих культур в зерновых скоплениях
конца X—первой половины XIII в.**

Скопления (всего 15)	Рожь	Пшеница	Овес	Просо	Конопля	Горох	Сорняки
Число скоплений, содержащих зерна земледельческих культур	10	3	9	8	1	1	9
Скопления с различными культурами, %	66,6	20	60	53,3	6,6	6,6	60

По встречаемости материалы из Ростова распределяются следующим образом (табл. 1).

На первом месте стоит рожь (66,6%), второе место занимает овес (60%), на третьем месте — просо (53,3%) и в небольшом числе скоплений обнаружена пшеница (20%). Горох найден в одном скоплении, как и конопля. Просо и конопля представлены только пленками, сохранившими свой цвет и форму сгнившей зерновки. Все найденные культуры являются типичными для зерновых материалов домонгольских слоев Древней Руси. Характерна и частая встречаемость зерен ржи в слоях этого времени памятников лесной зоны (Кириянова, 1992. Табл. 4) и южных памятников Северо-Восточной Руси (Кириянова, 1991. Табл. 2).

обнаружены во всех восьми скоплениях (100 %), а овса — в 87,5 % (табл. 4). Единичные зерна пшеницы и проса обнаружены только в 25 % скоплений. Соотношение встречаемости зерен культур в двух группах, как видим, различно (рис. 1).

О содержании ржи в подавляющем большинстве скоплений домонгольского времени на памятниках лесной зоны уже было сказано. В этот же период встречаемость проса в находках, по сравнению с другими культурами, невелика. Во второй половине I тысячелетия н.э. соотношение встречаемости этих культур было иным. Просо, видимо, занимало в посевах значительное место, а рожь только начинала входить в культуру (Кириянова, 1992. С. 18—19). Скорее всего две группы материалов из Ростова

Таблица 2

Количественное соотношение зерен основных культур в скоплениях

Земледельческие культуры	Рожь	Пшеница	Овес
Количество зерен	6962	3	346
% от общего числа	95,5	0,04	4,7

Количественное соотношение зерен основных культур представлено в табл. 2. Хорошо видно подавляющее преимущество ржи в находках. Из трех найденных зерен пшеницы два принадлежат пшенице мягкой, а одно деформированное зерно с несколько вогнутым брюшком напоминает зерна пленчатой пшеницы. Кроме учтенных зерен овса, встречены его пленки. В некоторых из них содержались щуплые зерна. Возможно, это невызревшие колосья, оставшиеся после обмолота.

Обращает на себя внимание полное отсутствие зерен ячменя в находках. Эта культура в течение длительного времени была широко распространена в лесной зоне Восточной Европы вообще и на территории Ярославской обл., в частности (Кириянова, 1991. Табл. 1, 2, 3). Отличие ростовских материалов объясняется, возможно, сравнительно небольшим количеством найденных скоплений.

По частоте встречаемости ржи, овса, пшеницы и проса, рассматриваемые скопления разделяются на две группы. В первую группу, датируемую от рубежа X и XI вв. до конца XI в., входят семь находок (табл. 3). В них пленки проса встречаются в 85,7 % скоплений, рожь и овес — в 28,6 %, а единичные зерна пшеницы найдены в 14,3 %.

Во второй группе скоплений из слоев середины XII—первой половины XIII в. зерна ржи

отражают начало процесса уменьшения роли проса в земледелии. Интересно отметить, что в слоях X—середины XI в. Новгорода просо являлось практически единственной находкой (Кириянова, 1992. Прилож. 1. С. 113—114).

Для выяснения вопроса о системах земледелия в окрестностях Ростова имеющихся материалов недостаточно. Все сорняки, которые встречены как вместе с пленками проса, так и

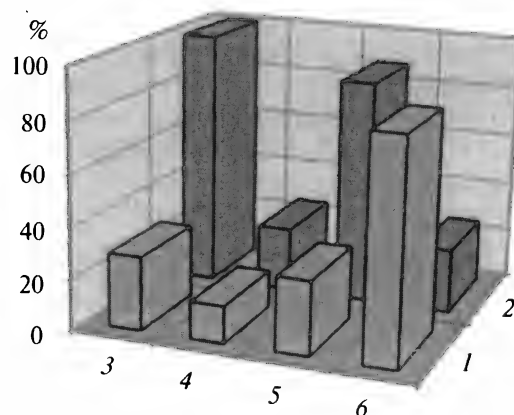

Рис. 1. Соотношение встречаемости культур в двух группах зерновых скоплений

Периоды: 1 — 1-й ряд: конец X—конец XI в., 2 — 2-й ряд: середина XII—первая половина XIII в.; культуры: 3 — рожь, 4 — пшеница, 5 — овес, 6 — просо

Таблица 3

Находки зерна в скоплениях конца X—конца XI в. из раскопок Ростова

№	Хронологический период	Рожь	Пшеница	Овес	Просо	Конопля	Горох	Сорняки
1	70–80-е годы X в.	+	–	–	–	–	–	–
2	Рубеж X—XI вв.	–	–	–	+	–	–	+
3	“	–	–	–	+	–	–	+
4	“	–	–	+	+	–	–	+
5	“	–	–	–	+	–	–	+
6	Конец XI в.	–	–	–	+	+	–	+
7		+	–	+	+	–	+	+
	Всего	2	1	2	6	1	1	6
	% от числа скоплений	28,6	14,3	28,6	85,7	14,3	14,3	85,7

Таблица 4

Находки зерна в скоплениях конца XII—XIII в. из раскопок Ростова

№	Хронологический период	Рожь	Пшеница	Овес	Просо	Конопля	Горох	Сорняки
1	Середина XII–первая половина XIII в.	+	–	+	–	–	–	–
2	“	+	–	+	–	–	–	–
3	“	+	–	+	–	–	–	–
4	“	+	–	–	–	–	–	–
5	“	+	–	+	–	–	–	–
6	“	+	+	+	+	–	–	+
7	“	+	+	+	+	–	–	+
8	“	+	–	+	–	–	–	+
	Всего	8	2	7	2	–	–	3
	% от числа скоплений	100	25	87,5	25	–	–	37,5

с зернами ржи, имеют широкое распространение в посевах зерновых. Некоторые из них растут среди яровых и озимых посевов. Но не обнаружено семян, которые являются специализированными сорняками озимых культур. Подсчитать коэффициент засоренности возможно только в двух скоплениях, содержащих более 2000 зерен ржи. Но нет полной уверенности, что семена принадлежат сорнякам, выросшим на одном поле с хлебами, так как часть из них найдена на комках слоя со щепой.

Просо, пшеница и овес, бесспорно, являются культурами яровыми. Рожь тоже могла быть яровой. Эта форма культуры известна и в более позднее время (Кирынова, 1992. С. 55).

На основании уже исследованного ранее значительного количества зерновых материалов с памятников лесной зоны можно говорить о появлении в земледелии на рубеже I и II тысячелетий н.э. озимой ржи и преоблада-

нии ее в находках с XI в., а также о снижении роли проса в посевах.

По этим же материалам можно предполагать использование в земледелии нескольких систем. На открытых участках могла применяться переложная система. На залежах скорее всего было распространено беспашенное подсеčno-огневое земледелие. Но постепенно начал складываться массив земель длительного использования, где восстановление плодородия происходило в паровом поле. Могли существовать также комбинированные системы, сочетавшие преимущества нескольких систем. Вероятно, зерновые материалы, найденные в Ростове, отражают время изменений в составе возделываемых культур, время уменьшения количества посевов проса и возрастания роли ржи в земледелии, что было связано с изменениями и в характере посевных участков. Скорее всего новые находки зерна позволили бы уточнить развитие этих процессов в изучаемом районе.

Агроклиматические ресурсы Ярославской области, 1974. Л.

Кирьянова Н.А., 1991. Земледелие Северо-Восточной Руси // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.

Кирьянова Н.А., 1992. Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI — XV вв. М.

Почвенно-географическое районирование СССР, 1962. М.

SUMMARY

N.A. Kiriyanova

GRAIN-GROWING MATERIALS FROM THE EXCAVATIONS IN ROSTOV THE GREAT

The presented grain-growing materials are the first finds of grains during the excavations in Rostov the Great. They have been gathered in 15 points of excavations in four years of expedition works under the leader-ship of A.E.Leontiev.

The grains of rye, wheat, oats, millet, hemp and peals have been found in the layers of before-Mongolian period. The grains of rye and millet occur the most often and the grains of rye are predominating. In the first group of the materials (late Xth — late XIth centuries) the grains of millet turn up the most often; after them there

are grains of rye and oats which have been discovered in three times more seldom. In the second group (mid-XIIth — the second half of the XIIIth centuries) the grains of rye are the most often; the grains of oats occur little rarely and the grains of wheat and millet are considerably seldom.

The presented grain-materials reflect the changes of the nature of sowing plots, the increase of the quota of areas used for a long time and on which the rehabilitation of fertile soil took place in the fallow land.

А.Е. Леонтьев

ДЕТАЛИ СУДОВ И ЛОДОК X—XIII вв. В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ РОСТОВА ВЕЛИКОГО

В 1955 г. во время раскопок Н.Н. Воронина в Митрополичьем саду ростовского кремля были найдены два корабельных шпангоута. Материалы раскопок не были опубликованы, и находка отмечена лишь несколькими строками в монографии Е.И. Горюновой (Горюнова, 1961. С.201) и кратким сообщением в тезисах доклада (Леонтьев, 1994. С.177—178). Подробная информация сохранилась в полевом отчете Н.Н. Воронина.

«В кв. 13, 14, 23 обнаружены и расчищены два дубовых гнутых шпангоута большой ладьи... Один шпангоут сохранился полностью, другой перебит сваей фундамента палат. Шпангоуты бортовые. Составленные вместе, они позволяют установить ширину ладьи в 3,35 м и ее высоту в 1,7 м. Шпангоуты сохранили на внешней стороне вырубку для досок обшивки ладьи, а на толстых нижних концах — стеску для крепления их в килевом брус» (Воронин, 1995. Л.31)¹. Описание сопровождается тремя фотографиями с общим видом и деталями шпангоутов и чертежом масштаба 1:5. (Воронин, 1955. Рис. 24—26, черт. 11, 18). Находки были переданы в Гос. Эрмитаж, где и хранятся в фонде Отдела русской культуры Государственного Эрмитажа, а в 1999 г. были переданы на временное хранение в Ростовский музей (Госу-

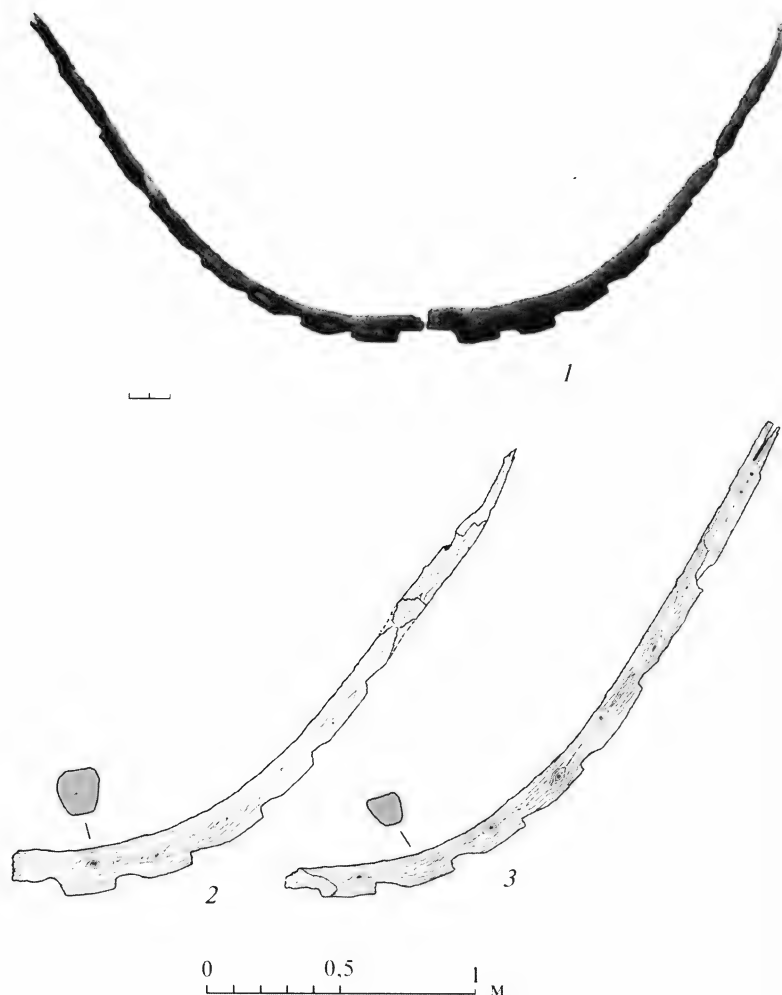

Рис. 1. Шпангоуты

1 — общий вид (по фотографии из отчета Н.Н. Воронина), 2 — шпангоут № 1, 3 — шпангоут № 2 (по чертежу 18 из отчета Н.Н. Воронина)

дарственный музей-заповедник «Ростовский кремль»).

Осмотр шпангоутов показал, что они изготовлены не из дуба, как полагал Н.Н. Воронин, а из хвойного дерева, скорее всего ели. Спустя 50 лет после извлечения из земли древесина рассохлась, покрылась трещинами и шпангоуты несколько утратили свою первоначальную кривизну. В приводимой ниже реконструкции использованы данные первоначальных обмеров.

Шпангоуты лежали в обычном городском культурном слое (рис. 1), отмеченном сильной примесью щепы и навоза. Близость двух хозяйственных по назначению построек указывает на то, что они находились на территории усадьбы. От берега озера этот участок городской территории был удален на 200 м.

Н.Н. Воронин относил находку к начальному мерянскому периоду истории Ростова и датировал шпангоуты в общих рамках IX—X вв. (Воронин, 1955. Л. 37, 54). Сопоставление с данными раскопок последних лет позволяют уточ-

нить датировку. 10-й пласт раскопа 1 1955 г. по стратиграфическому положению и составу находок соответствует 10—11-м пластам раскопа у церкви Григория Богослова (1989—1996 гг.) и может быть датирован в рамках периода второй половины 90-х годов X в. — начала XI в.²

Найденные детали рассматривались как фютксы³ — конструктивные части единого пояса корпусного набора, и на этом основании предположительно были определены высота борта и ширина судна (рис. 2, 1). В действительности они представляют собой половины цельных шпангоутов соседних поясов. На нижних массивных торцах гнутых брусев очевидны следы рубки, которую невозможно объяснить конструктивными требованиями. В пользу предложенной версии свидетельствует и положение деталей в культурном слое. Они лежали практически параллельно на расстоянии 1,05 м друг от друга, что соответствует возможному размеру шпации⁴ судов того времени. Очевидно, ситуация складывалась следующим образом. Перевернутое вверх килем судно⁵ разбира-

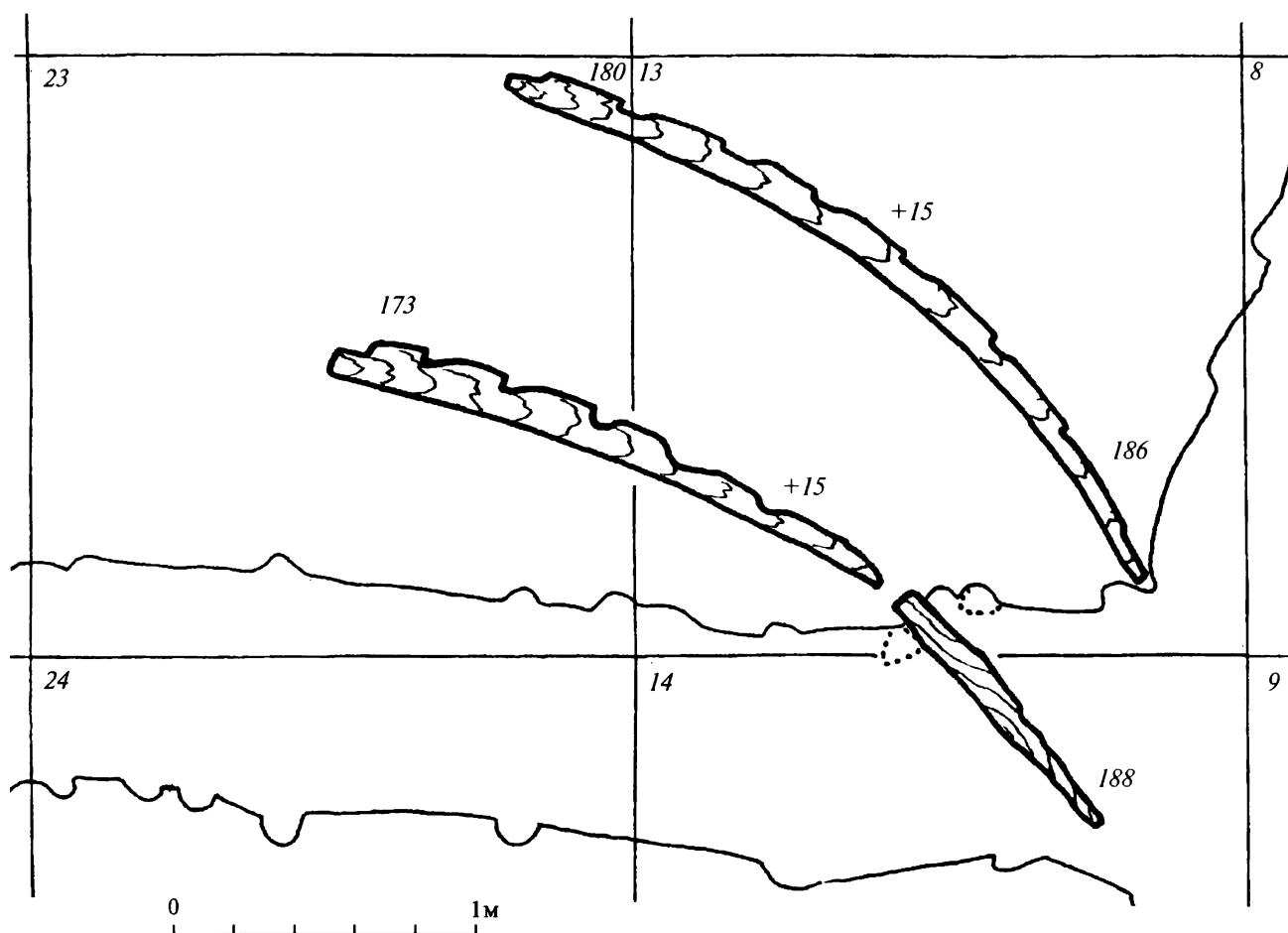

Рис. 2. Положение шпангоутов в культурном слое (по чертежу из отчета Н.Н. Воронина)

ли на берегу озера без особых предосторожностей. Часть борта была вырублена и перетащена довольно далеко в город, на двор усадьбы. Затем доски обшивки были сняты, а части шпангоутов остались лежать на месте. Примечательно, что их тонкие концы оказались утопленными в землю (см. рис. 1, нивелировочные отметки), что и могло произойти при разборке обшивки.

Шпангоуты различаются некоторыми размерными характеристиками при схожих в целом параметрах. Более массивный брус № 1 в нижней части при сечении, близком трапециевидному, имел толщину 17 см, ширину по внутреннему обводу около 16 см, по суженному внешнему обводу — примерно 10 см⁶. Длина по изгибу составляет 2,55 м (рис. 2, 2). Верхний конец отломан (по Н.Н. Воронину, был перебит сваями позднего фундамента), но сохранился. Его толщина в неповрежденном участке 9 см, ширина по внутреннему обводу около 7 см.

Шпангоут № 2 аналогичного сечения имел толщину в нижней части 12 см, ширину по внутреннему обводу около 10 см, по внешнему — порядка 6 см. В верхней части те же размеры составляли соответственно 9 см, 7 см, 5 см. Длина по изгибу 2,65 м. Верхний конец деформирован, с утратами.

Таким образом, окончания обоих шпангоутов имели одинаковое сечение. Различия очевидны только для срединных (в современном состоянии — нижних) частей, что также свидетельствует о их принадлежности к разным поясам корпусного набора. Об этом говорит и

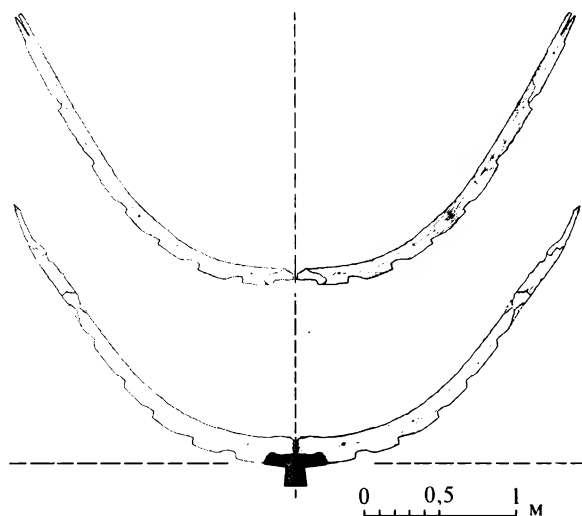

Рис. 3. Графическая реконструкция полных шпангоутов на килевом бруске. Расстояние между ними соответствует условной шпации, выявленной по положению деталей в раскопе

сопоставление деталей на плоскости, показывающее вероятный обвод участка борта (рис. 3). При условности реконструкции, вызванной техническим состоянием образцов, заметно, что развал бортов и ширина корпуса по обоим поясам практически одинаковы. Такое возможно, если шпангоуты относились к средней, наиболее широкой части корпуса. Бóльшая массивность шпангоута № 1 указывает на его близость к миделю в сравнении со шпангоутом № 2. По обводу нижней части шпангоутов заметно существовавшее, как и положено, сужение днища в направлении к носу или корме. Вероятно, с этим связано и сужение верхней кромки килевого бруса, что отразилось в уменьшении выемки в основании второго шпангоута. Не исключено, что некоторое превышение высоты шпангоута № 2 отражает на свойственное судам рассматриваемой конструкции плавное увеличение высоты борта к носовой и кормовой оконечностям судна.

Графическая реконструкция позволяет определить высоту борта по поясу № 1 1,68 м, ширину — 3,75 м.

Конструктивной особенностью шпангоутов являются вырубki по внешней кромке — по 6 на каждом. Они сделаны топором и имеют вертикальную нижнюю кромку при пологой боковой, выходящей на внешний обвод бруса. Их появление, очевидно, объясняется спецификой обшивки и порядком судостроительных работ. Тесаные доски обшивки имели продольный выступ в средней части — кламп. Шпангоуты ставились на место, заменяя специальные лекала, после закладки килевой доски, форштевня и ахтерштевня и последующего сбора обшивки внакрой (в клинкер)⁷. Вырубki делались по месту прилегания клампов, через отверстия в которых доски обшивки привязывались к шпангоутам. Такая система крепления корпуса в некоторых работах по истории судостроения называется полужесткой (Нойкирхен, 1977. С.68).

Количество вырубок и расстояние между ними позволяют предполагать существование 6 поясов обшивки, выполненной из досок шириной 30—40 см, причем более широкие доски приходились на верхние пояса. По порядку сборки еще один, нижний пояс крепился без клампа, соединяясь с килевым брусом. Выемка в нижней части шпангоута № 1, по данным реконструкции, предполагает существование кия с верхним основанием шириной 30 см, имевшего традиционное для рассматриваемого времени Т-образное сечение (см. рис. 3). Расширение верхней части кия служило основанием днища и было необходимо для крепления нижней кромки досок первого пояса обшивки.

Суженные верхние концы шпангоутов, их большой линейный размер показывают, что конструкция судна не предусматривала массивные детали поперечного набора — бимсы, крепившиеся поверх шпангоутов и обеспечивавших необходимую жесткость корпуса, а также служивших основанием для крепления различных составляющих верхней части обшивки и корпуса. Однако в верхней оконечности шпангоута № 2, по внутреннему обводу на чертеже и фотографии 1955 г., заметна прямоугольная выемка шириной 7,5 см и глубиной около 1 см. Возможно, это — след более простой поперечной связи — банки, крепившейся враспор между ветвями шпангоута.

Результаты наблюдений позволяют сделать некоторые выводы.

Достаточно простая конструкция шпангоутов и всего корпуса (отсутствие бимсов, широкие шпации), традиционная, если не сказать архаичная для рубежа X—XI вв. обшивка (использование широких досок с клампами), мягкая связь шпангоутов и обшивки по всей высоте борта показывают, что судно не было рассчитано на дальние морские переходы и, скорее всего, предназначалось для каботажного (прибрежного) и речного плавания. Об этом же свидетельствует и заметная по обводам шпангоутов плоскодонность днища, не улучшавшая мореходные качества.

Об истинных размерах судна судить сложно: их пропорции сильно варьировали в зависимости от назначения, места и времени постройки. Однако, сравнивая параметры известных судов IX—X вв., можно полагать, что длина ростовской «ладьи» при наименьшем возможном соотношении длины к ширине 3,5:1 могла составлять около 14 м, а при соотношении 5:1 превышала 20 м. При таких размерах высота борта менее 2 м определяет мелкосидящее судно. В целом, при любых, достаточно условных расчетах, ростовское судно для своего времени могло считаться немалым⁸.

Для Руси X—XI вв. суда с наборным корпусом нехарактерны. Упомянутые Константином Багрянородным «моноксилы» — однодеревки славян, использовавшиеся для плавания по Днепру и Черному морю, а также известные по другим источникам насады, струги, челны — суда иной, более простой конструкции, в основе которой лежала архаичная долбленка. Известные древнерусские археологические материалы также характеризуют преимущественно долбленые и плоскодонные лодки и малые суда (*Сорокин*, 1997. С. 24—57, 90—100, 102; *Дубровин*, 1997. С. 75—81). Единственный известный термин, который может быть связан с

иными кораблестроительными традициями, — «заморская лодья», упомянутая в Пространной редакции Русской Правды, — за то и оценена была дороже (Русское законодательство, 1984. С. 70).

Поиск аналогий конструкции ростовской «ладьи» уводит на Балтику, по известным археологическим находкам — в Скандинавию, где традиция постройки судов с наборным корпусом насчитывает тысячелетия, а в эпоху викингов строились разнообразные по назначению и размерам торговые и военные корабли. Судостроение этого и последующего времени известно по находкам использованных в погребениях и затонувших кораблей IX—XIII вв. в Норвегии, Швеции, Дании, Польше, Германии.

Трудно предполагать, что судно было построено в Ростове, хотя в усвоении новшеств кораблестроения нет ничего невероятного. Но для озера плавсредство такого класса не нужно, а создание большого корабля для дальнего плавания при отсутствии кораблестроительных традиций кажется сомнительным. Скорее, в Ростове закончило свое существование судно иноземных гостей.

Аналогичным судам принадлежали железные заклепки, служившие для скрепления кромок поясов обшивки. В Ростове найдено 7 таких заклепок, относящихся к раннему периоду истории города. Пять экземпляров относятся к периоду 60—80-х годов X в. и, таким образом, старше шпангоутов (рис. 4, 8—12). Один экземпляр может быть датирован 90-ми годами X в. и по своему стратиграфическому положению примерно соответствуют шпангоутам (рис. 4, 7). Наиболее поздняя находка датируется 3-й четвертью XI в. (рис. 4, 6)⁹. Среди заклепок есть как небольшие, длиной в пределах 3 см, так и крупные, длиной свыше 5 см, что, по П.Е. Сорокину, может служить показателем толщины обшивки и соответственно — различия в сравнительных размерах судов (*Сорокин*, 1997. С. 82).

Другим средством крепления в судостроении были деревянные гвозди-шпонки — нагели. В Ростове они немногочисленны: отмечено всего 8 находок в слоях второй половины X—первой половины XI в. Пять из них аналогичны другим известным изделиям этой категории (рис. 4, 1, 5). Еще 3, найденные в слое 60—80-х годов X в. вместе с заклепками, отличаются плоской, аккуратно обработанной головкой. Они вырезаны из основания толстых прямых веток (рис. 4, 2—4)¹⁰.

80-ми годами X в. датируются две уключины, судя по форме и обстоятельствам наход-

ки — парные. Вытесаны из сосновых (?) штук¹¹, обе сломаны в древности. Они представляют собой распространенную в средневековые формы, известную как по находкам на территории Руси, так и в других регионах Балтийского моря (Сорокин, 1997. С. 36—38). У одной из них на боковых сторонах процарапан набросок плетеного орнамента, несостоявшейся резьбы (рис. 5, 4). Уключины такого типа употреблялись на малых и средних гребных судах. В том же слое найдена лопасть весла, судя по размеру — лодочного.

Представление о ростовских лодках конца X—начала XI в. дает вырезанная из сосны игрушка (?). Опытному мастеру удалось передать характерные очертания профессионально построенной долбленки (челна). Отчетливо проработана носовая часть, намечен кормовой скос, переданы обводы корпуса и округлое днище. Единственная условность — относительно большая толщина бортов, которая в действительности была, вероятно, меньшей. Из-

делие с уверенностью можно считать моделью, неясным остается лишь ее масштаб в отношении к оригиналу (рис. 5, 1).

Еще два предмета имеют отношение к парусному вооружению и относятся к более позднему времени. Один из них — округлый роговой стержень с расширенной средней частью и кипом (кольцевым желобком) посередине найден в переотложенном культурном слое и твердой датировки не имеет. Исходя из общей стратиграфии раскопа его можно отнести к периоду XI—первой половины XIII в.¹² (Леонтьев, 1986. Л. 23, 24). В отечественной археологической литературе известны такие вещи, как *кляпы*, признанные предметом полифункционального назначения (Колчин, 1968. С. 61. Табл. 59, 1—6; Сорокин, 1997. С. 35). Возможно, они действительно могли использоваться для разных целей. Однако в морском деле эти детали имели совершенно определенную функцию и название — *клеванты* или *кневельсы* и служили для скрепления снастей стояче-

го такелажа¹³ (Эш, 1895. С. 187; Морской словарь, 1959. Т. I. С. 297). Клеванты найдены среди деталей корабля в Гокстаде. Способ их использования показан на рис. 6. На Руси древнейший кневельс происходит из горизонта E1 Старой Ладogi (865—920 гг.), где он найден вплетенным, как и положено, в конец классического морского шестипрядного линя (Сорокин, 1997. С. 35; раскопки Г.П. Гроздилова 1950 г.). Благодаря своей функциональности, эти предметы без изменений просуществовали всю эпоху паруса вплоть до современности.

Второй предмет, также роговой, найден в слое XII в. посады древнерусского Ростова (Леонтьев, 1987. Л. 50, 51.

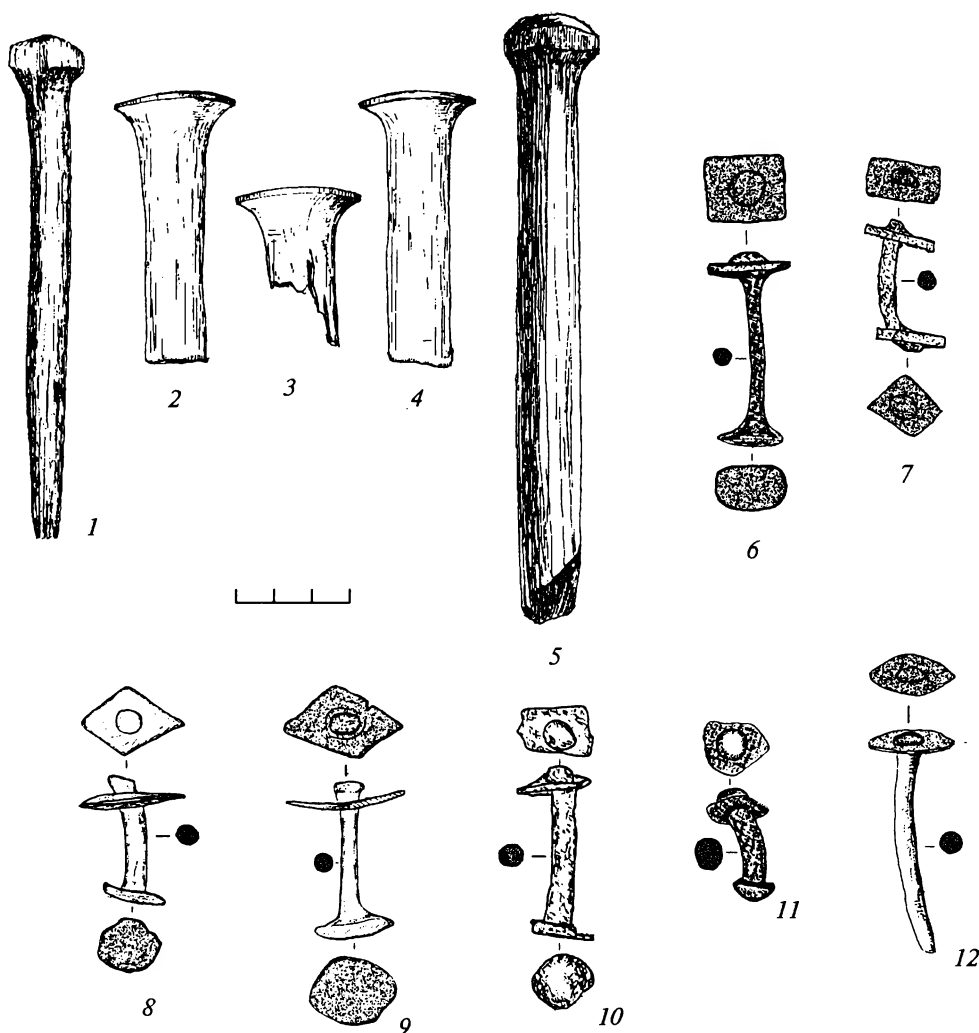

Рис. 4. Напели (1—5), заклепки (6—12)

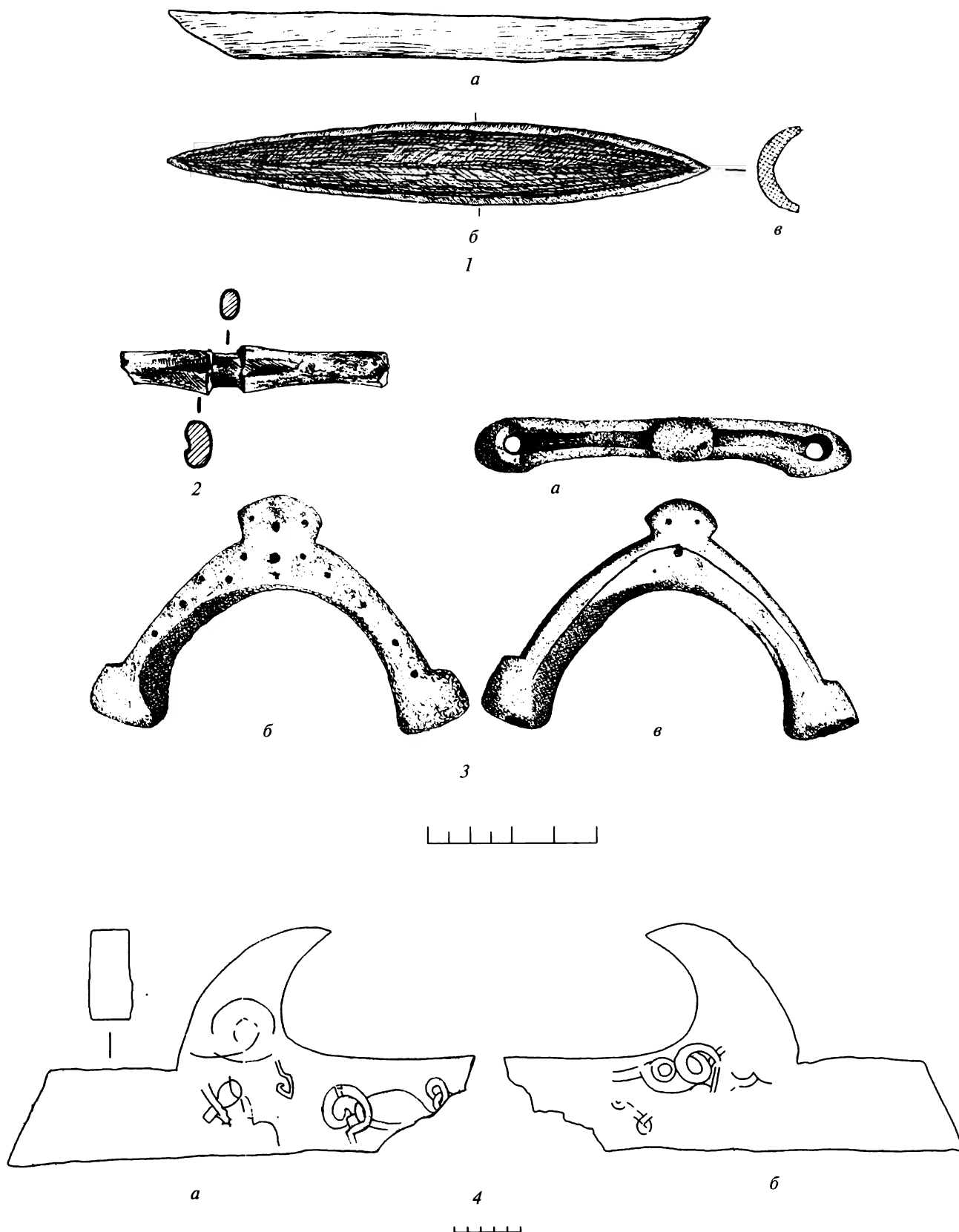

Рис. 5. Модель лодки-долбленки (1, а—в), кнелельс (2), юферс (3, а—в), уключина (4, а, б)

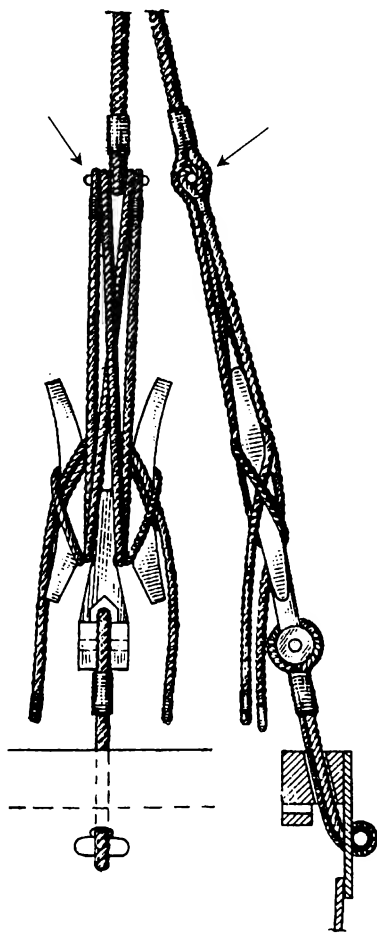

Рис. 6. Крепление вант судна из Гокстада (по И. фон Фирксу, стрелками указаны кневелись)

Рис. 86, 1). Он представляет собой изогнутую подковообразную поделку округлого сечения с полукруглым желобом (кипом) по внешней стороне и тремя закрытыми выступами со сквозными отверстиями по линии желоба на концах и в середине. Внешняя сторона ornamentирована расположенными в линию и заходящими на средний выступ мелкими круглыми ямками (рис. 5, 3). Аналогичные, но имеющие два кипа, деревянные и костяные предметы из Новгорода Б.А. Колчин расценил как детали судового такелажа — *коуши*, приспособленные для поднятия верхней реи прямого паруса (Колчин, 1968. С. 61. Рис. 49). Но «коуши» в парусном деле имеют иное назначение и конструкцию¹⁴ (Эш, 1895. С. 188). Отметив сомнительность термина, но не возражая против предположения о назначении детали, П.Е. Сорокин предложил рассматривать предмет как *ракс-бугель* (Сорокин, 1997. С. 35). Однако разно-

образные по конструкции и материалу раксы-бугели в силу своего назначения имели другие формы, обусловленные необходимостью надежно крепить рею (любой бугель, не только ракс — прежде всего кольцо: веревочное, деревянное, металлическое). К тому же деталь, как и новгородский аналог, рассчитана на очень тонкий лить диаметром не более 0,7 см, а поверхность кипа не имеет характерной заполированности, которая возникла бы при работе с движущейся снастью. Функциональное назначение изделия очевидно: жестко фиксировать положение пропущенного по кипу лить (тонкого троса). Среди деталей судового такелажа известны такие детали, как *юферсы*. Похожие по конструкции юферсы использовались в такелаже кораблей XVIII в. (Марквардт, 1991. С. 257. № 911). В своем назначении они действительно могли быть использованы как часть общей снасти для подъема реи. С другой стороны, функциональное назначение детали позволяет предполагать ее использование не только в судовом оснащении. При необходимости подобные детали могли применяться и в такелажных работах на суше, и даже для какой-либо упряжи.

Более того, первоначальное заключение Б.А. Колчина об их принадлежности к оснастке парусных лодок может оказаться ошибочным. Точно такие костяные детали известны, например, по находкам в культурном слое средневековых поселений удмуртов и коми-пермяков и трактуются на основании этнографических параллелей, как блоки «для удержания ремизок ткацкого станка в вертикальном положении» (Иванова, 1998. С. 154. Рис. 81, 13—14, 83, 1—3). По сути, функциональное назначение деталей то же, с той лишь разницей, что использовались они в иной оснастке и для иного дела. Ростовская и некоторые новгородские находки скорее действительно связаны с ткачеством.

Обзор показывает, что большинство предметов, близких к судовому делу, относится к началному периоду истории города — второй половине X—началу XI в. Шпангоуты и заклепки, возможно, уключины характеризуют не ростовское судостроение, а внешние связи города и роль в этих связях речных путей. Для Ростова это тем более примечательно, что для судовладельца водный маршрут от Волги вверх по рекам Которосли и Вексе до оз. Неро явно не мог иметь транзитный характер и был ориентирован именно на город как конечную точку путешествия.

¹⁴ Упомянутые в отчете сваи служили основанием фундамента каменной постройки ХУІ в., были вбиты до материка и занимали значительную часть раскопа.

² Раскоп 1989—1996 гг. (шифр — РГ) находился в 40 м к ЮЗ от раскопа I 1955 г. Стратиграфия нижней части куль-

турного слоя обоих исследованных участков совпадает. При отсчете горизонтов от поверхности материка (отметки дневной поверхности раскопов ощутимо разнятся) с учетом последовательности строительных ярусов пласт 10 1955 г. соответствует стыку 10—11 пластов 1994 г. Шпангоуты нахо-

дились в верхней части пласта выше нижнего, начального строительного горизонта. В стратиграфии раскопа РГ такое положение соответствует слою, отложившемуся после 995 г. (дендродата одной из построек, по определению Н.Б. Черных), — верхней части пласта 11 — нижней части пласта 10. Характеристику материалов см.: *Леонтьев*, 1998. С. 135–153.

³ Футоксы — части составного шпангоута (Морской словарь, 1959. Т. II. С. 366)

⁴ Шпация — расстояние между соседними шпангоутами (Морской словарь, 1959. Т. II. С. 397).

⁵ Именно на такое положение корпуса судна указывают следы рубки на шпангоутах, осуществимой только после снятия килевой доски.

⁶ В чертежах Н.Н. Воронина сечения деталей не указаны. В современном состоянии дерево деформировано, поэтому приводимые измерения недостаточно точны.

⁷ Такая система сборки деревянных маломерных судов дожила до современности (*Эш*, 1895. С. 20–35).

⁸ Для сравнения можно привести следующие данные. Длина корабля из Усеберга составляла 21,44 м при ширине 5,10 м; параметры корабля из погребения в Гокстаде были соответственно 23,3 м и 5,2 м; судна №1 (кнорре, торговое судно) из Скуллелева (Дания) — 16,5 м и 4,6 м, судна №3 (малый кнорре) — 13,3 м и 3,3 м; судна №5 — 18 и 2,6 м (*Фиркс*, 1982. С. 46, 53, 70, 72, 76). Размеры набойной ладьи начала XI в. из Новгорода — 6,75 м и 0,95 м (*Алешковский*, 1969. С. 266).

⁹ Заклепки найдены в раскопе у церкви Григория Богослова и имеют следующие исходные данные. Ранние на-

Алешковский М.Х., 1969. Ладья XI в. из Новгорода // *СА*. 2.

Воронин Н.Н., 1955. Отчет о работе Ростовского отряда Среднерусской экспедиции. — Архив ИА РАН, Р-1. № 1109. Ч.1, 2.

Горюнова Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // *МИА*. М. № 94.

Дубровин Г.Е., Судостроение средневекового Новгорода по археологическим данным // *Славянский средневековый город. Труды VI Международного конгресса славянской археологии*. М. Т. 2.

Иванова М.Г., 1998. Иднакар Древнеудмуртское городище IX—XIII вв. Ижевск.

Колчин Б.А., 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия // *САИ*. М. Вып. Е1-55.

Леонтьев А.Е., 1986. Отчет о работе Волго-Окской экспедиции ИА АН СССР. — Архив ИА РАН, Р-1. № 11300.

Леонтьев А.Е., 1987. Отчет о работе Волго-Ок-

ской экспедиции ИА АН СССР. — Архив ИА РАН, Р-1. № 11982.

Леонтьев А.Е., 1994. Ростовские шпангоуты // *История и культура Ростовской земли*. 1993. Ростов.

Леонтьев А.Е., 1998. Ростов эпохи Ярослава Мудрого (По материалам археологических исследований) // *Историческая археология. Традиции и перспективы*. М.

Марквардт К.Х., 1991. Рангоут, такелаж и паруса судов XVIII в. Л. Морской словарь, 1959. М. Т. I, II.

Нойкирхен Г., 1977. Мореплавание вчера и сегодня. Л.

Русское законодательство, 1984. М. Т. 1.

Сорокин П.Е., 1997. Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб.

Фиркс И., фон, 1982. Суда викингов. Л.

Эш Г.В., 1895. Руководство для любителей парусного спорта. СПб.

SUMMARY

A.E. Leontjev

THE DETAILS OF VESSELS AND BOATS OF THE Xth—XIIIth CENTURIES IN THE ARCHAEOLOGIC COLLECTION FROM ROSTOV THE GREAT

The article is devoted to the finds of details of vessels and boats of the Xth — XIIIth centuries in Rostov town. The basic attention is given to the frames of a vessel with a type-sitting ease. This unique find on the territory of Ancient Russia is dated by the Xth — XIIIth centuries. The author describes circumstances of the find, questions of dating, pos-

sible design feature of the vessel. The known analogies allow to make a conclusion about its foreign origin. The history of shipbuilding links the vessels to Scandinavia and some countries of Baltic littoral.

Among other finds the wood lag screws and iron securing rivets for bracing of plating sides, thole, and also details of ropes are considered.

И.А. Сумина

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПЕРСТНИ СРЕДНЕВЕКОВОГО БЕЛОЗЕРЬЯ

За последние десятилетия на археологической карте Русского Севера появилось более сотни средневековых памятников. Значительное их количество выявлено в бассейне Белого озера (рис. 1). Благодаря полевым исследованиям нескольких поколений археологов накоплен богатейший вещевой материал, среди которого особенной представительностью и разнообразием форм отличаются предметы женского убора. Как показывает опыт, ювелирные изделия являются наиболее репрезентативным археологическим источником, информативность которого многократно увеличивается при рассмотрении предметов по отдельным вещевым категориям.

Коллекция металлических перстней из средневековых памятников Белозерья насчитывает более 450 экземпляров и продолжает ежегодно пополняться. Многочисленность и малоизученность накопленного материала, время бытования которого ограничено второй половиной IX—XIII в., обусловили выбор его предметом специального исследования. Для анализа в настоящей работе привлечены находки из раскопок А.Н. Башенькина, Л.А. Голубевой, С.Д. Захарова, А.В. Кудряшова, Н.А. Макарова, А.В. Никитина, Н.В. Тухтиной*.

Перстни из металла неоднократно привлекали внимание археологов (*Арциховский*, 1930. С. 71—88; *Недошивина*, 1967. С. 253—274; *Седова*, 1959. С. 223—261; 1981. С. 121—143). Предложенная исследователями совокупность максимально возможных характеристик, приемлемых для описания данной категории вещей (*Шапова и др.*, 1990. С. 36—48; *Рындина*, 1963. С. 200—

268; *Лесман*, 1990. С. 46—55), упорядочена Т.Г. Сарачевой (*Сарачева*, 1992). Классификационная схема Т.Г. Сарачевой (*Сарачева*, 1994. С. 85—97), представляется наиболее оптимальной и открытой, поэтому именно она легла в основу изучения форм и строения металлических перстней Белозерья. Заметим, что применение единой системы признаков при описании предметов одной категории значительно упрощает введение в научный оборот новых материалов.

В конструкции перстня выделяются несколько ключевых частей (конструктивных элементов): обруч, щиток, оправка, вставка (*Шапова и др.*, 1990. С. 9). На основе различного сочетания этих составляющих коллекцию белозерских перстней можно разделить на три класса:

- I. Перстни, состоящие только из обруча.
- II. Перстни, состоящие из обруча и щитка.
- III. Перстни, состоящие из обруча, оправы и вставки.

Для типологии металлических перстней Белозерья принципиальное значение имеет определение морфологических различий. Перстни I класса разделяются по общей форме обруча (обруч-прут или пластина, однорядный или спиральный, равномерный или расширяющийся в передней части) и по его строению (замкнутый либо разомкнутый). В перстнях II класса важны такие признаки, как поперечное сечение щитка (плоское или выпуклое) и его общая форма (т.е. продольное сечение). Некоторые из вышеозначенных показателей выделяются хронологически: например, замкнутость обруча (для пластинчатых перстней), “завязанность” концов изделий (для пластинчатых и проволочных перстней), ширина передней части обруча (для проволочных перстней).

* Благодарю авторов раскопок за предоставленную возможность работы с коллекциями и публикацию материалов.

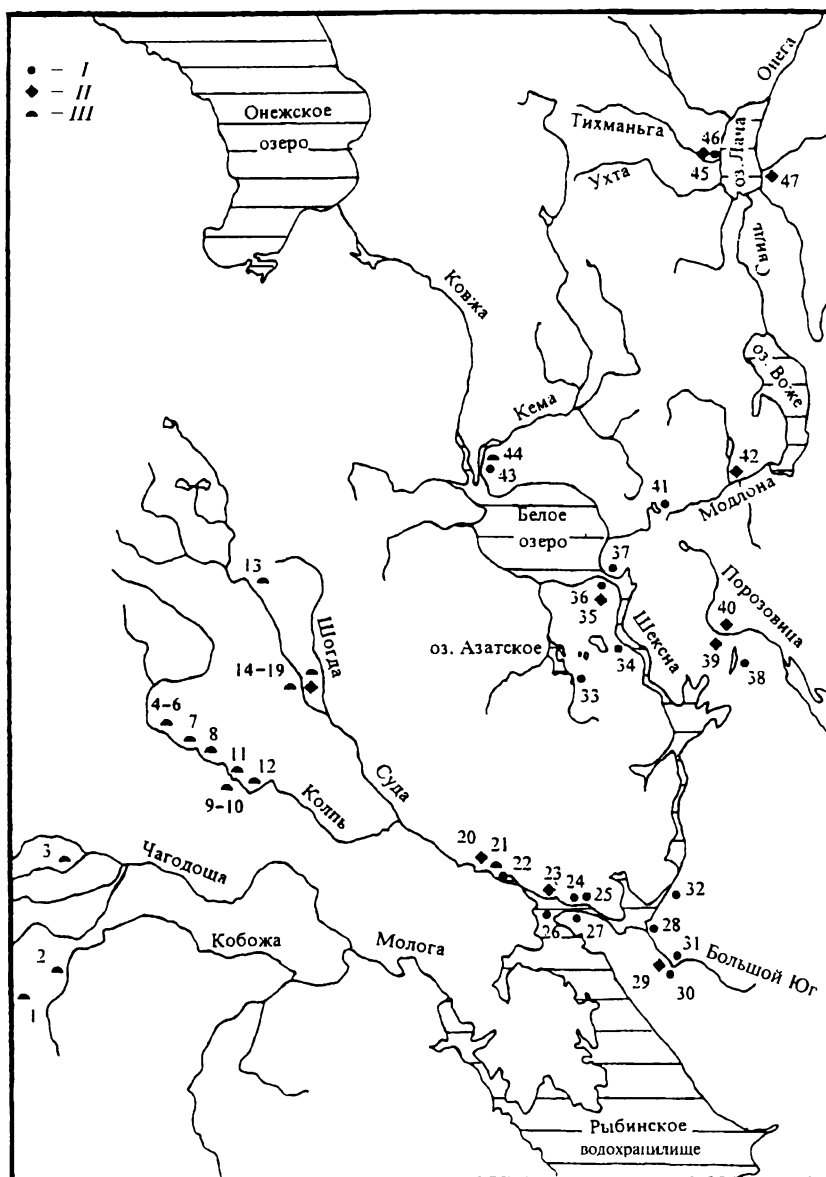

Рис. 1. Находки перстней на территории Белозерья (памятники второй половины IX—XIII в.)

I — поселения, II — грунтовые могильники, III — курганы;
 1 — Левоча, 2 — Кобожа I, 3 — Новинка (Чагодошенский р-н), 4 — Новинка I, 5 — Новинка 2, 6 — Новинка 3, 7 — Тимошкино, 8 — Степаново, 9 — Володино I, 10 — Володино 2, 11 — Дудино, 12 — Бабаево, 13 — Нижний Конец, 14 — Никольское V, 15 — Никольское VI, 16 — Никольское XI, 17 — Никольское XIII, 18 — Никольское XVI, 19 — Никольское XVIII, 20 — Пугино, 21 — Кривец II, 22 — Кривец I, 23 — Торово, 24 — Октябрьский мост, 25 — Соборная горка, 26 — Луковец, 27 — Матурино II, 28 — Дом охотника, 29 — Минино I, 30 — Минино V, 31 — Минино II, 32 — Усть-Имая, 33 — Нефёдово, 34 — Крутик, 35 — Крохинские Пески, 36 — Белоозеро, 37 — Белоозеро левобережное, 38 — Усть-Ситское III, 39 — Шуйгино, 40 — Нефёдово, 41 — Волок, 42 — Погостище, 43 — Никольское IX, 44 — Никольское III (Кемский некрополь), 45 — Горка I, 46 — Горка II, 47 — Попово

Технологическая характеристика белозерских перстней основана исключительно на визуальном осмотре и включает лишь первичную информацию о технике изготовления вещей и способах нанесения орнамента. Тем не менее данный критерий принимался во вни-

мание в случаях влияния его на форму предметов, т.е. при фактическом совпадении морфологических и технологических признаков. На этом основании выделены перстни витые, плетеные, крученые и со вставками. Немногочисленность последних обусловила выбор единственным критерием для разграничения перстней III класса способ крепления вставки.

Большая часть исследуемого материала происходит из комплексов, хронология которых достаточно хорошо разработана (Голубева, 1973. С. 142; Макаров, 1990. С. 97, 102–108; Башенькин, 1993. С. 3–10; Кудряшов, 1996. С. 189–197; и др.). Это позволило сузить временные границы бытования некоторых типов перстней, а в ряде случаев зафиксировать их с точностью до четверти века*. Однако значительная и наиболее яркая часть белозерской коллекции женских украшений происходит из размытого слоя старого Белоозера — летописного города у истока Шексны. Данное обстоятельство затрудняет ее хронологическую интерпретацию и заставляет обратиться к методу датирования по аналогиям. Эталон для определения дат археологических материалов X–XV вв., происходящих из северных областей Восточной Европы, является новгородская шкала древностей (Колчин, 1958. С. 92–111; 1982. С. 156–177; Седова, 1981; Лесман, 1990. С. 29–99). Правомочность ее применения для Белозерья обоснована Н.А. Макаровым. Согласно его наблюдениям, «заметного запаздывания в попадании предметов тех или

иных типов на Север или их пережиточного бытования здесь зафиксировать не удалось»

* Предлагаемая хронологическая схема может быть откорректирована в результате археологических исследований последующих лет.

(Макаров, 1990. С. 95). Сходство материальной культуры основной массы древнерусских памятников позволяет использовать археологические источники сопредельных регионов для проведения хронологических и исторических параллелей.

КЛАСС I
ПЕРСТНИ, СОСТОЯЩИЕ ИЗ ОБРУЧА, —
367 ЭКЗ.

Обруч является единственным конструктивным элементом перстней этого класса. Формы его различны: пластинчатая, проволочная, пла-

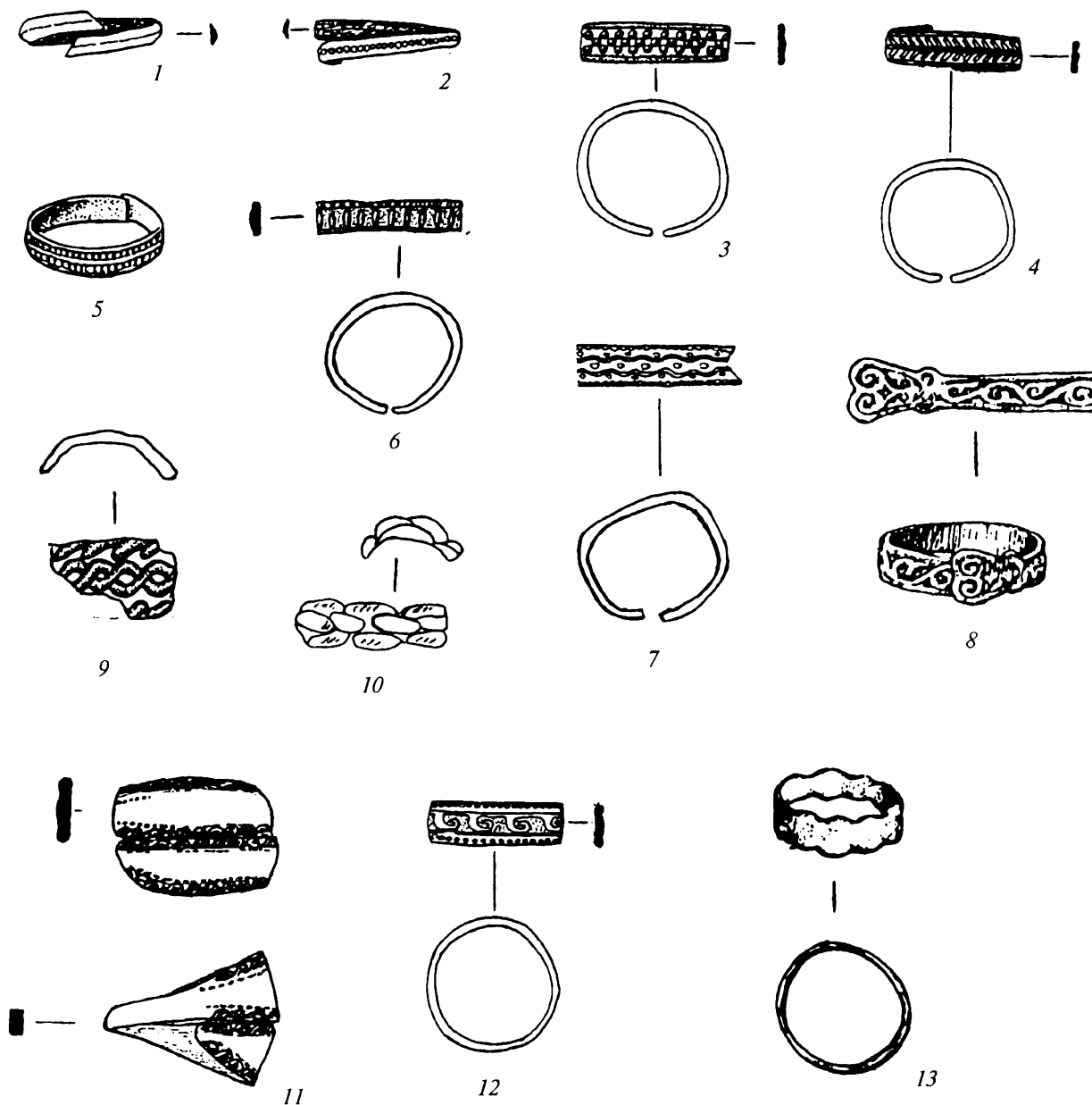

Рис. 2. Пластинчатые прямые незамкнутые перстни (тип 1) — 1—11, пластинчатые прямые замкнутые (тип 1, вариант 1) — 12—13

1 — Новинка (Чагодошенский р-н), курган 13, 2 — Новинка (Чагодошенский р-н), курган 12, 3 — Нижний Конец, курган 1, 4 — Левоча, курган 5, 5 — Новинка 1 (Бабаевский р-н), курган 39, 6 — БО-91, Восток, уч.В, 7, 11 — Белоозеро, 8 — Горка II, 9 — БО-93, Восток, уч.1, 10 — БО-93, Восток, уч.11, 12 — Никольское III (Кемский некрополь), курган 10, 13 — Никольское III, курган 16;

1—5, 7—9, 11—13 — бронза, 6 — билон, 10 — свинцово-оловянистый сплав (?)

стинчато-проволочная, усложненная, витая, плетеная. Поперечное сечение обручей — плоское, выпуклое, плоско-выпуклое.

Пластинчатые перстни делятся на прямые (имеющие одинаковую ширину на всем протяжении) и широкосрединные, проволочные — на равномерные и с утолщенной передней частью.

Витые и плетеные перстни разделяются по количеству прутков, из которых они изготовлены, а также по месту расположения на обруче витка, плетения или их имитации (на всем обруче, на его большей части или только на передней части).

Обручи всех перстней отличаются способом оформления концов и поэтому могут быть замкнутыми (моноконтными), сомкнутыми (с концами, соединенными «встык» или завязанными) и разомкнутыми (со свободными, т.е. не сходящимися друг с другом, или заходящими друг за друга концами).

Тип 1. Пластинчатые прямые незамкнутые — 60 экз. (рис. 2, 1—11)

Ширина обруча таких перстней на всем протяжении одинакова, у различных экземпляров имеет величину от 3,2 до 5,6 мм. У трех изделий ширина пластины 10 мм. Поперечное сечение обруча — плоское или плоско-выпуклое, у одного экземпляра — треугольное (курган 13 у д. Новинка Чагодощенского р-на Вологодской обл.). Обруч прямых перстней разомкнут (имеет свободные или заходящие друг за друга концы).

Основная масса перстней (38 экз.) декорирована. Орнамент, покрывающий всю поверхность обруча, представлен 17 вариантами. Можно выделить растительные и геометрические элементы декора, одиночные и тройные ряды выпуклых полушарий, вертикальные, горизонтальные, косые и зигзагообразные рельефные линии. Интересны два экземпляра, сохранившиеся в обломках (БО*-93, Восток), орнамент которых имитирует витые (рис. 2, 9) и плетение (рис. 2, 10).

Особняком стоит прямой перстень с заходящими расширяющимися концами, украшенный по краям выпуклым «витым» узором и рядами прямоугольного штампа (БО-50). Такая форма чрезвычайно редка для перстней (рис. 2, 11).

Большинство экземпляров данного типа отлиты в односторонней жесткой (каменной

?) форме. Имеющийся рельефный декор также литой. Часть перстней (Нижний Конец, курган 1 — рис. 2, 3; Кобожа 1, курган 21) отлита в форме, полученной путем оттиска в глине готового изделия (об этом можно судить по сглаженности и нечеткости орнамента). Интересны 3 перстня с одинаковым декором (Кобожа 1, курган 21). Найденные в одном погребении, они различаются шириной пластины и степенью проработанности орнамента, что свидетельствует об их изготовлении в разных формах.

На обозначенной территории пластинчатые прямые перстни, в подавляющем большинстве случаев орнаментированные, получают широкое распространение с начала XI в. и продолжают бытовать в XII в., но с середины XII в. их количество резко снижается. Отдельные экземпляры доживают до начала XIII в.

Перстни с шириной обруча 3,2—3,5 мм (рис. 2, 1—2) — так называемые узкопластинчатые — четко выделяются хронологически. Находки их, локализованные в Юго-Западном Белозерье, происходят из комплексов XI в. Аналогичные украшения обнаружены в Юго-Восточном Приладжье, в памятниках местного прибалтийско-финского населения того же времени (Кочуркина, Линевский, 1985. Рис. 39, 1; 51, 15).

Перстни, аналогичные белозерским (рис. 2, 6, 4—5, 7) встречаются в слоях Древнего Новгорода: 70—90-х годов X в. (Седова, 1981. Рис. 47, 11), XI в. (Там же. Рис. 47, 14, 16), XIII в. (Там же. Рис. 47, 18). Орнамент в виде косички (рис. 2, 4), по мнению М.В. Седовой, характерен для финских племен Поволжья и Прикамья (Седова, 1981. С. 131). С территории Юго-Западного Белозерья происходят два таких экземпляра, обнаруженные в комплексах XI в.

В Юго-Западном Белозерье локализованы также находки перстней с орнаментом в виде горизонтальных рядов чередующихся выпуклых полушарий (рис. 2, 3). Все они относятся к XI в. Подобным образом украшены перстни Днепровского Левобережья (Сарачева, 1992. Рис. 2). Аналогичные изделия в большом количестве встречаются в древностях летописных радимичей (Рыбаков, 1932. Табл. IX, 8). Данное обстоятельство может свидетельствовать о проникновении белозерских изделий с территории Южной Руси.

Интересен перстень с орнаментом, имитирующим витые (рис. 2, 9). Он изготовлен из части пластинчатого браслета, аналогичные которому встречаются среди древностей вятичей (Никольская, 1981. Рис. 85, 12). Еще один экземпляр (рис. 2, 8) изготовлен из криноконечного браслета «со сложным растительным ор-

* Здесь и далее для краткости используется сокращение БО, принятое в полевой документации при работах в Белозерье.

наментом в виде вьющейся лозы на корпусе” (Седова, 1981. С. 113). Подобные браслеты обнаружены в Новгороде в слоях 30—80-х годов XII в (Там же. Рис. 42, 8) и во владимирских курганах XI—XII вв. (Спицын, 1905. Рис. 271). Перстень с аналогичным декором найден в

Суздале в жилище конца XI в. (Седова, 1997. Рис. 24, 15; С. 90). Приведенные выше сведения позволяют датировать экземпляр из Белозерья временем не раньше первой половины XII в. (что не противоречит датировке Н.А. Макарова XI—XIII вв. — Макаров, 1990. С. 138).

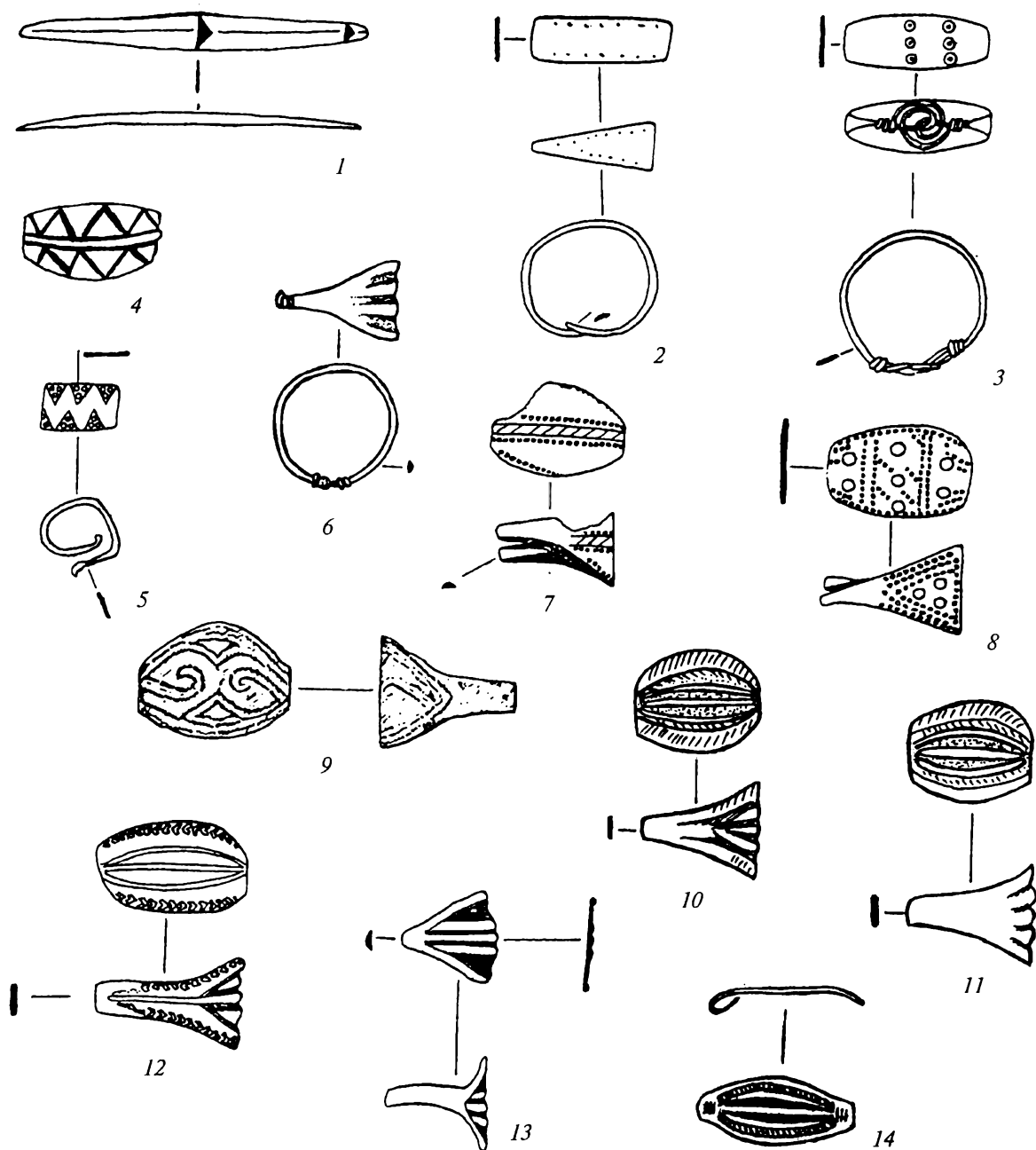

Рис. 3. Пластинчатые широкосрединные незамкнутые перстни (тип 2) — 1—2, 4—5, 7—9, пластинчатые широкосрединные замкнутые (тип 2, вариант 1) — 10—14, пластинчатые широкосрединные завязанные (тип 2, вариант 2) — 3, 6

1 — БО-94, Восток, уч.16, 2—3 — Никольское XIII, курган 6, 4 — Нефедьево, погр. 41, 5 — Усть-Ситское III, пласт 7, 6, 11 — Нижний Конец, курган 4, 7, 13 — Белоозеро, 8 — Нефедьево, погр. 73, 9 — Горка I, погр. 17, 10 — Крутик, раскоп II, 12 — Крутик, раскоп I, 14 — Никольское IX, уч.3;

1—3, 5, 7, 10, 11, 13, 14 — бронза, 4, 8 — бронза (?), 6, 9 — серебро, 12 — билон

Уникальна форма перстня (рис. 2, 11), найденного в Белоозере в горизонте XII в. (Голубева, 1973. С. 142). Н.Г. Недошивина отмечает подобные изделия в памятниках Брянской и Смоленской областей, а также во владимирских курганах, называя их ширококонцовыми и датируя XI (?) в. (Недошивина, 1967. С. 273).

Тип 1. Вариант 1. Пластинчатые прямые замкнутые — 2 экз.
(рис. 2, 12—13)

Один экземпляр (рис. 2, 13) не орнаментирован. Своеобразным способом декорирования можно считать оформление краев обруча в виде двух симметричных волнистых линий. Фигурная (в развертке) форма обруча делает перстень (Кемский некрополь, курган 16) единственным в своем роде. На другом экземпляре (рис. 2, 12) геометрический узор, покрывающий всю поверхность пластины, прерывается. Длина неорнаментированной части приблизительно 8 мм. Следы спайки концов отсутствуют. Вероятно, перстень (Никольское III — Кемский некрополь, курган 10) отлит по оттиску в глине аналогичного, но разомкнутого согнутого изделия.

Оба экземпляра происходят из комплексов 40—70-х годов XI в. (Макаров, 1990. С. 102). Орнамент одного из них (рис. 2, 12) и форма обруча другого (рис. 2, 13) уникальны, и аналогий им пока не найдено. Перстни с волнистыми краями известны в XI—XII вв. в курганах Псковской, Смоленской, Калужской областей (Недошивина, 1967. С. 271), но у них такую форму имеет только передняя часть обруча.

Тип 2. Пластинчатые широкосрединные незамкнутые — 81 экз.
(рис. 3, 1—2, 4—5, 7—9)

Обруч таких перстней плавно расширяется от концов к передней части. Максимальная ширина пластины колеблется в пределах 7—16 мм. В поперечном сечении пластина образует прямоугольник с прямыми или чуть закругленными краями. Поперечное сечение двух экземпляров треугольное (БО-94, Восток; поселение Кривец). Обруч может иметь концы разомкнутые или завязанные. К разновидности завязывания относится так называемая «улитка» (рис. 3, 3) — прием, при котором дровяные концы не обматываются вокруг обруча, а закручиваются в спираль, лежащую в плоскости, параллельной передней части перстня (Никольское XIII, курган 6). Один экземпляр (селище Усть-Ситское III) имеет заходящие и одновременно загнутые концы (рис. 3, 5).

44 перстня данного типа декорированы. Орнамент располагается на расширенной части

пластины. Среди его разновидностей — выпуклые продольные валики, одинарные или двойные ряды «волчьего зуба», зубчатого колесика, горизонтальные и косые насечки, циркулярный декор, пунктирные линии. Довольно часто эти элементы сочетаются между собой. Один экземпляр (рис. 3, 9) украшен растительным орнаментом (могильник Горка, погр. 17).

Перстни этого типа изготовлены как способомковки, так и литьем. Кованые перстни представлены в основном серебряными изделиями (толщина пластины — 0,5 мм). Единичные экземпляры — бронзовые (Никольское XIII, курган 6 — рис. 3, 2—3). Коваными оказались все перстни с завязанными концами. Литые перстни изготавливались, очевидно, в односторонней жесткой форме. Косвенным доказательством этого может служить находка заготовки перстня (рис. 3, 1), еще не согнутого по объему пальца (БО-94, Восток).

Нанесение орнамента на изделия осуществлялось пуансонами с треугольным («волчий зуб») и кольцевым рабочим концом, а также резцом с острым рабочим краем. Часто применялся чекан, дающий узор в виде рядов углублений прямоугольной или квадратной формы. Продольные валики штамповались на мягкой (свинцовой?) наковальне или подкладке (подобный декор имеют в основном серебряные перстни).

Данный тип перстней появился на обозначенной территории в первой половине X в. и сразу же стал преобладающим. Такое положение сохранилось до начала XII в. — времени появления и стремительного распространения ложновитых и рубчатых перстней. Широкосрединные украшения существовали и в первой половине XIII в., хотя их количество заметно уменьшилось.

Форма и декор некоторых перстней белоозерской коллекции (рис. 3, 2, 4) имеют аналогии в материалах памятников западных регионов: в курганах XI в. Юго-Восточного Приладожья (Кочкуркина, Линевский, 1985. Рис. 30, 3), в древностях Прибалтики конца I тысячелетия н.э. — первых веков II тысячелетия н.э. (Archeologija un etnografija, 1957. Att. 9, 1; Финно-угры и балты..., 1987. Табл. CV, 19; Archeologija un etnografija, 1983. Att. 35, 3). Западное происхождение имеет, очевидно, экземпляр середины—второй половины XII в. из могильника Нефедьево (рис. 3, 8): общеизвестно широкое применение штампованного орнамента на ювелирных изделиях Прибалтики и Северо-Западной Руси.

Появление в Белоозерье широкосрединных перстней с узкими заходящими концами

(рис. 3, 7) обусловлено связями с юго-восточными поволжскими областями, и прежде всего — с костромским регионом (*Третьяков*, 1931. С. 17; *Недошивина*, 1967. С. 262; *Рябинин*, 1986. Табл. III, 5—6). Наибольшая активность этих контактов приходится на вторую половину XII в.

Один перстень из комплекса этого же времени имеет северо-западное происхождение (рис. 3, 9). На это указывает как способ оформления контура рисунка, так и сама композиция орнамента (ср.: *Kivikoski*, 1963. Abb. 54).

Тип 2. Вариант 1. Пластинчатые широко- срединные замкнутые перстни — 7 экз. (рис. 3, 10—14)

Сюда относятся перстни, получившие в археологической литературе название «пластинчатые широкосрединные щитковые» (*Голубева, Кочкуркина*, 1991. С. 74). Замкнутый обруч таких перстней, имеющий прямоугольное поперечное сечение, расширяется в передней части, которая принимает (в развертке) форму овала.

Передняя часть всех перстней орнаментирована. У 7 экземпляров она украшена тремя продольными валиками, причем у 3 изделий на выпуклых краевых частях и в углублениях под ними имеется дополнительный орнамент в виде косых насечек, образующих «елочку» (рис. 3, 10, 11). Один экземпляр имеет насечки только в углублениях под выпуклыми краями (интересно, что во всех указанных перстнях угол наклона насечек приблизительно одинаков — 66—69°). Еще одно украшение (рис. 3, 12) декорировано по «бордюрам» грубым подобием «елочки» (орнамент выпуклый литой). Перстень из Белоозера (БО-52) отличается более широкой передней частью (около 20 мм) и почти параллельным расположением валиков (рис. 3, 13).

Все перстни этого варианта литые. Орнамент тоже литой (возможно, в некоторых экземплярах уже отлитые продольные валики дополнительно выгибались изнутри для придания им большей рельефности). Трудно определить способ изготовления подобных перстней. Один экземпляр (рис. 3, 12) с грубым литым узором представляет собой, вероятно, продукт местного литья по оттиску готового изделия.

Перстни этого варианта до сих пор слабо изучены. Находки их единичны, время бытования ограничено одним — максимум полутора столетиями. Все вышесказанное привело исследователей к мысли о местном происхождении подобных перстней, как и аналогичных им браслетов (*Голубева, Кочкуркина*, 1991. С. 75).

По-видимому, сегодня ареал этих изделий можно расширить, правда, с большой осторожностью, так как находки их все еще редки. Единичные экземпляры перстней с продольными валиками отмечены в Восточной Латвии, однако там они широко датированы — X—началом XIII в. (*Latvijas PSR Archeologija*, 1974. Tab. 49, 10) и XII—XIV вв. (*Archeologija un etnografija*, 1987. Att. 5, 6). Браслеты с валиками опубликованы Э.Кивикоски среди древностей Финляндии и Аландских островов (*Kivikoski*, 1963. Abb. 53; 1973. Abb. 232, 268, 455). Там же найдены и перстни с аналогичным декором (*Kivikoski*, 1973. Abb. 269, 1088), один из них дополнительно украшен насечками в виде «елочки» (Abb. 1090). Широкосрединные перстни с сужающимися заходящими концами, орнаментированные продольными валиками с насечками, встречаются в составе готландских кладов эпохи викингов. Отмеченные изделия выполнены из серебра и дутого золота (*Stenberger*, 1947. II. Abb. 85, 102, 1, 3; 262, 2, 4, 6). Часть из них отнесена к XI в., часть обнаружена в кладе, зарытом около 1000 г. (*Ibid.* I. S. 135, 137). В могильнике Luistari (Финляндия) обнаружены 4 подобных серебряных перстня (*Lehtosalo-Hilander*, 1982. II. Fig. 35, 10). Один найден вместе с монетами 1000—1025 гг. (*Ibid.* I. S. 373, № 1348), другой происходит из сильно разрушенного захоронения, датированного автором публикации (с оговорками) меровингским периодом (*Ibid.* S. 379, № 1466). Для остальных экземпляров даты не приведены.

Белозерская группа перстней этого вида не только многочисленна, но и довольно компактна географически и хронологически — 5 украшений найдены в комплексах X в., одно — в погребении рубежа XI—XII вв., еще одно — в слое Белоозера, очевидно, датирующемся XII в.

Окончательные выводы по датировке и установлению ареала подобных перстней делать еще рано. Несомненно их бытование в X в. и отчасти в XI в. (возможно, верхняя граница охватит и начало XII в.). Белозерье являлось, очевидно, восточным рубежом распространения этих перстней, а основная масса их находок в свете дальнейших исследований будет тяготеть к региону Балтийского моря.

Тип 2. Вариант 2. Пластинчатые широко- срединные завязанные — 12 экз. (рис. 3, 3, 6)

Четко выделяются в Белозерье хронологически — появляются в X в. и бытуют до конца третьей четверти XI в. Отдельные экземпляры доживают до рубежа XI—XII вв.

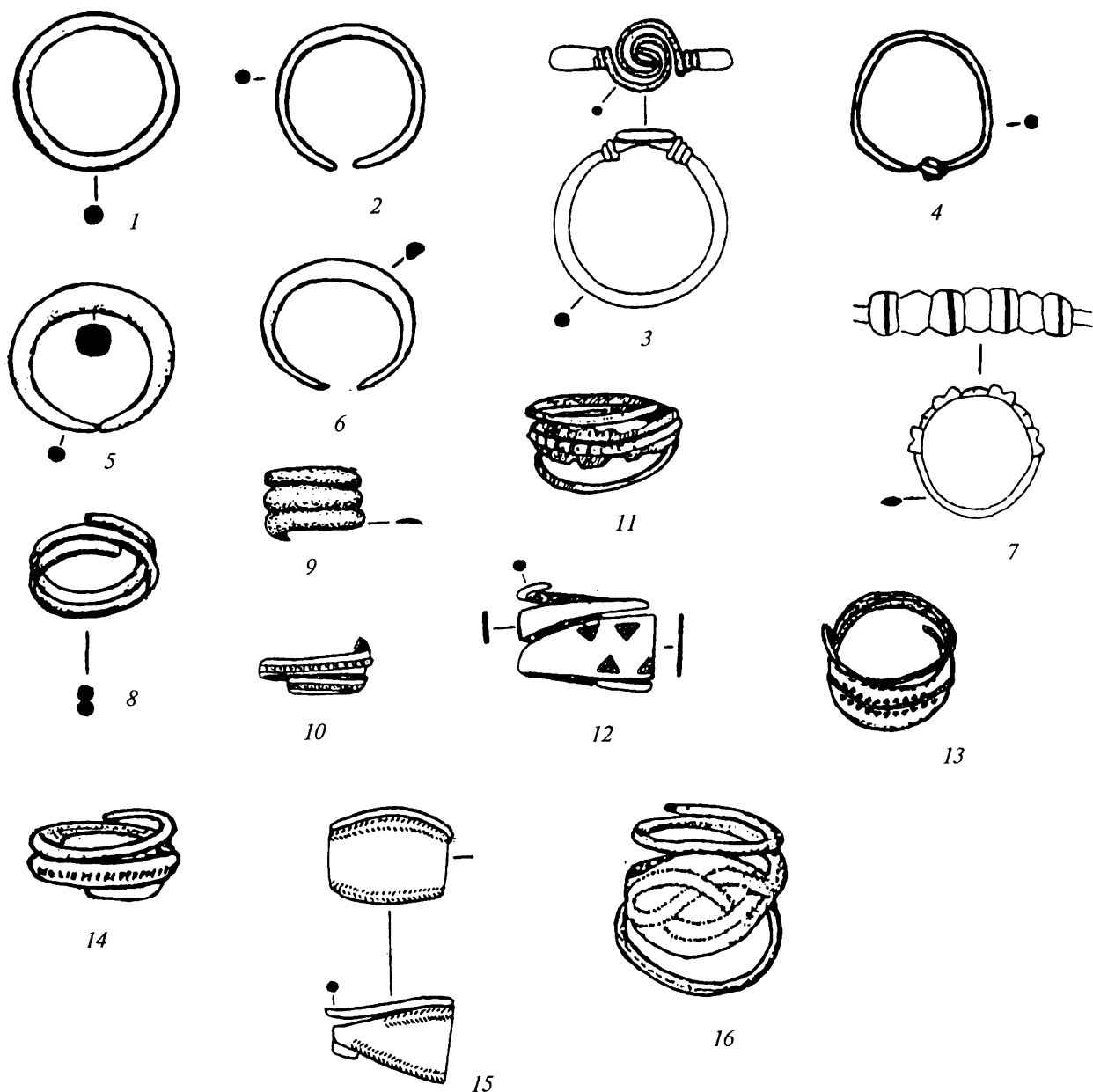

Рис. 4. Проволочные равномерные перстни (тип 3) — 1—2, проволочные равномерные завязанные (тип 3, вариант 1) — 3—4, проволочные с расширенной передней частью (тип 4) — 5—6, проволочные с усложненной передней частью (тип 5) — 7, спиральные проволочные (тип 6) — 8, спиральные пластинчатые (тип 7) — 9—10, усатые (тип 8) — 11—16

1 — Нефедьево, погр. 21, 2 — Минино I, погр. 1, 3 — Никольское III, курган 10, 4 — Тимошкино, курган 10, 5 — Нефедьево, погр. 17, 6 — Октябрьский мост, раскоп I, 7 — Белоозеро, 8 — Нефедьево, погр. 27, 9 — Дом охотника, 10 — Крутик, раскоп I, 11 — Крутик, траншея 1, 12 — Никольское VI, раскоп II, 13 — Нефедьево, погр. 28, 14 — Никольское XVI, 15 — Новинка 2, курган 16, 16 — Попово, погр. 1;
1—15 — бронза

Завязанность концов перстней не является этническим индикатором*. Завязанные изделия

* По мнению Ю.М. Лесмана, способ завязывания концов украшений “на два узла”, характерный для некоторых типов древнерусских височных колец, браслетов и перстней, имеет корни в скандинавской ювелирной традиции (Лесман, 1996. С. 70).

известны на широкой территории Северо-Восточной Европы (Бранденбург, 1895. Табл. IV, 9; Спицын, 1905. Рис. 12—13, 30, 337; Ястребов, 1893. Табл. II, 11; XIII, 18). Перстни этого вида датируются в Северо-Восточной Руси концом X—началом XII в. (Недошивина, 1967. С. 265), в Новгороде — XI в. (Седова, 1981. С. 129). Отметим, что белозерские завязанные

украшения начинают бытовать несколько раньше: два таких экземпляра обнаружены на поселении Крутик в слоях начала—третьей четверти X в. (Голубева, Кочкуркина, 1991. Рис. 37, 5).

Тип 3. Проволочные равномерные —
68 экз.
(рис. 4, 1—2)

Под термином «проволочные» понимаются перстни, основу обруча которых составляет стержень. Толщина обруча равномерна по всей длине перстня. Поперечное сечение — круг, полукруг, овал, полуовал, треугольник, прямоугольник (близкий к квадрату). Последний вариант представлен одним экземпляром (могильник Крохинские Пески — некрополь Белоозера, погр. 6).

Обруч перстней данного типа может быть замкнутым (монолитным), разомкнутым (со свободными или заходящими концами) и сомкнутым (завязанным).

Замкнутые экземпляры изготовлены литьем в двусторонней разъемной форме (об этом свидетельствует литейный шов по наружной и внутренней поверхности обруча). Перстни с обручем плоско-выпуклого, треугольного и прямоугольного сечения отлиты в односторонней жесткой форме.

На обозначенной территории широкое распространение проволочные перстни получили в первой половине XI в. и оставались на протяжении целого столетия наряду с пластинчатыми широкосрединными одним из самых популярных типов. В XII в., особенно к его третьей четверти, их количество снижается. Находки проволочных перстней, связанных с комплексами XIII в., неизвестны.

Тип 3. Вариант 1. Проволочные
равномерные завязанные — 2 экз.
(рис. 4, 3—4)

Завязанность концов изделий представлена двумя разновидностями — обычной (рис. 4, 4) и «улиткой» (последняя, очевидно, становится шитком перстня и соответственно его передней частью) (рис. 4, 3).

Перстни этого варианта четко выделяются хронологически: один обнаружен в комплексе первой половины XI в. (рис. 4, 4), другой — в комплексе 40—70-х годов XI в. (рис. 4, 3), т.е. время их бытования не выходит за рамки первой половины—середины XI в. В Новгороде аналогичный экземпляр встречен в слое 50-х годов XI в. (Седова, 1981. С. 122).

Интересен один из способов завязывания концов — «улиткой» (рис. 4, 3). На юге Восточ-

ной Европы традиция оформления изделий подобным образом известна с латенской эпохи (Кухаренко, 1959. С. 36). Дротовые браслеты, фибулы и перстни со спиральным шитком известны в первых веках нашей эры в Нижней Австрии, Польше, Чехословакии (Czarnecka, 1989). Очевидно, к X в. традиция оформления концов изделий в виде спирали переместилась на север Европы, в Фенно-Скандию и Прибалтику. В XI и отчасти в XII в. вещи различных категорий с подобным украшением широко бытуют на севере Восточной Европы (Финно-угры и балты..., 1987. Табл. II, 18; CVII, 1), в Юго-Восточном Приладожье (Кочкуркина, Линевский, 1985. Рис. 39, 8), во владимирских курганах (Спицын, 1905. Рис. 233, 242, 314, 321). Восточная граница распространения таких перстней доходит до р. Вага (Назаренко и др., 1984. С. 205).

Тип 4. Проволочные с расширенной
передней частью — 21 экз.
(рис. 4, 5—6)

В отдельный тип выделены перстни, ширина обруча которых увеличивается от концов к передней части. Поперечное сечение обруча (всегда разомкнутого) — круг, полукруг. Один экземпляр имеет треугольное сечение (БО-95, Восток).

Все изделия литые, подавляющее большинство — в двусторонней форме.

Перстни этого типа бытуют в Белоозере в XII в., особенно в середине столетия. Возможно, отдельные экземпляры продолжали существовать и в XIII в.

Тип 5. Проволочные с усложненной
передней частью — 2 экз.
(рис. 4, 7)

Обруч таких перстней имеет на значительной части длины фигурный контур. Орнаментированная часть обруча украшена чередующимися выпуклыми и вогнутыми фигурами. Один перстень целый (БО), другой разломан (БО-91, Левый берег). В поперечном сечении гладкой части обруча (на сохранившемся целиком экземпляре) — овал с острыми углами (рис. 4, 7).

Вероятно, подобные изделия отливались по восковой модели.

Датировка перстней этого типа затруднена, так как оба экземпляра найдены среди подъемного материала на территории древнего Белоозера. Перстни с аналогично выполненной передней частью, но имеющие скорее пластинчатый обруч (2 экз.), найдены в курганных захоронениях XII в. у г. Петушки Владимирс-

кой обл. (Глазов, 1980. Рис. 36, 6; 59, 6), причем автор раскопок считает их характерными только для данного могильника (Там же. Л. 11, 41). Еще одно такое украшение обнаружено в подмосковных курганах конца XI—XII в. (Юшко, 1980. Рис. 3, 8). Усложненную переднюю часть имеет серебряный перстень с чернью первой половины XII в. из некрополя г. Суздаля (Сабурова, Седова, 1984. С. 117). Вероятно, происхождение белозерских находок связано с Владимиро-Суздальской Русью, а появление их в регионе относится ко времени не ранее начала XII в.

Тип 6. Спиральные проволоочные — 7 экз. (рис. 4, 8)

Обруч перстней закручен спирально в несколько оборотов (от 1,5 до 5). Поперечное сечение — круглое, полукруглое, в одном случае — треугольное (Никольское XVI, курган 2).

Визуальный осмотр не позволяет определить способ изготовления проволоки.

Спиральные перстни встречаются в Белозерье в третьей четверти I тысячелетия н.э. Вновь появляются в X в., получают распространение в XI в. Возможно, единичные экземпляры доживают до XII в.

Украшения данного типа (правда, многоспиральные) известны среди финно-угорских и балтских древностей с середины I тысячелетия н.э. на обширной территории от Прибалтики до Прикамья. Количество оборотов в них колеблется от 4 до 10 (Финно-угры и балты..., 1987. Табл. II, 17; III, 16; XIV, 18; XLV, 4—5; LI, 16; *Archeologija un etnografija*, 1957. Tab. II, 18—19; *Бранденбург*, 1895. Табл. IV, 13; *Ястребов*, 1893. Табл. II, 14; *Спицын*, 1901. Табл. VII, 3; и т.д.).

Тип 7. Спиральные пластинчатые — 4 экз. (рис. 4, 9—10)

Поперечное сечение обруча — прямоугольник (плоский) или сегмент. Количество оборотов спирали — 1,5—2,5. Один экземпляр (пос. Крутик) орнаментирован по всему обручу продольным рельефным пояском (рис. 4, 10).

Все изделия литые, вероятно, в односторонней форме. Рельефный орнамент (рис. 4, 10) также литой.

На обозначенной территории спиральные пластинчатые перстни встречены в комплексах третьей четверти I тысячелетия н.э. (рис. 4, 9). Самый поздний экземпляр (рис. 4, 10) происходит из слоя конца IX—третьей четверти

X в.^{*} Находки перстней этого типа, в том числе и узкопластинчатых, украшенных продольным рельефным пояском, известны среди южношведских древностей второй трети I тысячелетия н.э. (*Olands jarnalders-gravfalt*, 1987. I. S. 120, 133, 256; II. S. 300).

Тип 8. Усатые** — 12 экз. (рис. 4, 11—16)

Обруч перстней данного типа представляет собой прут, переходящий в центральной части в пластину и загнутый в спираль так, что пластина составляет переднюю часть перстня. Она расширяется к центру и у всех экземпляров орнаментирована. Преобладает узор в виде «волчьего зуба» и продольного валика, встречается также их сочетание. Пластина одного изделия (Новинка 2, курган 16) украшена по краям насечками в виде «елочки» (рис. 4, 15). Еще один экземпляр (могильник Попово, погр. 1) орнаментирован свободно изгибающейся лентой, контуры которой образуют вертикальные ряды коротких черточек (рис. 4, 16).

Перстни этого типа изготовлены двумя способами. Два изделия (поселение Крутик) получены в результате напаивания на кованую широкосрединную пластину проволоки плоско-выпуклого сечения и изгибания концов последней по спирали (рис. 4, 11). Обручи остальных усатых перстней отлиты, вероятно, в односторонней форме. Орнамент некоторых экземпляров — продольный валик (Никольское XVI — рис. 4, 14), косые насечки, образующие «елочку» (Новинка 2, курган 16 — рис. 4, 15) — литой. Узор, нанесенный после литья, выполнялся пуансоном (рис. 4, 12) или гравировался резцом (рис. 4, 16). На пластине серебряного перстня из могильника Нефедьево (погр. 20) сочетаются выбитый изнутри продольный валик, «волчий зуб» по обеим сторонам от него и зубчатое колесико по краям пластины (рис. 4, 13).

^{*} Очевидно, в ходе дальнейших полевых исследований верхняя хронологическая граница для немногочисленных перстней этого типа изменится. Раскопками 1998 г. в одном из захоронений грунтового могильника Минино II обнаружен пластинчатый спиральный перстень в 1,5 оборота, украшенный циркульным орнаментом, вероятно, имитирующим декор в виде рельефного пояса, представленный на аналогичных более ранних экземплярах. Авторами раскопок погребение датируется XI в. (Макаров, Захаров, 1998).

^{**} Термин, несмотря на условность, прочно закрепился в археологической литературе. Поэтому в настоящей работе мы сочли возможным использовать его вместо предложенного Т.Г. Сарачевой определения «составные» (Сарачева, 1994. С. 88).

Перстни этого типа появляются в Белозерье во второй половине IX в., однако наибольшее распространение получают в X в. Встречаются они и в XI в., но с конца столетия находки подобных украшений неизвестны.

Усатые перстни считаются характерными для финно-угорских племен (*Арциховский*, 1930. С. 82; *Недошивина*, 1967. С. 258). Изделия данной категории, орнаментированные «волчьим зубом», не поддаются, на наш взгляд, четкой географической локализации. Их находки отмечены в Финляндии и Прибалтике, курганах Санкт-Петербургской губернии (*Спицын*, 1896. С. 47), во владимирских курганах (*Спицын*, 1905. № 313) и восточнее — на р. Ваге (*Назаренко и др.*, 1984. Рис. 5, 10).

Усатые перстни с продольным валиком наиболее часто встречаются в Белозерье во второй половине IX—середине X в. Очевидно, они появились здесь вследствие связей с восточнофинскими племенами, в среде которых были чрезвычайно распространены в VIII—X вв. (*Ястребов*, 1893. Табл. II, 3, 5; XIII, 4; *Материальная культура...*, 1969. Табл. 5, 12; 9, 7; *Горюнова*, 1961. Рис. 84, 10). Обнаружены они и в Юго-Восточном Приладожье в памятниках X—XI вв. (*Кочкуркина*, 1989. Рис. 84, 8).

Несомненное северо-западное происхождение имеет перстень, изображенный на рис. 4, 16 (вторая—третья четверть XI в.). Аналогичные экземпляры опубликованы среди древностей Финляндии и Аландских островов (*Aspelin*, 1880. № 1710; *Kivikoski*, 1963. Taf. 15, 6, abb. 54; 1973. № 465). В могильнике Luistari в Финляндии изделия с похожей композицией рисунка обнаружены в захоронениях 880—950 гг. (*Lehtosalo-Hilander*, 1982. II. Fig. 35, 7).

Тип 9. Витые — 20 экз. (рис. 5, 1—3)

Объединенные в данный тип витые, ложновитые и рубчатые перстни имеют одинаковую форму, так как последние подражают витым.

Часть витых перстней изготовлена из одной проволоки, сложенной вдвое или втрое, некоторые экземпляры свиты из двух или трех проволок. Витье может находиться только на передней части обруча, на большей его части или на всем перстне. Обручи почти всех белозерских перстней разомкнутые. Исключение составляет один замкнутый экземпляр, свитый из трех проволок, концы которого были соединены и скованы (БО-95, Восток). Концы

обруча витых перстней могут быть обрубленными (обруч свит из нескольких отдельных проволок), петлеконечными со стержнем внутри (обруч свит из одной проволоки, сложенной втрое) и круглопроволочными (концы обруча дополнительно раскованы в прут округлого сечения, витье при этом расположено лишь на части обруча).

Некоторые перстни изготовлены из волооченой проволоки.

Украшения этого типа бытуют на обозначенной территории с конца XI до начала XIII в. Пик их распространения приходится на середину XII в. Количество проволок, из которых свиты перстни, а также способ оформления концов хронологического значения не имеют.

Находки витых перстней на территории Древней Руси отмечены исследователями повсеместно (*Недошивина*, 1967. С. 263; *Спицын*, 1905. № 322; *Седова*, 1981. С. 125). Интересно, что большинство витых перстней Белозерья происходит с памятников, тяготеющих к бассейну Белого озера. В Юго-Западном Белозерье подобные украшения встречаются крайне редко.

Тип 9а. Ложновитые — 49 экз. (рис. 5, 4—6)

Ложновитые перстни подражают витым, но изготовлены в другой технике. Поперечное сечение — круглое или овальное. Обруч может быть замкнутым или разомкнутым, равномерным по ширине либо сужающимся к концам. Имитация витья — на передней части перстня, на большей его части или на всем обруче.

Все перстни литые, выполнены двумя способами: замкнутые экземпляры отлиты в двусторонней форме, разомкнутые — по оттиску готового изделия.

Этот тип перстней появляется в Белозерье в конце XI в. и с начала XII в. становится самым распространенным. На протяжении XII—начала XIII в. ложновитые перстни численно преобладают над другими типами. В середине XIII в. их количество заметно снижается, но и в начале XIV в. они встречаются в археологических памятниках региона.

Способ оформления концов и место расположения орнамента на обруче хронологического значения не имеют.

Тип 9б. Рубчатые перстни — 33 экз. (рис. 5, 7—12)

Рубчатые перстни выделены нами в отдельный подтип, хотя многие исследователи рас-

смаатривают их в одном ряду с ложновитыми. Получение рубчиков, имитирующих витые, достигалось как при литье, так и при последующей обработке (подпиливании) изделия. Край выпуклости, имитирующей виток, в месте нанесения рубца прямой, а не округлый, как у ложновитых перстней. Кроме того, у последних витки всегда покрывают как наружную (открытую при ношении) поверхность обруча, так, в подавляющем большинстве случаев, и внутреннюю (примыкающую при ношении к пальцу руки). Углубления на рубчатых перстнях за редким исключением нанесены только на наруж-

ную поверхность, а внутренняя остается гладкой. Очень часто рубчики украшают только боковые грани изделия.

Концы обруча и расположение орнамента в перстнях этого варианта такое же, как у ложновитых. Поперечное сечение — круглое, треугольное, плоско-выпуклое.

Отметим два экземпляра из Белоозера (БО-93, Запад, Остров; БО-95, Левый берег), украшенных не косыми, а прямыми частыми литыми рубчиками (рис. 5, 12). Очевидно, они имитируют простой проволоочный перстень, перевитый более тонкой проволокой.

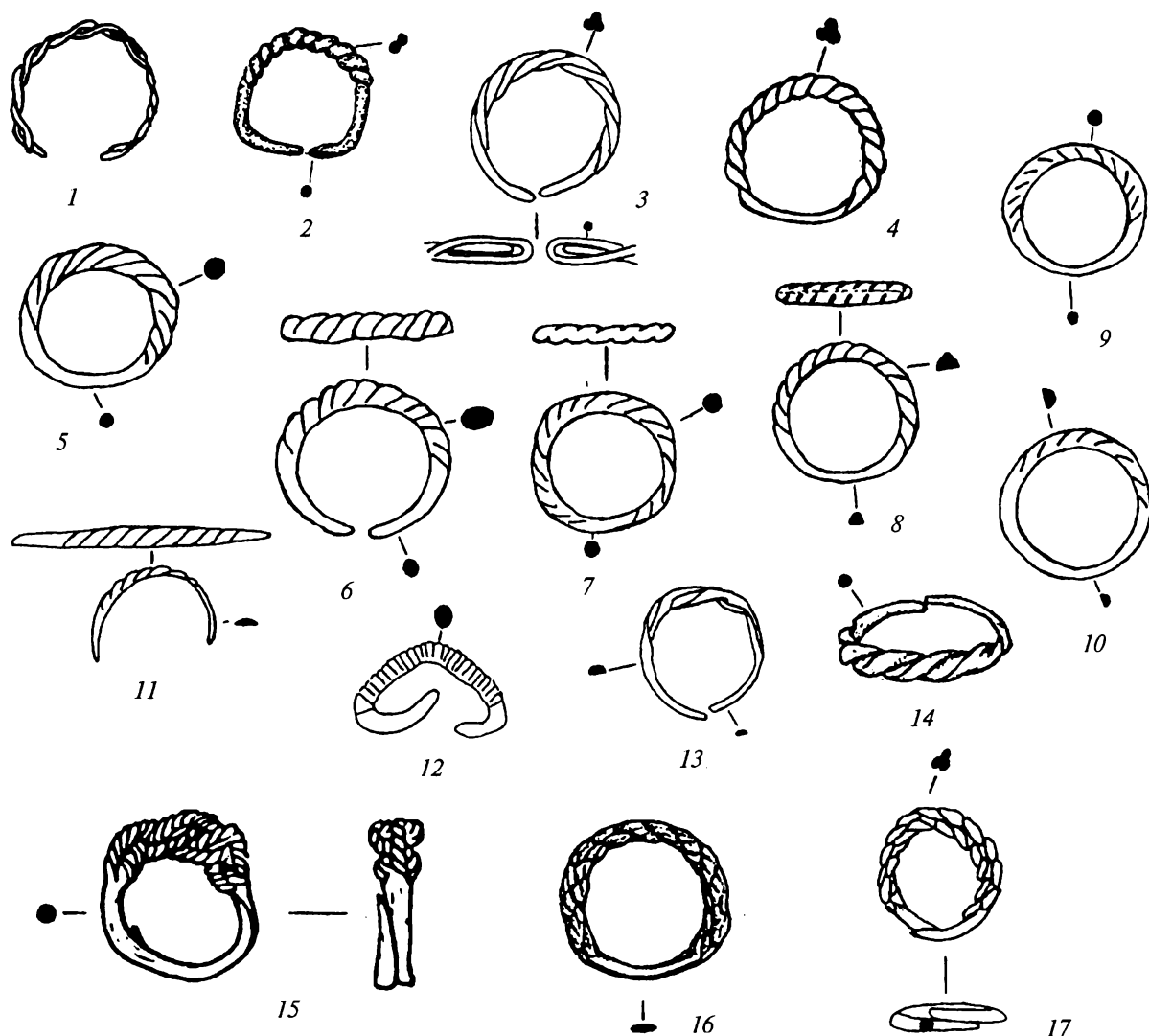

Рис. 5. Витые перстни (тип 9) — 1—3, ложновитые (тип 9а) — 4—6, рубчатые (тип 9б) — 7—12, крученые (тип 10) — 13—14, плетеные (тип 11) — 15, ложноплетеные (тип 11а) — 16—17

1 — Шуйгино, погр. 25, 2, 5, 11 — Белоозеро, 3 — БО-92, Центр, уч. 11, 4 — БО-95, 6 — Нефедьево, погр. 22, 7 — Нефедьево, погр. 74, 8 — Володино, 9 — Бабаево, курган 3, 10 — Бабаево, курган 4, 12 — БО-93, Запад, Остров, 13 — Нефедьево, погр. 6, 14 — Никольское III, курган 1, 15 — Тимошкино, курган 13, 16 — Нефедьево, погр. 60, 17 — БО-91, Левый берег, уч. 7А;

1, 3, 6—8, 11, 16, 17 — бронза, 2, 4, 5, 12, 15 — свинцово-оловянистый сплав, 9, 10 — билон, 13, 14 — серебро

Все рубчатые перстни получены путем литья в двусторонней жесткой форме. Орнамент в подавляющем большинстве случаев литой.

Рубчатые перстни «в огромном количестве известны среди славянских курганных древностей и почти вовсе не встречены у других племен» (Арциховский, 1930. С. 83; Седова, 1981. С. 122). В Белозерье подобные перстни бытовали с третьей четверти XI в. до первой половины XIII в. Пик их распространения пришелся на XII в. — время, когда преобладание элементов славянской культуры становится наиболее ощутимым.

С прибалтийским, и прежде всего латвийским кругом древностей связаны перстни с поперечными рубчиками (рис. 5, 12). Аналогичный орнамент встречен на перстнях и фибулах в Латвии (Aspelin, 1884. № 2118; Tallgren, 1825. Abb. 135; Archeologija un etnografija, 1983. Att. 17, 15), а также в Финляндии (Kivikoski, 1973. № 1093).

Тип 10. Крученые — 3 экз. (рис. 5, 13—14)

Форма их обруча аналогична ложновитым, функция орнамента та же — создать подобие витья, однако техника изготовления и поперечное сечение другие. При изготовлении подобных перстней прут округлого сечения сначала слегка расплющивался ковкой, затем перекручивался. Концы всех экземпляров сужены дополнительной проковкой так, что имеют округлое сечение. Обруч разомкнут.

Малочисленность находок не дает возможности точно датировать этот тип перстней. Два изделия встречены в комплексах третьей четверти XI в., один экземпляр датирован широко — XII в.

Тип редкий. Н.Г. Недошивина отмечала находки подобных перстней в курганах Ленинградской и Псковской областей (Недошивина, 1967. С. 263).

Тип 11. Плетеные — 1 экз. (рис. 5, 15)

Единственный экземпляр этого типа (Тимошкино, курган 13) сплетен из трех прутков, каждый из которых свит из двух проволок (в совокупности — 6 прутков). Заходящие концы дополнительно раскованы в дроты круглого сечения.

Плетеный перстень найден в захоронении, относящемся ко времени не ранее рубежа XII—XIII вв. В Новгороде подобные перстни встречены в слоях середины XII—середины XIV в. (Седова, 1981. С. 127).

Тип 11а. Ложноплетеные — 6 экз. (рис. 5, 16—17)

Ложноплетеные перстни имитируют плетеные, но выполнены в другой технике и отличаются тем, что состоят из одного прута. Обручи двух экземпляров — замкнутые, один перстень имеет заходящие сужающиеся концы (БО-91, Левый берег). Поперечное сечение у пяти экземпляров — круглое. Один предмет (могильник Нефедьево, погр. 60) имеет сечение передней части — круглое, а тыльной (находящейся при ношении со стороны ладони) — овальное заостренное (рис. 5, 16). Орнамент, имитирующий плетение, на всех шести перстнях расположен на передней части обруча.

Один перстень (рис. 5, 16) отлит в двусторонней форме. Остальные, возможно, изготовлены по оттиску готового изделия.

Перстень из могильника Нефедьево (рис. 5, 16) встречен в комплексе второй половины XI—первой четверти XII в. Остальные происходят из размытого слоя Белоозера и, следовательно, не стратифицированы.

Полные аналогии украшению, изображенному на рис. 5, 16, выполнены в золоте, встречены в составе древнейших (до 1200 г.) латвийских кладов (Urtans, 1977. Att. 4). Ложноплетеные замкнутые перстни, обнаруженные в волынских и петербургских курганах, опубликованы А.А. Спицыным, отнесены им к “западному типу” и предположительно датированы XIII в. (Спицын, 1905. № 316). Перстень, идентичный одному из белозерских украшений (рис. 5, 17), происходит из Югославии (Niederle, 1911. Tab. XLI, 4). Ложноплетеные изделия были широко распространены на территории Белорусского Поманья и Южной Белоруссии (Сарачева, 1992. Л. 76).

Очевидно, белозерские экземпляры, обязанные своим происхождением западным регионам, можно датировать временем не ранее рубежа XI—XII вв.

КЛАСС II ЩИТКОВЫЕ ПЕРСТНИ — 74 ЭКЗ. (рис. 6, 7, 8, 1—3)

Перстни этого класса состоят из двух конструктивных элементов — обруча и щитка. Оформление обручей щитковых перстней не имеет большого значения, форма их только простая — пластинчатая или проволоочная (в последнем случае сечение плоско-выпуклое). Все обручи за исключением одного экземпляра (Белоозеро — рис. 6, 1) замкнутые.

Главным конструктивным элементом перстней II класса является щиток. Именно его поперечное сечение и форма служат основны-

ми критериями для деления перстней на типы и подтипы. По поперечному сечению щитка выделяются перстни с плоскими (пластинчатыми или объемными) и выпуклыми щитками. Плоские щитки принимают (в развертке) форму круга, овала (в том числе заостренного), квадрата, прямоугольника, ромба, шестиугольника, восьмиугольника, квадрифолия. Выпуклые щитки имеют форму розетки, усеченной пирамиды, цилиндра.

Тип 12. Перстни с плоским пластинчатым или объемным щитком — 70 экз.
(рис. 6—7)

По форме щитка в плоскости выделяются несколько подтипов перстней:

а — с круглым щитком (15 экз.) — рис. 6, 2—6;

б — с овальным щитком (25 экз.) — рис. 6, 7—12;

в — с овальным заостренным щитком (6 экз.) — рис. 6, 13—15;

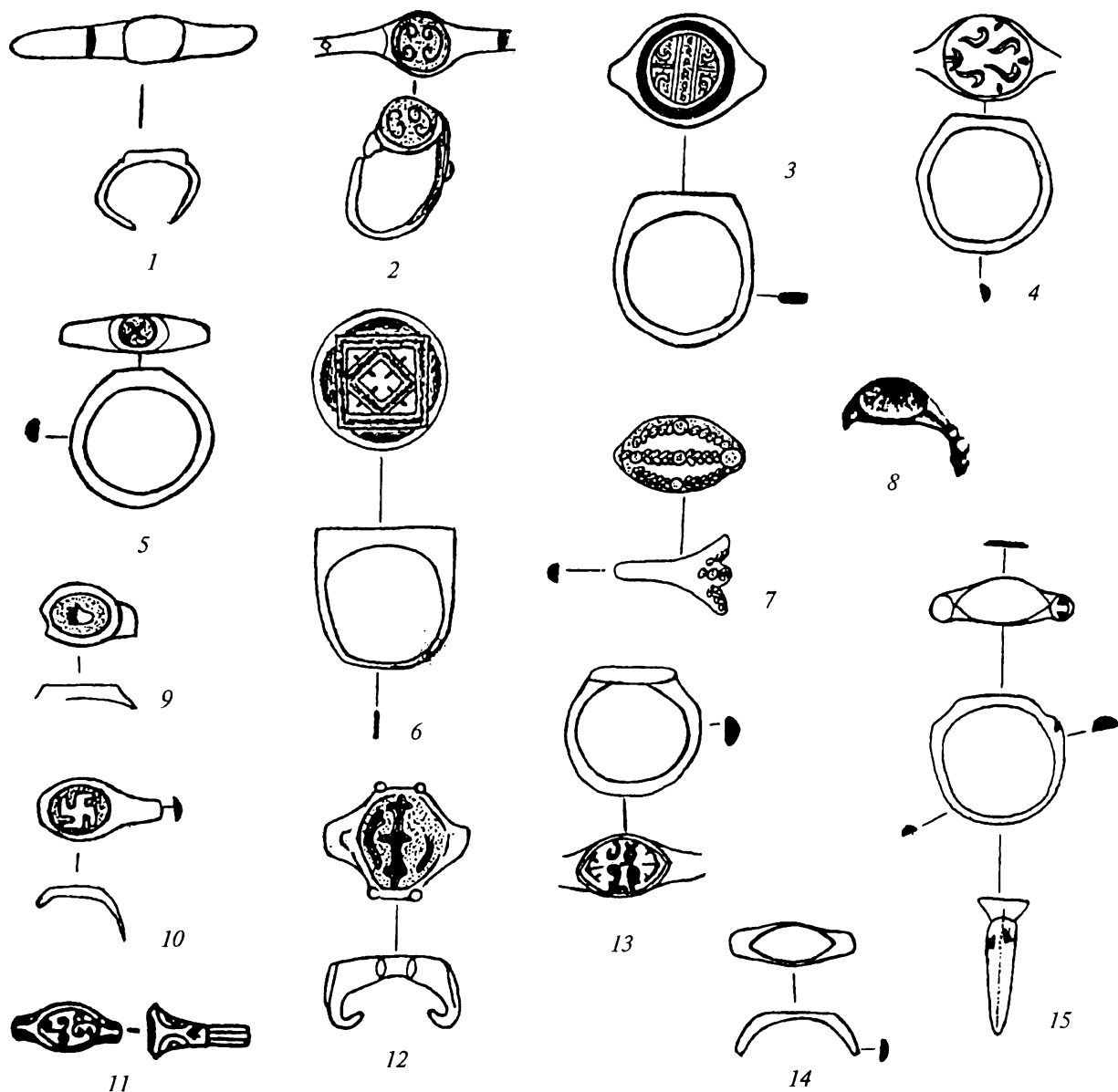

Рис. 6. Щитковые перстни с плоскими щитками (тип 12)

1, 4, 5, 8 — Белоозеро, 2 — БО-93, Запад, уч.4, 3 — Володино 2, курган 24, 6 — Новинка 1, курган 93, 7 — Крутик, раскоп 1, 9 — БО-94, Восток, уч.13, 10 — БО-95, Восток, уч.11, 11 — Новинка 1, курган 63, 12, 13 — БО-93, Восток, уч.И.К.Л, 14 — Нефёдово, раскоп 2, 15 — Шуйгино, погр. 20;

1, 3—5, 7, 8, 10, 15 — бронза, 2, 9, 12 — свинцово-оловянистый сплав, 6, 11 — серебро, 13, 14 — билон

г — с квадратным щитком (5 экз.) — рис. 7, 1—3;
 д — с прямоугольным щитком (2 экз.) — рис. 7, 4—5;
 е — с ромбическим щитком (13 экз.) — рис. 7, 6—13;
 ж — с шестиугольным щитком (1 экз.) — рис. 7, 14;
 з — с восьмиугольным щитком (1 экз.) — рис. 7, 15;

и — с квадрифолийным щитком (2 экз.) — рис. 7, 16.

Перстни с плоскими пластинчатыми щитками морфологически занимают промежуточное положение между пластинчатыми широкосрединными и щитковыми перстнями. В поперечном сечении щитка у них — плоский прямоугольник, как у широкосрединных, однако в передней части обруч резко меняет контур, что сближает их с классом щитковых.

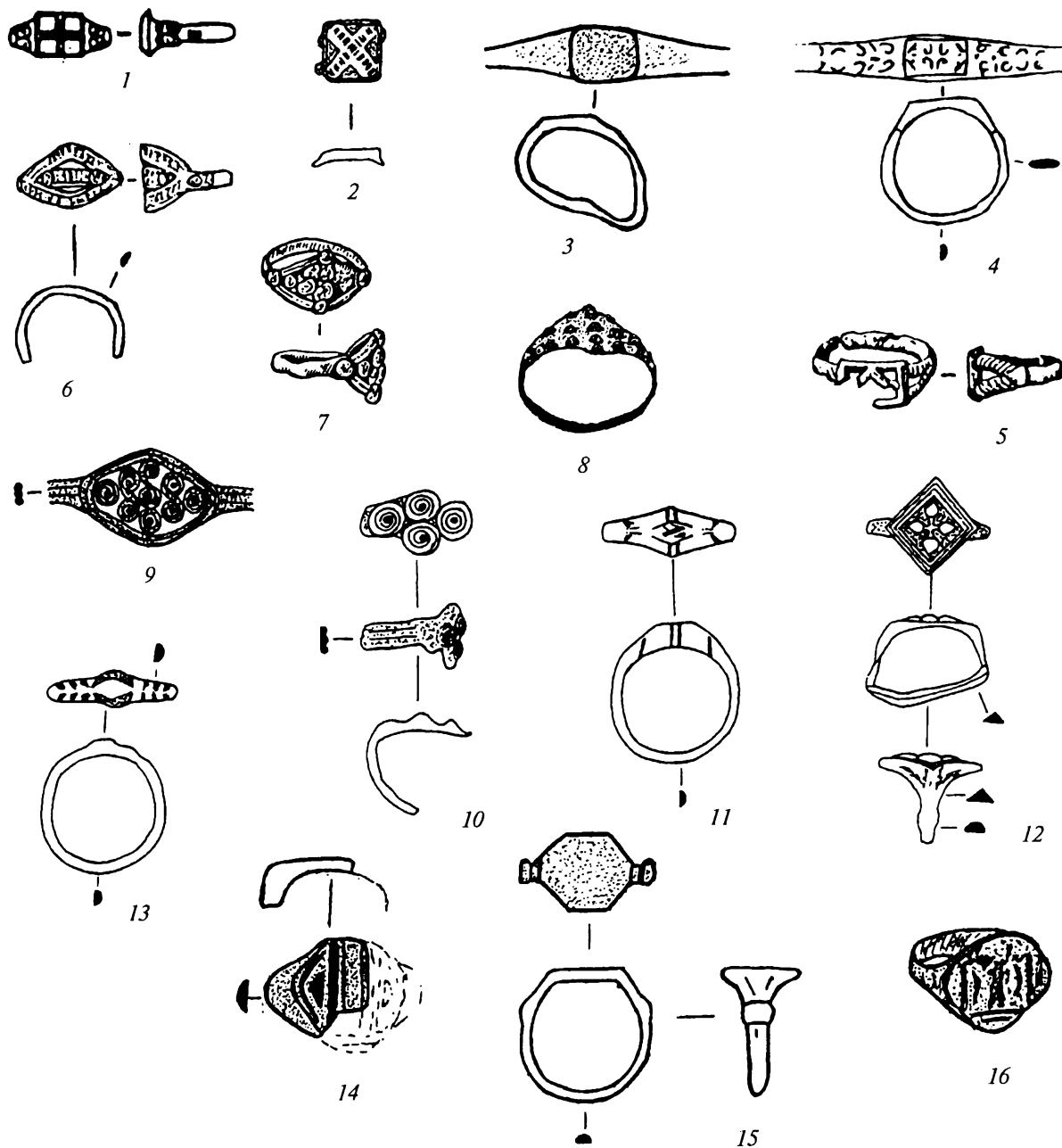

Рис. 7. Щитковые перстни с плоскими щитками

1 — Новинка 1, курган 63, 2 — БО-94, Восток, уч.13, 3, 4, 8, 12, 15 — Белоозеро, 5 — Горка III, погр. 18, 6 — Крутик, раскоп V, 7 — Крутик, раскоп IV, 9 — Никольское VI, 10 — Минино I, раскоп I, 11 — Володино 2, курган 43, 13 — Торово, погр. 4, 14 — БО-95, Центр, уч.5, 16 — Володино 2, курган 36;
 1, 8, 11 — серебро, 2, 3, 5, 12, 14, 16 — свинцово-оловянистый сплав, 4, 6, 7, 9, 10, 13, 15 — бронза

Переходную форму имеют: перстни с овальным ажурным (т.е. прорезным) щитком — 1 экз. (поселение Крутик — рис. 6, 7), с ромбическим сплошным щитком — 2 экз. (Белоозеро — рис. 7, 8; Новинка 1, Бабаевский р-н, курган 12) и с ромбическим ажурным щитком — 5 экз. (поселение Крутик — рис. 7, 6—7; погребальный комплекс Никольское VI — рис. 7, 9; Никольское XI, курган 6; могильник Минино I — рис. 7, 10).

Основная масса щитковых перстней (43 экз.) декорирована. Орнамент располагается на

щитке и иногда дополнительно на передней части в месте перехода обруча к щитку. Два экземпляра имеют декор только на обруче (могильник Шуйгино I, погр. 20 — рис. 6, 15; могильник Торово, погр. 4 — рис. 7, 13).

Плоские щитки часто украшены сложными композициями, составленными из растительных и геометрических элементов, выпуклых линий и точек, насечек. На щитках некоторых экземпляров имеется изображение солярных знаков (БО-95, Восток — рис. 6, 5, 10), креста в обрамлении листьев (БО-93, Восток —

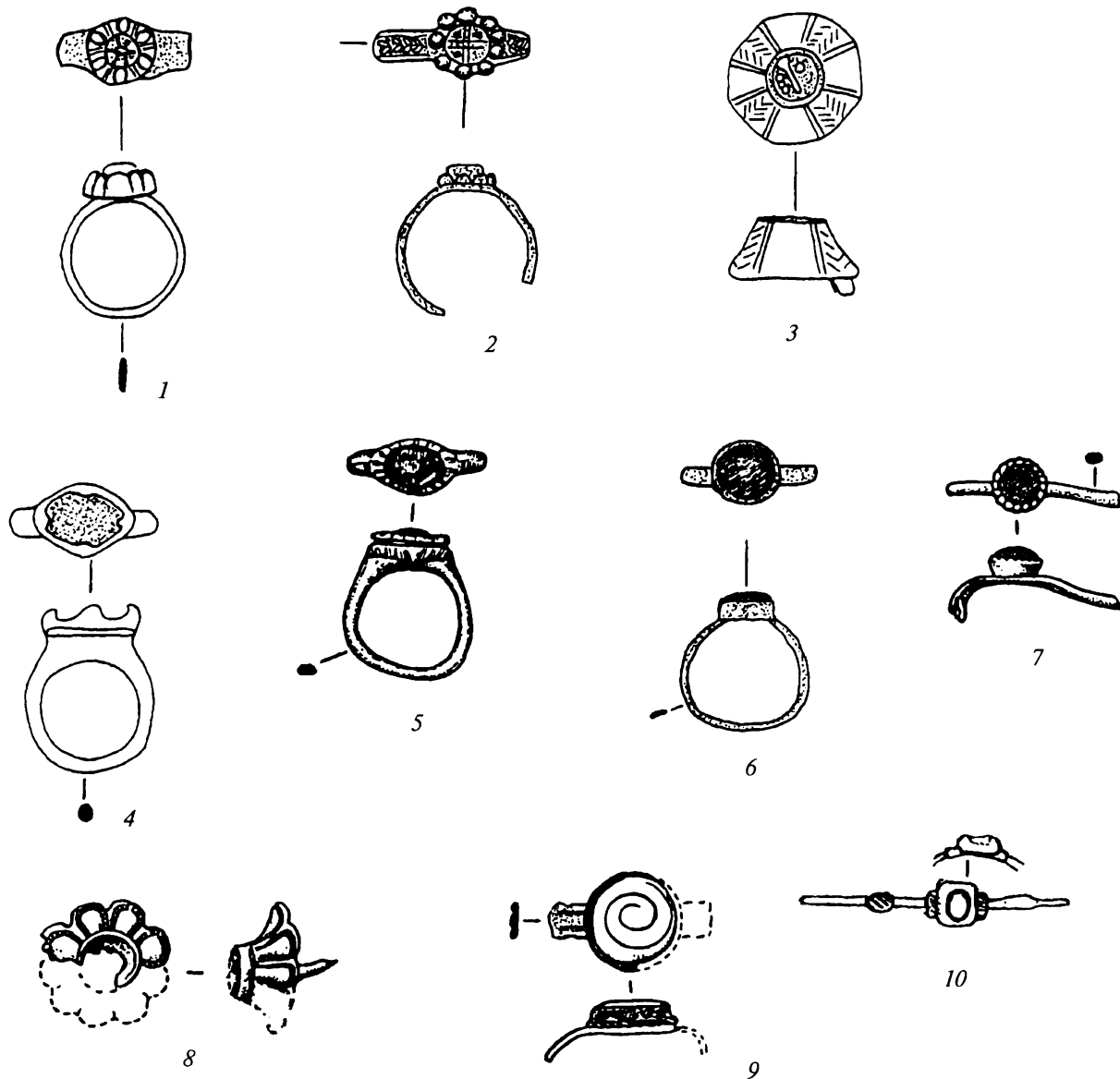

Рис. 8. Перстни с выпуклым объемным щитком (тип 13) — 1—3, со вставками, закрепленными «глухим» способом (тип 14) — 5—10, со вставками, закрепленными четырьмя «лапками» (тип 15) — 4

1 — Нижний Конец, курган 1, 2 — Нижний Конец, курган 4, 3 — Володино 2, курган 21, 4 — Крутик, раскоп I, 5 — Крутик, раскоп VII, 6 — Нефедьево, погр. 53, 7, 8 — Новинка 1, курган 20, 9 — Новинка 1, курган 36, 10 — БО-95, Восток, уч. 19;

1, 2, 5—7, 10 — бронза, 3 — серебро, 4 — билон, 8, 9 — свинцово-оловянистый сплав

рис. 6, 12) либо человеческой руки (БО-94, Восток — рис. 6, 9). Один экземпляр с круглым щитком имеет гравированный орнамент в виде квадрифолия и дополнительно украшен чернью (Новинка 1, курган 93 — рис. 6, 6). Щитки двух изделий выполнены в виде вертикальных рядов волют, увенчанных выпуклыми полушариями и обрамленных двойным проволочным контуром (рис. 7, 9—10).

Дополнительный орнамент на обруче имеют 9 перстней. Он представлен насечками (рис. 7, 4), растительными элементами (рис. 6, 11, 7, 1), тройными валиками (рис. 6, 8). Выделяется перстень, на обруче которого с двух сторон от щитка имеются валики, оформленные в виде змеиных голов (рис. 6, 15).

Все перстни этого типа — литые. Подавляющее большинство экземпляров (со щитками различных форм) отлиты в двусторонних разъемных формах: на внутренней и наружной сторонах перстней выделяется хорошо заметный продольный литейный шов. Иногда в одной части формы отливался щиток, а в другой — обруч. У таких изделий литейные швы представляют собой выпуклости на наружной поверхности обруча с двух сторон от щитка (Белоозеро — рис. 7, 12). Некоторые перстни отлиты, вероятно, в трехсторонних формах: в одной ее части — щиток, в двух других — обруч (могильник Шуйгино, погр. 20 — рис. 6, 15).

Орнамент большей части экземпляров — литой: выпуклый (БО-94, Восток — рис. 6, 9; Володино 2, курган 24) или углубленный (БО-93, Восток — рис. 6, 12). Иногда он нанесен дополнительной гравировкой (БО-93, Восток — рис. 18, 22; БО-49 — рис. 6, 13; Белоозеро — рис. 7, 4). Гравированный узор на перстне с чернью (Новинка 1, курган 93) выполнен резцом с треугольным лезвием: контур орнамента представляет собой зигзагообразную линию (рис. 6, 6).

На щитке перстня с изображением свастики (рис. 6, 10) сохранились остатки эмали (?) (БО-95, Восток).

Как отмечалось выше, несколько экземпляров с плоскими пластинчатыми щитками различной формы занимают промежуточное положение между пластинчатыми широкосрединными и щитковыми перстнями. Выделяются они и хронологически: часть из них встречается в комплексах конца IX—третьей четверти X в. (рис. 6, 7; 7, 6-7), другая часть — в комплексах конца X—начала XI в. (рис. 7, 9—10). Только один такой перстень (рис. 7, 8) стратиграфически датируется второй половиной XII в. (Голубева, 1973. С. 142), не противоречат

этой дате и новгородские аналогии, обнаруженные в слоях не раньше середины XII в. (Седова, 1981. Рис. 49, 12, 16).

Таким образом, перстни со щитками переходной формы бытовали в Белозерье на довольно ограниченном отрезке времени — с рубежа IX—X вв. по начало XI в. Интересным, на наш взгляд, оформлением отличаются два экземпляра (рис. 7, 9—10) с волутообразным узором на передней части. Данный мотив связан с финно-угорскими традициями, прежде всего поволжско-прикамскими (см., например: Розенфельдт, 1982. Рис. 10; Новые памятники археологии Волго-Камья, 1984. С. 146), хотя перстни с подобным декором нам неизвестны.

Датировка основной массы белозерских щитковых перстней, к сожалению, затруднена: половина (39) экземпляров происходит из размытого слоя Белоозера и, следовательно, нестратифицирована. Изделия, связанные с комплексами, можно датировать довольно широко — в пределах столетия. В настоящее время нет данных о существовании щитковых перстней в Белозерье в конце XI и в первой половине XII в. Несомненно их бытование во второй половине XII в. На первую половину XIII в. пришелся максимум распространения подобных украшений. Некоторые виды щитковых перстней продолжали бытовать и после рубежа XIII—XIV вв.

Аналогии нескольким перстням этого типа, происходящим прежде всего из размытого слоя Белоозера (рис. 7, 2, 14; 6, 2), можно указать в новгородских материалах 60-х годов XIII в. и 80—90-х годов XIII в. (Седова, 1981. Рис. 51, 6; 47, 20; Архив НАЭ*, Новгород—89, Троицкий X, пласт 1, квадрат 1143, 400(10)**). Перстни с изображением человеческой руки на овальном щитке (рис. 6, 9) — один из них найден в слоях Белоозера середины XIII—XIV вв. (Голубева, 1973. С. 142) — встречены в Новгороде в напластованиях рубежа XII—XIII вв.—конца XIV в. (Седова, 1981. С. 135); в Болгаре «стратиграфически датируются XIV в.» (Полубояринова, 1993. Рис. 6, 2). Перстни со свастикой на овальном щитке (рис. 6, 10) в Новгороде датируются 80—90-ми годами XIV в., аналогичные известны в материалах из новгородских курганов XIII—XIV вв. (Седова, 1981. С. 135). Белозерские перстни с изображением человеческой руки и солнечного знака имеют, очевидно, новгородское происхождение.

* Новгородская археологическая экспедиция.

** Благодарю Е.А. Рыбину за предоставленную возможность публикации материалов из архива Новгородской экспедиции.

Экземпляр с декором в виде змеиных голов (рис. 6, 15), происходящий из комплекса конца XII—начала XIII в., также имеет аналогии в слоях древнего Новгорода, правда, более позднего времени — 60—80-х годов XIII в. (Новгород—85, Троицкий VIII, пласт 7, квадрат 767, № 318(43); Новгород—89, Троицкий IX, пласт 1, квадрат 868, № 446(259)*. Отметим, что орнамент на обруче перстня из могильника Шуйгино проработан более тщательно.

Перстни с восьмиугольным щитком (рис. 7, 15) известны в средневековой коллекции Суздаля (Седова, 1997. Рис. 65, 5). Аналогичные украшения обнаружены на Старорязанском городище (Даркевич, Борисевич, 1995. Табл. 93, 4—5) среди подъемного материала, датированного авторами публикации второй половиной XI—первой половиной XIII в. (Там же. С. 210).

С мусульманским миром связана находка в Белоозере перстня с прямоугольным щитком (рис. 7, 4). Подобное украшение, выполненное в золоте, найдено в составе Киевского клада, зарытого между 70-ми годами XII в. и 1240 г. (Даркевич, 1976. Табл. 39, 21).

Часть изделий проникла в Белозерье, очевидно, с территории Среднего Поднепровья. Два экземпляра — квадрифолийный (рис. 7, 16) и перстень с чернью (рис. 6, 6) обнаружены в комплексах XII в. Перстень с изображением процветшего креста (рис. 6, 12) происходит из размытого слоя Белоозера. Украшения с чернью, а также развитие во времени и пространстве композиции процветшего креста подробно изучены Т.И. Макаровой (Макарова, 1986. С. 14, 18, 39-48). Перстень, показанный на рис. 6, 12, безусловно, подражательный. Его форма и орнамент характерны для изделий с чернью.

Тип 13. Перстни с выпуклым объемным щитком — 4 экз. (рис. 8, 1—3)

По форме щитка выделяются три подтипа перстней:

- а — со щитком в виде розетки — 2 экз. (рис. 8, 1—2);
- б — со щитком в форме усеченной пирамиды — 1 экз. (рис. 8, 3);
- в — со щитком в форме цилиндра — 1 экз**.

* Архив Новгородской экспедиции.

** В настоящей статье рисунок сохранившейся части (обломанного щитка) данного экземпляра (БО-94, Вос-ток, участок 13) не приводится.

Декор на выпуклых щитках образуется насечками, рельефными крестами, полушариями, «елочкой». Последняя украшает боковые грани щитка (рис. 8, 3). Один экземпляр данного типа (Нижний Конец, курган 4) имеет дополнительный орнамент на обруче (рис. 8, 2). Аналогичный узор встречен на некоторых пластинчатых прямых перстнях Юго-Западного Белозерья (рис. 2, 4).

Перстни со щитками в виде розетки представляют собой сборные изделия: щитки и обручи таких перстней отлиты по отдельности. У одного экземпляра (Нижний Конец, курган 1) сплошной щиток-розетка напаян на разомкнутый обруч, в этом же месте концы обруча спаяны между собой (рис. 8, 1). Полый щиток-розетка другого (Нижний Конец, курган 4) напаян на переднюю часть разомкнутого обруча (рис. 8, 2). Розетки, вероятно, отлиты по восковой модели.

Серебряный полый щиток в виде усеченной пирамиды (рис. 8, 3) изготовлен тиснением, края его спаяны между собой: шов прослежен по внутренней стороне щитка (Володино 2, курган 21).

Перстни данного типа появляются в Белозерье на рубеже XI—XII вв., т.е. раньше, чем перстни с плоским щитком. Экземпляр из могильника Володино 2 (рис. 8, 3) можно датировать второй половиной XII в. Малочисленность находок не позволяет точно определить верхнюю временную границу для перстней с выпуклым щитком. Поэтому в настоящее время период их бытования ограничивается XII столетием.

КЛАСС III ПЕРСТНИ СО ВСТАВКАМИ — 21 ЭКЗ. (рис. 8, 4—10)

Перстни этого класса состоят из обруча, оправы и вставки. Обручи всех перстней замкнутые, форма их простая — пластинчатая или проволочная, поперечное сечение — округлое или плоско-выпуклое. У одного обломанного экземпляра (Новинка 1, курган 20) в поперечном сечении квадрат.

Главными конструктивными элементами являются оправа и вставка. При рассмотрении перстней III класса необходимо учитывать форму оправы, форму вставки и способ ее крепления (Седова, 1981. С. 139—141).

Оправа представляет собой емкость, имеющую в поперечном сечении форму прямоугольника или трапеции (основанием вниз или вверх), а в развертке — форму круга или овала. У всех экземпляров она выступает над уровнем обруча.

Вставки сохранились в шести украшениях*. Еще у одного перстня (рис. 8, 10) в гнезде отмечены следы белой порошкообразной массы (БО-95, Восток). Поверхность вставок выпуклая. Поперечное сечение всех экземпляров — шаровой сегмент, продольное — круг с приблизительным диаметром от 8,4 до 14 мм. Длина оправ несохранившихся овальных вставок 15,5 мм, ширина 11,5 мм.

Четыре перстня этого класса украшены дополнительно. Оправа одного изделия (Новинка 1, курган 20) имела, по всей видимости, форму девятилепестковой розетки (рис. 8, 8). В другом экземпляре (Новинка 1, курган 20) гнездо для вставки окаймлено рядом ложной зерни (рис. 8, 7). Оправа перстня с поселения Крутик (рис. 8, 5) декорирована по бокам и по краю рядом насечек. В одном случае дополнительному украшению подверглась вставка (Новинка 1, курган 36). Отметим, что из шести сохранившихся вставок две выполнены из стекла синего цвета, 4 — желтого. В отмеченном нами экземпляре желтая вставка покрыта сверху белой непрозрачной блестящей пастой (эмалью ?) со спиральным рисунком черного цвета (рис. 8, 9)**.

Все перстни этого типа за исключением одного экземпляра — литые. Гнездо оправы отлито, очевидно, вместе с обручем. Одно изделие (рис. 8, 5) изготовлено в двусторонней разъемной форме (поселение Крутик).

Интересен перстень (рис. 8, 6), обруч и оправа которого представляют собой прямые разомкнутые кованые пластины (могильник Нефедьево, погр. 53). Оправа обжимает вставку лишь по бокам, а концы пластины-обруча припаяны прямо к вставке с ее нижней стороны.

Различаются способы крепления: в одних случаях вставка фиксировалась в гнезде с помощью четырех лапок, в других — обжималась краем оправы. По этому признаку выделяются две разновидности перстней III класса.

Тип 14. Перстни со вставками, закрепленными “глухим” способом (обжатием кантом оправы) — 19 экз.
(рис. 8, 5—10)

Один самый ранний экземпляр, датирующийся концом IX—третьей четвертью X в. (рис.

8, 5), имеет аналогии в салтовских древностях (Плетнева, 1989. Рис. 61). Время бытования остальных перстней со вставками — с середины XII в. Верхняя граница не поддается определению вследствие малочисленности твердо датировемых находок.

Тип 15. Перстни со вставками, закрепленными четырьмя “лапками” — 2 экз.
(рис. 8, 4)

Четко выделяются хронологически: происходят из слоев поселения Крутик, датирующихся концом IX—третьей четвертью X в. Данные украшения являются характерными элементами салтовской культуры (Плетнева, 1989. Рис. 61).

Таким образом, во второй половине IX—XIII в. на территории Белозерья бытовало 15 типов перстней из металла (таблица). Рассмотренный археологический материал представил неоднородную картину хронологического и географического распространения типов украшений данной вещевой категории.

Средневековая культура региона сформировалась в результате синтеза двух компонентов — славянского и финно-угорского. Памятники раннего периода (второй половины IX—конца X в.) оставлены, по общему мнению исследователей, белозерской весью — прибалтийско-финским племенным образованием. Однако анализ древностей этого периода не дает возможности говорить о сложении локальных, весских, типов перстней. Так, со второй половины IX в. известны в Белозерье усатые перстни (тип 8), считающиеся характерным украшением всех финно-угорских племен. В конце IX—середине X в. преобладают изделия, орнаментированные продольным валиком — элементом декора, связанным с кругом поволжско-финских культур. В конце IX в. появляются в Белозерье щитковые перстни (тип 12) так называемых переходных форм, т.е. занимающих промежуточное положение между пластинчатыми широкосрединными и щитковыми. В орнаменте некоторых подобных предметов (рис. 7, 9—10) также прослеживается влияние восточнофинских традиций.

С начала X в. известны в Белозерье пластинчатые широкосрединные перстни (тип 2), представленные двумя вариантами — с замкнутым обручем и с завязанными концами (широкосрединные изделия с разомкнутым обручем в это время практически не встречаются). На протяжении всего столетия перстни обоих вариантов типа 2 наряду с усатыми оставались наиболее распространенными. В археологичес-

* Отметим, что в материалах древнего Белоозера насчитывается 10 стеклянных вставок из раскопок Л.А. Голубевой (Голубева, 1973. С. 183), а также 24 стеклянные и 2 каменные вставки, найденные среди подъемного материала (сообщение С.Д. Захарова).

** По сообщению С.Д. Захарова, из размытого слоя Белоозера происходят две стеклянные вставки синего цвета, также покрытые эмалью.

Хронология типов металлических перстней Белозерья

Типы перстней	IX в.		X в.		XI в.		XII в.		XIII в.		Количество, экз.	Доля от общего количества, %	Количество перстней из датированных комплексов, экз.	Доля от количества перстней типа, %
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2				
Тип 1 вариант 1					—	—	—	—			60 2*	13	20	33,3
Тип 2 вариант 1			—	—	—	—	—	—			81 7*	17,5	48	59,3
вариант 2			—	—	—	—	—	—			12*			
Тип 3 вариант 1					—	—	—	—			68 2*	14,7	43	63,2
Тип 4							—	—			21	4,5	5	23,8
Тип 5							—	—			2	0,4	—	—
Тип 6							—	—			7	1,5	4	57,1
Тип 7							—	—			4	0,9	1	25
Тип 8							—	—			12	2,6	8	66,7
Тип 9							—	—			20	4,3	6	30
Тип 9a							—	—			49	10,6	18	36,7
Тип 9b							—	—			33	7,2	17	51,5
Тип 10							—	—			3	0,7	3	100
Тип 11							—	—			1	0,2	1	100
Тип 11a							—	—			6	1,3	1	16,7
Тип 12							—	—			70	15,2	14	20
Тип 13							—	—			4	0,9	2	50
Тип 14							—	—			19	4,1	3	15,8
Тип 15							—	—			2	0,4	2	100
Итого											462	100		

* Количество перстней, составляющих вариант (или варианты) типа, входит в общее число перстней данного типа.

кой литературе закрепилось мнение о местном происхождении широкосрединных перстней с замкнутым обручем (Голубева, Кочуркина, 1991. С. 75). Очевидно, их ареал можно расширить, включив в него территории Прибалтики и скандинавского побережья Балтийского моря. Однако малочисленность находок пока не позволяет выявить центр производства подобных изделий.

Из памятников этого периода происходят единичные находки спиральных перстней, проволоочных (тип 6) и пластинчатых (тип 7), причем последние обнаружены в комплексах более раннего времени. Подобные украшения характерны для широкого круга финских древностей середины I—начала II тысячелетия н.э.

В материалах второй половины IX—X вв. прослеживается влияние не только сопредельных финно-угорских, но и отдаленных южных культур. В коллекции ювелирных изделий данного периода представлены перстни, известные в памятниках салтовской культуры — со вставками, закрепленными “глухим” способом (тип 14), и с помощью четырех захватов (тип 15). Любопытно, что древнерусские перстни со вставками, зафиксированными в гнезде обжатием кантом оправы, распространятся в Белозерье спустя почти два столетия.

С начала XI в. набор типов перстней, бытовавших в регионе, меняется. Заканчивается существование широкосрединных замкнутых и щитковых украшений со щитками переходных форм. Появляются пластинчатые прямые перст-

ни (тип 1), в подавляющем большинстве случаев орнаментированные. На XI столетие приходится пик их распространения. Только в 40—70-х годах XI в. в Белозерье встречаются перстни, выделенные в вариант типа 1 — пластинчатые прямые замкнутые.

На рубеже X—XI вв. появляются также проволочные равномерные перстни (тип 3) и сразу становятся одним из преобладающих типов. Первой половиной XI в. ограничено время бытования варианта типа 3 — проволочных перстней с завязанными концами.

В XI столетии продолжают существовать пластинчатые широкосрединные перстни (тип 2), с середины столетия преобладают экземпляры с разомкнутыми концами. Количество завязанных перстней (вариант 2 типа 2) наоборот, снижается. Основная масса подобных изделий в XI в. утрачивает орнамент. Завязанные перстни прекращают существование в Белозерье в последней четверти XI в.

Спиральные проволочные перстни (тип 6) в XI в. представлены большим количеством экземпляров, чем в предшествующее время. На протяжении почти всего столетия продолжают бытовать и усатые перстни (тип 8). Однако с рубежа XI—XII вв. находки украшений обоих типов неизвестны.

Среди древностей этого периода встречаются ювелирные изделия, характерные для круга прибалтийских и собственно финских древностей (рис. 3, 4; 4, 3, 16). С конца XI в. известны в Белозерье крученые перстни (тип 10), отмеченные и в северо-западных областях Руси. Сходство с материалами Юго-Восточного Приладожья имеют узкопластинчатые прямые перстни (тип 1). Выделяются украшения, распространенные на территории летописных радимичей (рис. 2, 3). Из памятников Белозерья происходит более десяти подобных находок.

Начало XII в. ознаменовалось стремительным распространением рубчатых и ложновитых перстней — характерных элементов славянской культуры. Рубчатые перстни появляются в Белозерье немного раньше, чем ложновитые — в третьей четверти XI в., однако последние переживают их на целое столетие: они бытовали в регионе и в начале XIV в.

В белозерских памятниках XII в. представлены украшения, распространенные на обширной территории Древнерусского государства. На рубеже XI—XII вв. появляются витые перстни (тип 9). Однако просуществовали они чуть больше одного столетия и с рубежа XII—XIII вв. уже не встречаются. Со второй половины XII в. известны в регионе плетеные перстни (тип 11),

не получившие, впрочем, широкого распространения. Несколько большим числом экземпляров представлены ложноплетеные украшения (тип 11a), но и они, как показывает анализ, не пользовались популярностью у местного населения.

На рубеже XI—XII вв. в Белозерье появляются перстни с выпуклым объемным щитком (тип 13). Они также быстро вышли из употребления — в конце XII в. Щитковые перстни с плоским щитком (тип 12) появились на столетия позже, чем украшения типа 13, но сразу же стали отличаться от них большим разнообразием форм щитков и орнамента.

Со второй половины XII в. получают распространение перстни с круглыми вставками, закрепленными “глухим” способом (тип 14). Они продолжают существовать здесь и в первой половине XIII в.

Из предметов более простых форм, бытовавших в предыдущем столетии, в XII в. в Белозерье встречаются пластинчатые прямые и широкосрединные (типы 1 и 2) и проволочные равномерные (тип 3) перстни, причем количество украшений типов 1 и 3 резко уменьшается к концу века. Пластинчатые широкосрединные изделия, среди которых преобладают экземпляры с узкими заходящими концами, наоборот, переживают максимум своего распространения. Закончившие бытование проволочные равномерные перстни (тип 3) сменились в XII в. изделиями с расширенной передней частью (тип 4). Встречены в XII в. и единичные украшения с усложненной передней частью (тип 5). Основная масса перстней с плоским щитком, часть ложновитых и перстней со вставками датируется XIII веком.

В археологических материалах данного периода представлены ювелирные изделия, характерные для памятников Костромского Поволжья (рис. 3, 7; 6, 8), а также известные в древностях более отдаленных территорий — Волго-Окского междуречья (рис. 2, 9, 4, 7), и Днепровского бассейна (рис. 6, 6, 12; 7, 16).

Средневековая культура Белозерского края неоднородна. Исследователи выделяют три микрорегиона, различающиеся деталями погребальной обрядности, элементами женского убора и некоторыми другими признаками: Юго-Западное Белозерье, включающее бассейн рек Суды и Колпи; среднее и нижнее течение Шексны; Белозерская округа — территории, непосредственно примыкающие к Белому озеру (Макаров, 1990. С. 125; Башенькин, 1993. С. 7—8; и др.). На примере перстней из металла различия указанных районов прослеживаются не столь явно. Однако некоторые их типы ло-

кализируются географически. Так, в памятниках Юго-Западного Белозерья зафиксирована большая часть узкопластинчатых (рис. 2, 1—2) и пластинчатых прямых, орнаментированных “косичкой” (рис. 2, 4) и рядами чередующихся выпуклых полушарий (рис. 2, 3) перстней. На Суде и Колпи встречены три из четырех известных в Белозерье украшений с выпуклыми щитками, причем пластинчатый равномерный обруч одного из них также декорирован узором в виде “косички” (рис. 8, 2). Основная масса витых и крученых перстней, подавляющее большинство колец с плоскими щитками происходят из Белозерской округи.

Металлические перстни Белозерского края обнаружены как на городских и сельских поселениях, так и в различных погребальных памятниках. В могильниках найдено 209 украшений: 143 экземпляра встречены в курганных захоронениях, локализованных в основном в Юго-Западном Белозерье, и 66 — в грунтовых погребениях. На сельских поселениях выявлено 44 предмета. Свыше 200 перстней, отличающихся разнообразием форм и богатством декора, происходят из Белоозера. Среди древностей другого городского поселения — Луковца, аналогичного, по мнению исследователей, Белоозеру (*Башенькин, Кудряшов, 1989. С. 20—22*), собрание перстней из металла не превышает десяти экземпляров*.

Археологические исследования различных древнерусских памятников показывают, что обычно сельские поселения и могильники отличаются от городов сравнительной бедностью

материала и простотой форм вещей. В связи с этим небезынтересна коллекция металлических перстней из курганных могильников на р. Колпь — Новинка 1, 2, 3 и Володино 1, 2 (раскопки А.В. Никитина). Анализ приводит к довольно неожиданным результатам — состав находок этих кладбищ типичен для многих городов Древней Руси: в колпинских захоронениях обнаружено 9 перстней со вставками (для сравнения: в Белоозере — 8), украшения с плоскими и выпуклыми щитками, перстень с чернью (как и данный экземпляр, некоторые изделия из Новинок и Володино сделаны из серебра), квадрифолийный перстень.

Часть ювелирных изделий, встреченных в Белозерье, изготовлена, вероятно, в городских центрах южных областей Руси (рис. 6, 6, 12; 7, 16). Несомненно также поступление украшений из Новгорода (рис. 2, 6—7; 6, 2; 7, 2, 14). Однако основная масса средневековых белозерских древностей является продукцией местных ювелиров. Раскопками Л.А. Голубевой в Белоозере обнаружены свидетельства развитого производства изделий из цветных металлов (*Голубева, 1973. С. 132, 135—136*). Большинство украшений, в том числе и перстни, были изготовлены, очевидно, в Белоозере. Местные мастера производили ювелирные изделия, не отличающиеся по качеству от обнаруженных во многих древнерусских городах. Типы перстней, найденных в Белоозере, входят в число наиболее распространенных в слоях домонгольского времени других городских центров Древнерусского государства.

Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М. С. 71—88.

Бранденбург Н.Е., 1895. Курганы Южного Приладожья // МАР. СПб. Т. 18.

Башенькин А.Н., 1993. Сельское расселение в Белозерье. X—XIII вв. // Сельское расселение на Европейском Севере России. Вологда. С. 3—10.

Башенькин А.Н., Кудряшов А.В., 1989. Древний Луковец // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тез. конф. Новгород. С. 20—22.

Глазов В.П., 1980. Отчет об археологических раскопках курганной группы “Петушки II” близ г. Петушки Владимирской области. — Архив ИА РАН. Р-1. № 8067.

Горюнова Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94.

Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере. М.

Голубева Л.А., Кочуркина С.И., 1991. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX—X вв.). Петрозаводск.

Даркевич В.П., 1976. Художественный металл Востока. М.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.

Колчин Б.А., 1958. Хронология новгородских древностей // СА. 2. С. 92—111.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М. С. 156—177.

Кочуркина С.И., 1989. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X—XIII вв. Петрозаводск.

Кочуркина С.И., Линевский А.М., 1985. Курганы летописной веси. Петрозаводск.

Кудряшов А.В., 1996. Поселение и могильник Кривец на Нижней Суде // Древности Русского Севера. Вологда. Вып. 1. С. 189—197.

Кухаренко Ю.В., 1959. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. 1. С. 31—51.

* Это объясняется современным состоянием памятника, затопленного водами Рыбинского водохранилища, что не позволяет производить здесь ежегодные полномасштабные археологические раскопки.

Лесман Ю.М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X—XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. М. С. 29—99.

Лесман Ю.М., 1996. К динамике развития северо-европейских традиций в древнерусской культуре: монетовидные подвески, орнаментированные волютами // Ладога и Северная Европа. СПб. С. 66—70.

Макаров Н.А., 1990. Население Русского Севера X—XIII вв. М.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., 1998. Отчет о раскопках в 1998 г. — Архив ИА РАН.

Макарова Т.И., 1986. Черное дело Древней Руси. М. С. 39—48.

Материальная культура среднецнинской мордвы VIII—XI вв., 1969. Саранск.

Назаренко В.А., Овсянников О.В., Рябинин Е.А., 1984. Средневековые памятники чуди заволочской // СА. 4. С. 202—205.

Недошивина Н.Г., 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М. Труды ГИМ. Вып. 43. С. 253—274.

Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. М. С. 228—234.

Новые памятники археологии Волго-Камья, 1984. Йошкар-Ола.

Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.

Полубояринова М.Д., 1993. Русь и Волжская Болгария в X—XV вв. М.

Розенфельдт И.Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М.

Рыбакоу Б.А., 1932. Радзімічы // Працы сэццыі археолёгіі. Менск. Т.3. С. 81—151.

Рындина Н.В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. // МИА. М. № 117. С. 200—268.

Рябинин Е.А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л. С. 66—67.

Сабурова М.А., Седова М.В., 1984. Некрополь Суздаля // Культура и искусство средневекового города. М. С. 91—130.

Сарачева Т.Г., 1992. Перстни Южной Руси IX—первой половины XIII в. (Дипломная работа. Кафедра археологии МГУ). М.

Сарачева Т.Г., 1994. Металлические перстни Днепровского Левобережья (Конец IX—первая по-

ловина XIII в.) // История и эволюция древних вещей. М. С. 85—100.

Седова М.В., 1959. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X—XV вв.) // МИА. М. № 65. С. 223—261.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X—XV вв.). М.

Седова М.В., 1997. Суздаль в X—XV вв. М.

Спицын А.А., 1896. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л.К.Ивановского // МАР. СПб. Т. 20.

Спицын А.А., 1901. Древности бассейнов Оки и Камы // МАР. СПб. Т.25.

Спицын А.А., 1905. Владимирские курганы // ИАК. СПб. Вып.15.

Третьяков П.Н., 1931. Костромские курганы // ИГАИМК. М.; Л. Т. X, вып. 6—7.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987 // Археология СССР. М.

Щапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Столярова Е.К., 1990. Морфология древностей. Киев.

Юшко А.А., 1980. Археологические памятники бассейна реки Пахра // КСИА. Вып. 160. С. 82—87.

Ястребов В.Н., 1893. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии // МАР. Т.10.

Archeologija un etnografija, 1957. I.; 1983. XIV; 1987. XV. Riga.

Aspelin J.R. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. Helsinki. 1878. Vol.3; 1880. Vol.4; 1884. Vol.5.

Czarnecka K., 1989. Ein ring aus Roggendorf in Niederosterreich und seine kaiserzeitlichen parallelen in Barbaricum // Fundberichte aus Osterreich. Wien. S.11—17.

Kivikoski E., 1963. Kvarnbasken (Ein Graberfeld der jungenen Eisenseit auf Aland). Helsinki.

Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki. Latvijas PSR Archeologija, 1974. Rīg....

Lehtosalo-Hilander P.-L., 1982. Luistari. Helsinki. I—III.

Niederle L., 1911. Slovanske starozitnosti. Oddil kulturni. Praha.

Olands jarnalders-gravfalt, 1987. I—III. Kalmar.

Stenberger M., 1947, 1958. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Stockholm. Bd. I-II.

Tallgren A.M., 1825. Zur archaologie eestis. Dorpat. II.

Urtans V., 1977. Senakie depositi Latvija. Rīg....

SUMMARY

I.A. Soumina

THE METALLIC FINGER-RINGS FROM THE MEDIEVAL BELOZERIE

This work presents the results of the investigation of 462 finger-rings made of copper, bronze, silver, leaden-tin alloys. They were found in the urban (over 200 objects) and rural (44 objects) settlements, mounds (143 objects) and flat cemeteries (66 objects) of the Belozeriye region.

All finger-rings were divided into 15 types. They were dated back to the period from the second half of the IXth century up to the XIIth century. The author had determined the date of every type and pointed out possible parallels with the materials of the Old Russia and the neighbouring regions.

Н.Г. Недошивина

ЛЮБЕЧСКИЙ КЛАД

На городище Любеч Черниговской обл. при раскопках Б.А.Рыбакова в 1960 г. был обнаружен клад золотых и серебряных украшений. Он был спрятан в нише северо-восточной стены жилища № 2, открытого на раскопе XXVIII. Вещи, по всей видимости, были завернуты в материю, от которой сохранились отдельные нити и большое количество мелкого жемчуга, которым, по-видимому, и была расшита эта ткань.

Клад поступил в Отдел археологии Государственного Исторического музея в Москве, где хранится и в настоящее время*.

До сих пор клад не был полностью опубликован, и определение точного его состава вызывает известные трудности. Это объясняется тем, что существуют разночтения по составу клада между музейной коллекцией, данными Б.А.Рыбакова (*Рыбаков*, 1964а; 1964б. Рис. на С.93) и В.П.Коваленко (*Коваленко*, 1994), с одной стороны, и сведениями из отчета И.П.Русановой, с другой**.

Если судить по музейной коллекции, опись которой была, видимо, составлена с учетом полевой этикетки, в клад входило 35 предметов***. Среди них — 10 браслетов разных типов (витых, створчатых, пластинчатых), 2 трехбусинных височных кольца, 1 височное кольцо перстнеобразное с обратным поворотом (та-

кие кольца нередко находят надетыми на дужки колтов), 3 перстня с витой средней частью и 1 перстень с овальным щитком, украшенным чернью, 1 золотая бусина, 1 бусина хрустальная шарообразная, а также нашивные бляшки (6 серебряных позолоченных с перегородчатой эмалью, 6 тисненых в виде розетки и 4 трапециевидных с вставками из стекла).

Тот же набор украшений (кроме нашивных бляшек) виден на фотографии, иллюстрирующей клад, якобы найденный в тайнике Любечского замка. Как отмечал Б.А.Рыбаков, «судя по великолепным золотым и серебряным украшениям, спрятанным в подземелье башни, хозяин ее был богатым и знатным боярином» (*Рыбаков*, 1964б. С.89. Рис. на С.93).

Примерно тот же набор вещей перечисляет В.П.Коваленко, ссылаясь на отчет о раскопках в Любече, хранящийся в Киеве (*Коваленко*, 1994).

Однако в отчете И.П.Русановой, которая в 1960 г. вела раскоп, где и был обнаружен клад, состав его отличается от перечисленного выше. По ее данным, в клад входили: 4 браслета, 1 трехбусинное височное кольцо, плетеный перстень, золотая плетеная и хрустальная шарообразная бусины, а также нашивные бляшки. К сожалению, судя только по описанию вещей, в отчете не всегда удается определить тип украшений, входивших в клад, а иллюстрации отсутствуют.

По всей видимости, тот комплекс, который обозначен в ГИМ как «Любечский клад», является сборным, состоящим из двух кладов, найденных на одном раскопе в 1960 г. (а может быть, сюда включен ряд вещей из слоя). Первый клад, наиболее известный, как уже отмечалось выше, был найден в нише жилища № 2, второй — в северо-западном углу жилища № 23. Этот второй клад, как становится ясным из

* ГИМ. Инв. №100891. Оп. 2027.

** *Русанова И.П.* Отчет о раскопках Любеча в 1960 г. — Архив ИА РАН. Р-1. № 2787. К сожалению полевые описи и дневники этого года не сохранились.

*** В этикетке, написанной от руки и хранящейся в ГИМ рядом с вещами из клада, написано: «Л-60.Замок. XXVIII, этаж 2, №361—390». Следовательно, все вещи с данными полевыми номерами как бы должны относиться к кладу 1960 г. Однако вещи с 13 полевыми номерами (№ 361, 362, 368—370, 377, 384—390) в коллекции отсутствуют, а часть вещей клада вообще не имеет полевых номеров.

отчета И.П.Русановой, состоял из серебряных браслетов и трехбусинных височных колец.^{*} Возможно, эти два комплекса и были соединены вместе и обозначены как один Любечский клад.

В этом нас лишний раз убеждают данные о кладе, любезно предоставленные мне Г.А.Вознесенской^{**}. В альбоме иллюстраций к отчету о раскопках в Любече в 1960 г., хранящемся в Киеве, подпись к рис. 50 гласит: «Вещи из кладов» (во множественном числе; курсив мой. — Н.Н.). На фотографии изображены: 8 трехбусинных височных колец, 5 перстней (1 витой надет на браслет), 3 витых проволочных браслета, 3 браслета-наруча, из которых 1 с чернью, 1 ажурный и 1 с гравировкой, 5 пластинчатых браслетов, из которых 2 с выпуклым продольным ребром, 2 с гравировкой с несомкнутыми концами и 1 двустворчатый литой с львиными масками на концах, 6 бляшек серебряных позолоченных с эмалью, 1 золотая бусина. Как видно из этого описания, состав вещей здесь идентичен музейной коллекции.

Таким образом, нам представляется, что наиболее достоверными являются данные И.П.Русановой, отчет которой, как можно предположить, был написан сразу после экспедиции, а следовательно, в Любечский клад (первый) входило всего 24 предмета. Остановимся подробнее на их описании.

1. Браслет витой, с напаянными миндалевидными наконечниками. В коллекции ГИМ в «кладе» находятся 4 таких браслета. У двух из них наконечники украшены гравировкой и чернью, на других чернь отсутствует. Какой из четырех браслетов входил в действительности в клад, найденный в тайнике замка, можно только предполагать. На фотографии, предоставленной мне Т.И.Макаровой, изображен витой браслет с надетым на него перстнем с плетеной средней частью как вещи, происходящие из клада^{***}. Скорее всего именно этот браслет и был найден в кладе № 1. Наконечники его украшены гравировкой зубчатой линией. Чернь отсутствует. Такие браслеты Т.И.Макарова относит к подтипу 3 и датирует XII в. (Макарова, 1986. С.37)^{****} (рис. 1, 3).

2. Браслет-наруч шарнирный двухъярусный ажурный. Каждая створка обрамлена двойным

напаянным пояском: наружным гладким, внутренним из рубчатой проволоки. Орнамент каждой створки верхнего и нижнего ярусов идентичен и состоит из трех эсовидных завитков, образованных двойной псевдосканой нитью. Пространство между ними заполнено дополнительными завитками. Полная аналогия такому наручу нам неизвестна. Отдаленно его напоминает золотой ажурный одноярусный браслет из клада 1822 г. Старой Рязани, датированного Г.Ф.Корзухиной второй половиной XII—первой четвертью XIII в. (Корзухина, 1954. С.143. Клад 162) (рис. 1, 4).

3. Браслет-наруч двустворчатый одноярусный. Каждая створка оконтурена двойной линией напаянных гладких проволок и разделена полосой с подвижными колечками на два прямоугольных поля, обрамленных зигзагообразной линией. В них на черневом фоне гравировкой мелким зубчатым следом изображены побеги с отходящими в разные стороны ветвями. Браслет имеет удивительное сходство с наручем из клада у д.Писково Калужской обл. — то же обрамление поля двойными гладкими полосами, та же зигзагообразная линия вокруг орнаментального поля, идентичный орнамент в виде побегов. Отличие состоит только в том, что на браслете из Пискова орнамент занимает створку полностью, а на любечском наруче каждая створка разделена на два поля и орнамент как бы разрезан гладкой полосой на две части. Близость их, однако, настолько разительная, что возникает предположение, что оба наруча сделаны одним мастером. Т.И.Макарова относит этот наруч ко II типу (подтип 3) и датирует концом XII—началом XIII в. (Макарова, 1986. С.84, 143. Кат., № 229) (рис. 1, 1).

4. Браслет-наруч двустворчатый одноярусный^{*}. Каждая створка оконтурена двойным пояском из напаянной гладкой проволоки, между которыми — ряды «жемчужин», оттиснутых изнутри. Такие же полосы «жемчужин» разделяют каждую створку браслета на два клейма. В них примитивно исполненные резцом с зубчатым следом изображения птиц в профиль, обращенных головами друг к другу, с овальным «зерном» в клюве. Контур каждого клейма и рамки вокруг изображений выпол-

^{*} Ни количество вещей, ни их типы в отчете не определены. Иллюстрации также отсутствуют.

^{**} Выражаю ей глубокую признательность.

^{***} Выражаю глубокую благодарность С.А.Плетневой и Т.И.Макаровой, предоставивших мне ряд фотографий с вещей из Любечского клада.

^{****} Нумерация описания вещей в тексте совпадает с номерами каталога.

^{*} По отчету И.П.Русановой, в кладе значатся 4 браслета, 3 из них узнаваемы, описания их даны выше. О четвертом сказано: «браслет пластинчатый рельефный». Под это определение подпадают 4 из оставшихся в «кладе» браслета. Однако наиболее вероятным следует считать широкий двустворчатый наруч, о котором Т.И.Макарова пишет, что он был найден на городище «Замок» в составе клада (Макарова, 1986. С.146. Кат., № 255).

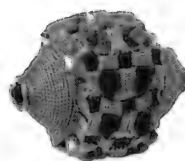
1

4

2

7

5

3

6

Рис. 1. Украшения из Любечского клада
1—4 — браслеты, 5 — височное кольцо, 6 — перстень, 7 — бусина;
1—6 — серебро, 7 — золото

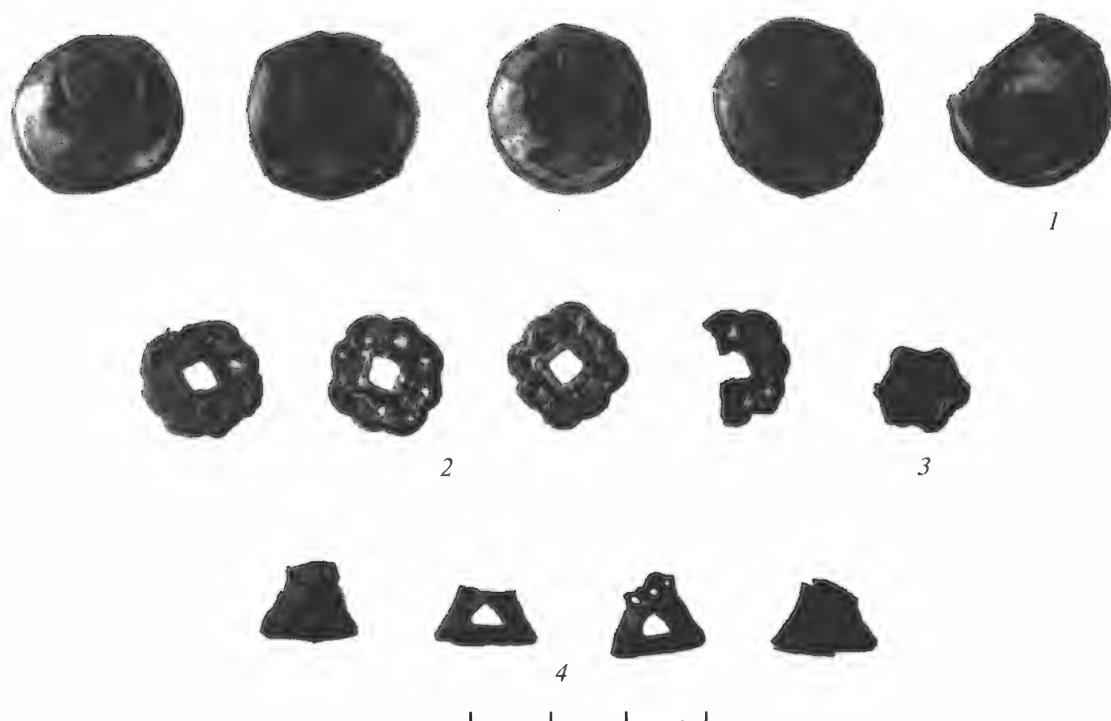

Рис. 2. Нашивные бляшки (1—4) из Любечского клада

нены зубчатой зигзагообразной линией. Рисунок примитивен. Чернь отсутствует (рис. 1, 2).

5. Височное кольцо трехбусинное* (рис. 1, 5).

6. Перстень с витой (3х2) средней частью и гладкими прокованными, заходящими друг за друга концами** (рис. 1, 6).

7. Бляшки нашивные (6 экземпляров), круглые, оттиснуты на матрице. Края слегка загнуты внутрь, в них — 8 небольших отверстий для пришивания на материю. Орнамент в виде древа жизни с небольшими вариациями. Эмаль местами выкрошилась и потеряла цвета (желтоватый, зеленый, синий) (Макарова, 1975. С. 109. Кат., № 70). Орнамент, украшающий бляшки, часто встречается на памятниках прикладного искусства домонгольской Руси конца XII—первой половины XIII в. — например, на колте из клада 1906 г. Михайловского монастыря в Киеве (Макарова, 1975. Табл. 5, 10), на круглом медальоне рясен из клада 1880 г. в Киеве на Житомирской ул. (Кондаков, 1896. Табл. 1, 1), на одном из перстней Шмаровского клада Калужской обл. (Макарова, 1986. Кат., № 47, рис. 15) и др. (рис. 2, 1).

8. Бляшка нашивная звездчатой формы, с шестью зубцами и отверстием в середине, тисненая на матрице, бортики загнуты внутрь (рис. 2, 3).

9. Бляшки нашивные (5 экземпляров) в виде восьмилепестковых розеток с ромбическим вырезом в середине, тисненные на матрице. Края с 4 отверстиями для пришивания загнуты внутрь (рис. 2, 2).

10. Бляшки нашивные (4 экземпляра) трапециевидной формы с отверстиями по краям для пришивания. В центре — треугольные вырезы, в двух из них сохранились вставки из голубого стекла. Бляшки обломаны; возможно, они были в форме «бантиков» (рис. 2, 4).

Т.И.Макарова считает, что все бляшки Любечского клада (их первоначально было 25 штук, в музей передано только 16) служили украшением очелья, и приводит свою реконструкцию головного венчика. (Макарова, 1974). Большая часть бляшек, а также жемчуг в коллекции ГИМ отсутствуют. Более вероятным представляется, что бляшки и жемчуг служили украшением ткани, в которую был, по-видимому, завернут клад. Бляшки разных форм, в том числе со вставками из цветного стекла, а также жемчуг в большом количестве найдены в кладах 1903 г. Михайловского монастыря в Киеве, при этом часть бляшек и жемчуга сохранилась нашитой на фрагменты ткани от одежды.

* В коллекции ГИМ 2 трехбусинных височных кольца. Однако судя по отчету, их в кладах найдено всего одно. Сейчас трудно решить, какое из двух происходит из клада № 1. Бусины обоих колец ажурные, сканные.

** Судя по фотографии, предоставленной мне Т.И.Макаровой, именно этот перстень происходит из клада.

11. Бусина овальной формы, золотая. Концы ее оплетены плотно уложенными перевитыми скаными жгутами. Средняя часть украшена припаянными, вертикально поставленными гладкими трубочками в три ряда, соединенными между собой четырьмя скаными перевитыми нитями. Такие бусы вкладах редки, похожие известны в Невельском (Шалаховском) кладе 1892 г. и в Териховском кладе 1876 г. (Гущин, 1936. Табл. V, 2; XIV, 7;

XV, 8). Невельской клад Г.Ф.Корзухина относит к XI—началу XII в., Териховский клад датируется 70-ми годами XII в.—1240 г. (рис. 1, 7).

12. Бусина хрустальная шарообразная.

Таким образом, состав клада, насколько это нам представляется, был гораздо меньше того, который обозначен в изданиях и в описи коллекции ГИМ.

Клад был найден, как известно, в слое пожара, уничтожившего город. Б.А.Рыбаков

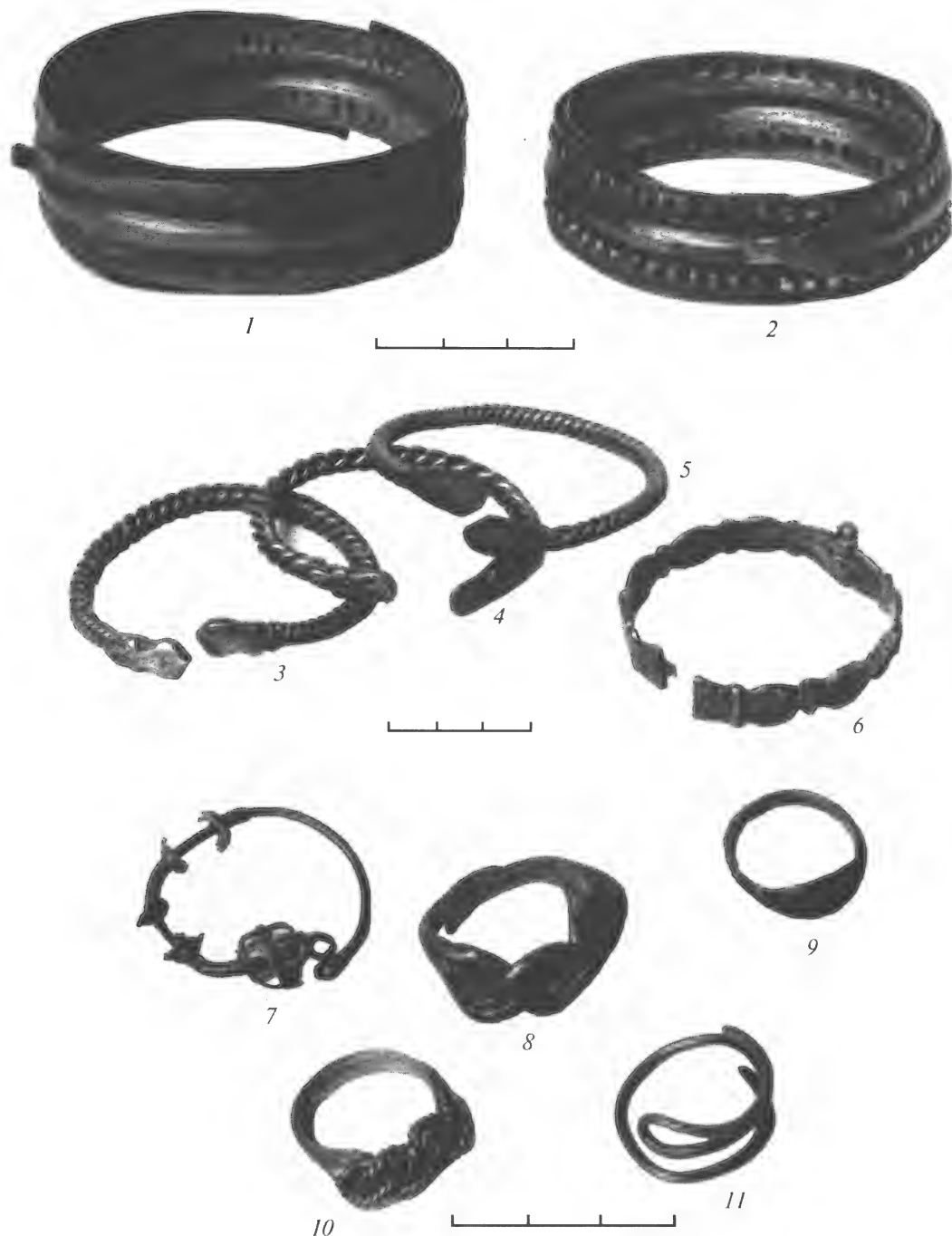

Рис. 3. Украшения, относимые ранее к Любечскому кладу
1—6 — браслеты, 7, 11 — височные кольца, 8—10 — перстни

относил это событие к 1147 г. и связывал его с походом смоленского князя Ростислава Мстиславича (*Рыбаков*, 1964а, С.23). Однако форма вещей, аналогии им в некоторыхкладах конца XII—первой четверти XIII в. подтверждают предположение В.П.Коваленко о том, что гибель сооружений, среди которых были найдены вещи клада, следует относить к осени 1239 г., когда центр Черниговской земли был razорен ханом Менгу, и что деятельность мастерской ювелира г. Любеча, в которой были изготовлены вещи, следует относить к первой четверти XIII в. (*Коваленко*, 1994).

Любеч. Клад 1960 г. (Каталог)

1. Браслет витой с напаянными миндалевидными наконечниками. XII в.

Диаметр 6,3 см, вес 37,8 г.

Серебро, витье, пайка, гравировка.

Сохранность полная.

Оп. 2027/29.

2. Браслет-наруч ажурный. Вторая половина XII — первая четверть XIII в.

Диаметр ок. 6,5 см, вес 55,00 г.

Серебро, литье, пайка.

Браслет сломан в двух местах.

Оп. 2027/33.

3. Браслет-наруч. Конец XII—первая четверть XIII в.

Диаметр 6 см, ширина 3,6 см, вес 37,9 г.

Серебро, тиснение, пайка, гравировка, чернь.

Браслет сломан в нескольких местах, петли и штырь для запора отсутствуют, чернь местами выкрошилась.

Оп. 2027/34.

Литература: *Макарова*, 1986. С.85. Рис.40; *Василенко*, 1977. С. 260. Рис. 11.

4. Браслет-наруч. XII—начало XIII в.

Диаметр 5,7 см, ширина 3,8 см, вес 30,0 г.

Серебро, тиснение, гравировка, пайка.

Петли для скрепления створок почти полностью обломаны.

Оп. 2027/35.

5. Височное кольцо трехбусинное.

Диаметр 4 см, вес 7,55 г.

Серебро, витье, пайка, скань.

Одна бусина обломана.

Оп. 2027/36.

6. Перстень.

Диаметр 1,9 см, вес 13,05 г.

Серебро, витье,ковка.

Концы слегка обломаны.

Оп. 2027/40.

7. Бляшки нашивные.

Диаметр 2,1 см.

Серебро, позолота, тиснение, перегородчатая эмаль.

Одна бляшка частично отломана, одна почти полностью разрушена, эмаль местами выкрошилась.

Оп. 2027/49-54.

Литература: *Макарова*, 1974. Рис. на с.161; 1975. С.51. Табл. 13, 11—15

8. Бляшка нашивная.

Диаметр 1,1 см.

Серебро, тиснение.

Обломана с одного края.

Оп. 2027/55.

9. Бляшки нашивные.

1,6х1,5 см.

Серебро, тиснение.

Сохранились 3 целые бляшки, 1 обломана, 1 в мелких обломках.

Оп. 2027/56-60

10. Бляшки нашивные.

1,2х0,9см.

Серебро, тиснение, стекло.

Бляшки обломаны, возможно, две из них были в форме «бантика».

Оп. 2027/61-64.

Литература: *Макарова*, 1974. Рис. на с.161.

11. Бусина. XII—начало XIII в.

Длина 2,2 см, вес 8,25 г.

Золото, скань, пайка.

Сохранность полная.

Оп. 2027/25.

12. Бусина хрустальная шарообразная. XII—XIII вв.

Диаметр 0,5 см.

Камень.

Сохранность полная.

Оп. 2027/66.

Вещи, отнесенные в коллекции ГИМ к Любечскому кладу, происходящие или из второго клада, или из слоя (Каталог)

1. Браслет.

Диаметр 7 см, ширина 2 см, общая длина 44 см, вес 28,3 г.

Серебро, тиснение.

Пластинчатый загнутоконечный, закручен спиралью в полных два оборота. Вдоль всего браслета — выпуклое ребро, по сторонам которого — орнамент, имитирующий зернь в три ряда (один ряд крупной черни, по сторонам мелкая), оттиснутые изнутри.

Браслет сломан (рис. 3, 1).

Оп. 2027/26.

2. Браслет.

Диаметр 6,5 см, ширина 1,9 см, общая длина 50,5 см, вес 34,4 г.

Серебро, тиснение.

Пластинчатый эсоконечный, закручен спиралью в 2,5 оборота. Вдоль всего браслета — выпуклое ребро, по сторонам которого идут крупные перлы, имитирующие зернь с мелкими точечными вдавлениями по сторонам, оттиснутые изнутри.

Браслет сломан в нескольких местах (рис. 3, 2).
Оп. 2027/27, 65*.

3. Браслет. Не ранее второй половины XII в.

Диаметр 5,5 см, ширина 1 см, вес 27,3 г.

Серебро, литье, пайка, гравировка.

Двустворчатый шарнирный с масками на концах. Каждая створка состоит из четырех овалов, соединенных между собой поперечными прямоугольными выступами. Орнамент нанесен гравировкой двойной линией (сплошной и зубчатой) и состоит из чередующихся квадрифолиев и пятиконечных звезд, образованных двумя пересекающимися треугольниками. На одной створке орнамент четкий, на другой — почти полностью стерт. Петли частично обломаны.

Скорее всего эта форма браслета является откликом на браслеты с чернью и львиными масками на концах (рис. 3, 6).

Оп. 2027/28.

4. Браслет. XII в.

Диаметр 6,5 см, вес 33,2 г.

Серебро, витье, пайка, гравировка, чернь.

Витой, с перевитью, с напаянными миндалевидными наконечниками, украшенными чернью по гравировке.

Перевитье и чернь сохранились плохо (рис. 3, 4).
Оп. 2027/30.

5. Браслет. XII в.

Диаметр 6,5 см, вес 46,5 г.

Серебро, витье, пайка, гравировка, чернь.

Витой, с напаянными миндалевидными наконечниками, украшенными хорошо сохранившейся чернью по гравировке (по контуру с завитками) (рис. 3, 3).

Оп. 2027/31.

6. Браслет. XII в.

Диаметр 6,5 см, вес 27,05 г.

Серебро, витье.

Витой, с расплюснутыми овальными концами. Накладки не сохранились (рис. 3, 5).

Оп. 2027/32.

7. Височное кольцо трехбусинное.

Диаметр 3 см, вес 3,55 г.

Серебро, витье, скань, пайка.

Бусины ажурные, образованы восемью (по 4 на каждой половине бусины) окружностями из жгутиков скани. Между бусинами — обмотка из гладкой проволоки (рис. 3, 7).

Оп. 2027/37.

8. Височное кольцо перстнеобразное, с обратным поворотом (рис. 3, 11).

Диаметр 2 см, вес 2,65 г.

Серебро, волочение.

Оп. 2027/42.

9. Перстень.

Диаметр 2 см, вес 14,6 г.

Серебро, витье, ковка.

С витой (2х2) средней частью и гладкими, прокованными, заходящими друг за друга концами. Проволока толстая, грубая, плохо прокована (рис. 3, 8).

Оп. 2027/38.

10. Перстень.

Диаметр 1,9 см, вес 5,05 г.

Серебро, витье, ковка.

С витой (3х4) средней частью и гладкими, прокованными, заходящими друг за друга концами (рис. 3, 10).

Оп. 2027/39.

11. Перстень.

Диаметр 1,9 см, вес 3,2 г.

Серебро, литье, гравировка, чернь.

Овальнощитковый. Щиток и боковые грани орнаментированы чернью по гравировке — по контуру: 2 полукрина на щитке и 2 завитка по бокам (рис. 3, 9).

Оп. 2027/41.

Василенко В.М., 1977. Русское прикладное искусство. Истоки и становление. М.

Гущин А.С., 1936. Памятники художественного ремесла Древней Руси. X—XIII вв. М; Л.

Коваленко В.П., 1994. Майстерня ювеліра XIII ст. на дитинці Любеча // Старожитності Русі — України. Київ.

Кондаков Н.П., 1896. Русские клады. СПб.

Корзухина Г.Ф., 1954. Русские клады. М; Л.

Макарова Т.И., 1974. Венец с перегородчатой эмалью из Любеча // Культура средневековой Руси. М.

Макарова Т.И., 1975. Перегородчатые эмали Древней Руси. М.

Макарова Т.И., 1986. Черное дело Древней Руси. М.

Предполагаемые древности Черной Руси, 1899 // ЗРАО. СПб. XI, вып. 1—2. Новая серия.

Рыбаков Б.А., 1964а. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей // КСИИМК. Вып. 99.

Рыбаков Б.А. 1964б. Первые века русской истории. М.

* Аналогичные браслеты найдены в каменных могилах в Лидском у. Виленской губ. вместе с монетами XIII—XV вв. (Предполагаемые древности Черной Руси. 1899. С. 307, 309. Рис. 17).

SUMMARY

N.G. Nedoshivina

THE LJUBECH HOARD

The article describes the hidden treasure composition which was found in the site of the ancient town Ljubech of Chernigovsky region in 1960. According to the investigation the hidden treasure consisted of 24 — not of 35 objects. The museum

collection which is indicated as «Ljubech hidden treasure» includes things from different buried treasures which were found in a single excavation. The article presents the detailed description for every object and the catalogues of all the items.

Н.В.Тухтина

ПЛАСТИНА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВСАДНИКА С ОСТРОВА ВАЙГАЧ

Среди многочисленных находок, обнаруженных на святилище Болванский Нос экспедицией Л.П.Хлобыстина, большой интерес представляет уникальная серебряная пластина с изображением всадника* (рис. 1).

Она имеет круглую форму, диаметр ее около 5 см, на обратной стороне видны следы припоя. Это позволяет предположить, что именно здесь прикреплялась булавка или петля для закрепления бляхи на одежде. Аналогичные следы припоя наблюдались и на ряде других известных нам пластин (Лещенко, 1970. С. 130, 148).

Пластина литая. Рисунок, занимающий все поле, был выбит чеканом и по контуру проработан резцом с зубчатым следом. Двойной зубчатой линией ограничено и все орнаментальное поле. Возможно, здесь был припаян рубчатый валик, не сохранившийся в настоящее время, но хорошо известный по аналогичным бляхам.

Рисунок и слегка загнутый край пластины позолочены. Фон заполнен чернью, однако лоток для нее был слишком мелким и она местами выкрошилась.

На бляхе изображен всадник на коне, идущем вправо. Фигура человека повернута на зрителя. Лицо схематично — рот отсутствует, нос в виде прямоугольной скобы, глаза обозначены двумя пятнышками черни, голова слегка вытянута и снабжена сверху небольшим выступом, ворот рубахи и пояс орнаментированы. Левая рука с рогом поднята вверх, правая опирается на круп коня. Четко обозначены копыта лошади. Справа от головы всадника — солнце, слева — луна. Согнутого локтя правой руки касается (или сидит на нем) довольно крупная птица. Слева от лошади, близ ее хвоста расположена фигура животного с длинным туловищем и большим хвостом, напоминающая горностая. Подобное животное изображено и под

передними копытами коня, а рядом с ним фигура неизвестного зверя, возможно, волка. Между ног лошади — водоплавающая птица.

Подобные бляхи были опубликованы Я.И. Смирновым (Смирнов, 1909. Табл. ХС, 22, 23; Табл. ХСІ, 24—26) и А.А. Спицыным (Спицын, 1902. Табл. XXXV, 1, 3, 4) в начале века и долгое время после этого не привлекали внимания исследователей.

Впервые более детальный анализ подобных пластин проделал В.Ю. Лещенко (Лещенко, 1970. С. 136), который выделил группу из восьми серебряных и трех бронзовых изделий, обнаруженных на Нижней Каме, в Верхнем Прикамье и Западной Сибири. Аналогичная бляха из Западной Сибири опубликована также сотрудниками Уральского университета (Зыков, Кокшаров, Терехова, Федорова, 1994. С. 111).

Пластина с острова Вайгач близка большинству этих блях по сюжету и технике исполне-

* ГИМ. Инв № 108263. Пластина снизу и с двух сторон обломана.

Рис. 1. Пластина с острова Вайгач

ния. Их объединяет также форма и стилистическая близость образцам верхнекамского искусства конца I—начала II тысячелетия н.э. Как и пластина с о-ва Вайгач, серебряные бляхи выполнены техникой чеканки, фон углублен и покрыт чернью, изображения позолочены, по краю лицевой части напаян серебряный рубчатый валик. Всадник сидит на коне, идущем вправо, в поднятой руке он держит рог, на правом локте сидит птица. Голова у многих всадников имеет остороконечную форму или выступ.

В деталях все пластины различны, их объединяет главный сюжет — изображение всадника. Довольно стабилен и набор животных, окружающих коня, среди них почти всегда есть соболь или горноста́й, волк и водоплавающая птица.

Несмотря на некоторые отличия, одинаковая техника исполнения и сходство изображения как прикамских и западносибирских, так и вайгачской блях свидетельствуют об изготовлении их где-то в одном регионе.

На городище Болгары обнаружена медная матрица с аналогичным сюжетом (ГИМ. Инв. № 98079). Матрица отличается от блях подбором животных. Помимо всадника, на ней изображены четыре птицы, две рыбы и три собаки. Вместо луны и солнца — птица и знак, напоминающий трилистник. На верхней части головы всадника четко обозначен выступ. А.П. Смирнов, опубликовавший матрицу, считал, что всадник, изображенный на ней, сидит на волке, обосновывая это тем, что у него когтистые лапы, длинный свисающий хвост и острая морда (*Смирнов А.П.*, 1964. С. 59). На некоторых аналогичных бляхах изображение коня не отличается от болгарского. То есть на матрице изображена та же сцена, что и на бляхах, отличаясь лишь частично подбором животных и грубостью исполнения.

Правда, пока не найдены пластины, оттиснутые на этой матрице. Тем не менее сам факт такой находки дает возможность предположить, что именно в Болгарах подобные изделия выпускались массовым тиражом и предназначались на продажу, а не на заказ и при этом учитывались вкусы населения Прикамья и Западной Сибири. Находка матрицы с тем же сюжетом, что и на пластинах, является подтверждением того, что пластины изготавливались именно в Болгарах. Волжская Болгария в X—XV вв. имела тесные контакты с народами Прикамья. Влияние ее представлено находками в данном регионе как болгарской керамики, так и ювелирными вещами, в том числе выполненными в технике черни (*Смирнов А.П.*, 1952. С. 216; *Макарова*, 1986. С. 78).

В тех регионах, где найдены пластины, техника черни и позолоты не была известна

(*Лещенко*, 1970. С. 144). Это тем более важно отметить, что большинство блях и матрица являются случайными находками, поэтому исследователи датировали их X—XII вв., опираясь на аналогии с русскими черневыми изделиями (*Лещенко*, 1970. С. 145).

Одна из пластин была обнаружена в погребальном комплексе Сайгатинского IV могильника, датированного XIII—XIV вв. (*Зыков, Кокшаров, Терехова, Федорова*, 1994. С. 111). Основываясь на этой дате, пластину с острова Вайгач можно отнести скорее всего к X—XIII вв., тем более, что и расцвет русского черневого искусства относится не к X—XII, а к XII в. (*Макарова*, 1986. С. 25).

Относительно способов использования блях мнения исследователей также расходятся. У хантов, удмуртов, манси подобного типа пластины с ушком для подвешивания бытовали до XIX—XX вв. На них всадник или кентавр изображался в более реалистической манере — в халате и островерхой шапке с мечом, жезлом или копьем в руках. А.П. Окладников опубликовал рисунок В. Иохельсона с изображением женщины—юкагирки с подвешенной на переднике бляхой. Такой же способ их ношения был, по его мнению, и у эвенков (*Окладников*, 1950. С. 139—172.) С.И. Руденко отмечает, что еще в XIX в. похожие бляхи на цепочках подвешивались сзади к женским лисьим шапкам остячек, самоедков и вогулок. И даже в наши дни у ненцев Ямала зафиксированы аналогичные головные уборы (*Руденко*, 1914. С. 35—56).

Таким образом, этнографические примеры позволяют говорить о том, что пластины использовались в основном в женском костюме, но место их расположения могло быть разным — на головном уборе или на груди. Однако данные археологии свидетельствуют о том, что в ряде случаев пластины находились в мужских погребениях. Так, в могильнике Халас-Погор на Оби круглые бляхи с изображением всадника найдены в мужских погребениях на груди (*Лещенко*, 1970. С. 148). Несомненно, эти пластины имели культовое назначение и, возможно, украшали одежду шамана, одновременно являясь оберегами.

Что касается сюжета, изображенного на пластинах, то вероятнее всего связывать его с Ираном. В XII—XIII вв. болгарские мастера заимствовали из иранского искусства сюжет соколиной охоты, который был широко распространен в Иране и Средней Азии. Удивительное постоянство в изображении позы всадника в окружении животных на бляхах свидетельствует о копировании каких-то образцов, возможно, иранских (*Лещенко*, 1970. С. 146, 147).

Однако изображение всадников у местных племен Урала и Приобья, известное еще в памятниках пьяноборской и релкинской культур, имело иной смысл. В.А. Могильников считает, что подобные бляхи были символами мужчины-воина (Могильников, 1987. С. 227. Табл. ХСVIII, 24—27). В.Н.Чернецов рассматривает его как небесного всадника, объезжающего верхний и средний миры (Чернецов, 1953. С. 165).

Сюжет, заимствованный из Ирана, для местного населения имел, по—видимому, иной смысл: всадник воспринимался не просто как охотник, а либо как божество — покровитель животных, либо как некий властелин.

Религиозная символика сцен на рассматриваемых бляхах подчеркивается наличием астральных знаков — луны и солнца. Да и сама дисконидная форма пластин связана с культом солнца.

Остроголовость всадников также не случайна. Ведь еще со времен неолита у уральских народов изготавливали примитивных деревянных идолов, форма головы которых перекликается с изображениями на бляхах. Впоследствии, уже в VI—IX вв. на некоторых пермских пластинах антропоморфные существа изображались остроголовыми (Смирнов, 1959. С. 267). Эта традиция сохранилась и в более позднее время. А.П. Окладников отметил широкое распространение остроголовых изображений у большинства племен Сибири и вплоть до Белого моря (Окладников, 1955. С. 293). Так что связь всад-

ника с изображениями языческих деревянных идолов представляется несомненной.

Культовый характер пластин также не вызывает у исследователей сомнений. Но говорить о том, какие именно религиозные представления отражал сюжет, изображенный на пластинах, можно только предположительно. Возможно, он связан с представлением народов о расположении миров вселенной по вертикали, которое известно у эвенков, нганасан и других народов Севера и Сибири (Анисимов, 1959. С. 18). Имеется описание шаманских странствий, записанное из уст нганасанского шамана. По шаманской космогонии, существующие якобы три мира — нижний, средний, верхний — соединяла мифическая мировая река, устье которой находилось в нижнем мире, среднее ее течение — на земле, а верхнее — в верхнем мире. По реке душа шамана отправляется в путь и ее сопровождают духи — помощники в виде рыб, птиц, зверей. В проводники шаману хозяин нижнего мира давал горностая и мышь.

Возможно, бляха и изображает такого шамана, путешествующего по мировой реке. Верхний мир обозначен символами луны и солнца. Всадник олицетворяет средний мир, а горностая и водоплавающие птицы — духи подземного царства.

Так художественные образы использовались для выражения космогонических и религиозных представлений.

Анисимов А.Ф., 1959. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.

Зыков А.П., Кокшаров С.В., Терехова Л.М., Федорова Н.В., 1994. Угорское наследие (Древности Западной Сибири из собрания Уральского университета). Екатеринбург.

Лещенко В.Ю., 1970. Бляхи со сценой охоты из Поволжья // СА. 3.

Макарова Т.И., 1986. Черневое дело Древней Руси. М.

Могильников В.А., 1987. Угры и самоеды Урала и Западной Сибири // Финно—угры и балты в эпоху средневековья. М.

Окладников А.П., 1950. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея // СА. 13.

Окладников А.П., 1955. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. № 43.

Руденко С.И., 1914. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // Материалы по этнографии России. СПб. Т. 2.

Смирнов А.П., 1964. К вопросу о месте производства шаманских привесок // КСИА. Вып. 99.

Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28.

Смирнов Я.И., 1909. Восточное серебро. СПб.

Спицын А.А., 1902. Древности камской чуды // МАР. № 26.

Чернецов В.Н., 1953. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. № 35.

SUMMARY

N.V. Tukhtina

THE PLATE WITH THE IMAGE OF THE HORSEMAN FROM THE VAIGATCH

The article is dedicated to the unique silver plate which was made in the casting technique and was decorated with gild and niello. Analogous products come from Pricamiye and the Western

Siberia. The article gives the reason to date the plate by the XIIth — XIIIth centuries, to suppose a place of its manufacture, mode of use and cultural character.

Г.Ф.Полякова

О ДАТЕ ПОГРЕБЕНИЯ 40 ИЗ МОГИЛЬНИКА НА БАБЬЕМ БУГРЕ В БОЛГАРАХ

Погребение 40 открыто в 1947 г. в процессе раскопок могильника на Бабьем бугре. В отличие от большинства безынвентарных захоронений оно содержало комплекс вещей, относящихся, как полагали исследователи, к домонгольскому времени и связанных с памятниками Северного Кавказа (*Смирнов*, 1947. Л. 7; *Ефимова*, 1960. С. 191). Последнее предположение вполне подтвердилось спустя более 30 лет, когда в одном из раскопанных на Ставрополье курганов (могильник Чограй VIII) были найдены вещи, некоторые из которых имеют определенное сходство с инвентарем погребения 40 (*Андреева*, 1989. С. 63). Что касается даты, то эти же находки дают возможность ее пересмотреть.

Результаты раскопок обоих погребений опубликованы достаточно подробно (*Ефимова*, 1960. С. 184; *Андреева*, 1989. С. 63), поэтому для их сопоставления приведем лишь основные данные, характеризующие как сами захоронения, так и найденные в них вещи.

Могильник на Бабьем бугре — грунтовый. Могила 40 представляла собой яму прямоугольных очертаний, ориентированную по линии 3-В. Ее размеры 1,8х0,58 м, глубина 1,84 м от поверхности болгарского слоя, куда выходит дневной уровень ямы. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад. Лицо обращено на север. Руки, от которых сохранились только плечевые кости, располагались вдоль туловища. При расчистке костяка немного ниже черепа найдены проволочный крючок и серебряная серьга с янтарной вставкой. Справа у плеча, на куске ткани лежало зеркало, а у бедра — ножницы. После снятия костяка обнаружена вторая серьга с янтарем.

Только на основании стратиграфических данных и глубины могильной ямы погребение было отнесено к домонгольскому пери-

оду. Однако эти критерии применительно к могильнику на Бабьем бугре нельзя считать надежными, что было отмечено и автором раскопок (*Ефимова*, 1960. С. 172). Культурный слой на территории Бабьего бугра в значительной степени нарушен многочисленными, плотно расположенными погребениями, нередко перекрывающими друг друга. На 195 кв. м исследованной площади находилось 218 могил, образующих от двух до четырех ярусов. Кроме того, могильник неоднократно подвергался научным и кладоискательским раскопкам. И, наконец, располагаясь на мысу верхней волжской террасы с песчаным грунтом и слабо задернованной поверхностью, могильник размывался водами и разрушался обвалами.

К выделению верхнего (золотоордынского) и нижнего (домонгольского) горизонтов захоронений на основании глубины могил также следует отнестись с большой осторожностью. Исследователями условно намечено, что захоронения золотоордынского времени находились на глубине около 0,50 м, а домонгольское — 0,95 м от поверхности болгарского слоя. Однако могила 20, в которой обнаружена золотоордынская монета, имела глубину 1,97 м, т.е. даже большую, чем могила 40.

Погребальный инвентарь рассматриваемого захоронения из-за отсутствия близких аналогий был лишь условно отнесен к домонгольскому времени. «Погребальный комплекс с зеркалом и ножницами, — как справедливо отметила А.М. Ефимова, описывая могилу 40, — имеет широкие хронологические рамки, встречаясь в позднесарматских курганах, Салтовском могильнике и однотипных могильниках Северного Кавказа, в позднечувашских курганах и в погребениях Нижнего Поволжья» (*Ефимова*, 1960. С. 191).

Рассмотрим материал погребения 40.

Серьги (рис.1, 1, 2) серебряные, миндалевидной формы. Они имеют пластинчатую основу, на которой укреплена янтарная вставка, окруженная пояском из коротких завитков воздушной скани. Следует отметить, что прием декорировки изделий воздушной сканью чаще всего можно видеть на ювелирных изделиях золотоордынского времени. Заостренный верхний конец серег украшен полушарной вставкой, а по бокам пластинчатой основы проходит волнистый проволочный бордюр. На обратной стороне серег по продольной оси напаяна гладкая проволочка, в нижней части которой припаяны еще две. Концы проволочек заканчиваются петельками для подвесок.

Подобные серьги обнаружены в кургане 7 Чограйского могильника на Ставрополье.

Крючок (рис.1, 3) согнут из серебряной проволоки толщиной около 0,15 см. На одном его конце имеется петля, другой конец заострен. Длина крючка 2,0 см. Вероятнее всего, крючок является составной частью одной из серег с янтарем.

Зеркало (рис.1, 4) изготовлено из оловянистой бронзы. Оно круглое, диаметром 7,0 см. Края частично обломаны. На тыльной стороне по краю проходит слабо выраженный валик. В

центре диска расположена фрагментарно сохранившаяся ручка-петелька. Орнамент представлен в виде двух перекрещивающихся прямых рельефных линий. В соответствии с классификацией изделий из цветных металлов Болгарского городища это зеркало относится к типу В-1-3 (Полякова, 1996. С. 223, 224). В Болгарах известно около 15 целых и фрагментированных зеркал указанного типа. Четыре из них найдены в золотоордынских напластованиях городища, а остальные представляют собой подъемный материал.

Ножницы железные, кованые, сохранились в обломках. Их форму полностью восстановить не удалось, в связи с чем они не могут быть датирующим материалом.

Ткань, представленная небольшим фрагментом, шелковая, шитая золотой нитью. В публикации эта ткань названа парчевой, хотя специальное исследование ее не производилось. Но если эта ткань действительно парчевая, то она относится к золотоордынскому времени. М.В. Фехнер, занимавшаяся изучением восточных и византийских тканей, удалось установить, что начало производства парчевых тканей и их появление в Восточной Европе относится к XIV в. (Фехнер, 1982. С. 67).

Могильник Чограй VIII расположен в Арзгирском р-не Ставропольского края. В 1979 г., при исследовании кургана 7, оказавшегося естественным возвышением, было вскрыто женское погребение, совершенное в могильной яме четырехугольной формы размером 2,5х1,15 м и глубиной около 3,5 м. Костяк лежал на спи-

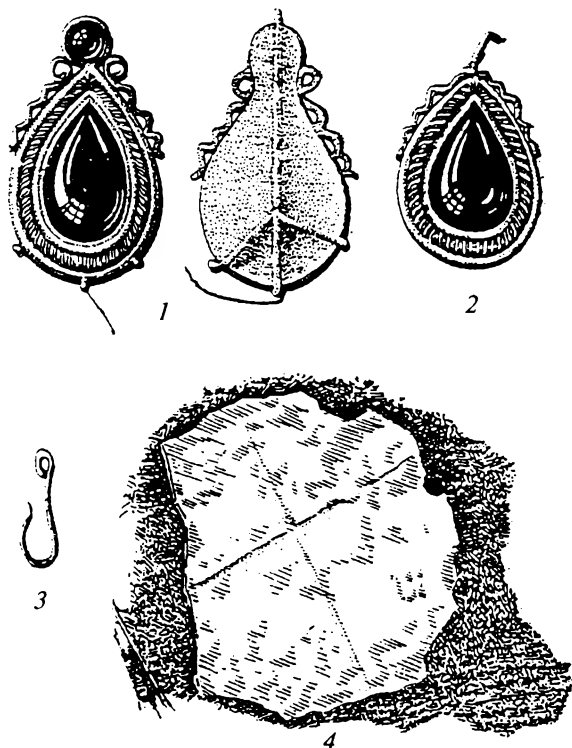

Рис. 1. Вещи из погребения 40 могильника на Бабьем бугре
1, 2 — серьги, 3 — крючок, 4 — зеркало и ткань

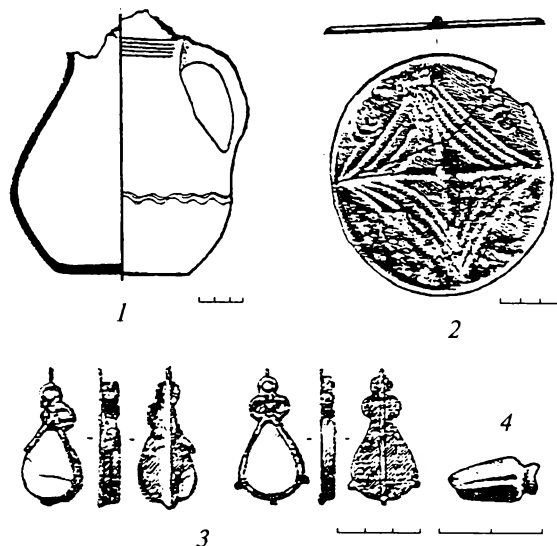

Рис. 2. Вещи из кургана 7 могильника Чограй VIII
1 — кувшин глиняный, 2 — зеркало, 3 — серьги, 4 — бусина кашинная

не, вытянуто, головой на запад. Лицо обращено вверх. Руки вытянуты вдоль туловища. При выборке ямы обнаружены остатки деревянного гроба. У гроба стоял глиняный кувшин, а на его северной стенке лежало зеркало. Во рту и на тазе погребенной обнаружены две серебряные серьги. У пояса найдена кашинная бусина с бирюзовой поливой. Скелет был обернут в темнокрасную шелковую ткань, расшитую золотыми нитями. Под берцовыми костями выявлены остатки кожаной обуви (*Андреева*, 1989. С. 63).

Вещи из погребения (кувшин, зеркало, серьги и бусина) были переданы в 1986 г. в Государственный Исторический музей (ГИМ. Инв. № 106865. Оп. 2610. № 1—5).

Кувшин (рис. 2, 1) красноглиняный, гончарный, грушевидной формы, с одной ручкой. Верхняя часть горла отбита. Сохранившаяся высота сосуда 18,5 см. Тулово имеет небольшое расширение в нижней трети, его диаметр 16,7 см. Ручка прикреплена к горлу и средней части тулова. Поверхность кувшина залощена и украшена прочерченным линейным и волнистым орнаментом. Подобные сосуды встречаются в памятниках Северо-Западного Кавказа, относящихся к позднему средневековью (XIII—XIV вв.), и именно в этот период в указанном регионе получает широкое распространение прием декорирования сосудов волнистым орнаментом (*Носкова*, 1991. С. 159, 176. Рис. 2).

Зеркало (рис. 2, 2) изготовлено из оловянистого сплава. Оно имеет, как и зеркало из погребения 40, валикообразный бортик и ручку-петельку в центре диска. Но орнамент его более сложен. Узор из пересекающихся рельефных линий дополнен вписанными друг в друга ромбами со слегка вогнутыми сторонами, а в сегменты по краю диска нанесены завитки, по-разному исполненные в каждом сегменте. Диаметр зеркала 11,5 см.

Серьги (рис. 2, 3) выполнены из серебра. Как и вышеописанные болгарские экземпляры, они имеют миндалевидную форму и пластинчатую основу. Вставка выполнена из прозрачного стекла и окаймлена узким бортиком. Под вставки подложены перламутровые пластины. Верхний конец серег завершается трехлепестковой розеткой, в лепестки-ячейки которой вставлены костяные шарики. Вдоль нижнего края распо-

ложены три ушка для подвесок. На обратной стороне пластин напаяны продольные узкие полоски. Поверхность серег была позолочена.

Бусина (рис. 2, 4) кашинная, конусовидной формы, с кольцевым ободком на одном конце и продольными каннелюрами, проходящими через весь корпус. Бусина покрыта бирюзовой непрозрачной поливой.

Бусы из кашина с бирюзовой поливой получают широкое распространение в Восточной Европе в золотоордынское время и являются хорошим датирующим материалом.

Итак, чограйское погребение вполне оправданно отнесено автором раскопок М.В.Андреевой к серии позднекочевнических, совершенных в золотоордынское время (*Андреева*, 1989. С. 74).

Приведенное описание обоих погребений дает возможность наметить ряд общих черт как в обряде захоронения, так и в комплексе выявленных в них вещей.

Оба захоронения совершены в глубоких прямоугольных ямах, ориентированных по линии З—В. Костяки располагались вытянуто на спине, головой на запад. Руки лежали вдоль туловища.

Среди небольшого набора погребального инвентаря в обоих захоронениях присутствовали зеркала, отлитые из меди с большим содержанием олова, имеющие валикообразный бортик по краю и ручку-петельку в центре диска, а также парные серьги редкой формы, которые различаются лишь деталями отделки. Генетически они, вероятнее всего, связаны с серьгой, найденной в Китае, в провинции Хунань (*Маршак*, 1982. С. 65). Эту серьгу отличает тончайшая скань, покрывающая ее лицевую сторону. Но, как и болгарские экземпляры, она имеет миндалевидную и круглую вставки и волнистый край. С чонгарскими же серьгами ее сближает, помимо формы, напаянный по краю пластины невысокий бортик. Серьга из Хунани по времени близка «шапке Мономаха».

Таким образом, бытование серег рассматриваемой формы достаточно четко определяется золотоордынским временем.

Все сказанное позволяет относить погребение 40 из могильника на Бабьем бугре к золотоордынскому периоду истории Болгарского городища.

Андреева М.В., 1989. Курганы у Чограйского водохранилища (По материалам экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополя. М.

Ефимова А.М., 1960. Могильник на Бабьем бугре городища Болгары // МИА. № 80.

Маршак Б., 1982. Скань XIII века на Ближнем Востоке // СГЭ. Л. Вып. XLVII.

Носкова Л.М., 1991. Позднесредневековый курганный могильник близ аула Шенджий // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Полякова Г.Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.

Смирнов А.П., Отчет о раскопках в Болгарах в 1947 году. — Архив ИА РАН. Д. Р-1. № 123.

Фехнер М.В., 1982. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // СА. 2.

SUMMARY

G.F. Polyakova

ABOUT DATING OF THE GRAVE 40 OF THE BURIAL GROUND BABIY BUGOR IN BOLGARS

The 40th grave from the burial ground "Babiy Bugor" discovered in 1947 was attributed to a group of nomadic burials and it was dated by the Pre-Mongolian period.

During the excavations conducted at the end of the 1970s in the Stavropol region the artefacts similar to the goods from the grave 40 in the kurgans of the Chogray VIII cemetery were discovered. This artefacts include: mirrors with typical

features (the border on the side and the loop-like handle in the centre) and unique earrings having only one difference in decoration details. Burial rituals of two graves had a lot of common characteristics. According to these characteristics, especially the shape of the vessel and a kashinnay beads with turquoise drawing, the Chogray burial mound is dated by the Late Nomadic Age. The burial of the grave 40 should be dated by this period too.

Список сокращений

АКР	— Археологическая карта России	НВА ГИМ	— Научно-ведомственный архив Государственного Исторического музея
АО	— Археологические открытия		— Отчет (Императорской) археологической комиссии
АП	— Археологічні пам'ятки	ОАК	— Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
АС	— Археологический съезд		— Повесть временных лет
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа	ОИПК ГЭ	— Полное собрание русских летописей
ВАУ	— Вопросы археологии Урала	ПВЛ	— Российская Академия наук
ГИМ	— Государственный Исторический музей	ПСРЛ	— Российская археология
ДАН	— Доклады Академии наук	РАН	— Российский Государственный архив древних актов
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.	РА	— Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
		РГАДА	— Российский исторический музей
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества	РИАМЗ	— Советская археология
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук	РИМ	— Свод археологических источников
ИАК	— Известия археологической комиссии	СА	— Сообщения Государственного Эрмитажа
ИИМК	— Институт истории материальной культуры	САИ	— Советская этнография
ИОЛЕАиЭ	— Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии	СГЭ	— Труды отдела древнерусской литературы
		СЭ	— Труды секций археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
КСДК	— Культура смоленско-полоцких длинных курганов	ТОДРЛ	— Центральные научно-реставрационные проектные мастерские Министерства культуры Российской Федерации
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР	ТСА РАНИОН	— British Archaeological Reports
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры	ЦНРПМ	
МАО	— Московское археологическое общество		
МАР	— Материалы по археологии		
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР	BAR	
МИСО	— Материалы и исследования по истории Смоленской области		

Содержание

Введение	3
Памяти М.В. Фехнер (1909–1996 гг.)	5
Список основных работ М.В. Фехнер	6
<i>М.В. Фехнер.</i> Ткани из Гнёздова	8
<i>И.В. Кураев.</i> Историография курганов Ярославского Поволжья	11
<i>В.В. Мурашева.</i> Курган 1 из Михайловского (<i>Опыт атрибуции и датировки</i>)	25
<i>Т.А. Пушкина.</i> Трилистные скандинавские фибулы на территории Восточной Европы	35
<i>В.Я. Петрухин.</i> “Сага о Волсунгах” на “Восточном пути”	43
<i>Е.Ю. Новикова.</i> Подвески-маски из кладов Швеции, Восточной Прибалтики и Древней Руси	47
<i>Н.В. Ениосова, Р.А. Митоян.</i> Тигли Гнёздовского поселения	54
<i>Н.В. Ениосова, В.С. Нефедов.</i> Погребение странствующего ювелира X в. близ д. Лопино под Смоленском	64
<i>Т.Г. Сарачева.</i> Инструменты для нанесения декора на вятичские украшения	74
<i>В.Л. Егоров.</i> Сложение полиэтнического Древнерусского государства	82
<i>В.С. Нефедов.</i> Коллекции из раскопок В.И. Сизова и М.Ф. Кусцинского на западе Смоленской губернии (<i>Опыт восстановления вещевых комплексов</i>)	92
<i>Н.И. Асташова.</i> Хронология смоленских древностей	111
<i>Н.В. Сапожников.</i> Церковь XII в. на улице Соболева в Смоленске	120
<i>М. И. Гоняный.</i> Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье	128
<i>С.В. Шполянский.</i> Перемышль Московский: к вопросу о времени возникновения и статусе города	147
<i>Н.А. Кирьянова.</i> Зерновые материалы из раскопок Ростова Великого	155
<i>А.Е. Леонтьев.</i> Детали судов и лодок X–XIII вв. в археологической коллекции Ростова Великого ..	159
<i>И.А. Сумина.</i> Металлические перстни средневекового Белозерья	167
<i>Н.Г. Недошивина.</i> Любечский клад	190
<i>Н.В. Тухтина.</i> Пластина с изображением всадника с острова Вайгач	198
<i>Г.Ф. Полякова.</i> О дате погребения 40 из могильника на Бабьем бугре в Болгарах	201
Список сокращений	205

Contents

Introduction	3
In memory of M.V.Fekhner (1909–1996 rr.)	5
The list of the main works M.V.Fekhner	6
<i>M.V. Fekhner</i> . Fabrics from Gniezdovo	8
<i>I.V. Kuraev</i> . Historiography of the burial mound cemeteries in Yaroslavl Volga region	11
<i>V.V. Murasheva</i> . Mound 1 from Mikhailovskoye (<i>The attempt of attribution and dating</i>)	25
<i>T.A. Pushkina</i> . The trefoil Scandinavian brooches on the territory of the East Europe	35
<i>V.Ya. Petrukhin</i> . “Saga about Volsung” in the “Eastern way”	43
<i>E.Y. Novikova</i> . The face-shaped pendants from hoards of Sweden, Baltic region and Ancient Russia	47
<i>N.V. Eniosova, R.A.Mitoyan</i> . Metal melting crucibles from Gniezdovo	54
<i>N.V.Eniosova, V.S.Nefedov</i> . The grave of an itinerant jeweller of the Xth century close to Lopino village near Smolensk	64
<i>T.G. Saracheva</i> . Tools for decoration of Vyatich ornaments	74
<i>V.L.Yegorov</i> . Formation of the polyethnic Ancient Russian state	82
<i>V.S. Nefedov</i> . The collections from the V.I.Sizov’s and M.F.Kustsinsky’s excavations in the West of Smolensk region (<i>The attempt of the reconstruction of the artefact complexes</i>)	92
<i>N.I.Astashova</i> . The Chronology of the archaeological finds from Smolensk	111
<i>N.V.Sapognikov</i> . The church of the XIIth century from Sobolev street, Smolensk	120
<i>M.I. Goniany</i> . Archaeological sites of the initial stage of Slavic colonization in the middle part of the Pakhra river basin in Moscow region	128
<i>S.V. Shpolyansky</i> . Moscow Peremishl: the time of its origin and the town’s status	147
<i>N.A. Kiriyanova</i> . Grain-growing materials from the excavations in Rostov the Great	155
<i>A.E. Leontjev</i> . The details of vessels and boats of the Xth–XIIIth centuries in the archaeologic collection from Rostov the Great	159
<i>I.A. Soumina</i> . The metallic finger-rings from the Medieval Belozeriye	167
<i>N.G. Nedoshivina</i> . The Ljubech hoard	190
<i>N.V. Tukhtina</i> . The plate with the image of the horseman from the Vaigatch	198
<i>G.F.Polyakova</i> . About dating of the grave 40 of the burial ground Babiy Bugor in Bolgars	201
The list of abbreviations	205

Научное издание
Труды Государственного Исторического музея
Выпуск 111

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК
ПАМЯТИ МАРИИ ВАСИЛЬЕВНЫ ФЕХНЕР**

Редакционно-издательский центр ГИМ
Заведующая *Т.А. Кравченко*
Редактор *Л.И. Тормозова*
Художественный редактор *И.К. Борисова*
Технический редактор *Л.В. Жигульская*
Компьютерные работы: *В.В. Смирнов*

ЛР № 02048 от 14.04.97

Формат 60х84¹/₈. Бумага Офсет № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Печ. л. 26,0. Уч.-изд. л. 26,0. Тираж 1000 экз.

Государственный Исторический музей
103012, Москва, Красная Площадь, д. 1/2

Типография ГЦМПП

Более 50 лет работала в Государственном Историческом музее Мария Васильевна Фехнер — его старейший научный сотрудник. Более 100 ее статей о раннем средневековье Древней Руси было опубликовано. Исследовательница оставила о себе светлые воспоминания у всех, кто работал с ней в стенах музея.

